

*Памяти моего отца,
Матвейчева
Анатолия Константиновича,
посвящается...*

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2Рос)
М 33

Исключительное право публикации книги Олега Матвейчева «Повелительное наклонение истории» принадлежит ООО «Издательство «Эксмо». Выпуск произведения или его части без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Дизайн переплета *Ю. А. Новикова*

Книга издана при участии
ООО «Издатель Пудовкина Людмила»

Матвейчев О.

М 33 Повелительное наклонение истории. — М.: Эксмо, 2010 — 464 с.
ISBN 978-5-699-40830-6

Новая книга известного философа, политолога и политтехнолога Олега Матвейчева как всегда разоблачает мифы массового сознания. Книга неожиданна и полна парадоксальных утверждений: «Россия всегда была самой трезвой страной мира», «Греки проиграли троянскую войну, а Гомер был первым фальсификатором истории», «Сталинские репрессии — выдумка»...

Автор предлагает оригинальную программу выхода из мирового кризиса, включающую полную отмену налогов, авторского права и многое другое. Самое интересное, что все это вполне серьезно и глубоко обосновано.

Эта книга для всех, кого интересует свежий взгляд на прошлое, настоящее и будущее.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-699-40830-6

© ООО «Издательство «Эксмо»,
2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вместо предисловия расскажу бородатый анекдот, который? возможно, не известен молодому поколению, и, возможно, забыт поколением старшим. Ученые решили поставить эксперимент и узнать, чей интеллект сильнее: алкоголика или обезьяны. Повесили на столбе для обезьяны банан, для алкоголика — бутылку водки. Обезьяна прыгала-прыгала, устала, села, подумала, взяла палку и сбила банан. Алкоголик же продолжал прыгать до изнеможения. Ученые его стали жалеть: «Мужик, ну ты отдохни, сядь, подумай!». А он в ответ: «Че тут думать? Прыгать надо!».

В самом деле, нельзя сказать, что пьяница занимается чем-то бесцельным. Наоборот, для него цель вполне очевидна, вот она, перед глазами, дело только в недостатке энергии, ресурсов... Не смешно, а трагично, что каждый из нас каждый день и 100 раз в день ведет себя как этот алкоголик, который прыгает там, где надо подумать. Но еще трагичнее, что подобным же образом ведет себя вся страна и даже весь мир. Мы слишком деятельны и упорны, слишком помешаны на проектах и управлении, даже в кризис мы продолжаем работать с удвоенной энергией, тогда как самое разумное — остановиться и подумать...

В любой армии есть командирская пирамида, занимающаяся непосредственным управлением, организацией, распоряжениями, и есть штаб, который занимается только стратегией, чертит стрелочки и схемы. Пирамида командиров не может заменить штаб, потому что ей некогда думать, она занята текучкой. Следовательно, стратегия в армии без штаба будет всегда реактивной и случайной, а сама структура, при всей

ее лихорадочной деятельности, — бессмысленной и неуправляемой.

В мире нет структуры, которая бы несла функции штаба для всей Земли. Различные мозговые тресты часто преследуют интересы заказчиков. В нашей стране тоже нет структуры, выполняющей роль штаба. Наши руководители, как те генералы и офицеры, которые заняты текучкой и забыли, когда последний раз оставались и думали. Потребность в размышлениях и штабах не ощущается именно потому, что цели кажутся очевидными, стратегия уже наличествующей. А если чего-то недостает, то ресурсов и энергии...

Данная книга исходит из того, что современному миру вообще и нашей стране в частности не хватает прежде всего размышлений, а не тупого активизма, не хватает философов, а не менеджеров.

В «Повелительном наклонении истории» рассматриваются и проблемы, нашедшие отражение в моей книге «Суверенитет духа», и новые проблемы, которые остро стоят перед нашей страной и перед всем миром. Каждой проблеме посвящена отдельная глава. Поэтому не только всю книгу, но и каждую главу в отдельности можно читать совершенно самостоятельно. Это удобно. Не надо выделять большой отрезок времени из своей жизни целиком. Прочитал статью — отложил книгу, подумал. Ведь у книги нет более важной задачи, чем пробудить мышление.

ПРОБЛЕМА № 1

Как определить, что является важнейшей проблемой общества? Спрашивать об этом людей бесполезно. Они будут повторять то, что им навязали СМИ. У людей могут быть разные мнения насчет того, как проблему решать, но по поводу самих проблем есть определенный консенсус. Функция СМИ только в том и состоит, чтобы навязывать проблемы, а не подсказывать решения. Именно эту роль СМИ выявила теория так называемой «повестки дня».

В начале XX века вместе с появлением средств массовой информации возникли две теории, описывающие влияние СМИ на общество. Согласно первой потребитель — свободный человек, способный критически оценивать информацию и формировать на ее основе собственное мнение. При этом СМИ — всего лишь независимые ретрансляторы объективных фактов и различных точек зрения.

Вторая теория утверждала прямо противоположное: СМИ никогда не бывают независимы, все факты они излагают тенденциозно, навязывая определенную позицию. Потребители же подобны «стаду баранов», напрочь лишены критической оценки и впитывают все, что впаривают им СМИ.

Обе эти теории не выдержали проверки ни логикой, ни историческим опытом. Только во второй половине XX века появилась теория, более-менее адекватно описывающая отношения между СМИ и обществом, — теория «повестки дня». В соответствии с ней из всей совокупности событий и проблем СМИ выбирают лишь некоторые — те, которые в данный момент будут рассматриваться как самые важные. Эти

темы попадают в «повестку дня». В свою очередь, потребители, как свободные люди, самостоятельно формируют свое мнение и отношение, но именно к тем фактам, темам и событиям, которые вошли в повестку дня. Одним словом, «да» или «нет» говорит зритель (слушатель, читатель), но вопрос навязывают СМИ.

Постановка вопроса открывает огромный простор для манипуляций. По мнению аналитиков, если бы в 1995 году во время президентских выборов в России на повестке дня стоял вопрос: «Вы за войну в Чечне или против?», — то победил бы Зюганов. И при формулировке: «Вы против задержек зарплат и пенсий или нет?» — опять побеждал Зюганов. Но повестку дня переформулировали по-другому: «Вы за прошлое или за будущее?». Из СМИ практически исчезли репортажи о Чечне, в том числе позитивные. Не стало и репортажей о зарплатах и пенсиях, даже когда власти могли похвастаться успехами. Зато нагнетался антисоветский пафос, а с Ельциным ассоциировался образ возможного светлого будущего.

Получается, если бы американцев спросили, какая для них проблема наиболее важна и опрос бы проводился 10 сентября 2001 года, то наверняка они бы говорили о налогах и здравоохранении. Но 11 сентября для них главной проблемой стал мировой терроризм, и это показали бы все опросы, хотя в обществе за один день вряд ли что-то изменилось существенно, ведь терроризм реально задел очень малое число людей.

В этих условиях очень важно знать, кто формирует пресловутую «повестку дня», кто в СМИ решает, что показывать, а что не показывать, что давать первой новостью, а что второй, чему уделять пять минут, а чему две минуты, что продолжать показывать на следующий день, а что забыть сразу после одного показа.

Наивно думать, будто какие-то банкиры и «мировая закулиса» сидят и диктуют каждому журналисту, какую тему освещать, а какую не трогать, тем более, как именно освещать. Такой контроль невозможен не

только в так называемых демократических странах, но и в Северной Корее. Нереально журналисту получить новость, потом у кого-то спрашивать разрешение на интерпретацию, а потом выдавать в свет. Зачем тогда вообще журналист? Скорость журналистской работы не позволяет совершать столько транзакций. Возможно лишь редкое оперативное вмешательство, но в постоянной текущей деятельности журналисты контролируют себя сами и четко знают, что должно быть первой новостью, что второй и так далее.

В мире ежедневно случается миллион событий, но мировые СМИ как по команде выбирают именно то, что они выбирают. То же самое происходит и в России. Не сговариваясь, информационные агентства, радио, ТВ, ежедневные газеты берут именно то, что берут, и разночтение в формируемой повестке дня минимальны. Если «Ведомости» поставят на первой полосе то, что «Коммерсант» на второй, это уже повод для сплетен в журналистской среде.

Журналист тем и отличается от простого человека, что обучен отбирать новости и преподносить их. Обучен некому профессиональному стандарту. Умеет определять, что новость, а что нет, что важная новость, а что так, мелочовка. Но откуда берутся эти профессиональные стандарты, которые вбиты в голову всем журналистам и позволяют им самостоятельно контролировать себя?

В СССР стандарты определялись аппаратом ЦК КПСС. Первой новостью обязательно шло международное событие и заявление нашей стороны на международной арене, затем новости внутренней экономики, а не политики (например, уборочная страда), затем передовики производства и так далее. В конце — «критика отдельных недостатков». Все возможные катастрофы вообще старались не показывать. При этом часто собственно новостью были только первые новости, поскольку действительно какое-нибудь заявление о разоружении или запуск спутника были актуальны. А вот что касается «пере-

довиков производства», их можно было показывать в любой день...

Немудрено поэтому, что с разрушением СССР в СМИ пришла новая когорта журналистов, которые называли советское «племя» непрофессионалами, так как старики «не умели делать новости», не владели новым стандартом.

Новый стандарт получали на стажировках в США либо на семинарах американских некоммерческих негосударственных организаций. Была такая, например, организация — «Интерньюс». Занималась она совершенно «благородным» делом: обучала журналистов профессионально работать, причем бесплатно. Десятки тысяч журналистов России прошли через семинары этой организации, а «кровавый путинский режим» ее прикрыл: этим «кагэбэшным параноикам» казалось, что организация учит журналистов чему-то плохому и антироссийскому, тогда как она, пушистая такая, всего лишь учила «профессионально работать»...

На самом деле журналистам под видом простого и объективного профессионализма, который якобы вне политики, вколачивали в мозги американские стандарты. После того, как стандарт вколочен, просмотр наших СМИ будет всегда вызывать стойкое ощущение, что они работают по заказу «вашингтонского обкома». Если журналистам сказать, что они работают на американцев, «акулы пера» плюнут вам в лицо и скажут, что совершенно свободны, американцы им ни разу не звонили и денег не платили, наоборот, несколько лет назад бесплатно обучили профессиональным навыкам. А вот наши власти, дескать, все время мешают свободной работе СМИ, все время диктуют, вмешиваются, тоталитарные такие...

Наши бедные власти не знают, что делать, ведь журналисты все время бредут куда-то не туда, все время показывают что-то не то, а одергивать их каждый день сил нет, приходится звонить и орать только в самых вопиющих случаях, чем опять подтверждать имидж «душителей свободы».

Все просто: дело в инсталлированном в их журналистские головы чужом профессиональном стандарте, который работает все время без всякой команды из Вашингтона и самому носителю этого стандарта кажется чем-то независимым и аполитичным.

Ребят всего лишь учили, что журналисты не «четвертая власть», а первая, все они одна банда и должны держаться друг за друга, что первой новостью всегда должно быть любое ущемление прав журналиста или его убийство, если они, конечно, случились. Второй новостью надо показывать катастрофы, природные и техногенные, дальше — новости политики по принципу «новость есть то, что кто-то хотел бы скрыть». «Кто-то» — это, конечно, власть, она же всегда все скрывает... Этих журналистов скрытно уже специально науськивают против власти, ведь изначально предполагается, что СМИ — это добро, а власть — зло. Удобно, не правда ли? И так просто... Никаких тебе «передовиков производства», «уборочной страды» и «проблем простых людей».

На семинарах нашим журналистам объяснили: «Когда собака покусала человека — это не новость, новость — это когда человек покусал собаку». Поэтому обученные журналисты будут показывать маньяков, катастрофы и экстремальные явления, которые по определению являются не болезнью общества, а чем-то временным — пришло-ушло. Обыденную же скучную укоренившуюся болезнь общества и проблему такие стандарты СМИ как раз и проигнорируют, причем принципиально.

СМИ, формирующие «повестку дня» по таким стандартам, будут формировать и у зрителей-читателей-слушателей соответствующую картину мира, где некоторые серьезные проблемы будут глубоко на периферии, а всякий информационный мусор — перед глазами.

Простой пример: от отравления суррогатным алкоголем в России за год умирает порядка 50 тысяч человек. Не вообще от алкоголя, а только от суррогатных отравлений!

Много это или мало? Каждый год с карты России как бы исчезает целый город (районный центр) только по одной этой небольшой причине. В год умирает по этой причине в три раза больше людей: чем убито за всю войну в Афганистане за девять лет! В год умирает в пять раз больше, чем убито за две чеченских войны! И это в 25 раз больше, чем погибло в Цхинвале во время вторжения Грузии! Да и вообще в умирающем за год маленьком городе России жило больше людей, чем во всей Южной Осетии. Но вспомните, сколько сюжетов СМИ вы видели про суррогаты и отравления за год и сколько новостей, причем «горячих и главных», шли во время осетинской и во время чеченской войны. А сравните это все с кучей новостей про теракты или простые крушения самолетов, в которых и гибнет-то всего по несколько сотен человек!

По какому праву и с какой пользой показывается то или иное событие? Привлечение внимания к очередному алкашу, отравившемуся денатуратом, по крайней мере имеет воспитательный и предупредительный эффект: дескать, смотрите люди, не пейте! Это и сигнал для милиции, дескать, работайте лучше, за вами следит око общества, это вообще сигнал властям о проблеме.

Теперь посмотрим, какой смысл в показе катастрофы самолета. Родственники и так все знают, они связываются с авиакомпаниями и МЧС, показывать же их слезы просто безнравственно. Предупредить об опасности такой репортаж тоже никого не может, разве что разовьет у особо впечатлительных аэрофобию. И зачем все это нужно? А затем, чтобы забить эфир якобы чем-то ярким, приковать внимание, получить зрительский рейтинг, поспекулировать на любопытстве обывателя и, главное, отвлечь от реальных проблем общества.

Какие же проблемы реальны? Если попытаться свети все проблемы общества к одному интегральному показателю, то не найдете ничего лучше, чем показатели рождаемости и смертности, или даже точнее: роста населения и убыли населения. Действительно, что

есть беда для общества? Не мелкая катастрофа, а именно беда? Это война, геноцид, эпидемия, голод, холод... Факторы, которые резко сокращают число членов общества. И наоборот: что благо? Хорошее медицинское обслуживание, богатство, видение перспективы, отсутствие страха за завтрашний день, наличие работы, нравственные устои. Все это ведет к росту рождаемости и приросту населения, а также притоку в страну людей, которые бы хотели видеть это общество своей родиной, поскольку оно благополучное.

Россия находится в уникальном положении в мире: она сочетает в себе **низкую европейскую рождаемость и высокую африканскую смертность**. Нас мрет больше, чем жителей Гондураса и Камбоджи... Темпы убыли населения в России как нигде в мире! За 17 лет, с 1992 года по 2008 год, в России общая смертность превысила общую рождаемость более чем на 13 миллионов (официальные данные Росстата). В среднем ежегодная убыль населения страны составляет 774 649 человек.

Причин убыли населения много: тут и низкая рождаемость, как в Европе и Японии, и многое другое. Но Европа уже бьет тревогу по этому поводу, ведь низкая рождаемость аукнется им огромными проблемами в будущем, уже аукнется.

Но нам бы их проблемы! Мы кроме того, что не рождаем, еще и умираем так, будто у нас война или эпидемия.

Аналитика показывает, что у нас аномально высокая смертность не среди стариков, а именно среди людей среднего возраста, причем именно мужчин. Продолжительность жизни мужчин в России на 14 лет меньше, чем у женщин, такого нет ни в одной стране мира. При нынешнем уровне смертности лишь 42 % 20-летних мужчин имеют шанс дожить до 60-летия. Тогда как 90 % англичан до пенсии доживут. Мрут наши мужчины если не в автокатастрофах и войнах и не от рук преступников, то от загадочных сердечно-сосудистых заболеваний... Один из демографов так прямо и сказал: мол, кто найдет разгадку этой мужской

молодой смертности, тот поймет корень всех проблем России.

На самом деле далеко ходить не надо, эта загадка «секрет Полишинеля». Известно, что смертность среди мужчин на воле в России в три раза выше, чем среди мужчин этого же возраста, находящихся в местах лишения свободы. Будь у нас все больные сердцем, то именно тяжелое существование на зоне вело бы к повышенной смертности среди данного контингента, а такое впечатление, что зона — это не трудная жизнь для мужчин, а чуть ли не санаторий. Как же так? Ведь на зоне работа тяжелее, еда хуже, плюс стресс... Все просто: на зоне и правда мужчины ведут более здоровый образ жизни, даже притом что все они там поголовно курят. Так что же отличает их образ жизни от образа жизни на воле? Только одно. Пьянство. У $2/3$ умерших мужчин трудоспособного возраста в России, независимо от причины смерти, находят в крови алкоголь. У граждан России этой возрастной группы уровень смертности значительно выше, чем в странах Западной Европы: в пять раз у мужчин и в три раза у женщин.

Не будем повторять традиционные демографические и медицинские аргументы, поговорим о пьянстве в другом аспекте.

Мы часто воспринимаем такие понятия как государство и общество натуралистично: как некие объекты, существующие где-то вне нас и помимо нас, наподобие природных. Однако это не так: никакое государство не существует без нашего сознания. И каким будет наше сознание, таким будет и наше государство. Поэтому удар по государству или обществу — это всегда удар по сознанию. Всякая война есть прежде всего война за сознание, и всякий ущерб сознанию отразится на государстве.

Гораздо эффективнее можно разрушить общество не пушками и танками, не экономическими и финансовыми кризисами, а любыми способами, разрушающими сознание и дух. Больной дух сам порождает

многочисленные экономические, политические и прочие проблемы и не способен их решить, не излечившись. А тем более ему не под силу породить какую-то высшую форму общества, стать мировым лидером хоть в чем-то и подвигнуть себя на исторические свершения.

Казалось бы, это очевидно и понятно, но сплошь и рядом умные люди, элита, интеллигенция предлагают политические и даже экономические меры по оздоровлению общества, в то время как сознание членов этого общества находится в критическом, бессознательном состоянии и разрушается прямо, без всяких политических и экономических опосредований.

Особо «продвинутые» говорят о влиянии на сознание СМИ, об информационной войне, манипуляциях и проч. Все это верно, но прежде чем работать на этом более тонком уровне, стоит разобраться с прямыми и более тяжелыми поражениями сознания, ведущимися ежечасно в массовом масштабе и без всяких СМИ.

Речь идет о пьянстве. Это проблема № 1 для нашей страны, проблема, которая, подчеркнем особо, не следствие большинства наших проблем, как любят повторять иные псевдоинтеллектуалы, а именно их причина. С ней надо бороться непосредственно, не пытаясь решить иные проблемы, чтобы потом проблема пьянства решилась (ага, щас!) как-то сама собой. Более того, решение остальных проблем обречено на абсолютную неудачу, если мы с самого начала не возьмем за проблему пьянства.

Некоторые публицисты, борцы с «мифами массового сознания», пытаются доказать, что никакой проблемы нет. Дескать, французы с итальянцами пьют не меньше нашего, и ничего с ними не делается. Во-первых, пьют они уже меньше нашего, во-вторых, пьют не крепкий алкоголь, в-третьих и у них дела весьма неважные, и неизвестно, что будет с французами да итальянцами через полвека: останутся ли они вообще или в их странах будут жить непьющие арабы.

Точных оценок уровня потребления алкоголя в мире не существует. Однако ВСЕ методики, имеющиеся сегодня в наличии, показывают, что Россия находится на одном из первых мест в мире по уровню потребления чистого алкоголя на душу населения (конкурентами выступают Украина, Молдавия, Ирландия). По оценке Всемирной Организации Здравоохранения, за последние годы — это от 14 до 25 литров чистого алкоголя. В пересчете на спирт: 14 литров и на душу старика, и на душу младенца, и на женщин, которые пьют меньше или не пьют вообще. При этом, даже если показатель равен 8 литрам, ситуация в обществе считается опасной. Растет смертность непосредственно от алкоголя, от отравлений. Растет смертность от заболеваний, которые алкоголь усугубляет или вызывает (прежде всего сердечно-сосудистые заболевания), от которых у нас в стране и мрут мужчины среднего возраста, но никто не хочет сознаться, что причина алкоголь. Растет число убийств и прочих преступлений. Да что там говорить — подавляющее число преступлений и правонарушений совершается в нетрезвом виде: в России это примерно половина всех преступлений. С алкоголем связаны: 72 % всех убийств, 42 % самоубийств, 52,7 % смертей от аварий, травм и других внешних причин, 67,6 % смертей от цирроза печени, 26 % от сердечно-сосудистых заболеваний. По данным МВД РФ за 2004 год ежегодно около 30 тысяч несовершеннолетних осуждаются за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. Практически 100 % осужденных за хулиганство совершали проступки будучи пьяными.

Растет число дорожно-транспортных происшествий, техногенных катастроф, в которые тоже чаще всего попадают в пьяном виде или по пьяной халатности. Смертность несовершеннолетних от несчастных случаев в России в 10 раз выше, чем в странах Запада, а смертность от травм в результате падения — в 20 раз (по данным ВОЗ за 2007 год). По состоянию

на 2002 год смертность от умышленных повреждений в РФ превышала тот же показатель в США в четыре раза (данные ВОЗ). Эта смертность в значительной степени связана с алкоголем. Каждое 13-е ДТП в РФ совершено водителем в нетрезвом состоянии. И 60 % пострадавших в ДТП сами были нетрезвы. Причем по последствиям такие дорожно-транспортные происшествия самые тяжелые.

Снижение душевого потребления спирта на 1 литр в год снижает смертность в стране на 2-3 %...

Падает рождаемость. Даже небольшой ее рост в последние годы — мизер и вызван тем, что в детородный возраст вступило последнее крупное поколение, родившееся еще при СССР. А вот через несколько лет рождаемость будет сокращаться катастрофически. Падает производительность труда — ключевой экономический показатель. Все экономические цифры от лукавого: скажите мне, какая у вас производительность труда, и я скажу вам, какая у вас экономика. Пьяный народ не может, даже при наличии условий, ресурсов, техники дать хорошую производительность труда. Он просто не освоит эту технику, скорее, сломает ее. Пьяный не способен на инновации, а это основа будущей экономики. В пьяном обществе неизбежно будет сокращаться рост валового внутреннего продукта. В пьяном обществе неизбежно растут лишние бюджетные расходы на медицину, милицию, армию, а также на предупреждение правонарушений, содержание заключенных... Лишение родительских прав чаще всего происходит по причине алкоголизма родителей. Половина воспитанников детских домов имеют признаки алкогольного отравления в возрасте плода. Но самое страшное, общество культурно деградирует, становится отвратительным, не может претендовать на мировое лидерство, наоборот, выглядит как потенциальная жертва, как вредный паразит на мировой арене.

Без решения проблемы пьянства, проблемы прогрессирующей, у России нет будущего. Хотят того или

нет нынешние руководители, им придется это делать, ведь само не рассосется. Да, страшно, но придется проблему решать, и это легче сделать, если мы разоблачим ЧЕТЫРЕ устойчивых мифа.

1. Русские во все века пили, пьют и будут пить.

2. Государство понесет убытки, лишившись водочных доходов.

3. Если запрещать пить, люди будут гнать самогон, травиться суррогатами.

4. Борьба с пьянством всегда неэффективна, хоть при Рузвельте, хоть при Горбачеве.

Давайте последовательно разоблачим эти чудовищные заблуждения.

МИФ ПЕРВЫЙ. Русские во все века пили, пьют и будут пить.

Древние славяне не знали не только водки, но и вина. Они пили мед, производство которого по масштабам не может сравниться с производством вина из винограда. Недаром «по усам текло, а в рот не попало». Сброженный мед из-за дороговизны был малодоступен и потому присутствовал на столах исключительно у князей и бояр. Крепость его сравнима с пивом (пиво, кстати, тоже бывало и тоже очень дорогое: тратить ячмень, выращенный в условиях рискованного земледелия, на алкоголь — огромная роскошь). Поэтому даже богатые имели мед-пиво по праздникам. Простые же люди могли прожить жизнь и так ничего веселящего и не попробовать (даже в XIX веке).

У нас нет праздников, связанных с вином и питьем, хозяйственных ритуалов, нет богов вина и виноделия, каковых полно в странах Европы. В сказках и былинах нет специфических сцен, связанных с пьянством, в исторических документах отсутствуют соответствующие статьи доходов или расходов. В «Русской правде» и иных законах, как и в церковных поучениях тех лет, нет наказаний за пьянство и осуждений пьянства. Явный признак того, что данный порок был вообще неактуален. Вот в Риме, например, ограничений было

много, так и пили там будь здоров. Имелись ограничения в Греции, Карфагене, Индии, Китае, Египте. Это традиционные страны виноделия и пивоварения. Для России спиртное — дорогой импортный товар, а покупать всегда предпочитали необходимое, а не роскошь.

Поэтому когда вся Европа пила вино в пресловутые Средние века (вспомним знаменитое студенческое «если насмерть не упьюсь на хмельной пирушке»), Русь была трезвой. Ситуация стала меняться только к XV веку, когда арабское изобретение — водка (алкоголь — слово арабское) через различных, прежде всего генуэзских, купцов стало проникать в Западную Русь — Великое Княжество Литовское.

Напомним, что под властью Литвы оказались ослабевшие от монгольских набегов нынешние Украина и Белоруссия. Княжество это сейчас либеральные историки мыслят как «европейскую альтернативу развития России» в противоположность «азиатской альтернативе» — Московии. Непонятно только, как эта «альтернатива» в середине XVI века влилась в Польшу, стала ее вассалом, исчезла как суверенное государство.

Вместо того чтобы слушать домыслы либеральных историков, послушаем современника этого процесса упадка — Михайло Литвина, написавшего книгу на латинском языке об упадке нравов: *«Силы москвитян... значительно меньше литовских, но они превосходят литовцев деятельностью, умеренностью, воздержанием, храбростью и другими добродетелями, составляющими основу государственной силы... Московиты... до такой степени воздерживаются от употребления пряностей, что даже при изготовлении пасхальных яств довольствуются следующими приправами: грязноватую солью, горчицею, чесноком, луком и другими плодами собственной земли; так поступают не только простолюдины, но и вельможи, даже сам великий князь, отнявший у нас много крепостей... Между тем, литовцы питаются дорогими иноземными яствами и пьют разнообразные*

вина, отчего происходят различные болезни. Подобно москвитянам, и татары, и турки, хотя владеют областями, производящими вино, но сами его не пьют, а продают христианам, получая за него средства для ведения войны, так как они убеждены, что исполняют волю Господню, если каким бы то ни было образом истребляют христианскую кровь... Так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся ремесленниками, прилежно изготавливающими различные изделия; они снабжают нас деревянными чашками и посохами, также седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием, получая за эти предметы наше золото... Наши предки также избегали иноземных яств и напитков; трезвые и воздержанные, они полагали свою славу в военном деле, все удовольствие в оружии, конях, большом количестве слуг и вообще во всем, что проявляло твердость и храбрость, необходимые для ведения войны. Они не только отражали нападения соседних народов, но раздвинули свои пределы от одного моря до другого, и враги называли их "Храбрая Литва"... Сейчас... в городах литовских самые многочисленные заводы — это броварни и винницы. Литовцы возят с собой пиво и водку в военные походы и даже тогда, когда съезжаются, чтобы присутствовать на богослужении. Они так привыкают к этим напиткам дома, что если во время похода случится пить воду, они, вследствие непривычки, гибнут от поноса и дизентерии. Крестьяне, не радея о земледелии, собираются в корчмах, пьянствуют там день и ночь, забавляясь пляскою ученых медведей под звуки волынки... День у нас начинается питьем водки, еще лежа на кровати кричат: «Вина, вина!» и затем пьют этот яд мужчины, женщины и юноши на улицах, на площадях, даже на дорогах; омраченные напитком, они не способны ни к какому занятию и могут только спать».

Действительно, демократия и европейская альтернатива! Именно в это время Лютер говорил, что Германия зачумлена пьянством, а в Лондоне пастор Уильям Кент разводил руками по поводу своих прихожан: смертельно пьяны!

В России, которая переживала огромный религиозный подъем, принципиально не могло быть такого: в стране, где каждый, входя в избу, сначала крестился на иконы, а уж потом здоровался, отлучение от причастия за однократное употребление вина более чем на полгода было тяжчайшим наказанием. Кроме того, уже со времен Василия Темного и Ивана III была введена государственная монополия на спиртные напитки. Они продавались только иностранцам. Русским «за исключением нескольких дней в году пить было просто запрещено», — отмечал современник С. Герберштейн. Производить хмельные напитки также было запрещено: все пойло, что казна покупала на внешнем рынке, иностранцам, жившим в России, и спаивалось. Ну разве что чуток перепало и нашим горожанам в корчмах в особые дни.

В XVI веке Иван Грозный отменил корчмы и открыл «царев кабак». Заметим, единственный! В кабаке, в отличие от корчмы, не было закуски, туда допускались простые мещане и крестьяне, а не только дворяне и иностранцы. К тому же, кабак отдавался на откуп, то есть царь распрощался с монополией. Водка была 14° и продавалась на розлив. Навынос можно было брать только ведро, а это мог позволить себе только очень богатый дворянин или иностранец.

В России действовала многослойная система, противостоящая пьянству:

1. Суровая природа, не способствующая производству алкоголя и делающая его дорогим.

2. Требования аскетичной трудовой морали, которая опять же диктовалась суровой природой.

3. Государственный контроль за потреблением и оборотом алкоголя,

4. Активное осуждение пьянства со стороны Церкви, что в условиях тотальной набожности, когда большинство называло себя в первую очередь не русскими, а именно христианами (от чего произошло самоназвание «крестьянин»), было очень существенно,

5. Осуждение со стороны «мира», крестьянской общины. Индивидуальных хозяйств в России не было, а значит, попытка любого мужика «злоупотреблять» сразу же пресекалась «всемирно». Пить могли только беглые, откупные, казаки, ушедшие на заработки, помещики и горожане. А это все вместе составляло не более 7 % населения. Чуть больше процент «свободных» был на окраинах, например в Сибири. Именно поэтому там возникли первые антиалкогольные волнения. По требованию Церкви и народа правительство издавало указы против «питухов», а в Нижнем Новгороде даже был закрыт кабак (один кабак на весь город!).

Распространение кабаков при Алексее Михайловиче было пресечено: один на город — максимум, да и тот государственный (монополия была восстановлена)! Сколько процентов населения жили в тех городах? А сколько из тех, кто жил, пили? Ничтожная доля! Да и отпускали по закону — одну чарку в одни руки.

Иное дело, например, в Речи Посполитой, куда вошли Украина и Белоруссия. Панов (шляхты) было аж 15 % населения (в России дворянское сословие составляло 2 %). Немало имелось и управляющих под всеми этими панами. В Диком Поле, на правом берегу Днепра, расцветала казачья вольница. Вот где было место пьянству! В короткий срок Украина стала чуть ли не всеевропейским производителем горилки. Не облагаемая налогами, делающаяся из всего чего угодно, она шла на столы многочисленной шляхты и разбойников. Гетманы наживали состояния на бизнесе. Например, Мазепа «крышевал» алкопотоки. К тому времени рынок спиртного появился и в России.

Петр I, сам большой поклонник выпивки (фанатик европейских обычаев и образа жизни!), насаждал пьянство. Он пристрастился к зелью в немецкой слободе, где жил подростком. А. Олеарий, посетивший Москву в те времена, писал: *«Иноземцы более московитов за-*

нимались выпивками... чтобы они дурным примером не заразили русских, всей пьяной братии пришлось жить за рекой...». Естественно! В «цивилизованной» Англии в это время, по свидетельству Бартона, «непьющий не считался джентльменом». Можно долго вспоминать безобразные попойки Петра I, но даже он, осознав вред алкоголизма, издал указ о том, чтобы пьяницам вешали вериги на шею.

Можно нелицеприятно говорить и о политике Екатерины Великой, которая пополняла казну за счет кабаков, но надо четко представлять: все это касалось очень малого процента населения страны, и почти 100 лет понадобилось, чтобы только к середине XIX века потребление алкоголя составило 4-5 литров на человека в год (сравните с нынешними 15 — 25 литрами). При этом пьянство процветало за счет города. Энгельгардт писал: *«Я удивлен был той трезвостью, которую увидел в наших деревнях»*. А немудрено! Там действовала система коллективной ответственности, мир, общинный быт, которые не давали человеку не то что упасть, а даже начать падать. В деревне было сильно и влияние Церкви. А жило в деревнях более 85 % населения! Из них, согласно опросу конца XIX века, 90 % женщин и половина мужчин вообще никогда в жизни не пробовали алкоголь! И это вы называете «вечно пьяной Россией»?

Даже 4-5 литров на человека в год стали восприниматься как невиданная проблема. Лучшие умы России забили тревогу в газетах, Церковь стала полностью отлучать от причастия пьяниц. В 1858 году в 32 губерниях прошел целый антиалкогольный бунт (выражающийся в разгроме кабаков), что вынудило правительство Александра III закрыть кабаки, ограничить концессии. Результат не замедлил сказаться: к концу века потребление упало до 2 литров на человека в год. В два раза! Прежнюю цифру — 4-5 литров — удастся нагнать только к 1913 году. При этом в Европе и Америке цифра потребления приближалась к 10 литрам, мы со своими показателями занимали девятое место!

Зато в России опять началась мощная антиалкогольная кампания. Земства и более 400 трезвеннических движений опять обратились к царю Николаю II и потребовали ввести «сухой закон» в связи с началом Первой мировой войны. И Николай откликнулся на призыв народа. Ллойд Джордж сказал тогда о «сухом законе» русских: «Это самый величественный акт национального героизма, который я знаю». Потребление алкоголя упало до 0,2 литра на человека в год! А ведь находятся мерзавцы, которые болтают о генетическом пристрастии славян к алкоголю!

Генетические пристрастия на самом деле выявлены учеными у представителей монголоидной расы, но если американцы-англосаксы этим пользовались, фактически уничтожив «огненной водой» население Северной Америки, то русские цари, наоборот, вводили законы, запрещающие продажу водки туземцам Сибири, дабы не спаивать!

Каковы были результаты нашего «сухого закона»? Они потрясающие!

Потребление упало до 0,2 литра. Число «новых» алкоголиков сократилось в 70 раз, преступность — втрое, нищенство — вчетверо, вклады в сберкассы выросли в четыре раза. Благодаря тому «сухому закону» в стране пили меньше, чем в 1914-м, аж до 1963 года!

«Сухой закон» был формально отменен в 1925 году. Неформально он отменился в связи с революцией и гражданской войной. Народ гнал самогонку, и никто за это не спрашивал. Заметим, однако, что в армиях, как в красной, так и в белой, «сухой закон» действовал. Банды пьяной матросни, грабившие склады, — ничтожная доля от общего количества населения. А само население, особенно в период голода, войны, засухи 1921 года, вовсе не склонно было пускать урожай на самогон и вообще что-то праздновать. Пьют в легкие времена, а не в тяжелые.

Поэтому, несмотря на угар НЭПа и отмену «сухого закона», только к 1932 году мы дотянули до 1 литра на человека в год! Даже с учетом «наркомовских

100 грамм» во время войны, к 1950 году потребление было менее 2-х литров чистого алкоголя на человека в год! Сравните с нынешними 15 — 25!!!

Кто-то спросит: откуда эта статистика? Кто считал? В деревнях гнали неучтенный самогон. Вот тут нужно подумать головой: в сталинском СССР действовала жесткая монополия, все цифры производства и продажи и алкоголя, и зерна, и сахара проходили через ГОСПЛАН. А за всякую неучтенку — серьезные репрессии, мало кто осмеливался и «гнать» и «продавать». Если уж за пресловутые «три колоска», украденные с колхозного поля, сажали, то за самогон посадили бы еще верней, можно не сомневаться. Поэтому цифры верные, и они подтверждают, что сталинский СССР был одной из самых трезвых стран мира! Советский человек пил в 3 раза меньше, чем англичанин, в 7 раз меньше, чем американец и в 10 раз меньше чем француз! Поэтому и темпы роста ВВП в то время были такие, что до сих пор не превзойдены ни одной страной мира, поэтому и мировую войну мы выиграли у всей Европы.

Зато как начали отмечать победу, как расслабились, так и покатались. Тем не менее, только в 1965 году мы докатились до 4-5 литров, то есть до уровня 1913 года! А вот за последующие 20 лет количество выпиваемого нами алкоголя выросло более чем в два раза. В эти годы темпы роста потребления алкоголя в 37 раз превышали темпы прироста населения! Пила в первую очередь наша интеллигенция, наши шестидесятники, наши Галичи, Высоцкие, Рубцовы, Дали... А им, народным кумирам, подражали все.

Параллельно снижались темпы роста ВВП и производительности труда. Вот, говорят либеральные экономисты, виновата плановая экономика, которая неэффективна. Ага! 20 лет назад была самой эффективной в мире, а тут вдруг резко стала неэффективна... Посчитано, что 1 литр выпиваемого спирта на душу населения снижает производительность труда на 1%! Вот и весь секрет.

В 1985 году мы пили около 10 литров чистого спирта на душу населения в год: по одним данным мы чуть отставали от Франции и Италии, по другим — стали опережать.

Да, насильно, да, через огромное неудовольствие населения, да, с перегибами и привычными глупостью и головотяпством, но все же «сухой закон» Горбачева — Лигачева затормозил алкоголизацию населения. Потребление алкоголя в России оценивалось разными методиками (чтобы учесть суррогаты и самогон), но все исследователи сходятся во мнении, что благодаря «сухому закону» Горбачева — Лигачева потребление алкоголя в России, начиная с 1985 года, снизилось минимум на треть! (см. данные разных методик: <http://sirpatip.ksu.ru/sirpatip/mater-2/nemtsov/tab01.htm>).

Мы вернулись к уровню 1985 года только в 1994 году, когда СМИ были забиты рекламой спиртного и даже Госкомспорт наживался на льготах по ввозу водки. После этого, в период мрачных реформ 1990-х, потребление и бесконтрольное производство пошла только росло, достигнув нынешних 15 — 25 литров на человека.

Итак, зафиксируем факты. Россия на протяжении всей своей истории была САМОЙ НЕПЬЮЩЕЙ СТРАНОЙ ЕВРОПЫ и одной из самых непьющих стран МИРА вплоть до последних 10 — 15 лет. Критический рубеж в 8 литров, отделяющий пьющие страны от малопьющих, мы вообще преодолели только 25 — 30 лет назад. Пьянство не «вечная проблема», а именно сегодняшняя, актуальная, насущная, вызывающая к решению.

МИФ ВТОРОЙ. Государство понесет убытки, лишившись водочных доходов.

Противники «сухого закона» приводят убийственный аргумент: доходы от водки приносят прибыль государству в виде налогов или прямых доходов от продаж в случае монополии. Наверное, если в государстве правят временщики или безответственные политики, такая логика им подойдет. Но с тем же успехом можно говорить и о том, что, например, продажа наркотиков тоже принесет существенные поступления в бюджет. А еще ле-

гализация проституции. А еще можно ввести госмонополию на торговлю органами и «гнать» почки на Запад, пополняя казну.. Но это же самоубийственно!

По мере роста потребления алкоголя снижаются все показатели деятельности общества, кроме «пьяных» доходов, что наглядно видно из таблицы.

Таблица 1

	1960-е годы	1970-е годы	1980-е годы
Душевое потребление алкоголя литров в год	3-4	5-7	8-12
Доходы млрд. рублей	25,0	67,0	167,0
Прирост национального дохода, %	7	5	3
Прирост численности населения, %	15	10	4
Темпы роста продукции машиностроения, %	12,1	8,5	3,5
Темпы роста продукции с/х, %	21	13	9
Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, %	11	36	50

Великие достижения страны приходились на периоды ее наивысшей трезвости. Снижение всех показателей деятельности страны к началу 1980-х

годов отмечено резким ростом употребления алкоголя...

Каждый алкогольный рубль в бюджете приносит стране до трех — шести рублей убытка в виде уничтожаемого здоровья нации, травматизма, аварий, снижения производительности труда и так далее. Это прямые траты в бюджете на всевозможные социальные расходы и профилактические мероприятия, на медицину, на правоохранительную деятельность, на спорт и проч.

В США существует Национальный институт исследований алкогольной зависимости и алкоголизма. По данным этого института американская экономика, хотя в этой стране пьют вдвое меньше, чем у нас, ежегодно теряет, например, из-за алкоголя 185 миллиардов долларов: из них 26 миллиардов тратится на лечение, еще 88 миллиардов теряется из-за прогулов и падения производительности труда и так далее. В России такие сведения отсутствуют. Считается, что в нашей стране от производства и реализации спиртного в бюджеты поступает около 55 миллиардов рублей, потери же государства эксперты оценивают в 500 миллиардов рублей.

Разговоры о том, что страна не сможет прожить без алкогольных денег, особенно смешны сейчас, когда Россия занимает третье место в мире по золотовалютным резервам. Водочные доходы — мизер, о котором даже стыдно упоминать, зато расходы, связанные с повальным пьянством, огромны.

Сегодня государство имеет в бюджете от алкоголя примерно 1 % — ничтожно мало! От 30 % до 50 % спирта от государства утаивается. В условиях коррупции это делать несложно. Государство недополучает огромнейшие деньги, но эти деньги где-то есть. Откуда появились водочные олигархи-миллиардеры? Разговор о пополнении казны за счет доходов от алкогольной продукции имел бы смысл, имей государство монополию на продажу и производство спиртного, у нас же ее нет. Травится вся страна, а наживаются частные лица. Несколько десятков человек.

Еще один важный момент. Наша страна на 60 % зависит от экспорта продуктов питания. И нам бы развивать и развивать сельское хозяйство, правительство давно об этом говорит. Но инвесторы сталкиваются с чудовищной ситуацией: на селе не осталось кадров, село спилось. Половина жителей села, а это до 7 % населения страны, — законченные, неизлечимые, ни на что не годные алкоголики. Ждем, когда такими будут остальные? И что мы будем делать с этим грузом? Как собираемся обеспечивать продовольственную безопасность? Китайцев завезем? И чем это кончится? Столкновениями или мирным завоеванием? Чуть менее остро, но та же проблема наблюдается и в промышленности.

Но среди противников «сухого закона» большей популярностью пользуется еще один аргумент, а точнее миф.

МИФ ТРЕТИЙ. Если запрещать пить, люди будут гнать самогон, травиться суррогатами.

На самом деле реальность такова: чем больше пьют **ВООБЩЕ**, тем больше происходит отравлений от суррогатов, тем больше гонят самогона. И наоборот, чем меньше общество потребляет в принципе, тем меньше спрос на самогон и суррогаты.

Есть абсолютные и относительные цифры. Разберем их подробнее, чтобы навсегда заткнуть глотку этому аргументу.

Допустим, сейчас пьет 100 человек, из них травится от суррогатов всего лишь 25 %, то есть 25 человек. Допустим, принят «сухой закон», и пить стало всего 25 человек, при этом от суррогатов стало травиться больше: например, 50 %. Но эти 50 % составляют 12 человек, то есть в два раза меньше, чем без «сухого закона».

В 1923 году, то есть по истечении 10-летия после введения в России «сухого закона», по данным Госплана самогона производилось в шесть раз меньше, чем водки в 1913 году!!! Напротив, море суррогатов стало реальностью после возобновления государ-

ственного производства и продажи водки. К концу 1920-х годов потребление самогона почти удвоилось!!! И это легко понять: пьющий начинает пить не с суррогатов, но когда становится алкоголиком, он деградирует и переходит на более дешевые варианты. Дорогой алкоголь становится алкоголику, который, как правило, падает на дно жизни, уже не по карману. А вот тут-то его поджидают производители суррогатов — это их клиент!

Поэтому чем дольше общество живет без ограничений продажи спиртного, чем больше становится алкоголиков, тем больше производство суррогатов и отравлений от них.

Да зачем далеко ходить за историческими примерами? Вот у нас сейчас нет никакого «сухого закона»... И что, никто суррогаты не производит и самогон не гонит подпольно? В стране производство технического спирта достигло 25 миллионов декалитров! При реальной годовой потребности в нем народного хозяйства не больше 6-7 миллионов!!! То есть суррогаты производятся и пьются именно сейчас, когда, казалось бы, никаких запретов нет! Пойдите в любую деревню и посмотрите, что пьют «механизаторы». Отнюдь не «Абсолют» по 500 рублей за бутылку!

Доля легальной водки — 54 %, стоимость бутылки — от 65 рублей. Легальную водку приобретают 58 % покупателей. Нелегальная водка (безакцизная) — 30 % рынка, стоимость бутылки — от 35 до 55 рублей. Ее приобретают 32 % покупателей. Суррогаты, спиртосодержащие жидкости, аптечные настойки — 16 % рынка. Покупают 10 % потребителей.

Введение «сухого закона» предполагает борьбу с производством суррогатной продукции. Сейчас эту борьбу вести нельзя: легальную подакцизную водку с трудом можно отличить от «левой». Да и по пьянице не скажешь, от чего он пьян — от самогона или от законно купленной в магазине бутылки. При запрещении любой выпивки наличие пьяницы на улице уже будет свидетельством незаконного действия, воз-

можностью быстро обнаружить точку продажи и производства и обезвредить ее. В таких «нечеловеческих условиях» работать алкогольной мафии трудно: цены на пойло будут расти, а значит, не всем оно станет по карману. Да и увеличение количества отравлений отвлечет от покупок многих — кому охота рисковать жизнью!

Да, алкогольная мафия будет пытаться заполнить нишу на рынке, которую покинет государство, и в случае с нашим последним «сухим законом» так и было. Но мафии потребовалось 5 — 7 лет, чтобы это сделать, да и то при условии полного развала, который был в стране в конце 1980-х — начале 1990-х! За это время Россия получила серьезную передышку! А. В. Немцов и В. М. Школьников пишут в своем исследовании: «Период с 1985 по 1997 гг. отмечен в России беспрецедентными изменениями ожидаемой продолжительности жизни: 1) резкий рост в 1985—1987 гг. (на 2,8 года у мужчин и на 1,3 года у женщин; 2) медленное снижение в 1988—1991 гг., 3) беспрецедентное падение в 1992—1994 гг. (на 6,1 и на 3,3 года соответственно)... Сейчас можно считать установленным, что в первом из этих периодов самую существенную роль в снижении смертности играло насильственное уменьшение потребления алкоголя в результате антиалкогольной кампании 1985 г.» (Немцов, 1995; Shkolnikov and Nemtsov, 1997; Nemtsov, 1998).

Преступления снизились на 17 %. Травмированность на производстве упала на 20 %. Число ДТП уменьшилось на 30 %.

Итак, пусть каждый зарубит себе на носу: даже наш последний довольно бестолковый «сухой закон» все равно привел не к увеличению смертности от суррогатов, а к скачку в продолжительности жизни! А смертность от суррогатов катастрофически возросла в свободные пьяные девяностые!

Но если все так радужно, говорят противники «сухого закона», почему все эти законы отменяют и почему они неэффективны?

МИФ ЧЕТВЕРТЫЙ. Борьба с пьянством всегда неэффективна, хоть при Рузвельте, хоть при Горбачеве.

Прежде всего, надо обратиться к нашему великому опыту. «Сухой закон» в России заслуживает особого внимания. Впервые ему предшествовали трехлетние дебаты в Государственной Думе, и как раз к началу Первой мировой войны 1914 года Николай II ввел запрет на продажу алкоголя. Результаты были поразительные — всеобщая трезвость и сокращение количества преступлений. Народ поддержал идею трезвости. И именно потому, что этот закон был эффективен, американцы решили скопировать его у нас. Кто-то, может, вспомнит, что во время революции толпа грабила винные погреба... Но это говорит о том, какие именно субъекты делали эту революцию. Маргиналы, матросня, криминальные элементы...

Большевики, придя к власти, продолжали рьяно бороться с алкоголизмом. Была даже предусмотрена уголовная ответственность за появление в общественных местах в нетрезвом виде, а армейским комиссарам в аналогичном случае грозил расстрел. Результат вы помните: к уровню 1913 года по потреблению алкоголя Россия вернется только в 1964 году! И за весь этот период наша страна прошла путь от сохи до атомной бомбы, из аграрной и отсталой страны стала второй сверхдержавой мира, передовой во многих отношениях. Мы до сих пор пользуемся великими достижениями того рывка, проедаем запас прочности, созданный тогда!

Теперь поговорим об опыте американском. В Америке в 1919 году Сенат принял «сухой закон» вопреки вето президента Вудро Вильсона. Закон продержался 13 лет. Именно столько времени понадобилось алкогольной мафии, чтобы заполнить рынок, с которого ушло государство в условиях, когда на эту мафию идет охота ФБР.

Алкоголь стал доступен только для богатых, остальная Америка осталась без горячительного. Уменьше-

ние потребления произошло в 8 раз! Не неэффективен закон, а в 8 раз сократилось потребление! Лишь через 13 лет, когда бутлегерская мафия действительно захватила рынок, «сухой закон» был отменен, чтобы преступные доходы стали резко легальными и деньги потекли в казну. Внимание! Вот настоящая причина отмены «сухого закона»: казне деньги были очень нужны, причем быстрые, прямо сейчас и в ущерб будущим поколениям. Началась «великая депрессия»!

Заметим также, что американцы не бросились в другую крайность: не разрешили торговлю и рекламу в полный рост, как мы в 1990-е. Целых 50 лет, до 2001 года, в Америке продолжал действовать неофициальный «полусухой» закон, когда реклама спиртных напитков не была регламентирована никакими законодательными актами. В 2001 году компания NBC наконец рискнула вернуть в эфир рекламу спиртного. Да и сейчас во многих штатах запрещены продажа спиртного и даже употребление спиртного несовершеннолетними. Все помнят скандалы с дочками Буша, пойманными за пивом! А у нас по ТВ показывают, как молодежь ходит за «Клинским»! Возраст законной продажи спиртного в США — 21 год, в РФ — 18 лет. В американских винных магазинах водительские права, на которых указан возраст, спрашивают у всех, кто выглядит моложе 35 лет, а в России отсутствует практика легального подтверждения возраста при покупке спиртного. Во многих штатах США крепкие напитки продаются только в специальных магазинах. Они управляются правительством штата, и, следовательно, их число, расположение и часы работы определяются государством, а не «законами рынка».

По такому интегральному показателю как индекс человеческого развития, отвечающему на вопрос: «в какой стране мира жить лучше всего?», Швеция традиционно занимает одно из первых мест. Может быть, там свобода насчет спиртного? Нет. «Сухой закон» существовал в Швеции еще в 1865 году. На сегодняшний день там действует система Братта, согласно ко-

торой введены существенные ограничения на покупку спиртного — возрастные и количественные. То же касается и Норвегии, Финляндии. Везде жесткие ограничения и государственная монополия. В 1995 году из-за вступления в ЕС пришлось убрать государственную монополию на производство спиртного, но финны все равно оставили монополию на продажу. Почему они так цепляются за свои «мягкие сухие законы», если они якобы неэффективны? Они берегут свой народ и видят, что полное снятие запретов обернется неисчислимыми социальными бедствиями и деградацией.

В 1970-х годах Египет, Иран и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) ввели запрет на употребление спиртных напитков. За нарушение «сухого закона» в этих странах иностранцам грозит либо большой штраф, либо тюремное заключение сроком до 2,5 лет. Для «своих» же предусмотрены более суровые наказания. В мусульманских странах религия обязывает воздерживаться от спиртного. Что же мы видим? Арабский мир растет численно, растет его экономическая и духовная мощь. Арабы презирают европейцев, которые выглядят в их глазах свиньями, идет ползучая колонизация Европы. Эффективен ли для них «сухой закон»? И почему отсутствие такового в Европе так неэффективно для европейцев?

В нескольких штатах Индии полностью запрещено производство, продажа, импорт и экспорт алкоголя. Существенные ограничения, прежде всего морального плана и на уровне трудового законодательства, есть и в Китае. Этим двум странам будет принадлежать XXI век! Им и арабам, а не больным Америке и Европе!

Посмотрите внимательно: «сухой закон» и сейчас в том или ином виде действует в десятках стран мира, и никто не говорит, что он неэффективен. Там не пьют или пьют мало! В конце концов, «сухой закон» есть и у нас: например, при вождении транспортного средства. И что, какой-то дебил всерьез будет утверждать, что этот запрет неэффективен? Что вот если отменить это

ограничение, то пьяных за рулем будет гораздо меньше, потому что «не будет сладкого запретного плода»?

Давайте же еще разберем самый вопиющий пример якобы неэффективности «сухого закона», которым тычут его противники — наш родной, горбачевский. Он был принят в 1985 году. И свалился как снег на голову. Представим наркомана, который сидит на игле, кайфует, не видит пока для себя никаких проблем и которому в один миг прекращают поставки доз, без предварительных объяснений, лечения и проч. Реакция и «ломки» были, конечно, очень болезненны. В народе бытовало мнение, что этот закон был придуман Лигачевым, чтобы настроить против Горбачева как можно больше людей. Народ, естественно, реагировал. Появлялись характерные анекдоты. Очереди за водкой были названы «петлей Горбачева».

В Крыму и на Кавказе было вырублено больше 240 тысяч гектаров ценнейших виноградников. Это было воспринято как варварство, вандализм и государственное вредительство.

Власть опомнилась и начала запоздалую пропаганду. На всех предприятиях появились «общества трезвости», которые часто возглавляли директора и высшие руководители этих предприятий. Смех да и только! Стали культивироваться безалкогольные свадьбы — абсолютная глупость, именно на свадьбах как раз и нужно было разрешать пить. Народ просто не понимал, зачем все это! Не было ни страшной статистики по ТВ, ни документальных фильмов о детях-уродах, ни объяснения, что падает производительность труда и поэтому мы плохо живем.

Вообще народ у нас патриотичный и готов терпеть все ради высокой цели, но именно эта цель и не была обозначена, да и народ не представлял себе масштабов собственного пьянства и его последствий. Школы для детей алкоголиков, которые росли десятилетиями в стране как грибы после дождя, стыдливо скрывались, равно как и переполненные вытрезвители, лечебно-трудовые профилактории, где побывала на излечении

чуть ли не четверть рабочего класса. Народу не дали ужаснуться собственной мерзости перед тем, как начать реформу.

Производство и продажа спиртного сократились до минимума. Рынок быстро стал заполняться продуктами самогонварения. Немудрено — спрос-то остался, на снижение спроса никто не работал! Кроме того, это был не чистый «сухой закон»: серьезно ограничили производство и продажу, а полного запрещения не было. А значит, трудно определить, пьян колхозник от бутылки, купленной законно по талону, или от бутылки первача от бабы Маши. Кроме того, не было действенной борьбы с самогонварением: так, несколько показательных рейдов. Да и сами «рейдеры», поскольку не были идеологически мотивированы, закрывали глаза на правонарушения. Борьба с пьянством симулировалась. Поэтому через несколько лет самогон компенсировал уход государства с рынка. Вот такая это была псевдореформа, и указывать на ее неудачный опыт все равно как опыт неудачного или фиктивного брака делать аргументом против семьи и брака вообще.

И тем не менее! Даже самые скептически настроенные к горбачевскому закону исследователи вынуждены признать: потребление (даже с учетом всех видов суррогатов) сократилось минимум на треть! А также был зафиксирован резкий рост продолжительности жизни. Даже этот короткий и бестолковый, фальшивый и непоследовательный «сухой закон» спас миллионы россиян от смерти!

Поделюсь собственным опытом. Я рос в городе шахтеров и металлургов, в самом центре Кузбасса — Новокузнецке. Наши отцы и старшие братья бесконечно пили: после смены, после работы, по выходным, по праздникам, на рыбалке... Их жены и матери проливали бесконечные слезы, скандалили дома, жаловались в месткомы и парткомы, отправляли мужей в лечебно-трудовые профилактории, кодировали... Все напрасно.

Мы, молодые, подражая взрослым, уже с 12 лет, пока родители на работе, собирались у кого-нибудь дома и потягивали «Жигулевское» пиво, «Рябиновую на коньяке» и прочую легкую мелочь. Иногда вечером просто собирались в подъездах или «за детским садом, где грибочки», как пел Высоцкий. Весной, летом и осенью ходили в походы, а зимой ездили на дачи и в дома отдыха и там уже напивались до пороссячьего визга. И это до 15 лет. Родители не замечали, а единичные замеченные случаи легко списывались на «дни рождения у друга» и проч. Это было целое поколение.

И вот, в 1985 году все одним махом прекратилось. Наверное, взрослые находили пути добычи спиртного, ставшего дефицитом, нам же, пацанам, не продавали, а искать точки самогонщиков, куда-то ехать было слишком хлопотно. Мы стали ходить по барам и пить безалкогольные коктейли, это было модно и круто, ведь и раньше пили-то мы для крутизны, а не для опьянения. И вот я, привыкший уже в 15 лет выпивать несколько раз в неделю, уже в 16 лет не выпил ни капли за год.

Более того, как раз к этому времени подросла запоздалая общественная антиалкогольная пропаганда. Лекции академика Углова, каких-то лекторов из общества «Память»... Их надо было пускать в эфире Первого канала, но они почему-то распространялись только на магнитофонных кассетах и были доступны ограниченному числу людей. Мне такая кассета попала случайно, но я прослушал и ужаснулся, сколько вреда приносит алкоголь. Мы с другом дали клятву не брать в рот спиртного. Юношеские клятвы крепки, с 16 до 19 лет я не выпил ни грамма. Уехал в Екатеринбург, далеко от мамы и папы, жил в общежитии, которое занималось только тем, что бухало. До второго курса я не пил вообще, потом год пил весьма умеренно, предпочитая дорого продавать дефицитную водку по отоваренным талонам монголам, а потом женился, и тут совсем уже было не до попок. Так я проскочил опасный период жизни. Страшно подумать, что могло

стать со мной, если бы не этот закон и эти лекции. Поступил бы вообще в университет, а если поступил, не вылетел бы после первого курса? А если бы не вылетел, то закончил бы его с «красным» дипломом?

Итак, потребление алкоголя в стране восстановилось только к 1994 году и потом рост пошел огромными темпами, поощряемый рекламой по центральным каналам, отмене госмонополии на производство и продажу, усугубляемый общим беспределом в стране.

Профессор Лос-Анджелесского университета Калифорнии Дэниел Трейзман в работе «Алкоголь и ранняя смертность в России» пишет, что наш алкоголизм связан с доступностью водки для населения. Он обнаружил две волны роста смертности: 1990—1994 и 1998—2005 годы. Во время первой волны, когда цены на все товары были отпущены, ценники на водку как на политически важный товар власти сохранили. В результате если в 1990 году на среднюю месячную зарплату можно было купить 10 литров водки, то в 1994-м — уже 46. Во вторую волну рост зарплаты значительно опережал рост цены на водку.

Ситуация и сейчас просто катастрофическая, отмена рекламы алкоголя и пива мало что меняет. Да, рост потребления замедлился, но само-то потребление остается на высочайшем уровне. Растет пивной алкоголизм...

Все нации так или иначе заботятся о сбережении себя, и только у той, где самые страшные проблемы связаны с алкоголем, головы забиты идиотскими предрассудками о «вечном пьянстве», о бесполезности борьбы, о водочных доходах казны, о неэффективности запретов.

Как легко мы повторяем формулы, даже не вдумываясь в их содержание! «Запреты неэффективны». Бред! У нас запрещены торговля наркотиками, воровство, убийства... Эти запреты неэффективны? Было бы эффективнее все это разрешить? А потом, когда страна погрузилась бы в кровавую баню, какой-то умник бы стал говорить, что, дескать, «запретами все равно

ничего не решить», нужно искать «истинные причины», почему люди воруют и убивают, а не запрещать им делать это, мол, «запретный плод сладок», и возобновление запрета на воровство и убийство только увеличит их количество...

Не нужно путать причину и следствие, и особенно, как говорят на Лубянке, «не нужно путать следствие». Главной причиной пьянства является не какая-нибудь там безработица, а именно продажа и доступность спиртного!!! График доступности спиртного, то есть объем водки, который средний россиянин может купить на одну зарплату, и график мужской смертности практически полностью совпадают.

Когда профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца» говорил, что «разруха не в клозетах, а в головах», он бил в самую точку. Объяснять разруху в головах разрухой в клозетах неправильно. Только наоборот. Пьянство — не следствие социальных проблем в России, а ПРИЧИНА этих социальных проблем именно потому, что пьянство непосредственно несет разруху в головы, а уже следствием являются разрушенные клозеты. Это нужно очень четко понимать, потому что причинами убийства и воровства тоже можно объявить и безработицу, и плохое социальное положение, и все что угодно. Но это не уважительные причины и они не отменяют того, что воровство и убийство — преступление, и не стоит людям искать такой выход для своих социальных проблем.

Пьянство, как именно легкий выход из проблем, разрешено, это и есть прямая, а не косвенная причина пьянства. Оно не считается преступлением и злом, вот что самое опасное. Мы должны понимать, что нельзя объявлять что-либо злом и при этом разрешать его. Сам запрет уже есть квалификация чего-то как зла. И наоборот, разрешение чего-либо интерпретируется обществом как нечто неопасное.

Большинство уверено: прямое убийство гораздо большее зло, чем пьянство, ведь за убийство судят, а за

пьянство нет. Но возьмите статистику, и вы увидите, что от пьянства в нашей стране умирает в несколько раз больше людей, чем от убийств, да и большая часть самих убийств, особенно бытовых, происходит на почве того же пьянства! Но пьянство — причина не только убийств, а массы других социальных последствий. Причина всегда коренится в сознании, но пьянство и есть разрушение сознания!

Почему же сознание начинает разрушать само себя? Ницше говорил, что если воле не поставить цель, она будет воливать Ничто. И подчеркивал, что воля всегда хочет быть выше себя, и в этом смысле опьянение есть именно тот дешевый суррогатный способ почувствовать себя выше, сильнее, свободнее.

В позднем СССР большой идеологический советский проект стал морально устаревать. Он стал неадекватен состоянию массового сознания. У нас были миллионы инженеров, творцов, героев, ученых, фантастов с самыми великими идеями, которые никуда не внедрялись и не были никому нужны только потому, что еще не «отбились» инвестиции, вложенные в прежние идеи, предприятия, технику. А общество не могло ждать, миллионы талантов чувствовали свою невостребованность.

Да что таланты... Приведу пример из собственного опыта. Мой отец всю жизнь проработал экспертом-криминалистом в милиции. Работал в опергруппе, как герои популярного сейчас сериала «Менты». Надо понимать, что в сериале показаны довольно идеальные для нашего времени менты, в жизни все эти Дукаланы и Мухоморы чуток похуже. Но даже их мы с трудом сейчас можем представить как людей, которые, например, профессионально занимаются фотографией, пишут заметки в газеты о природе, читают Достоевского и Астафьева. Покажите мне сейчас хоть одного милиционера в стране, кто бы этим занимался! А мой отец, совершенно рядовой мент, был хорошим фотохудожником, писал заметки в газеты и постоянно читал Лескова, Достоевского, Толстого, Пришвина, Шук-

шина и Астафьева, читал от корки до корки «Вокруг света» и даже «Иностранную литературу». А Астафьев, Шукшин и Хэмингуэй тогда все равно что Пелевин и Умберто Эко сегодня. Вы найдете сегодня стража порядка, который бы читал Пелевина и Умберто Эко? Отец не был уникалом, у его друзей имелись свои любимые фишки и книжки: кто-то Хэмингуэю и Астафьеву предпочитал Арсеньева, Проскурина и Ирвина Шоу... Но все они безбожно пили, потому что не могли реализовать свои таланты. Каждый из них разбирался в мировой политике уж точно не хуже, чем Буш, но не имел такой власти... Мой дядька, работавший металлургом на заводе, как семечки шелкал любые кроссворды. Поищите сейчас такого! За последние 30 лет общество деградировало в разы... У нас была самая читающая страна в мире и эта страна не знала, куда применить свои таланты...

Поколение их отцов выиграло войну и было героями, поколение их дедов сделало индустриализацию, построило заводы, а что осталось им? Они тоже хотели не повторять то, что делалось другими, а совершить что-то более высокое. Им предлагалось совершать трудовые подвиги, но это уже сделали деды, им предлагалось на митингах бороться с «гонкой вооружений», но что это в сравнении с подвигом их отцов, победивших Гитлера?

Что может быть выше экономики и политики? Только искусство, религия, поэзия, наука, философия. Но эти области были либо запрещены, либо поставлены на службу более низшему — политике и экономике. Потому выхода в эти сферы не было, все заменил суррогат самодеятельной песни под гитару у костра, самодеятельного изобретательства и рационализаторства, кухонной философии... И все это под водочку.

А если бы после великого экономического прорыва 1930-х, геополитических побед 1940-х и 1950-х, научно-технических космических побед 1960-х мы бы совершили великие гуманитарные прорывы во всех

видах искусства, творчества, философии? Если бы мир был заполнен новой литературой и архитектурой, невиданным дизайном, музыкой, поэзией? Если бы мир увидел новую нравственность, новый образ жизни, который бы могли создать эти люди, если бы им дали волю реализовываться в этих областях? Не у нас, а в Америке свершилась бы катастрофическая перестройка, не им бы, а нам подражали все страны и народы мира.

У того поколения было столько идей, но все они умерли вместе с их спившимися носителями. Отец был мастером спорта по биатлону и боевому самбо в 25 лет, здоровый организм в 40 лет стал уже алкоголиком, а в 45 умер от отравления суррогатным спиртом. Сколько было таких пропавших людей с такими духовными, моральными и профессиональными качествами, до которых нынешним россиянам еще расти и расти, просто потому, что образовательная система тогда была несоизмеримо более высокого уровня.

Отец был троечником из шахтерского города, но писал без ошибок. Мои мать и дядя окончили школу в деревне, они пишут без единой ошибки и постоянно читают книги. Найдите сейчас выпускника московской элитной школы, который бы не сделал хотя бы одну ошибку на две страницы! И так во всем, во всех областях знания... Старики-инженеры стонут, им некому передавать опыт: уходят советские профессионалы из всех областей, а на смену идут дети — продукты перестройки и 1990-х.

Сколько трудов и бюджетных денег государству надо потратить, чтобы заново вырастить многомиллионное поколение, любимой передачей которого была бы «Что? Где? Когда?» с призами в виде книг научной фантастики, а не «Дом-2»? Как далеко отстоит общество, где звездами являются девчонки-недоучки с голыми прелестями, вроде Берковой или Канделаки, от общества, в котором звездами были философы и интеллектуалы вроде Нурали Латыпова, Никиты Шанги-

на, Александра Бялко? Где они сейчас, эти «знатоки»? Кто спился, кто маргинализировался. Они нигде не востребованы, эти интеллектуалы мирового уровня. А ведь американские аналогичные шоу были на несколько порядков ниже и по популярности, и по качеству участников. Советская система образования дала великий урожай качественного человека с дерзновенным умом, великими идеями, чистыми помыслами. И этот урожай потравили. А какую-то часть мозгов выкачали за границу...

Скептический читатель, наверное, скажет: ага, попался... Сам говорит, что причина в пьянстве, а в итоге пришел к тому, что причина в системе, в невостребованности людей и их потенциала, а пьянство всего лишь следствие....

Нет. Пьянство никакое не следствие, и я себе не противоречу. Для объяснения приведу одну аналогию. Советскую систему образования уподобим плите, которая нагревает котел. Людей, которых она производит, уподобим пару внутри котла. Пар может сделать полезную работу, если будет выпущен в какую-то инженерную систему. Возможно, эта работа потом как-то будет обменена на ресурсы, которые подогревают и сам котел, и что-то еще останется для иной полезной работы. Если же в крышке котла сделать дырку, пар уйдет в нее, вода кончится, котел сгорит, да и ресурсы, которые подогревают котел, кончатся, так как они не возобновляются в результате той или иной работы, которую бы мог проделывать пар. Вот эта дырка в котле и есть разрешенное пьянство, и она причина того, что вся система в итоге исчерпала ресурсы и сгорела.

Кто-то возразит, что причина в отсутствии механизма, который бы утилизировал получаемый пар, ведь без дырки котел бы взорвался. Верно, только здесь-то аналогия между обществом и котлом хромает. Грубо говоря, общество — это такая штука, такой пар, который сам создает механизм утилизации. Общество ведь состоит из людей, и механизм утилиза-

ции людского потенциала не мог бы взяться ниоткуда извне, кроме самого общества. Да, можно сказать, есть опасность взрыва котла, не будь дырки в виде пьянства, но это был бы позитивный взрыв: не перестройка, отбросившая общество на ступеньку ниже и разметавшая всю общественную систему, а перевод системы в новое качество, более высокое, в сравнении с тем, что было.

Да, если бы пьянство было невозможно, новые люди, нашедшие в пьянстве легкий выход, перестали бы бороться, маргинализировались и просто самоустранились от общественных проблем. Эти люди вынуждены были бы менять общество, творя, мечтая, дерзая. Уже тогда, в 1970-е, был бы не застой, а духовная революция, преобразовавшая бы и культуру, и идеологию, и политику, и экономику и весь образ жизни.

К концу XX века возникло бы невиданное в истории новаторское общество: не коммунизм, не капитализм, не социализм, а что-то иное. Это не был бы переход к дикому либерализму 1990-х на 30 лет раньше просто потому, что жило огромное поколение коммунистов-победителей, но и обычным застоём это бы тоже не было.

Не будь пьянства, разве бы кто-то дал брежневским старикам почивать на лаврах? А так все спокойно сели с бутылочкой на кухне, оставили политику и идеологию старикам. Молодые волки превратились в неудачников, идеи которых перестали позже слушать уже из-за низкого морального облика их носителей. Эти неудачники озлобились и переродились. Они к концу 1980-х умели только ненавидеть общество, которое их породило, а потом отравило. Они уже не несли позитивного заряда, а хотели только уничтожить «совок», отомстить за загубленную жизнь.

Даже идеи, казавшиеся позитивными в эпоху либеральных перемен, были недоношенными и, главное, нереальными просто потому, что у кухонных экономистов и политологов не было опыта управленческой практической работы, они не понимали ее специфику.

Не понимали, что большая часть утверждений официальной пропаганды не ложь, а нечто, имеющее реальную экономическую и политическую основу, которую не видно из кухни. Но всему, что говорила власть, уже не верили и все отвергали. Только сейчас заново приходится постигать эти истины.

Некоторые заявления нынешних руководителей страны звучат как речи на съездах КПСС. Это происходит не оттого, что кто-то специально реставрирует СССР по ностальгическим соображениям, а потому, что бывшие перестройщики, прошедшие школу государственного управления, получившие по морде на мировой арене, вдруг осознали, в каких условиях пришлось работать их отцам и дедам, и что это были за тяжелые условия — не в пример тяжелее, чем сидеть на кухне с бутылкой, читать Пастернака, ненавидеть «совок» и считать, что все легко можно сделать «как в Америке». Всякий разматерый либерал, если он патриот и намеренно не желает зла стране, в которой живет, если постоит у руля государства, через несколько лет становится государственным и забывает инфантильные либеральные химеры.

Сегодня воспроизводится застой, но совершенно не в том смысле, как говорят отставные либералы 1990-х. У нас нет «завинчивания гаек». Наоборот, все гайки развинчены, в крышке котла зияют огромные дыры, гораздо более слабая система образования продолжает производить людей, которые не нужны и не востребованы, потому что наверху сидят люди, которые много критиковали Брежнева за долгий срок правления, но которые давно уже переплюнули его по времени нахождения у власти. Невостребованная молодежь, которой и так мало, колетса, нюхает клей, пьет, бездельничает на тусовках, смотрит телешоу, ходит за «Клинским», но она асоциальна и озлоблена на систему.

Какой тут можно предложить позитив? Во-первых, после нормальной пропагандистской артподготовки все-таки заклепать все дырки в котле, то есть ограни-

чить алкоголизацию. Во-вторых, серьезно заняться вовлечением молодежи во власть и вообще в любую позитивную деятельность в технической и гуманитарной областях: пусть набирается опыта. Весь критический пафос по отношению к системе тут же исчезнет, как только молодые люди станут частью системы. Для этого надо освобождать места, а значит, в-третьих, необходимо законодательно выдавливать старичье с насиженных мест — ни одного старше 60 лет не должно быть среди мэров, губернаторов, министров, и других высших руководителей. В-четвертых, этих опытных мощных стариков надо направить в систему образования: пусть преподают, пишут мемуары, отдают практический опыт. Это безобразие, когда у нас преподаватели — 30-летние щенки, начитавшиеся импортных учебников, ни разу не проверившие как их теории работают, зато поучающие и критикующие общество за то, что оно, видите ли, их теориям не соответствует. Этот критический, но не практический пафос они передают студентам.

У нас не должно быть свободной интеллигенции, которая, будучи невостребованной, постоянно разрушает основы общества и власти. Наличие такой интеллигенции в молодом возрасте — самый тревожный симптом. Зато в пожилом возрасте все должны стать интеллигентами. Должна распространиться культура и традиция именно в пожилом возрасте заниматься абсолютно духовными вещами: творчеством, религией, философией, а у нас сейчас этим занимается только молодежь. В этих областях нечто великое можно сделать, только прожив жизнь. Сами эти области должны бесконечно цениться и поощряться, чтобы никаких потерь статуса в связи с отходом от власти люди не ощущали. Надо вообще забыть про первичность экономики и политики — отдать эти низшие сферы молодым. Даже в первобытных племенах охотники и вожди, воюющие и добывающие, — молодые, старикам же отдано важнейшее: образование, идеология, культура, традиции.

Когда-то Чехова называли интеллигентом, и он обиделся: «Упаси Бог, я профессию имею!». Но тогда критическая масса интеллигенции сделала революцию. А ведь назначь молодого Ульянова каким-нибудь городничим в Пензу, он свой талант бы применил на пользу государству, Пензу бы модернизировал, а в старости написал бы книгу о том, как в молодости был дураком, бредил левыми идеями, но потом на опыте многое скорректировал и более того, развил и углубил... И такая книга была бы хорошим уроком для молодежи, продвижением в мировой экономической и управленческой науке. А сейчас его сырая писанина учит только поджигать, критиковать и взрывать.

Современные государственные мужи с тревогой смотрят на нынешнее поколение: как этим тусовщикам, детям пьяных 1990-х, этим татуированным волосатикам и любителям травки, пива, секса, буддизма, квеста и хип-хопа доверить страну? Но, во-первых, кто их пустил во все эти сферы? Кто придумал, что все это и есть занятия для молодежи? Кто поощряет рекламу всего этого «нужного и полезного» для общества времяпрепровождения? А во-вторых, не прыгнув в воду, нельзя научиться плавать: запретив разлагающее безделье, надо направить людей массово на стажировки в органы власти всех уровней, законодательно обязать частные предприятия принимать на работу без стажа, ввести систему распределения после вузов.

Государство само порождает алкоголиков и бездельников, при этом «критически мыслящих», а потом жалуется, что им ничего нельзя доверить, а значит, надо сидеть до смерти на своих местах, а излишнюю массу развлекать пивком, водочкой и смехопанорамами, чтобы она, не дай Бог, не взорвалась. Замкнутый круг.

Круг все равно придется размыкать, потому что это спираль на пути в историческое небытие. И не получится так, что мы будем решать только проблемы молодежи, демографии, государственного управления, образования, не трогая проблему пьянства, надеясь,

что она сама как-нибудь рассосется, если остальное делать правильно. Не рассосется. Это сторона медали — без одного нет другого.

Государство последние годы неустанно борется на информационном фронте, погашая чужеродные идеологические диверсии. Но это все равно что вычерпывать воду из тонущего корабля шайками и лейками, вместо того, чтобы заделать огромную пробоину, через которую хлещет вода. Тотальное отравление сознания, ведущее к необратимой деградации человеческого потенциала, идет полным ходом через непосредственное физиологическое воздействие на сознание, то есть через алкоголизацию. О каком развитии спорта может идти речь? Какие инновации? Какие нанотехнологии?..

Давайте посчитаем. Что такое 20 литров чистого алкоголя на человека в год? Минусуем стариков и детей, значит, на средний возраст уже приходится по 50 литров. Минусуем малопьющих женщин и непьющих, их долю выпивают остальные, а это уже, грубо говоря, 75 литров чистого алкоголя в год. Переведем в водку: это 150 бутылок водки, то есть бутылка каждые три — четыре дня. А в пиве это пара кружек каждый день. Именно столько и пьет 20 миллионов человек у нас в стране, нормальных трудоспособных мужчин.

Посмотрим на вещи реально: нормальный мужик, даже в городе, ведь примерно так и пьет — почти каждый день бутылочку пива минимум, а раз в неделю или чей-то день рождения или просто друзья пришли, плюс каждый месяц праздники...

Допустим, я что-то преувеличил, пусть бутылка водки придется не на три — четыре дня, а в два раза реже... Пусть... Неважно. Великий физик Ландау говорил, что если он выпивает 100 грамм шампанского на Новый год, он месяц не в состоянии работать. И это не особенности организма. Лопатой Ландау мог бы работать, наверное, и по бутылке выпивая в день, а менеджером по продажам или комбайнером в колхозе — выпивая

по 200 грамм. Но об инновациях и великих открытиях придется забыть! О людях, которые способны будут работать на высокой технике, тоже придется забыть. Если нам нужно общество низкоквалифицированных работяг, то с «сухим законом» можно подождать еще лет 20 — тогда уже и работяг у нас не будет... Если мы говорим об инновациях и прорыве в будущее, меры надо предпринимать еще вчера.

Да, «сухой закон» — это не всегда удобно и приятно, да, он связан с ограничениями... Но может быть, стоит потерпеть миллионам тех, кто в принципе может без этого обойтись, чтобы не могли пить те, кто обойтись без этого уже не в силах? Может, стоит потерпеть ради спасения миллионов жизней ради будущего нашего народа?

Когда народ умирает, Отечество в опасности нападает враг, граждане отдают за государство жизнь. Но сейчас никто не просит отдать жизнь! Для борьбы с алкогольным врагом нужно лишь отказаться от пагубной привычки! Небольшая жертва, несопоставимая с подвигом наших дедов на войне. Они проливали кровь за победу, а мы плоды этой победы пропили и продолжаем пропивать. Хотя бы в память о них можно потерпеть и отказать себе в маленьком удовольствии, которое и удовольствием-то особым не является. Более того, терпеть и не надо, свою страсть нужно удовлетворять, но только иным, позитивным образом.

Повторю мысль, которая столь же важна, сколь и сложна: пропагандистский момент тут очень важен: надо добиться, чтобы каждая выпитая рюмка или бутылка пива воспринималась как надругательство над памятью дедов, как убийство будущих внуков, как предательство Родины, как плевок в национальные символы, как работа на заграничные спецслужбы, а уж тем более так должны восприниматься производство и продажа этого зелья на внутреннем рынке.

Я 20 лет работаю в пропаганде и занимаюсь массовым сознанием, я отвечаю за свои слова: достигнуть такого отношения при наличии воли, государствен-

ных ресурсов, денег, СМИ реально за ПЯТЬ лет. Можно начинать исподволь, и через несколько лет общество само запросит депутатов и власти всех уровней, потребует ввести ограничения.

Начать с инициатив женских движений, ведь женщины больше всего страдают от пьянства, подключить Церковь, которая сейчас становится все более влиятельной, подключить мусульманские структуры, дать гранты еще оставшимся у нас энтузиастам из «обществ трезвости», дать им трибуны, СМИ, внести корректировки в школьные программы, попросить покреативить молодежные движения... Не по-горбачевски, сверху и внезапно, а мягким пиаром работать на снижение спроса и на создание обстановки нетерпимости.

Отдельные способы работы с теми, кто уже пьет серьезно — тут пропаганда менее эффективна, надо подключать систему здравоохранения.

Правоохранительные органы должны придумать действенные меры борьбы с производством суррогатов, и это реально, была бы воля. Например, ужесточение наказаний в уголовном кодексе: за самогонование — не жестокое, но неприятное наказание типа трудовых работ или ссылки, а за производство и распространение в промышленных масштабах — до 15 лет тюрьмы. Сразу мало найдется охотников. Отдельная тема — экономическая, с акцизами, с ценовой политикой... Но это уже позже, когда будет создана соответствующая атмосфера.

Разговоры про пресловутую «свободу выбора» надо оставить, свобода вообще не имеет отношения к выбору: там, где есть выбор, уже нет никакой свободы, свобода уже стоит как бы перед фактом и НЕОБХОДИМОСТЬЮ выбирать. Там, где говорят о свободе выбора, надо признать и правоту драгдиллера, который говорит, что предлагая наркотики, он «увеличивает степень свободы» человека, который «если хочет, может эти наркотики и не покупать, но выбор у него должен быть».

Все это лукавство: человек никогда не стоит перед некими выборами вне мира, как витязь на распутье. Человек всегда уже-в-мире, он всегда уже что-то выбрал, а мир уже выбрал его. Поэтому он от рождения вовлечен, используя наркоманский сленг, — он уже «на игле». Будучи во что-то вовлеченным, человек вовлекается дальше, неважно что это — наркотик или интересная профессия. Такова специфика человеческого существа.

Именно когда выбора нет или освобождающий выбор сделан, человеческое существо обретает свободу расти в выбранном направлении неограниченно. Особая операция переключения с одной ангажированности на другую и переводение человека в ситуацию как бы надмирового пространства, где он может выбрать свои возможности, это, во-первых, особая мыслительная операция, во-вторых, некая иллюзия (мы, например, не можем выбрать, где и когда нам родиться на свет, в каком времени и в каком народе. А раз такое положение недостижимо, то его и не следует достигать, потому что иллюзия этой свободы будет только несвободным равнодушием, искусственным сдерживанием своей сущности, импотенцией, невозможностью достигнуть ничего великого и глубокого).

Такая позиция порождает огромный экстенсивный рост возможностей без их глубокой проработки. Она замусоривает человеческий мир неподлинными возможностями, которые никуда не ведут, но скрывают от взгляда возможности подлинные, существенные для человеческой сущности. Поэтому определенные возможности могут и должны быть закрыты для человека. На этом держится любая этика.

Мы вроде бы свободны в обществе и имеем права, но вот совершаем преступление и нас лишают свободы. Почему вдруг? Можно возмутиться: что это за свобода, если ее дают только при условии, что я буду ее использовать только так, как нужно обществу? Но это правда, иначе не бывает. Что это за свобода в религии,

если мне говорят, что я свободен выбрать добро и зло, но в случае греха грозят чертями со сковородками? Тут нет никакого противоречия, именно так и должно быть: выращивание культурных злаков есть процесс не отдельный, а сопряженный с прополкой поля от сорняков — это почти один и тот же процесс. Более того, выращивание злаков происходит после подготовки поля и освобождения места для них: никто не сеет хлеб в траву, а уже потом, по ходу дела, начинает полоть. Поэтому я настаиваю: борьба с ложными возможностями, с этим «богатством выбора», с этими вредными сорняками должна предшествовать посеву доброго семени.

Борьба с пьянством есть *не лишение свободы, а освобождение* пространства от сорняков для роста здоровых культур. Сколько ни сей в замусоренную почву добрых семян, сорняк все равно победит: он живуч, проще устроен, соблазнителен, а культурный злак сложен, хрупок, редок. Поэтому «железные» общества и политика выжженной земли давали удивительных, редких и великих исторических типов, а всяческий плюрализм не только не давал таких типов, но и заглушал все подлинное и великое, предшествовал упадку и даже становился его причиной.

Любимый разговор плюралистов — о критериях подлинных и неподлинных возможностей: дескать, «а судьи кто» — отдельный философский вопрос и здесь ему не место. Можно лишь указать, что пьянство в любом случае есть возможность для человеческого существа неподлинная, сорняковая, никуда не ведущая. Ссылки на то, что многие великие люди пили, работает как раз против этого аргумента, ведь все великие дела этих великих людей были совершены в трезвом состоянии духа. Нет ни одного исторического примера великого стихотворения или великой симфонии, великого философского труда, написанного в пьяном виде, никаких расширений горизонта и творческих способностей алкоголь не производит, а то, что создано в состоянии навеселе, было создано вопреки содер-

жающемуся в крови алкоголю и было бы создано лучше без него.

Речь идет о великих и исторических вещах, а не о творчестве андеграундных музыкантов-однодневок, которые считают, что без выпивки не споешь, не сыграешь. Все озарения и творческие открытия, напротив, есть моменты наивысшей трезвости духа, во время которых кажется, что остальное время ты был как во сне или в пьяном состоянии. Такие мгновения трезвости есть результат духовной концентрации, сжатия, нагнетания духовной энергии в замкнутое пространство, а не моменты раскованности и растраты, которые может дать доза алкоголя.

Безусловно, есть люди, которые никогда не пили и ничего великого не совершили: они скучны и бесстрастны, а часто даже неприятны. Такие подобны незасеянному полю или же тому самому якобы свободному субъекту, который энергично пытается сохранить свободу и ни во что не вовлекаться, не быть ничем ангажированным и от чего-то зависимым.

Такой самоконтроль и неспособность на страсть происходят из модели мира, подразумевающей свободу как свободу выбора, поэтому подобные свободные непьющие субъекты чаще всего и выступают против запрета алкоголизации. Они получают удовольствие из осознания своего превосходства, из возможности морально осуждать падших и из ощущения своей силы воли. Поставь запреты, и такой «державший себя в руках и знающий меру» потеряется, перестанет быть уникальным. Но ведь именно таких надо брать во власть, считают они, чтобы управлять остальным слабым быдлом. Поэтому пусть не будет запретов, пусть будут соблазны, и по успешности противостояния этим соблазнам мы будем судить о силе характера!

Это жестокая, бесчеловечная и ложная теория, потому что человеческое существо «всегда уже выбрало», оно никакой не субъект и может быть только случайной иллюзией такового у некоторых людей на

некоторый период времени. Кроме того, эти скучные субъекты порождают скучное самоконтролирующееся бюрократическое государство наверху и падшее, соблазненное общество внизу. Поскольку, как говорил Гегель, ничто великое не совершается без страсти, на страсть в таком обществе способен только пьяный низ, а он произведет только пьяный бунт. Верхи же в таком обществе будут только воспроизводить данную систему, причем каждая следующая копия будет хуже предыдущей.

Поэтому нужны страстные люди именно в верхах: страстные позитивными страстями, увлеченные, вовлеченные, рискующие. Но там, где свобода дана соблазнам, там страстные до верха не доберутся, они поддадутся соблазну и уйдут в него с головой значительно раньше. Нужно общество, прямо противоположное только что описанному: нужны страстные верхи и бесстрастные низы. В обществе, где негативные страсти запрещены, неумение или нежелание во что-либо броситься с головой, любить до смерти, например, свое собственное дело, такая позиция сама будет приводить к тому, что такой скучный человек окажется внизу.

Общество, в котором разрешен алкоголь, заточено на отрицательный отбор, ибо алкоголизации в первую очередь подвержены самые талантливые, самые пассионарные, самые страстные. Именно они, не знающие меры в любом гениальном деле, в первую очередь не будут знать ее в вине, которое ближе лежит, и до гениального дела тут может вообще не пойти.

Алкоголь, таким образом, наносит удар не по самым слабым, как думают гордящиеся собой приверженцы «меры» и «держания себя в руках», а по самым сильным, гениальным и талантливым, чья сила проявляется в позитивном умении отдавать себя делу, а не в отрицательном умении держать себя в руках и ничему не отдаваться. Сила воли состоит не в противостоянии соблазну и страсти, а в умении отдаться этой страсти,

но дело, которому со страстью отдаются, должно быть позитивным. Алкоголь же огромная ловушка для всех потенциальных гениев, он, как магнит железо, вытягивает их из общества и бросает на дно жизни, оставляя в обществе индифферентный бюрократический пластик.

Тому, кто не подвержен алкоголю, нечем гордиться, скорее всего, он и ничему другому не подвержен. То, что наше общество пьет, говорит о его потенциальном таланте. То, что пьют в селе, еще раз подтверждает, что село — кладовая народного духа. Внешний запрет и самозапрет очень различны. Представьте широкую реку, которую запрудили плотиной, поставили турбины создали водохранилище... Такая река будет делать полезную работу, вырабатывать электричество. Если же река сдерживает себя сама, то это либо бессмысленный изгиб, либо ее прекращение и истощение. И если настанет момент, когда, в отсутствие всяких запретов, все общество постепенно перестанет пить и будет «знать меру и держать себя в руках», это будет момент величайшей трагедии, поскольку будет означать, что общество выродилось и превратилось в сборище скучных бюрократических филистеров, «свободных субъектов», «сделанных из дерьма и стали», как говорил великий гений-алкоголик Венечка Ерофеев, а на самом деле общество «последних людей», о которых писал Ницше: «...более всего они почитают здоровье».

Поэтому никакой «пропаганды здорового образа жизни» в смысле бесстрастности и сдержанности, а только пропаганда страстного запрета на алкоголь! И пропаганда иных, позитивных страстей, увлечений, глубин, в которые можно окунуться без остатка, пропаганда опасностей. Человек жаждет риска, он хочет заглянуть в глаза смерти — это его сущностное, но не сознательное желание. И всякий разговор о том, что то или иное вредно для здоровья и опасно реально только соблазняет его душу. Поэтому, например, совершенно бесполезна антинаркотическая и антиалкогольная

пропаганда на медицинском языке: она даже работает скорее на то, против чего выступает.

Молодежь, например, хочет неизведанного и опасного, а ей со всех экранов подсказывают, что именно «опасно». И кто говорит? Старички с бородаками в белых халатах, совершенно неавторитетные для молодежи люди, или же стерильные с фитнезированной телами отличники, что мальчишки, что девчонки, ненастоящие, бездарные, справедливо обвиняемые молодежью в карьеризме. На фоне таких любой алкоголик-музыкант или наркоман-художник будет выглядеть настоящим. Он и есть настоящий, потому что не «свободный независимый субъект», а пассивный человек судьбы. Таких ни с кем не спутаешь, такими и должны быть герои, но только уходящие в другие опасные пути и подверженные позитивным страстям.

Великие путешественники, космонавты, святые, воины прекрасно вдохновляли молодежь и не были при этом алкоголиками и наркоманами. Нужна пропаганда позитивных страстей и опасностей вместо негативных, а не пропаганда здоровья, сдержанности, независимости, равнодушия, толерантности, самостоятельности. Нужна пропаганда чего-то заразного, а не «здорового», не самодостаточности и самолюбования, а подвига, ведь подвиг — это всегда отказ от себя, жертва. Но жертва не молоху пьянства, а великому.

В 2008 году группа инициативных женщин решила провести второй в истории России женский съезд. Первый был ровно 100 лет назад. Отличный повод. Арендвали Колонный зал Дома союзов. Задумались, о чем будут говорить. Я дал совет: «Проблема алкоголизма стоит в обществе очень остро. Прочитайте мои материалы, властям, хотя бы они или нет, придется эти вопросы решать. Но власти сами боятся поднять эту проблему, так как над всеми довлеет «проклятие Горбачева». Есть две силы в обществе, которые могут законно поднять эту тему: женщины и Церковь. Про-

ведите съезд и, если хотите, чтобы о вас написали все СМИ России, примите резолюцию с обращением к президенту о «сухом законе» от имени всех страдающих российских женщин. Это будет мощный информационный повод. И сами прославитесь, и про ваш съезд все узнают, и власти вы услугу окажете». Испугались. На съезде занимались традиционной полуфеминистской болтовней. В итоге про съезд написали всего два интернет-ресурса. И то потому, что их попросили. Исторический второй женский съезд в России никто абсолютно не заметил. Стоило ли Колонный зал снимать? А уже через пару месяцев вопрос все равно был поднят, но теперь уже Церковью в лице арх. Тихона (Шевкунова). И встречен властью сразу и с энтузиазмом.

К сожалению, все пошло по традиционному и не совсем верному пути. Опять упор на медицину и здоровый образ жизни в пропаганде. И опять речь не о «сухом законе», а всего лишь об ограничениях продаж, и то для подростков... Вновь слышны софистические возгласы, оплаченные алкомафией, что надо бороться не ПРОТИВ пьянства, а ЗА трезвость... Говорят, в 1941 году фашисты сбрасывали на наши позиции листовки о том, что надо мыслить позитивно, бороться не ПРОТИВ немцев, а ЗА Родину, любить ее тихо в углу, а немцев не трогать... Хорошо, что наши деды были полуграмотными крестьянами и этих разводов просто не поняли...

Идущая сейчас пропаганда конечно даст какой-то эффект, но наша проблема настолько серьезна, что решать ее в будущем придется тоже серьезными методами. Все только начинается! Если ты патриот — будь в первых рядах борцов. Иди на риск быть непонятым знакомыми. Не умеешь красноречиво объяснять, почему выступаешь против пьянства — дай им почитать эту книгу. С кого-то, в конце концов, должно начаться настоящее движение по возрождению России, и это великая историческая честь — быть первыми в таком благородном деле!

Все говорят, что проблемы России в экономике, в политике и проч. Мы хотим сделать стране лучше, но как мы можем влиять на экономику и политику? Мы только можем кивать на власть: пусть она сделает... А не сделает, кинемся ее проклинать... Но в случае с пьянством у каждого лично появляется простой способ помочь своей стране — не пей сам и пропагандируй трезвость. И эффект от этих действий в 100 раз важнее, чем вся политика и экономика, которые производны от трезвости.

ГОМЕР И СОЛЖЕНИЦЫН

Знакомство с Троей

В 2006 году я побывал в Трое, той самой, которую осаждали греки и у чьих стен совершали подвиги Ахиллес, Аякс, Гектор, Одиссей. Я прикоснулся к священным камням и постоял там, где стояли Ксеркс, Александр Македонский, Цезарь, Константин Великий и другие. Сфотографировался рядом с муляжом «троянского коня», побродил по десяткам культурных слоев, раскопанных археологами, старейший из которых свидетельствует о наличии здесь города еще 5000 лет назад! Нам рассказывали о чудесном человеке Генрихе Шлимане, который чуть ли не единственный из современников верил в то, что Троя — не сказка, не выдумка Гомера, а реальный город. Мало того что верил, он еще и, пользуясь данными в гомеровских поэмах географическими подсказками, нашел и раскопал Трою! С тех пор сказанное Гомером стали считать абсолютной исторической истиной, а не поэтическим произведением.

На мой взгляд, заслуги Шлимана сильно преувеличены, да и выводы из его открытия относительно достоверности излагаемого Гомером сделаны слишком широкие.

Начнем с того, что удачливый спекулянт Шлиман, довольно серьезно обворовавший Российскую империю на военных поставках во время Крымской войны и бросивший в России семью, ничего особенного не сделал. Его представляют как великого романтика, но этот деляга просто хотел раскопать сокровища и «загнать» их мировым музеям по приличной цене. Когда нашел клад, отнюдь не троянский, он его незаконно вывез из Турции и торговался с Лувром, Британским Музеем и Эрмитажем...

Найти Троию не представляло труда: если предположить, что был город, настолько могучий, что воевал с объединенными силами всей Греции, значит, этот город контролировал основные торговые пути и поэтому должен был стоять на бойком месте. Более того, такое «свято место пусто не бывает»: если город стоит на перекрестке торговых путей, он возродится после любого разгрома. Выходит, какой-то город и сейчас занимается тем же, чем занималась в свое время Троя — контролирует маршруты и богатеет. Не надо далеко ходить, чтобы увидеть: это Константинополь-Стамбул, великий именно тем, что контролирует проливы из Черного и Мраморного морей в Эгейское и Средиземное. Проливы — два, Стамбул стоит на Босфоре, а его великий предшественник стоял, очевидно, на Дарданеллах. Географические детали в поэмах Гомера на это и указывают. На Дарданеллах стоять даже выгоднее, поскольку ты одновременно контролируешь не только узкие проливы, но и сухопутные пути Малой Азии, и вообще стоишь лицом ко всей Ойкумене, а не спрятан в далеком Черном море. Кто может быть могущественнее владыки, контролирующего ворота между Европой и Азией? Лучшего места для города просто не найти.

Когда это уяснили, нужно прикинуть и посчитать, как далеко ушло море за 3000 лет после описываемых событий и поискать в окрестностях входа в Дарданеллы какие-нибудь холмы, остатки крепостей, послушать легенды местных жителей. А далеко ходить и не надо было: еще в 1820 году Ч. Макларен нашел в шести километрах от моря холм с названием Хиссарлык, что переводится с турецкого как «крепость», и высказал гипотезу, что это и есть Троя. Шлиман нанял недорогих рабочих с лопатами и стал рыть прямо в центре холма, варварски, сквозь все культурные слои, пока не докопался сначала до развалин стен, а потом и до предметов роскоши. Найденные им ожерелья, диадемы, кольца, броши, браслеты таились в культурном слое на тысячу лет старше того, который приблизи-

тельно соответствует «гомеровской Трое», но Шлиман объявил найденное «кладом Приама», царя Трои (прекрасный маркетинговый ход).

Музеи мира, однако, отказались иметь дело с нечистым на руку Шлиманом: не захотели купить и даже принять в дар сокровища, по сути украденные у Турции. Поэтому клад завис в Германии, а уже после победы 1945 года Сталин приказал передать сокровища в музеи Москвы и Петербурга, где они пока большей частью и пребывают. И правильно: надо же как-то компенсировать украденное на военных заказах жуликом-Шлиманом у Российской империи.

Позже профессиональные археологи выяснили, что 46 культурных слоев можно условно разделить на несколько эпох, которые пережила Троя. Троя-1 (3000—2600 годы до н. э.) представляла собой стену с бастиянами и относится к догреческой культуре. Троя-2 (2600—2450 годы до н. э.) — это большой город минойской культуры, со стенами в четыре метра толщиной, мощеными улицами и воротами. Именно в этом слое и нашел Шлиман свой клад. Эта Троя была уничтожена внезапным пожаром, горелый слой иногда достигает двух метров. Далее идут Троя-3 (около 2390—2220 годов до н. э.), Троя-4 (около 2220—2000 годов до н. э.), Троя-5 (около 2000—1700 годов до н. э.), состоящая из небольших городов, возникших на месте сгоревшей столицы — они не представляют большого интереса.

Иное дело Троя-6, относящаяся к 1700—1250 годам до н. э. Это истинно великий город из блочных стен пятиметровой толщины, с четырьмя воротами, с площадями и дворцами. Но он был уничтожен землетрясением, стены покрыты соответствующими трещинами.

Далее идет самое интересное, а именно Троя-7. Она относится к периоду 1250—1000 годов до н. э. Именно тогда случилась знаменитая «тройанская война». Если быть точным, то между 1220 и 1180 годами до н. э. Есть разные расчеты, но они все попадают в

означенный створ. По разным данным, война длилась несколько лет, Гомер говорит о девяти годах. Возвращение греков на родину из-за каверз богов тоже было долгим — чуть ли не 20 лет. По одному преданию, которым, видимо, воспользовался Гомер, сочиняя Одиссею, в день их возвращения «солнце исчезло, и тьма на него набежала». Кроме того, была «ночь без Луны». Это явные признаки солнечного затмения, которое состоялось 16 апреля 1178 года до н. э. Даты солнечных затмений, как прошлых, так и будущих, сегодня рассчитать довольно легко, что и сделали Марчело Магнаско, профессор физико-математической кафедры американского университета Рокфеллера, и Константино Байкузис из аргентинской обсерватории в Ла-Плата. Так что по крайней мере возвращение Одиссея домой известно, значит, и война была незадолго до этого, то есть на рубеже XII—XIII веков до н. э.

Согласно одной из легенд, основателем Трои был некий Ил, а после него царем стал сын Лаомедонт. Именно при нем Троя достигла могущества и контроля над всей Малой Азией, Гелеспонтом, то есть Мраморным морем, над проливами Босфор и Дарданеллы и проч. Именно Лаомедонт строил оросительные сооружения, возвел в буквальном смысле «город на вершине холма», где уже обустраивались поселенцы. По этой же легенде стены города строили Аполлон и Посейдон, притворившиеся странниками. Далее легенда повествует, что Лаомедонт обманул Геракла, пообещав ему коня за какую-то работу, и из мести обманщику Геракл разрушил город. Он умертвил Лаомедонта и его наследников, а дочку Гесиону отдал своему другу Теламону. При этом Гесионе разрешили взять с собой одного человека. Она выбрала маленького брата — Подарка и заплатила за него выкуп. С тех пор Подарк стал зваться Приамом, то есть «искупленным». Очевидно, что легенда рассказывает о Трое-6, могущественном городе, а землетрясение, которое его разрушило, ин-

терпретируется как гнев Геракла. Гомер пишет, что город царя Приама был построен заново, и это еще раз указывает на то, что речь идет о Трое-7. Кроме того, Приам во время «тroyанской войны» был старцем. Выходит, как раз во время землетрясения, время которого установлено точно, он был младенцем, что соответствует легенде.

Что из себя представляла Троя-7? Город после землетрясения был отстроен заново. Но он стал многолюднее, улицы теснее, дома меньше. В пол домов вделывались большие кувшины для припасов, скорее всего, на случай тяжелых времен. Первая фаза Трои-7, обозначаемая 7а, была уничтожена огнем. Но это случилось, похоже, несколько позже, чем «тroyанская война». Более того, позднее к жителям Трои присоединилось (или временно их покорило) иное, более примитивное племя, принесшее грубо изготовленную (без гончарного круга) керамику, которая стала характерной приметой Трои-7б.

Итак, делаем выводы из археологических находок. Город вовсе не разрушен греками, как писал Гомер в «Илиаде», а просуществовал несколько веков. Да, похоже, он пережил войны и нашествия, но был покорен позже неким негреческим племенем. Запомним этот вывод, он пригодится нам дальше.

Троя-8 (850—885 годы до н. э.) действительно полностью находится под влиянием греческой культуры. Город носит название Илион и хорошо известен историкам. Он уже не так могуч, так как несколько раз переходил из рук одного государства в руки другого. В 480 году до н. э. город посетил персидский царь Ксеркс, а в 334 году до н. э. — Александр Македонский. После распада его империи город достался Лисимаху, который возвел вокруг Трои стены. Потом Илион вошел в Римскую империю, в нем строились храмы и театры. Однако в 85 году до н. э. из-за противоречий с Римом город был вновь разграблен и разрушен, на этот раз войсками римского наместника Флавия Фимбрия.

Троя-9, относящаяся к периоду 85 год до н. э. — 500 г. н. э., была восстановлена диктатором Суллой, затем активно строилась и при Юлии Цезаре, и при Октавиане Августе. Константин Великий посетил Трою, желая сделать ее новой столицей империи, но море уже далеко отступило от города, и Константин остановил выбор на городе Византии, который позже стал Константинополем, а еще позже Стамбулом. В Средние века город оказался заброшен, ведь все геостратегические выгоды перешли к Константинополю, и Троя превратилась в холм, который и раскопал Шлиман аж через полторы тысячи лет после забвения. Сейчас там музей и туристическая точка, которая приносит небольшой доход Турции.

Мир после войны

Вернемся к Трое-7. Во всех учебниках истории в мире написано, что произошла война между греками и троянцами, причины которой были чисто экономическими: контроль над торговыми путями через проливы, контроль над Малой Азией, которую активно хотели колонизировать греки. Поводом стали какие-то матримониальные и династические споры: кто-то у кого-то украл невесту и проч. В этой войне между Европой и Азией якобы победили греки, они сожгли Трою после долгой осады.

Позвольте, если все так, очевидно, греки и должны были воспользоваться плодами победы! Мы должны были бы увидеть, что после войны Троя не существует или становится греческой, греки колонизируют всю Малую Азию и даже приходят в Мраморное и Черное моря. Мы должны были увидеть взрывной рост греческой цивилизации.

Что же мы видим на самом деле? Прямо противоположное. Период между 1200 годом до н. э. и 900 годом до н. э. называется историками «темными веками». Чем характерны эти темные века? Полным прекра-

щением греческой колонизации, завоеванием и распадом Греции, падением греческих царей и династий, всех этих Агамемнонов, Эдипов, Одиссеев, Менелаяв, Тесеев, династий пелопидов, гераклидов и их потомков и т.п., о которых остаются только легенды, ставшие потом основой для сочинений рапсодов и более высокой поздней поэзии времен Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла, Эврипида и других.

Темные века характеризуются упадком предшествующей культуры и отсутствием достоверных сведений об исторических событиях, потерей исторической памяти. Такое случается не после великих побед, а после великих поражений! Посмотрите на легенды тех времен, взятые за основу великими трагиками. Как вернулся домой «победитель троянцев» царь Агамемнон? Его убила собственная жена Клитемнестра, а ее любовник Эгисф принят подданными как царь! Можно ли такое помыслить, если воротился с победой законный царь в силе и славе? Никто бы не посмел на него покушаться: люди боятся гнева богов, которые покровительствуют герою. А разве приняли бы горожане узурпатора, который убил великого победителя? Абсурд.

Но допустим, этот эпизод вообще сочинил Софокл, хотя у греков не в традициях было сочинять, они, скорее, давали свою трактовку известной легенды, мифа, делали свою постановку... Но ведь то же самое с другими «победителями» происходит! Цари Диомед и Неоптолем изгнаны с Пелопоннеса! Брат Агамемнона — Менелай, после войны, по легенде, оказывается вообще не в Греции, а в Египте. Он якобы женился на местной царевне, а вовсе не вернулся с отбитой у троянцев Еленой. Во всяком случае, о жизни Менелая и Елены в Греции вообще никаких данных не сохранилось. В Египте, наоборот, есть даже округ, названный его именем, и он существовал более тысячи лет.

Наконец, хитроумный Одиссей. Почему он аж 20 лет не едет домой? Боги мешали? А если серьезно?

Очевидно, зная о приеме, который был оказан другим царям, он боялся или стыдился. Женихи спокойно сватают его жену Пенелопу, издеваются над сыном Телемахом, расхищают царскую казну, и никто из друзей Одиссея за них не вступается. Стали бы так вести себя женихи, если бы не знали, что царь унижен? Нет: победитель внушает трепет.

Возможна версия, согласно которой греческое войско было истощено войной, а основной флот возвращался зимой и разбился о камни. Но зачем он возвращался в неблагоприятный сезон? И если уж был захвачен богатейший город, то разве возвращаются истощенными? Наоборот, идут с добычей и в удобное время года. Здесь же возвращались все по отдельности, чего тоже не бывает после победы, да еще так спешно, в неудобное время, что скорее напоминает бегство.

Теперь посмотрим, как изменилась политическая карта после этой «победы греков». Оказывается, тотальное господство над всеми троянскими владениями захватили фригийцы — народ, пришедший из Македонии или Фракии. Во время войны с греками они выступали на стороне Трои! Сразу после войны они частично селятся в Трое (в Трое-7 более позднего периода находят следы более примитивной, негреческой, но европейской по происхождению культуры, которая как бы подселилась к троянцам). Сразу после этого фригийцы покоряют Хеттское царство.

С X по VIII век до н. э. Фригия была самым могущественным царством, подчинившим себе все Эгейское море. Столица была в городе Гордион, названном по имени царя Гордия (того самого, кто, по легенде, завязал узел, который никто не мог распутать и его спустя столетия разрубил Александр Македонский).

Четыре сотни лет Фригия была великим государством! Царь Фригии, легендарный Мидас, якобы превращал в золото все, к чему прикасался. Не правда ли красноречивый образ, много говорящий о могуществе Фригии? Только спустя 500 лет после «троянской вой-

ны» начался закат Фригии. Сначала туда вторгаются племена вифинов и мисийцев, затем идут войны с Ассирией, потом вторжение киммерийцев... И только в VI веке до н. э., то есть спустя 600 лет после возникновения, Фригия теряет суверенитет и подпадает под власть Лидийского царства, при этом сохраняя автономию.

Лидия перехватывает у Фригии и славу самого богатого государства, и теперь уже лидийский правитель Крез — легендарный богач. Это продлилось недолго, скоро и сама Лидия была захвачена Киrom. Персидское господство длилось менее 200 лет, саму Персию в IV веке до н. э. покорил Александр Македонский. Затем Фригия досталась диадохам, потом ее разделили между собой галаты и Пергам, а на рубеже тысячелетий часть ее вошла в римскую провинцию Галатия, а часть — в провинцию Азия.

Итак, истинным победителем из войны между греками и троянцами вышла Фригия. А что стало с самими троянцами? Троя продолжает существовать. Правда, ее жители смешиваются с фригийцами. Потому что Приама даже взяли себе некоторую часть греческих земель: Гелен присвоил кусочек Эллады — Эпир, Антенор стал властвовать над генеттами в Адриатике, Эней же, по легенде, направил экспедицию в Италию и якобы его потомки основали Рим.

Возможно, насчет Рима чистый вымысел, но то, что Троя после «троянской войны» оказалась в лучшем положении и даже учинила небольшую экспансию — очевидно. Правда, сил на серьезное завоевание у нее не хватило. Возможно, троянцы действительно надорвались в войне и победили греков только при помощи фригийцев, за что им пришлось потом этим же фригийцам практически отдать власть. Может, после победы Трои над греками фригийцы коварно захватили ослабленный город. Тут можно предполагать, но факт остается фактом: греки в этой войне, очевидно, понесли серьезное поражение. И только спустя 300 лет(!!!) распавшаяся Греция начинает объединяться.

Сначала Лакония объединяется под властью Спарты, в 888 году до н. э. приняты законы Ликурга. В 776 году до н. э. проводятся первые Олимпийские игры, еще через 100 лет появляются поэмы Гесиода, толкующие о происхождении мира, богов и людей.

Достоверные сведения о греческих колониях в Малой Азии (Милет, Эфес) так же относятся к VIII веку до н. э. Тогда же и сам Илион становится греческим (так называемая Троя-8). Расцвет греческой культуры — великие философы Анаксимандр, Гераклит и Парменид (VII—V века до н. э.). Потом великие победы Греции над персами, потом Сократ, Платон и Аристотель. То есть классическая прекрасная Греция «случилась» аж через 800 лет после «победы» над Троей!

Гомеровский вопрос

А откуда вообще известно про эту победу? Кто говорит о победе, если никаких фактов за нее нет и все факты против?

О победе впервые заявил Гомер в «Илиаде» и «Одиссее». Затем эти произведения искусства стали классическими, и настолько классическими, что все греки знали их наизусть аж до «эпохи эллинизма» включительно. Если взять время написания «Илиады» — VIII век до н. э., то получится, что 1000 лет все греки воспитывались только на Гомере. И уже за Гомером все остальные греки и весь мир повторяли, что греки победили троянцев. За 1000 лет это можно вбить в голову кому угодно. А за остальные 2000 лет никому в голову не пришло это опровергнуть или перепроверить. Хотя кое-кто все же возражал.

Что же это за «глыба», что за «матерый человечище» — Гомер, который переписал историю? Здесь мы встречаемся с загадкой. В филологии существует даже так называемый «гомеровский вопрос». Очевидно, что «троянская война» была самым масштабным событием той эпохи и, как всякая война, стала

основой эпосов и былин, как скандинавский эпос складывался скальдами после походов викингов, а русские былины появлялись после войн с хазарами. Былины и песни сочинялись многочисленными народными певцами и игроками на народных инструментах. Как правило, это были бедняки, юродивые, увечные, слепые, которые сложением песен зарабатывали себе на жизнь. Я. Марр высказывал точку зрения, что слово «гомер» вообще не имя собственное. В древних языках оно означает «слепец», причем не всякий, а именно побирающийся и промышляющий искусством. Есть легенда, что Гомер и был слепцом, то есть Гомер был «гомером». Автор так же мог взять себе этот звучный древний псевдоним. Представьте: кто-нибудь сегодня написал эпическую поэму и подписал ее «Пророк» или «Медиум». А ведь слово «гомер» означало то же самое и имело налет древности и мистики.

Но был ли сам Гомер как личность? Все его биографии и изображения относят к гораздо более позднему времени, чуть ли не к эпохе Октавиана Августа, поэтому они недостоверны. Уже во времена Геродота существовало мнение, что Гомер — не один человек, а множество певцов, но Платон и Аристарх считали, что «Илиаду» и «Одиссею» написал один человек. Уже из этого, однако, очевидно, что «Илиада» и «Одиссея» существуют как некие целостные произведения и они известны широкой публике. Правда, есть вопрос: та ли это «Илиада», которую сейчас знаем мы, ведь до нас дошел список III—IV века. Понятно только, что какая-то «Илиада» уже существовала, и общий смысл ее был тот же, и приписывалась она уже некому Гомеру. Его, кстати, ругает Гераклит за неразумие и излишнюю попсовость.

В александрийскую эпоху Ксенофан и Геллоник высказались за то, что «Илиада» и «Одиссея» принадлежат разным людям, так как иначе невозможно объяснить, что женою Гефеста, по «Илиаде», была Харита, а по «Одиссее» — Афродита, или то, что у Нестора,

по «Илиаде», считалось 11 братьев, а по «Одиссее» — только два и т. д. Однако критические взгляды не укрепились, и верх одержало мнение Аристарха, считавшего, что обе поэмы принадлежат Гомеру: «Илиада» была написана поэтом в молодые годы, а «Одиссея» — в старости.

И вот в 1795 году филолог Вольф с истинно немецкой тщательностью предпринимает критическое исследование творчества Гомера. Его вывод: «Илиада» и «Одиссея» композиционно слабы и противоречивы, содержат множество нестыковок и неточностей, различные места поэм написаны довольно разным по времени и местам происхождения языком и разными по таланту авторами, сводкой и редактированием единого текста занимались бездарности, а окончательная редакция произошла в VI веке до н. э. при дворе афинского тирана Пизистрата. Авторитет Вольфа и сегодня велик, у него много последователей, в том числе видный современный российский ученый Л. Клейн. Есть и масса так называемых «унитаристов», то есть тех, кто доказывает, что был некий единоличный автор — Гомер.

Аргументы «унитаристов» таковы: наличие архаичных слов и информации о событиях, которые явно произошли в период «тroyанской войны», свидетельствует только о том, что Гомер работал с материалами древних саг, песен и былин, а многие из них были известны народу. И поэтому он вплетал цитаты, согласно греческому обычаю без всяких кавычек, в свой текст. Противоречия в композициях и деталях могут смущать скучного немецкого ученого, но не истинного художника, в творчестве это называется художественными условностями. В конце концов, если разобрать любую книгу современного поэта или писателя, допросить с пристрастием, окажется, что там тоже масса нестыковок, шероховатостей, небрежностей и прочего, а уж нестыковок между разными произведениями одного автора даже с общими героями вообще бесконечное множество. Да, отдельные части поэм написаны явно

не в ударе, зато какое огромное количество сочных фраз и метафор попадает в других местах. А есть вообще гениальные куски. Ну и что? Обычное дело. Еще Маяковский говорил, что «поэзия та же добыча радия», и ради единого слова можно извести много руды. А что, у Пушкина или других поэтов все произведения равно гениальны? Нет, но это не отменяет единоличного авторства.

Скорее всего, прав филолог Ховальд, который считает, что есть «малые коробочки, вложенные в одну коробку». То есть Гомер был неким поэтом, который объединил ходившие тогда предания и сказания и на их основе попытался собрать законченное произведение со своей интерпретацией событий. Все возможные «швы» между сказаниями и преданиями он попытался замазать, а пробелы — восстановить. Добавил кое-что и от себя. Возможно, в его редакторский текст внесли мелкие изменения и добавления более поздние переписчики и редакторы. В целом же произведения эти высокохудожественные, что позволяет говорить об одном авторе, поскольку никакие великие вещи не пишутся по принципу буриме.

Чтобы целостное произведение могло сохраниться, а не распастись обратно на такие же куски, оно должно быть записано, а потом многократно скопировано и переписано и распространено по всей Греции. Греки обладали письменностью уже в IX веке до н. э. Следовательно, между VIII и VI веками произошел свод сказаний в две единые поэмы. С VI века до н. э. поэмы Гомера прочно внедряются в систему греческого образования, становятся обязательными для изучения всякого образованного эллина. Сами поэмы написаны не ранее VII—IX веков до н. э., то есть спустя 300—500 лет после описываемых в них событий.

Представьте: сегодня кто-то взялся описывать Смутное время, не имея возможности пользоваться ни музеями, ни книгами исторической науки, а только с опорой на народную молву.. С одной стороны, 300—500 лет — срок достаточный для того, чтобы накопи-

лось огромное число различных преданий, с другой стороны, все события уже не совсем актуальны. Попытка заявить о том, что греки победили троянцев на 300 лет раньше, вызвала бы отторжение: слишком велика была горечь поражения и слишком нелепо и контрастно это бы выглядело для исторической народной памяти. А вот в VIII веке до н. э. для объединяющейся Греции, возрождающейся, наконец-то пережившей боль поражения, выходящей на новую историческую арену, новая интерпретация события было «самое то, что доктор прописал».

Мы сплошь и рядом наблюдаем ревизию истории. Не успела какая-нибудь Украина получить независимость, а уже на нас сыплются «исторические сочинения» про то, что «украинцы самые древние люди на земле», они «открыли Америку», «основали Иерусалим», «кормили хлебом всю древнюю Европу» и, кстати, эти же «историки» и Гомера объявляют «великим украинским писателем»...

Гомер был великим фальсификатором, создателем великого народного мифа новой Греции, его «матричной книги». Гомер, если можно так выразиться, и создал новую Грецию. Неважно, действовал он первоначально по личному почину или выполнял политический заказ новых нарождающихся сил, или же наоборот, сам стоял у истоков возрождения Греции и своим творчеством подтолкнул и создал его. Важно то, что позже он пророс во всю греческую культуру. Его язык надолго определил развитие греческого языка вообще, а также развитие поэтических канонов. Поступки героев определяли нормы нравственности и много чего еще. Гомер — это то, что спланивало греков как народ, хотя политически они были разделены и отстояли на тысячи километров друг от друга. Сделанное Гомером можно сравнить с тем, что сделал Моисей для Израиля.

Поэтому авторитет Гомера был еще довольно шатким в V веке до н. э., его мог себе позволить ругать Гераклит, и он уже был абсолютно непоколебим в чуть более поздние времена, вплоть до эпохи эллинизма.

Первое разоблачение

Честь первому разоблачить Гомера принадлежит Диону Хризостому (Златоусту), который жил в 40—120 годах н. э. Я открыл его случайно, просто потому, что иногда люблю почитать греческую классику. Дион написал «Троянскую речь в защиту того, что Илион взят не был». До сих пор эта речь числится в списке неких «приколов». Дескать, была такая традиция— хвалить в речах города, в которых ты побывал, вот Дион и придумал в Трое похвалить Троию таким искусным образом. И вообще Дион был софистом, а те чего только ни выдумывали для эпатирования народа. Известно же, что искусство софиста состоит именно в умении доказать все что угодно.

Однако внимательное изучение биографии, творчества и личности Диона Хризостома приводит к выводу, что софистом он не был. Во-первых, он неоднократно и очень резко критиковал софистов, в том числе и в означенной речи, во-вторых, софистом его не считали его ученики и поклонники, в-третьих, другие его произведения и речи никак не похожи на игры софистов. Он серьезен и в других речах, и в этой, однако, до сих пор никто всерьез так и не отнесся к аргументам Диона относительно поражения греков и победы троянцев. В предисловии к сборнику, в котором троянская речь опубликована, так и сказано: мол, Дион «парадоксально и в шутку выворачивает миф о войне».

А ведь он не шутил! Великолепный ритор, эрудированный ученый, знаток кинической и стоической философии, поклонник просвещенной монархии и ненавистник софистов и демократии, которую он считал властью глупой толпы, Дион всегда стремился бороться с «мифами общественного сознания» и, если эпатировал публику, то только показывая ее заблуждения и пороки. Одним из заблуждений считал он и мнение о победе греков над Троей.

Речь начинается с приведения свидетельства египетского жреца из Онуфиса, который поведал

ему истинную причину начала «тройной войны». Египтяне записывают исторические события на стенах и стенах храмов, и естественно, такое великое событие не могло быть не отражено. Жрец смеется над греками, которые верят поэтам, а не фактам, Дион рекомендует жреца как почтенного и честного человека.

Почему такое начало свидетельствует за честность самого Диона и напроць отменяет обвинения данной речи в софистике? Дело в том, что искусство софиста заключается в диалектике, умении выворачивать те или иные аргументы наизнанку. Приведение свидетельства в самом начале речи и ссылки на то, что «где-то кто-то что-то говорил и поэтому вы неправы», с точки зрения софиста — выдающийся непрофессионализм. Дион был ритором высочайшего класса. Если бы он захотел сложить речь в духе софистов, он никогда бы не стал прибегать, да еще в самом начале речи, к столь дешевому приему как ссылка на некий мало проверяемый источник. Диона бы тут же освистали! Именно поэтому можно быть уверенным, что свидетельства жреца — подлинные! Дион передает то, что слышал, а значит, к археологическим данным и данным политэкономической истории, которые свидетельствуют против версии Гомера, добавляются историко-эпические данные.

Дион обращает внимание на композицию «Илиады». Дескать, Гомер рассказывает не с начала и по порядку, а создает путаный рассказ с постоянными отступлениями, флэшбэками, отвлечениями на споры богов. Именно так поступают все лгуны, желающие запутать слушателя, скрыть главное, выпятив неважное. В «Илиаде», например, ничего толком не сказано ни о начале, ни о конце войны. Начинается поэма с гнева Ахиллеса ближе к концу войны, а заканчивается выдачей тела Гектора. Про захват Трои говорится уже в «Одиссее». Дион приводит десятки мелких гомеровских утверждений, противоречащих фактам и здравому смыслу, и заключает, что тот был *«самым отчаянным*

вралем и когда лгал, проявлял не меньше спокойствия и важности, чем когда говорил правду».

Согласно свидетельству египетского жреца война действительно началась из-за неудачного сватовства. Царем Спарты был некий Тиндарей, у него были два прекрасных сына-полководца и две дочери: Клитемнестра и Елена. Царь Афин Тесей напал на Спарту, силой захватил Елену, но спартанцы быстро отбили ее. Есть даже храм в Греции, посвященный этому событию. Война никому не была нужна и, чтобы уладить дело, выдали Клитемнестру за сына Тесея — Агамемнона. Елену же Агамемнон предложил выдать за своего брата Менелая. Но Тиндарей на это не пошел: он и так уже породнился с Афинами, теперь хотел породниться с кем-то еще, не менее могущественным.

Сваты пошли от всех царей Греции, а также из Трои, города, который управлял всей Малой Азией. Тиндарей и остановился на Трое, то есть отдал Елену принцу Парису, сыну Приама. Поэтому брак был законен. Менелай и Агамемнон обиделись и так же стали подначивать других женихов-неудачников: давайте все вместе отомстим троянцам за обиду, а заодно разграбим самый богатый город в Ойкумене. Так через несколько лет греки приплыли под Трою, разбили лагерь и стали осаждать троянцев.

Предположить же то, что сообщает Гомер, нелепо. А именно: что Елена сначала стала женой Менелая, родила дочь, а потом ее похитил никогда ее не видевший ранее Парис, бежал с ней через всю Элладу и его не догнали... Как Елена могла поддаться на уговоры Париса, которого не знала? И вообще как она могла с ним даже встретиться? Чтобы объяснить это, Гомер придумал сказку: мол, эту нелепую любовь устроила Афродита...

Затем, не сразу, а 10 лет собирается войско и приходит под стены Трои. Троянцы же, совершившие позорный поступок, не выдают Елену, а предпочитают несколько лет терпеть осаду, сражаться до смерти. За-

конная жена, украденная одним из принцев, по обычаю должна быть сразу возвращена, еще до прихода греков: зачем такой позор царю Приаму и другим его детям? Это ведь настроило бы против него весь мир, да и жителей собственного города: они-то зачем должны терпеть бедствия из-за прихотей царского сына? Кроме того, известно, что братья Елены не участвовали в походе против троянцев. Чтобы как-то объяснить это, Гомер сообщает, что они умерли... Очевидно, правда и справедливость были на стороне троянцев, и Елена была законной женой Париса, а вот греки выступали как захватчики.

Анализируя текст «Илиады», Дион далее приходит к выводу: дела у греков шли неудачно, Гомер действительно пользовался древними сагами, а в них содержалось много правды о реальных событиях. Например, описывается, что Ахиллес убил одного из братьев Париса, когда тот выехал из Трои, так же он чуть не убил Энея, еще одного брата. Очевидно, что троянцы могли выезжать из Трои, только если окрестные жители хорошо к ним относились, греки же промышляли засадами и грабили побережье.

Война длилась несколько лет, и греки должны были чем-то питаться. Даже если вначале они еще могли рассчитывать на поддержку местных жителей, для которых могли показаться «освободителями от ига троянцев», то потом наверняка отношение к непрошеным гостям переменялось. Это еще один аргумент в пользу того, что греки проиграли войну: время работало против них и, если они не смогли взять Трою сразу, то после осады в несколько лет это было еще труднее сделать. Недаром мы знаем, что жившие рядом с троянцами фригийцы, амазонки, эфиопы и прочие помогали именно троянцам, а не грекам.

Дион говорит, что Гомер против воли проговаривается о реальном положении дел в стане греков: например, «Илиада» начинается с рассказа о том, что Ахиллес находится в ссоре с Агамемноном и с рассказа об эпидемии в стане греков. Очевидно, истории взяты из

древних саг, и Гомер не мог их игнорировать. Но ведь это свидетельствует о бедственном положении греков: командиры не ссорятся, если дела идут хорошо, и наоборот, распри всегда сопутствуют неудачам. Мор так же понятен: всегда в крупных военных лагерях, где нет нормального питания и воды, зато имеется большое скопление о людей, вспыхивают эпидемии. Но, по Гомеру, все это козни богов...

Дальше ситуация развивается следующим образом: троянцы нападают на лагерь греков и фактически громят их. Друг Ахиллеса Патрокл якобы надевает доспехи Ахиллеса и ведет в бой его отряд. Он отбрасывает троянцев, но его убивает Гектор — сын Приама и главный полководец троянцев. Гектор надевает доспехи Ахиллеса и одерживает следующие победы. Лишь наступление ночи помешало Гектору спалить все корабли греков. После похорон Патрокла боги дают Ахиллесу новое оружие. Он вызывает на поединок Гектора, убивает его, а потом уже Парис случайно убивает Ахиллеса, которого хоронят в одной могиле с Патроком. Тело же Гектора возвращают отцу — Приаму.

Хризостому все это кажется нереальным. Он приводит свои аргументы на нескольких страницах. Лучше, если читатели обратятся к его речи самостоятельно, а здесь можно коротко остановиться на следующих вопросах: как Ахиллес мог не вступать в бой и ждать разгрома греков? С чего вдруг отряд Ахиллеса, ведомый мальчишкой Патроком, отбрасывает силы всех троянцев и почему они не могли сделать это ранее? Как мог Патрокл вообще надеть доспехи Ахиллеса? Почему Ахиллес решается на бой с Гектором спустя несколько лет осады, хотя этим боем давно можно было решить вопрос...

Версия Диона проста: на самом деле именно Ахиллес участвовал в бою, и Гектор его просто убил и забрал доспехи. История с Патроком и переодеванием придумана Гомером только для того, чтобы скрыть факт смерти главного героя греков от руки главного героя троянцев.

Но отрицая, что Ахиллес убит Гектором, Гомер тут же попадает в непростую ситуацию. Надо объяснить, кто в доспехах Ахиллеса тогда погиб, где его могила, отчего тогда позже погиб сам Ахиллес? Древние саги, известные всем грекам, говорили, что Ахиллес погиб. Гомер вынужден придумать Патрокла, который якобы и погиб в чужих доспехах. Поскольку смерть Ахиллеса надо все равно объяснять, Гомер придумывает историю про стрелу, которую ему в пятку пустил Парис, якобы боги только эту пятку и не защитили от удара. Могила Ахиллеса у всех троянцев на виду не одно столетие, а никакой могилы Патрокла они не знают. Поэтому Гомер сообщает о захоронении Патрокла и Ахиллеса в одной могиле, что не в традициях греков. *«Даже Нестор, привезший на родину прах Антилоха, павшего за него, не просил похоронить их вместе, — так кто же посмел бы перемешать останки Ахиллеса с прахом Патрокла?»* — вопрошает Дион.

Хризостом разоблачает еще десятки несуразностей гомерового повествования, касающихся других героев и хода сражения: все вместе они создают полное впечатление разгрома греков и слабых попыток Гомера переписать имеющиеся предания.

Все эти несуразности только потому и возникли, что Гомер не имел возможности врать с чистого листа и придумывать новую историю про «троянскую войну». Греки, современные Гомеру, в течение веков слышали былины о тех событиях и в деталях представляли происходящее, особенно с главными героями. Перед Гомером стояла трудная задача: с одной стороны, рассказывать о тех же героях и тех же фактах, с другой стороны, дать им новое объяснение и ввести новые детали, которые бы перевернули происходящее.

Есть известное выражение: «бог из машины». Так греки, смеясь, называли непрофессиональный писательский прием, когда запутавшийся незадачливый рассказчик махом решал все противоречия, выводя на сцену сваливающегося сверху бога, который и навел порядок. Для таких «сваливающихся богов»

и были придуманы в театрах специальные машины. Гомер злоупотребляет этим приемом: боги у него постоянно участвуют в битвах и используются для объяснения всех несуразниц, возникающих из-за попыток Гомера переиначить известные легенды.

Окончание войны, по Диону, выглядело следующим образом. Греки были фактически разгромлены, погиб Ахиллес, погиб Аякс и другие, свирепствует мор, вожди в ссоре, простые воины бегут на корабли, чтобы плыть домой, троянцам на помощь пришли союзники в виде амазонок и царя Мемнона, прослышав, что троянцам сопутствует удача, чтобы поделить плоды победы. В то же время цари греков — Агамемнон, Менелай и Одиссей еще живы и держатся на расстоянии от берега. Им даже удалось убить Париса, из-за которого началась война. Если они убегут, троянцы и их союзники непременно построят флот и придут поработать Грецию. Грекам нужен мир на условиях, что троянцы не придут в Элладу, за это они готовы уйти и даже «потерять лицо», то есть публично признать поражение и даже закрепить это поражение каким-то символом унижения.

Троянцев такой вариант устраивал, сил на захват Греции у них все равно уже не было, а дальнейшая война могла привести к потерям, и так уже Приам потерял двоих сыновей. И главное, дальнейшая война ничего бы не дала, в то время как символ победы лучше, чем ничего. На том и порешили, говорит Дион. Поэтому и построили деревянного коня с надписью: «Милости ради ахейцы Афине Илионской», то есть греки просят милости у покровительницы Трои. Милости просят побежденные у победителей! Конь часто использовался для жертвоприношений в древности, а ради такой победы конь должен был быть не обычный, живой, а именно огромный, символический.

В «Илиаде» вообще нет ничего про коня и окончание войны. «Илиада» всего лишь восхваляет греческих героев и доказывает, что Гектор погиб от рук Ахиллеса,

не более того. Гомер вообще, наверное, не знал, как быть с историей с конем, ведь всему миру было известно, что греки проиграли и в знак поражения и просьбы милости построили жертвенного коня.

Гомер предпочел не касаться этой темы. Сначала в массы была вброшена «Илиада», чтобы проверить реакцию, насколько народ будет чувствителен к небольшой ревизии истории. Видимо, современники Гомера восприняли новации с энтузиазмом, но в то же время Гомеру задали вопросы: если все было так, зачем же победившие греки построили коня и почему цари возвратились домой с позором, без добычи, в разное время, а не вместе? Пришлось Гомеру писать «Одиссею», где используется уже проверенный прием: боги, дескать, мешали Одиссею и другим царям вернуться назад. А что касается коня, то... греки просто сделали вид, что сдались и отступили. На самом деле они спрятались в коне, вышли ночью и открыли ворота города...

Но одна ложь тут же влечет другую: почему боги, допустившие победу греков, вдруг стали к ним немилосердны? Чтобы объяснить непонятный гнев богов, Гомеру пришлось оклеветать греков, то есть изобразить их варварское жестокое поведение при разорении Трои: детей и царскую семью убивали прямо на алтарях... Это особенно возмущает Диона: мол, лучше бы Гомер написал, что греки проиграли войну, чем то, что греческие герои были такими нечестивцами.

Так что правы ученые, зовущиеся «унитаристами», доказывающие, что «Илиада» и «Одиссея» написаны одним автором. Это один и тот же замысел, решающий одну и ту же задачу ревизии истории.

Хризостом не устает насмехаться над историей с конем: сколько людей могло вместиться в него, как это могли не заметить троянцы, когда их ясновидцы предупреждали, что конь с подвохом? Да и какой царь, пусть и Одиссей, рискнул бы залезть в деревянное пузо: не дай бог разоблачат, позору не оберешься... Как вся эта диверсионная группа ходила по нужде,

сидя в коне? Как несколько воинов потом могли взять целый город?

Да и дальнейшие события: бегство греков, гибель флота возле Эвбеи, воцарение троянских царей над некоторыми малыми районами Эллады, передача Елены в жены не Менелаю, а следующему брату Париса — Деифобу, бегство Менелая в Египет говорят сами за себя — никакой победой там не пахло.

От Гомера... к Солженицыну

Дион Хризостом не верит, что его свидетельства и анализ хоть кого-то переубедят. Слишком долго, целую тысячу лет люди верили сказкам. Действительно, после Гомера кто только ни писал и о поражении Трои, и о троянском коне. Один Вергилий с его «Энеидой» чего стоит! Существовали также трагедия Иофонты «Разрушение Илиона», трагедия неизвестного автора «Отплытие», трагедии Ливия Андроника и Невия «Троянский конь», а также поэма Нерона «Крушение Трои». И это только крупные авторы, а сколько мелких и неизвестных! А сегодня сняты и прокатываются по всему миру голливудский блокбастер «Илиада» с самим Брэдом Питом в роли Ахиллеса и фильм «Одиссея» А. Кончаловского.

Что оправдывает Гомера, говорит Дион, так это то, что его творения *«были опорой тогдашним эллинам и не дали бы им прийти в смятение... Можно простить человеку, который будучи эллином, всеми силами помогал своим соотечественникам».*

Действительно, Гомер оказал своим соотечественникам неоценимую услугу: он стал их «библией», да простят мне это выражение! Когда Азия в лице персов напала на Элладу, ей противостояли молодые греки, знавшие Гомера назубок и верившие, что они так же как их далекие предки выиграют войну между Европой и Азией, как бы тяжело ни было. Они шли в бой со стихами «Илиады» на устах и действительно победили.

Кстати, персидский царь у себя в Персии распространил в это время слухи, будто он добился победы, о чем тоже свидетельствует Дион.

Будьте уверены: если бы Гомер не выиграл «тройскую войну» в стихах, греки не выиграли бы войну с персами в действительности. Насколько такие вещи как песни серьезны, свидетельствуют и участники нашей последней великой войны. В. Кожин посвятил специальное исследование русским и советским военным песням, которые помогли победить фашистов, особому духу, который они создавали, и их мощной силе. Все великие полководцы знали, что победа — это на 90 % моральный дух, и только на 10 % — воинское искусство.

Прежде чем начать завоевание Азии, Александр Македонский тайно переправился через Дарданеллы, пришел в Трою и принес жертвы могиле Ахиллеса, которого считал своим предком, только после этого начался великий поход, который многократно расширил греческий мир и привел к эпохе эллинизма.

Великое ощущение, что Европа всегда побеждает Азию и исторически выше ее, навечно закрепилось у эллинов и позже было унаследовано уже Александром Македонским, Римской империей и христианской Европой вплоть до современности. Это явление получило название «европоцентризма» и оно состоит именно в том, что европейская история является историей мира по преимуществу, тогда как история других стран и народов второстепенна и незначима для судьбы мировой истории.

Легко видеть в этом некое заблуждение, некие европейские шовинизм и расизм, но реально именно после побед над персами грекам удалось создать цивилизацию, которая до сих пор определяет развитие мировой истории, нравится кому-то это или нет.

Возрожденная при непосредственном участии Гомера Греция создала невиданную культуру. Ее архитектура и литература до сих пор изучаются на всех клас-

сических гуманитарных факультетах. Ее политические традиции и теории до сих пор лежат в основе мирового идеологического дискурса. А вся мировая наука основывается на греческой. Собственно мировая наука и техника до сих пор «говорят» на греческом языке, ее термины и понятия — греческие.

Греческая философия лежит в основе всей западной метафизики, то есть в основе всего западного мышления, все предельные понятия, в которых мы мыслим, придуманы греками. Эта философия была унаследована сначала римлянами, которые брали Грецию за образец мудрости, затем греческая ученость была инкорпорирована в христианство. В эпоху Возрождения и в Новое время греческая философия была переоткрыта еще раз без христианских одежд и стала основой для великой экспансии Запада по всему миру. Весь мир сегодня вестернизирован, он западный, чистый — греческий. Недаром величайший мыслитель XX века М. Хайдеггер говорил, что для того, чтобы начать новую историю, уже не греческую, мы должны еще раз внимательно переосмыслить греков. Те, кто этого не делают, не имеют никаких шансов выбраться из западного проекта, как бы критически они к нему ни относились.

Таким образом, пиар-проект Гомера не только оказался у истоков греческого мира, он стал краеугольным камнем всей современной цивилизации. Гомер, сам того не зная, запустил процесс, которому вот уже почти три тысячелетия следует человеческая история. Такова сила поэзии, ее великая власть, побеждающая все «реальные факты», оставшиеся в памяти лишь забытых чудаков вроде Диона Хризостома, который и сам-то принадлежит к уже развитому греческому миру эпохи эллинизма, то есть без Гомера бы и не возник.

Великая поэзия, таким образом, инкорпорирует в себя и свое жалкое отрицание, «истину фактов», которые всплывают уже тогда, когда они не в силах что-то изменить.

Вот, какой-нибудь ученый XX века всю жизнь изучал «Илиаду» и доказал, например, что она написана в VII веке до н. э., а не в VIII веке, как считалось ранее. За это открытие он станет основателем целой школы, всегда будет цитироваться во всех мировых филологических журналах как автор этой концепции. Его обязательно упомянут во всех диссертациях по Гомеру, изберут почетным академиком всех академий и почетным профессором кучи университетов. А я вот тут походя разгадал загадку и Гомера, и Первой мировой войны в истории, примирил все противоречивые факты и концепции, но про меня никто не узнает, никто не переведет мое открытие на мировые языки и не опубликует в научных журналах. Никто не воспримет это всерьез, мне даже докторскую степень по филологии и истории не присвоят, а все написанное выше воспримут как очередной прикол, софистику, частное эпатажное мнение, которое ни один «серьезный» исследователь даже не сочтет приличным упомянуть в библиографии трудов, посвященных гомеровскому вопросу.

«Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — сказал Поэт. И любому настоящему поэту эта аксиома известна, особенно после тысячелетий мировой истории, в течение которой подвиг Гомера повторили еще многие и многие, рангом куда как пониже. Однако, в современную эпоху конца западной метафизики, все фундаментальные аксиомы стремятся переиначить. Недаром авангардное искусство так воевало с классическими образцами, а искусство постмодернистское с ними играет и экспериментирует. Наверное, интересно было бы взглянуть и на эксперимент такого рода: насколько человеку дороже всяческих истин обман не возвышающий, а обман унижающий?

И эксперимент такого рода поставлен, вольно или невольно. Речь идет о творчестве Нобелевского лауреата, писателя Александра Солженицына. Если Гомер сумел превратить поражение греков в победу, то цель, которую поставил себе Солженицын, противополож-

на: превратить победу в поражение. Речь идет о великой победе 1945 года, победе, изменившей ход мировой истории, карту мира и спасшей сотни миллионов людей от уничтожения. Давайте разберемся, насколько это так и удастся ли проект.

Истоки фашизма

Сначала о войне, победе и об истинах. Нам говорят, что фашизм возник чуть ли не как реакция на коммунистические движения в Европе. Мол, если бы не было коммунизма, не было бы и никакого фашизма, а был бы один сплошной либерализм. Это неправда. Фашизм возникает логично из всей западной истории, прежде всего греческой, как одна из версий ее развития. Выше уже был упомянут дух греков — дух превосходства над всеми иными народами-варварами и было сказано о «европоцентризме». Если не уходить так далеко в историю, можно вспомнить политическую и этическую проблематику Нового времени, из которой тоже в качестве одной из версий вытекает фашизм.

Новое время начинается с провозглашения свободы индивидуума. Каждый человек объявляется свободным субъектом, то есть «подлежащим», тем, откуда все исходит и ради кого все делается. Это революция во всем общественном устройстве. Если раньше, например в экономике, человек был включен во всевозможные отношения зависимости феодальной или цеховой системы, то теперь он сам регулирует свои трудовые отношения на рынке. Если раньше, например в политике, человек был включен в отношения вассальной зависимости, то теперь он сам должен участвовать в формировании власти через институты демократии. Если раньше, например в религии, человек был включен в систему Церкви, то теперь он сам хозяин своей совести, сам решает, что грех, а что нет, и сам судит себя и отвечает за свои поступки. Если раньше худож-

ник был включен в систему канонов, то теперь он сам выражает себя и сам творит каноны.

Однако, здесь начинаются проблемы: если каждый есть субъект и он свободен, то как субъекты могут действовать, не нарушая свободы друг друга? Возникает формула: из свободы человека не должно вытекать ничего, что бы противоречило свободе других. Это отчеканено в категорическом императиве И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла быть максимой всеобщего законодательства». Императив не говорит мне, как именно я должен поступать, он формален, зато я могу примерять его к тем или иным действиям. Например, убивать нельзя, потому что убив, я как бы заявляю максиму, согласно которой можно убивать. Если такая максима будет общей, то все поубивают друг друга и свобода исчезнет, а ведь из свободных действий не должно вытекать ничто, противоречащее свободе. Значит, максима «убий» противоречит категорическому императиву.

Но хорошая теория сталкивается с грубой практикой. Допустим, в мой дом врывается человек, который уже убил нескольких людей, и у меня нет сомнений относительно его дальнейших намерений. Могу ли я убить его? Ведь он — свободный человек! Или моя свобода должна заканчиваться перед кончиком его носа? Есть очень много ответов на этот вопрос. Например, толстовский, в духе этики «непротивления злу насилием». И на базе этого ответа не только Толстой, но и Ганди, а также огромное количество гуманистов и пацифистов несколько веков строят свои теории и практики. Надо дать себя убить и тем самым умереть достойным рая. Не будем спорить об их истинности, важно, что такой ответ возможен.

Возможен и другой ответ: нельзя превышать права на самооборону, то есть лучше просто нейтрализовать нападающего. Но как посчитать, какой именно вред он мне собирается нанести, и как рассчитать силу нейтрализующего удара? Если я его убью, с этим будет

разбираться суд, потому что каждый раз разные обстоятельства. И это тоже ответ, один из возможных.

Но есть и еще один вариант: убийство позволено, так как нападающий сам нарушил категорический императив, и в этом смысле лишил себя права называться человеком. А если он лишил себя такого права, он подобен дикому животному, убить которое можно, поскольку животные вообще стоят ниже человека. Смотрите, какая логика тут уже закладывается: если где-то кто-то нарушает нормы, принятые в цивилизованном человечестве, то по отношению к нему позволено больше, чем по отношению к цивилизованному человеку! Индивидуумы неравноценны, неравноценны и их свободы. И такой ответ на эту ситуацию дается частью огромной европейской традиции.

Именно так и никак иначе обосновывали колонизаторы свое поведение по отношению к неграм, индейцам, жителям колоний, ко всем жителям иных культур. Индейцы и негры уничтожались десятками миллионов! Отец английского либерализма Дж. Локк, которым зачитывались отцы-основатели США, был пайщиком фирмы, торгующей рабами, и ничуть не смущался. Кстати, рабство в США было отменено позже, чем в России, а равные избирательные права в Англии разные категории населения получили только в 1928 году. Таблички «только для белых» висели в США до 1970-х годов XX века, и плюньте в лицо тем, кто говорит о 300-летних западных традициях демократии. Это та же логика — логика неравноценности людей. Самые ценные — белые-англосаксы-мужчины-протестанты-образованные-собственники. Ниже них женщины, необразованные, бедные, не-протестанты и так далее. Еще ниже те, что находятся уже между людьми и животными — представители других рас.

Есть огромное количество публицистических рассуждений на эту тему в европейской этике, политике и антропологии. Дескать, все разговоры о формальном равенстве и свободе индивидов — это чисто количе-

ственный подход, надо же смотреть на качество индивидов, кто более матери-истории ценен. Прогресс измеряется не количеством людей, как у китайцев каких-нибудь, а их качеством.

Эта проблематика волновала и русских мыслителей, например Достоевского. Что такое рассуждения Раскольникова: разве нельзя убить старую, вредную, ненужную бабу, чтобы выжил один молодой гениальный человек, который потом облагодетельствует человечество? А рассуждения Ивана Карамазова о «слезинке ребенка»? Разве справедлива история, которая идет к земному раю, если в этой истории пролито столько крови и слез, и справедлив ли будет земной рай, если он стоит на костях всех предшествующих поколений, которые не увидят результата и служили лишь средством для выживания тех, кто дожил? В то же время чистоплюй Иван, в чьи уста вложены эти рассуждения, невмешательством и, по сути, подстрекательством сделал так, что Смердяков убивает отца... То есть Достоевский усиленно ищет выход из апорий свободы.

Н. Федоров своей теорией оживления всех мертвых придумал оригинальное решение этой же проблемы «цели и средств»... Заметим, иных теорий, которые бы показывали, как все жертвы мировой истории могут быть искуплены, кроме теории Федорова, основоположника русской философии, до сих пор не было предложено ни в России, ни на Западе.

Теперь возьмем другую тему, которая накладывается на эту. Рост промышленности и богатства привел к взрывному росту населения. Ортега-и-Гассет описал это как «восстание масс».

Конкуренция за место под солнцем увеличилась не только в Европе, но по всему миру, и звучали слова о перенаселении планеты. Вспомним творения того же Мальтуса и социал-дарвинистов, говорящих о «естественном отборе» и скорой смерти человечества от перенаселения. Мальтузианство и социал-дарвинизм на самом деле опровергаются

простым указанием на то, что каждый родившийся человек в гораздо большей степени производитель, чем потребитель, и в долгосрочной перспективе перенаселение ведет к благу человечества. Но тогда этого не знали и были в ужасе от мрачных алармистских прогнозов.

Вернемся теперь к нашему примеру с маньяком и поставим вопрос иначе: никто ни на кого не нападает, но складывается ситуация, когда ресурса для жизни не хватает на двоих. Кто должен умереть, ведь у каждого есть права и свободы и все равны? Если во время кораблекрушения в шлюпке останется одно место, кому его нужно отдать? Логика тех, кто выступал за равноценность человеческих свобод, за то, что нужно смотреть на качество, здесь проста: нужно, чтобы выжил ценнейший и цивилизованнейший. Другие говорят: «просто сильнейший» и, тем самым, оправдывают войны как способ решения такого рода теоретических споров о свободе на практике. В конце концов, цивилизованность и качество ничего не стоят, если они не дают силу в войне. Значит, война и решает, кто матери-истории более ценен.

В конце XIX века различные публицисты вводят термин «жизненное пространство». Он означает необходимое пространство для выживания и размножения индивида или народа, и это пространство не равняется самому индивиду. Человек — это не его тело, это целый мир человека, без которого он не может существовать. То есть его свобода не может заканчиваться там, где начинается «кончик чужого носа», она простирается дальше, где возможно, есть чужие носы. Пространства не хватает, поэтому свободы сталкиваются. Неважно, нападает на меня кто-то или нет, как в примере с маньяком. Реально он убивает меня уже тем, что живет, дышит моим воздухом, пьет воду моих детей, занимает рабочее место, которое может принадлежать моим братьям, вмешивается и портит культуру моего народа и так далее. Каждый родившийся где-то негр или индеец потенциально отнимает землю, на которой могли

бы жить мои внуки, и тем самым он убивает их. Он уже напал на меня хотя бы тем, что он вообще есть. А значит, я могу убить его уже сейчас, и даже лучше, если это будет сейчас, чтобы не ждать, когда они размножатся и станут сильнее.

Это уже чистая логика фашизма и именно так писали многочисленные публицисты начала XX века, которых читал молодой Гитлер. Гитлер не думал, что призывая сокращать население, он призывает убивать потенциальных эйнштейнов или ученых, которые, возможно, сделают открытия, позволяющие питаться десяткам миллиардов людей на Земле. Он рассматривал других как потенциальных потребителей и конкурентов. Он написал «Майн Кампф», где изложил эти идеи борьбы за жизненное пространство и обосновал поход для покорения славян и России еще тогда, когда не было никакого «сталинского режима», когда шла гражданская война и весь мир считал, что «Советы скоро рухнут». Коммунизм был совершенно ни причем, Гитлер рассматривал его исключительно сквозь призму расовой теории как «вредную идею равенства», которую придумали евреи, чтобы помешать великой идее неравенства. Поэтому и бороться надо с людьми, а не с идеями, а поход на Восток имеет смысл в любом случае, коммунизм там, монархия или либерализм.

План «Ост»

Нападая на СССР, Гитлер обратился к нации. Он обосновывал войну борьбой за жизненное пространство, он видел это как войну между цивилизованной Европой и недочеловеками с Востока. Согласно плану «Ост», Гитлер планировал уничтожить большую часть славян за короткий период времени прямым убийством, изнурительными работами, табаком и водкой. Остальных планировалось использовать в качестве рабов и прислуги. Часть народов, например, прибалты,

должны были быть частично уничтожены, частично онемечены. Речь идет об уничтожении десятков миллионов человек! Все это зафиксировано документально и на Нюрнбергском процессе, и в многочисленных исследованиях ученых.

Генеральному плану предшествовал проект, разработанный рейхсминистерством оккупированных территорий, которое возглавлял Альфред Розенберг. 9 мая 1941 года Розенберг представил фюреру проект директив по вопросам политики на территориях, которые должны быть оккупированы в результате агрессии против СССР.

План «Ост» был разработан в 1941 году Главным управлением имперской безопасности Гимmlера и представлен 28 мая 1942 года сотрудником Управления штаба имперского комиссара по вопросам консолидации германского народа оберфюрером СС Мейером-Хетлингом под наименованием «Генеральный план Ост — основы правовой, экономической и территориальной структуры Востока».

Текст этого плана фашисты успели уничтожить, на Нюрнбергском процессе доказательством существования плана были «Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост», написанные 27 апреля 1942 года сотрудником министерства по делам восточных территорий Э. Ветцелем после ознакомления с проектом плана, подготовленным РСХА.

Немецкие историки полагают, что план предусматривал:

— Уничтожение или изгнание 80—85 % поляков. На территории Польши должны были оставаться только приблизительно 3–4 миллиона человек. Привет братьям Качиньским! Сейчас эти ребята, вместо того, чтобы говорить нам спасибо за спасение, готовы установить ракеты, которые могут лететь на нашу территорию...

— Уничтожение или изгнание 50—75 % чехов (около 3,5 миллионов человек). Остальные подлежали онемеч-

чиванию. Эти тоже вместо благодарности нам за спасение готовы установить против нас радары НАТО.

— Уничтожение 25 % украинцев и белорусов, еще 30—50 % украинцев и белорусов подлежали использованию в качестве рабочей силы. Привет Ющенко!

— «Generalplan Ost» подразумевал также «окончательное решение еврейского вопроса», согласно которому евреи подлежали тотальному уничтожению. Привет еврейская интеллигенция, поносящая русских! Привет журналист Подрабинек, называющий наших ветеранов, которые спасли твоих сородичей, вертухаями и свиньями!

— В Прибалтике латыши считались более подходящими для «германизации», а литовцы и латгальцы — нет, поскольку среди них было слишком много «славянских примесей» Привет, прибалтам, сносящим наши памятники воинам-освободителям!

— Уничтожение 50—60 % русских в европейской части Советского Союза, еще 15—25 % подлежали депортации за Урал. Речь идет о физическом уничтожении около 100 миллионов русских, тех самых русских, которые были предками нынешних русских, плюющих в Сталина, говорящих, что Гитлер и Сталин — это одно и то же....

Согласно предложениям Ветцеля, русский народ должен был подвергаться ассимиляции («онемечивание») и сокращению численности через сокращение рождаемости.

Мы сейчас успешно работаем по осуществлению этой меры.

Из директивы А. Гитлера министру по делам восточных территорий А. Розенбергу о введении в действие Генерального плана «Ост» (23 июля 1942 г.): «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодovitость нежелательна... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Каждый образованный человек — это наш будущий враг. Следует отбро-

сить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим народом с железной решимостью... Говоря по-военному, мы должны убивать от трех до четырех миллионов русских в год».

Привет всей нашей интеллигенции, которая ненавидела «совок» и Сталина!

«Освободившиеся» территории намечалось заселить немцами (около 10 миллионов), а оставшееся население подлежало онемечиванию с целью использования в качестве бесплатной рабочей силы для немецких колонистов. В результате завоеванные территории приобрели бы безвозвратно немецкий характер. Через 10 лет план предусматривал истребление практически всех славян, временно живущих позади линии фронта. Вместо славян, спустя 50 лет после войны, 250 миллионов немцев должны были жить в расширенном Рейхе.

Но может быть, это все фантазии, теория??? Мало ли что Гитлер планировал... Нет, практика не отставала от теории.

Только на территории Белоруссии нацисты организовали 260 лагерей смерти и 170 гетто. Согласно современным данным, за годы немецкой оккупации потери мирного населения Белоруссии составили порядка 2,5 миллионов человек, то есть около 25 % населения республики. По потерям во Второй мировой войне от общего числа населения Белоруссия занимает первое в мире место.

При раскопках захоронений в местах боев среди личных вещей немецких военнослужащих находят листок-инструкцию под названием «Военная подготовка в войсках», изданную для солдат гитлеровской армии. Составил ее довольно известный в фашистской Германии человек — доктор юстиции майор Райберт. Вчитайтесь в ее текст, и вы поймете, какую «свободу» и какой «свет культуры» нес нам немецкий солдат. *«Утром, днем, ночью — всегда думай о фюрере. Пусть другие мысли не тревожат тебя. Знай — он думает и делает за тебя. Когда на тебя нападут русские варва-*

ры, ты думай о фюрере и действуй решительно. Они все погибнут от твоих ударов. Помни о величии и победе Германии. Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских. У тебя нет ни сердца, ни нервов — на войне они не нужны. Уничтожив в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского; не останавливайся — старик перед тобой, женщина, девушка или мальчик. Убивай! Этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься на веки. Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира! Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец и, как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути».

То, что эти агитки работали, доказывается практикой, действиями фашистов на оккупированных территориях. Мирное население не щадило: его грабили, убивали, угоняли на работу в Германию, помещали в «лагеря смерти». За короткий исторический срок, буквально три года, были уничтожены десятки миллионов людей! Подчеркнем: десятки миллионов мирных, а не военных людей, в основном русских, белорусов, украинцев, евреев. С народами Европы Гитлер обращался куда бережнее: они работали в промышленности, снабжая его армию, и лишь несколько дивизий воевало на Восточном фронте. После окончания войны примерно из 40 миллионов погибших славянских народов (русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи, словаки, сербы, хорваты, боснийцы и т.д.), более чем 20 миллионов потерял Советский Союз, погибло более шести миллионов поляков и свыше двух миллионов жителей Югославии. Хотя евреи, поляки, сербы, словаки масштабно уничтожались и в Европе.

К июню 1941 года под властью Гитлера были практически все европейские страны, и для полного господства в Европе оставалось лишь завоевать СССР. Затем Гитлер рассчитывал с помощью плана «Полярная

лиса» завоевать и поработить нейтральную Швецию. В случае успеха в СССР, Гитлер легко расправился бы с Англией и у него уже был готов план по нападению и порабощению Южной и Северной Америки. США в этих планах отводилась та же участь, что и СССР — уничтожение государства и народа (Гитлер ненавидел американскую нацию, называя ее народ высокими выскочками)...

Мировому господству Гитлера помешала Советская армия. «Если бы не выстоял СССР, не выстоял бы никто», — сказал после Победы премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль.

Гитлер устроил «кровавую баню», в которой за пять лет погибло более 60 миллионов человек и должно было погибнуть еще больше. Далее мы сравним эти цифры с цифрами «жертв коммунистического режима», а пока просто очень прошу: запомните их.

Блицкриг

Путь к осуществлению планов по завоеванию мира лежал через особую стратегию, называемую «блицкриг» (молниеносная война). Гитлер извлек все уроки из Первой мировой войны, в которой он участвовал и которую Германия проиграла. Эта война велась по правилам классического военного искусства, а немецкий генштаб был лучшим штабом по разработке военных операций. Недаром, воюя со всей Европой, Германия сопротивлялась столь долго. Тем не менее, та война была классической войной армий, а не мирного населения, она состояла из наступлений, стычек, а еще больше из позиционных боев и маневров. Потому в ней все увязли, войска гибли со всех сторон бессмысленно и не достигая серьезных успехов. Символом той войны была «верденская мясорубка», где сошлись две армии и в продолжительных боях погибло более миллиона человек с обеих сторон.

Что же случилось в короткий исторический промежуток в 20 лет, что Германия, которая недавно понесла поражение, не только восстановилась, но смогла мгновенно подчинить себе всю Европу практически без сопротивления? Более того, Гитлер пришел к власти вообще за семь лет до покорения им Европы. Да, в короткий срок Германия вооружилась современной техникой. Но ведь и европейские страны не дремали, они тоже модернизировались...

На самом деле главное было в новой стратегии войны: теперь в войне участвовали не армии, а все население, Гитлер выбрал стратегию не прямых действий: он стремился разрушить коммуникации противника, связи, систему командования, он старался парализовать дух и волю не только армий, но и правительств, и народов покоряемых стран.

Гитлер понимал, как никто до него: на войне все решает дух. Немецкая дипломатия все время дезинформировала противников, ссорила их и не давала возможности вступить в союз. Всем Гитлер обещал поддержку, и все думали, что они обманывают других, тогда как Гитлер обманывал всех. Немецкая пропаганда воздействовала на СМИ Европы и постоянно внушала ужас перед немецкой армией. Были проведены показательные акции устрашения, как, например, бомбежка Герники.

Страны Европы кишели немецкими шпионами, готовыми начать диверсии на железных дорогах, мостах и других стратегических объектах. Агенты влияния и паникеры распускали ложные слухи и сеяли хаос и панику. Когда немецкие танки вторгались, вся эта огромная машина приходила в движение, и люди в ужасе бежали, бросая все. Атака осуществлялась всегда внезапно, в неожиданном месте, и армии не успевали среагировать. Когда все уже было кончено, народы и правительства по сути капитулировали.

Далее последует довольно длинная выдержка из книги Максима Калашникова «Вторжение из будущее-

го», однако, надо учесть, что в ней коротко описано покорение Гитлером всей Европы.

«Польская армия считалась сильнее русской — ведь поляки одержали верх в войне 1920 года, поэтому Англия и Франция предпочитали иметь в союзниках не Россию, а Польшу. Поляки, со своей стороны, были уверены, что выдержат удар немцев: французы обещали им, что на 15-й день войны перейдут в генеральное наступление на западном фронте...

Новое оружие начало действовать — это было настолько неожиданно, что немцы сами удивлялись своим успехам. 600 танков 16 танкового корпуса с ходу прорвали польскую оборону и, пройдя за 8 дней 240 километров, подошли к Варшаве; корпус Гудериана за две недели преодолел 700 километров и достиг Бреста. 16 сентября польское правительство бежало в Румынию; окруженные в нескольких «котлах» 700 тысяч польских солдат положили оружие...

Многие историки и политики обвиняли Францию в том, что она не оказала помощи Польше — но в действительности французская армия просто не успела этого сделать; новое оружие разрушило все планы... В польской кампании появилось великолепное дополнение к формуле «ВВС + спецназ + пропаганда + «пятая колонна» + террор» — интегральная танково-механизированная стратегия Гейнца Гудериана.

Уже в апреле 1940 года в Париже издается книга «Немецкое вторжение в Польшу», которая сеет ужас перед действием «пятой колонны» Гитлера... Западные газеты сообщали о тысячах немецких шпионов, помогавших наступающим дивизиям Гитлера. И, конечно, дикий ужас перед немцами нагоняли газетные фотографии и кадры кинохроники, развертывавшие картины жестоких авиационных бомбежек Варшавы. Заметим: именно яростные налеты на Варшаву окончательно сломали волю высшего руководства Польши, которое в панике бежало из страны...

Польская кампания во всем блеске показала, чего могут добиться отряды особого назначения... «Метод

глобального ведения войны с использованием переодетых в чужую форму войск, разработанный Канарисом, призван играть в будущем гораздо более значительную роль, чем до сих пор». (Цитируем по книге Д. Мельникова и Л. Черной «Двуликий адмирал» — М., Издательство политической литературы, 1965 г. С. 61—62).

С Данией Гитлер покончил всего за день... И так, ранним утром 9 апреля 1940 года копенгагенцы проснулись от того, что над крышами их домов с ревом носились немецкие самолеты. Выбежав на улицы, датчане узрели на главных перекрестках солдат в незнакомой форме. В девять утра государственная радиостанция в Дании передала сообщение немецкого командующего генерала фон Каупиша — все, господа, страна занята нами, чтобы предупредить вторжение англичан. Так что сохраняйте спокойствие, подчиняйтесь нам и занимайтесь обычными делами. Следом диктор зачитал обращение короля Христиана. Страна оказалась занятой всего за час. Немцы шутя растоптали пакт о ненападении, и их войска, как по волшебству, оказались в ключевых точках страны ранним утром 9 апреля.

Как? Поползли дикие слухи. Лондонская «Таймс» 11 апреля 1940 года сообщала о том, что немцы скрывались в трюмах морских судов, вошедших в порт Копенгагена накануне, что немцы спрятались в железнодорожном пароме, курсирующем между Данией и Германией. Жившие в Копенгагене немцы с удовольствием служили проводниками частей Гитлера, показывая им кратчайшие пути к датским министерствам, радио, почте, телеграфу, узлам управления железными дорогами. Опять заговорили о страшной, вездесущей и всемогущей «пятой колонне» Гитлера.

Когда в четыре часа утра 9 апреля немецкие части начали вторжение, впереди них уже действовало небольшой отряд спецназа. Он просочился через границу еще накануне, в ночь на 8 апреля, чтобы предотвратить взрыв важных мостов. Но оказалось, что беспечные датчане их минировать даже не думали. Успешно дебутировали головорезы из «Бранденбурга» — его взвод,

переодетый в форму датских солдат, захватил мост через пролив Бельт. «Бранденбуржцы» вместе с людьми из военной организации абвера «Норвегия» оперативно взяли стратегические объекты в приграничной полосе. Немецкие сухопутные войска молниеносно рванули через южную границу Дании, вступая в провинцию Северный Шлезвиг, где жили тридцать тысяч немцев. А захват самого Копенгагена? Это же цирк! Нужно было занять ключевые точки датской столицы очень быстро, в зародыше подавив всякую мысль о сопротивлении. Для этого гитлеровцы решили ввести в порт Копенгагена пассажирское судно «Ганзештадт Данциг» с батальоном солдат на борту и с ходу захватить городскую цитадель, господствующую над гаванью, дабы мигом превратить ее в командный пункт для действий десанта, заодно захватив и городскую радиостанцию — не только для того, чтобы держать связь с Берлином и войсками, но и для психологического подавления датчан. Вот так, всего за несколько часов, ценой всего 20 убитых немцев, «Страна данов» потеряла свою независимость и превратилась в часть империи Гитлера. До самого падения Третьего рейха в мае 1945-го датчане исправно подчинялись немецким завоевателям и снабжали их продовольствием.

Перед вторжением в Норвегию Гитлер заимел в ней своего «троянского коня» — верного себе властолюбца, готового лечь под немцев ради обретения власти над страной. Честолюбца и мерзавца, обладающего своей сетью сторонников и боевиков. То был Видкун Квислинг... Раннее утро 9 апреля в Осло началось с воя сирен противоздушной обороны. Люди с тревогой узнали о боях в Осло-Фьорде и о том, что стрельба идет на двух столичных аэродромах — Форнебу и Кьеллере. С ужасом люди увидели хищные силуэты немецких бомбардировщиков, которые носились на бреющем полете прямо над крышами домов. Немцы не сбрасывали бомбы, а палили для острастки из пулеметов. Ужас, наводимый Люфтваффе, сработал и здесь. В памяти людей сразу же всплыли картины горящей Варшавы. Около 10 утра радио передало: всем

жителям Осло лучше покинуть город. И началась дикая паника.

«... Увходов в метро дрались обезумевшие люди, стараясь поскорее укрыться в подземных туннелях. Некоторые пытались спрятаться в подъездах домов, кое-кто бежал к дворцовому парку. Часть населения бежала или пыталась убежать из города; люди катили перед собой детские коляски, забирались на грузовики, брали приступом железнодорожные станции, где весь свободный подвижной состав забился до отказа. Поезда отправлялиСь в сельские районы» («Ньюе роттердамише курант», 14 апреля 1940 г.).

Все были вне себя от страха, уныния и сомнений. Бегущие в шоке и трепете горожане парализовали транспорт, забили дороги, и уже при всем желании невозможно было перебросить норвежские части для боев за город. В это же самое время, пользуясь всеобщей неразберихой в Норвегии, гитлеровцы захватывают аэродромы близ Осло. Тогда же подоспел и быстро соображающий Квислинг. Пользуясь всеобщей суматохой в Осло, он совершил государственный переворот.

Возникло множество слухов. Люди пытались дать хотя бы частичное объяснение чудодейственному успеху немецких десантных операций и последующих действий немецких войск. Норвежцы говорили друг другу, что во всем случившемся немалую роль сыграл саботаж. Были использованы письменные и телефонные ложные приказы, по получении которых норвежские войска преждевременно и вопреки обстановке прекратили сопротивление. Провода, идущие от берега к минным полям, преграждавшим вход в Осло-фьорд, оказались перерезанными.

По свидетельству де Йонга, огромную роль в раздувании шпионско-заговорщических страстей сыграла статья корреспондента «Чикаго дейли ньюс» Леленда Стоува, который, выбравшись из Норвегии в Стокгольм, на весь мир раструбил о том, что немцы создали внутри страны огромного Троянского коня, используя подкупы, тайных агентов и изменников в правительственном ап-

парате и военно-морском флоте Норвегии. Статью Стоува перепечатывала мировая пресса. 17 апреля 1940 года лондонская «Таймс» опубликовала рассказ англичанина, ставшего свидетелем падения Бергена. И тут передавался слух о том, что войска Гитлера прибыли в порт скрытно, в трюмах грузовых судов.

Гитлеру, который замыслил сокрушить одним решительным ударом Францию и вывести из войны Британию, было жизненно важно покорить Голландию. Отличием голландской операции от предыдущих как раз и стало большее участие отрядов специального назначения. Именно это сыграло затем и совершенно неожиданную роль — психического подавления голландцев. Спецназовцев же для действий в Нидерландах было у Гитлера не так уж и много — всего около тысячи человек. 10 мая 1940 года началась немецкая наступательная операция... Дерзкие и далеко не всегда удачные действия диверсионных групп немцев, тем не менее, вызвали к жизни потрясающий «побочный эффект». Именно после их акций всю Голландию поразили дикие слухи о тысячах немецких спецназовцев, которые, переодевшись в голландские мундиры или штатское платье, кишмя кишат по всей стране, сея смерть, смещение и разрушения. Мол, они маскируются даже под крестьян и священников!

Страх перекинулся на весь мир, плодя слухи один другого нелепее. Мексиканская газета «Эстампа» за 29 июля 1940 года опубликовала страшную историю о том, что немцы, организовав в Восточной Голландии колонию нудистов, превратили ее в диверсионный отряд, который утром 10 мая облачился в военную форму и с налету брал мосты с аэродромами... Каким образом немецким десантникам у мостов удалось продержаться до подхода настоящих подкреплений? Ведь они два дня дрались в полном окружении, и превосходящие силы голландской армии должны были их смять и раздавить. Разгадка — в психологии. Командование голландской армии к тому времени было попросту сбито с толку и тряслось от ужаса. Вместо того, чтобы отбивать

мосты, голландские военные обыскивали сотни домов, обращая особое внимание на те, в которых жили члены голландской нацистской партии. Они спускались в подвалы и забирались на чердаки, задерживая подозрительных людей. Но они не задержали ни одного человека с оружием в руках! Немцы поступили умело: они поняли, что выброски десантов вызывают панику, и потому даже необязательно организовать шквал тревожных сигналов самим — звонить и приходить будут сами местные перепуганные обыватели. Чтобы усилить панику, гитлеровцы прибегли к хитрости — у Дордрехта, скажем, они сбросили на парашютах не десантников, а чучела, отвлекая силы голландцев на эту приманку и подхлестывая страх. Их самолеты сбрасывали особые устройства-трещотки, которые имитировали стрельбу. И это тоже порождало общее смятение — голландцам казалось, будто стреляют везде. Им мерещились тысячи агентов немецкой разведки и «пятой колонны» из местных предателей, которые палят в спину войскам.

И вот тут-то и вспыхнула паника, принеся немцам победу! Дело в том, что у голландцев был корпус гражданской обороны — МЧС по-теперешнему. Наблюдатели из корпуса гражданской обороны, следившие за небом, не имели особых радиопередатчиков и поддерживали связь с обычными коммерческими радиостанциями, вещавшими на население. Эти радиостанции во всеулышание транслировали предупреждения наблюдателей. Голландские обыватели в ужасе слышали о том, что в воздухе свободно кружатся немецкие самолеты, движутся туда и сюда, сбрасывают парашютистов. Одна паническая новость сменялась другой. Радио сыграло ту же роль, что сегодня — телевидение и Интернет. Смятение лесным пожаром покатило по стране. Паника парализовала волю голландцев и способность не то что решительно действовать — а даже здраво соображать. Прилипшие к приемникам голландцы слышали истерические сообщения о страшных немецких самолетах, вьющихся над их головами то здесь, то там. Среди голландцев моментально возникла мания — во всех стали

видеть переодетых немецких шпионов и саботажников. Мол, парашютисты переодеты в фермеров, полицейских, почтальонов, шоферов и священников.

Слухи о том, что немцы сплошь да рядом переодеваются в голландскую военную форму, побудили некоторые голландские части к «гениальному шагу»: они сняли с себя знаки различия. Мол, перехитрим этим немцев и по отсутствию знаков различия отличим своих от врагов. Однако другие части, которые не сняли знаков различия, стали принимать «замаскировавшихся» за немцев и принялись палить по ним. Порядок удалось восстановить только на четвертый день войны, когда войска попросту вывели из столицы.

Будучи уверенными в том, что в Гааге полно сообщников Гитлера в гражданской одежде и в мундирах голландского образца, власти и военные донельзя ужесточили меры предосторожности. Голландские офицеры потом жаловались на то, что в них стреляют свои же, что местные жители, вооружившись пистолетами, норовят их задерживать. Шпиономания парализовала столицу страны. Стремительно разлетались слухи о том, что в руководстве Голландии засели предатели... Потом разнесся дикий слух о том, будто вода в водопроводе отравлена. Власти по радио пытались опровергнуть его, но добились прямо противоположного успеха.

И по стране покатила волна самочинных арестов. Солдаты, сержанты, лейтенанты и бургомистры — все они сочли себя вправе арестовывать всяких разных... Только в районе Амстердама, где первоначально планировалось согнать в лагерь для интернированных 800 душ, арестовали шесть тысяч! А если учесть такие же аресты и в других городах страны, то картина социальной агонии Голландии налицо.

Никто не знает, сколько вот так самочинно задержанных оказалось расстрелянными солдатами-конвоирами без суда и следствия. Добропорядочное голландское общество за какие-то пару дней превратилось в сумасшедший дом, набитый ополоумевшими от ужаса, зараженными всеобщей подозрительностью, невменяемы-

ми «пациентами»... В первый же день распространился слух о том, что правительство сбежало. Говорили, что наиболее видные общественные деятели убиты и что немцы высадились на побережье Северного моря... Трудно назвать хоть одного голландского военачальника, которого, согласно слухам, не убивали бы по крайней мере один раз. Дороги, по которым намеревались передвигаться голландские войска, оказывались якобы зараженными отравляющими веществами. Найденный шоколад рекомендовалось немедленно уничтожать, так как он наверняка отравлен. В наших ручных гранатах будто бы оказывался песок вместо пороха, а долговременные укрепления рушились при первом же выстреле из-за плохого качества бетона».

Кое-где советовали осматривать все женские сумки, так как в них могли оказаться ручные гранаты. Рекомендовали также высматривать немецких солдат, одетых в голландскую форму. Советовали немедленно обстреливать автомобили с определенным номерным знаком... «В конечном счете, вы уже не знали, чему можно верить». 12 мая 1940 года в Амстердаме распространился слух, будто выведены из строя сирены для предупреждения населения о налетах авиации противника. Один из голландских беженцев писал после прибытия в Англию: «Я как сейчас вижу перед собой человека, бегущего по улице и выкрикивающего эту тревожную весть. «Откуда вы об этом узнали?» — спросили у него. «Это предупреждение полицейского управления! Сообщайте другим!» Распространение данного слуха является наглядным примером организованной работы «пятой колонны». Слух был пущен почти одновременно в разных концах Амстердама и распространился со сверхъестественной быстротой. Конечно, он оказался совершенно необоснованным, но успел разлагающе повлиять на моральный дух населения».

Послевоенные расследования показали, что парашютисты немцев не сбрасывались нигде, кроме районов Мурдейка, Дордрехта и Роттердама и трех аэродромов близ Гааги. По одной простой причине: ВДВ

Гитлера были просто малочисленны. Не нашли и никаких подтверждений страшным слухам о стрельбе неизвестных людей по голландским войскам в городах. Полной чушью оказались и слухи об отравлении воды и продовольствия, о таинственных световых сигналах и условных знаках. Немцы поразили Голландию прежде всего не парашютными десантами и не танками, не налетами бомбардировщиков и артиллерийскими обстрелами — они убили ее волной умело поднятого страха. Способность здраво рассуждать отключилась — и вот в момент, когда немецкие танки и мотопехота прут на Голландию с востока, голландские войска лихорадочно перебрасываются к Гааге и Роттердаму, для борьбы с несуществующим восстанием нацистских боевиков! Скорость, с которым рухнуло и раскололось общество в демократической Голландии, поразительна.

Голландия пала всего за пять дней, доставшись завоевателям с целыми-невредимыми паровозами, железными дорогами, заводами, электростанциями, плотинами и каналами. Для ее сокрушения не пришлось уничтожать жестокими бомбардировками всю техносферу и инфраструктуру...

Бельгийский случай — это особая глава триллервойны. С самого начала немцы в один только день 10 мая 1940 года смогли одержать совершенно реальную — и при этом на сто процентов фантастическую! — военную победу. Именно она стала тем самым шоком, который поверг бельгийцев в сильнейший трепет. И той победой немцев стало молниеносное падение самой сильной бельгийской крепости, ключа ко всей стране — твердыни Эбен-Эмаэль. Немцы взяли ее десантом с планеров! Они свершили чудо, и это поразило сознание их неприятеля.

Стремительное падение Эбен-Эмаэля и всей системы укреплений на границе вызвало панику в Бельгии. Ведь никто не знал, как немцы добились такого мгновенного успеха. Массы бельгийцев были уверены в том, что в верхах их страны — измена. А как иначе объяснить взятие неприступной твердыни, падение всей системы

укреплений на границе и успешный переход немецких частей через канал Альберта? Впрочем, другое объяснение нашлось тотчас же. Уже 10 мая по Брюсселю полетели ужасные слухи о том, что гарнизоны бельгийских укреплений оказались уничтоженными страшным секретным оружием Гитлера — отравляющими газами и некими «лучами смерти». Ничего этого и в помине не было.

Власти только подстегнули этот психоз. 10 мая министр обороны Бельгии выступил по радио и призвал граждан сообщать военным властям обо всех подозрительных личностях, замеченных близ укреплений и прочих военных объектов. Он предложил людям снять с автомобилей все радиоприемники. Действие этого обращения оказалось поразительным. Бельгийцы поняли это так: шпионы — на каждом шагу, а радио в машинах нужно снимать, потому что уже обнаружены вражеские агенты, получавшие инструкции с помощью автомобильных приемников. Поток сигналов бдительных граждан о множестве подозрительных субъектов буквально захлестнул бельгийских военных.

На третий день войны власти по радио заявили: мол, граждане, по всей стране высаживаются германские парашютисты-диверсанты, переодетые в гражданскую одежду и снабженные портативными передатчиками. И это сообщение было бредом воспаленного воображения — практически все немецкие ВДВ в тот момент дрались в Голландии. 5200 агентов абвера просочились сюда под видом гражданских беженцев. Но дело было сделано — и вот уже само бельгийское правительство стало главным распространителем панических слухов и генератором всеобщей шпиономании. 13 мая правительство завопило о том, что переодетые агенты немцев совершили несколько нападений на полицию. Тут же в эфир передали еще более идиотское требование органов безопасности — дескать, граждане, надо срывать со столбов рекламные плакаты немецкого кофейного напитка «Паша», потому как на обратной стороне этих щитов с довольным турком, пьющим цикориевый кофе, ковар-

ные немцы нанесли рисунки с важной информацией о связи и транспорте нашей Бельгии. И этот бред несли в эфире на полном серьезе!

Параллельно с развалом армии страх сорвал с места массы беженцев. Уже 10 мая дороги юго-восточной части Бельгии оказались запруженными толпами бегущих от войны людей. Дело в том, что правительство приказало эвакуироваться железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим, но население, увидев их поспешный уход, рвануло следом. Движение по дорогам оказалось полностью дезорганизованным. Невозможно стало перебросить войска навстречу наступающим гитлеровцам. Поток беженцев заражал страхом все новые и новые районы, захватывая с собой тысячи их жителей. И вот уже в западную часть Бельгии прибежали полтора миллиона деморализованных, обезумевших людей. Они рвались дальше, во Францию, но французы на пять дней перекрыли границу. А когда они ее открыли, было уже поздно. Немцы начали «удар серпом» через Арденны, и в северную Францию хлынул настоящий людской водоворот, в котором смешались гражданские беженцы с отступающими из Бельгии английскими, французскими и бельгийскими солдатами.

Масса антигитлеровских войск тогда создала дополнительный фактор «психического поражения». Ударив через Арденны к морю, немцы перерезали пути снабжения англо-французской группировки в Бельгии — и та стала отходить к порту Дюнкерк.

Шок и трепет стали перекидываться из Бельгии во Францию, куда рвались толпы ошалевших от ужаса беженцев. Органы французской войсковой контрразведки оказались парализованными: в них не имелось отделов для борьбы с замаскированными немецкими агентами, способными затесаться в массу гражданских беглецов (аналога сталинского СМЕРШа). Сами сбитые с толку, французские контрразведчики поддавались действию самых нелепых и пугающих слухов. Они нашли «выход»: принялись расстреливать на месте всех, кого подозревали в шпионаже и диверсиях... Но беженцев-то — сот-

ни тысяч! Как их профильтровать? То здесь, то там среди французских войск начиналась беспорядочная пальба — по призракам немецких диверсантов. То и дело расстреливали подозрительных местных жителей.

Страх смел в мусорную кучу всякие права человека, законность и прочие принадлежности демократии. А всеобщая мания вызывала нечто подобное массовым видениям. Люди видели то, во что верили и что боялись. Журналист Ходсон 13 мая встретил в Брюсселе перепуганную почтенную даму, которая говорила ему: мол, немцы разбрасывают взрывающиеся часы и авторучки, а после падения всего одной немецкой бомбы все дома в радиусе 150 ярдов были просто сметены с лица земли. Да, такой радиус поражения — это почти атомная бомба тактического назначения! Вот что делает страх!

И начался своего рода «маленький 1937-й год» в бельгийском исполнении. Получилось так же, как у Сталина в СССР: он приказывал брать троцкистов, а местные органы, стремясь выслужиться и достичь личных целей, бросали в мясорубку репрессий всех по своему произволу. Уже 13 мая бельгийские тюрьмы оказались переполненными. Пришлось отпускать на волю военнослужащих, отбывавших сроки за сравнительно мелкие преступления и гражданских заключенных — ибо нужно было освободить место для тысяч «немецких шпионов». Самых подозрительных решили погрузить в поезд и вывезти на территорию Франции. Творились страшные вещи. Как пишет де Йонг, в одном из поездов, вышедших из Брюсселя, томились 1100 человек немецких подданных, большинство которых были евреями, бежавшими от Гитлера. Среди тех, кого депортировали из Валлонии, были националисты Дегрелля, коммунисты, подозрительные лица из Эйпена и других районов Бельгии с немецким населением, торговцы, полицейские. Здесь был студент-иранец, исключенный из университета по подозрению во враждебной деятельности. Или, например, инженер из Югославии, которого арестовали за то, что он несколько раз подряд проехал вверх и вниз на лифте. Несчастный пы-

тался объяснить, что убирал вещи с верхнего этажа, опасаясь немецких зажигательных бомб. Но соседи были уверены, что он продает сигналы немецким самолетам — и югослава забрали. Среди арестованных замечали много священников — их сочли шпионами, переодевшимися в рясы.

15 мая из города Брюгге на трех автобусах отправили 78 арестованных, сковав их попарно наручниками. Тут были немцы, голландцы, фламандцы, евреи, поляки, чехи, русские, канадцы, итальянцы, французы, датчанин и швейцарец. Их отправили сначала в Бетюн — но там тюрьма оказалась битком набитой, и бедняг повезли в Абвиль на севере Франции. Однако и там мест в темнице не нашлось. Что делать? Вокруг царил страшная паника, в любой момент в окрестностях города могли появиться немецкие танки. И тогда 22 арестованных расстреляли прямо в городском парке, у эстрады для оркестра.

Направляемые на юг арестованные из Брюсселя и других городов Бельгии ехали по Франции в душных, запертых на замок вагонах для перевозки скота, на которых вывели аршинные надписи: «Пятая колонна», «Шпионы», «Парашютисты». Многие из этих «шпионов» скончались по дороге.

...20 мая немецкие танки, пройдя сквозь Арденны, достигли атлантического побережья. Лучшие англо-французские части и остатки бельгийской армии оказались в окружении, отходя к Дюнkerку. Так в считанные дни пала к ногам Гитлера Бельгия, пораженная страхом...

После прорыва немцев к морю более миллиона французских, английских и бельгийских солдат были отрезаны от основных сил. Немецкие танковые корпуса продвигались вдоль побережья, почти без сопротивления занимая французские порты. Объятые паникой французы бросали оружие; английская экспедиционная армия отступала к Дюнkerку — это был единственный порт, откуда англичане могли эвакуироваться на родину. Но Гудериан подошел к Дюнkerку на два дня раньше;

немецкие танки уже стояли перед беззащитным городом — и тут поступил приказ остановить наступление... «Стоп-приказ» Гитлера стал одной из загадок истории; остановка танков Гудериана позволила 300 тысячам англичан избежать гибели или плена и переправиться через пролив.

«Чудо в Дюнкерке» не облегчило участь Франции. Через день после эвакуации англичан немецкие танковые корпуса прорвали французский фронт на Сомме. 25 июня Франция капитулировала. Французская армия потеряла 84 тысячи убитыми, полтора миллиона французских солдат сдалось в плен. Потери вермахта составили 27 тысяч убитыми. Победа была почти бескровной; немцы не бомбили французские города и заводы; все это стало добычей победителя.

Таким образом, для сокрушения Франции (сильнейшей страны в материковой Европе) Гитлер применил, говоря нынешним «российским языком», не только всякие психическо-пропагандистские «понты» и «разводки», не только теракты и поджоги, но и вполне реальные, разящие военные удары.

Итак, когда Гудериан ринулся через Арденны, он нанес французам поражение при Седане и переправился через реку Маас, устремившись затем к морю.

Уже 10 и 11 мая французские разведывательные подразделения, продвигаясь в Арденнах, наткнулись на беспорядочные толпы беженцев и бельгийских солдат. С выпученными от ужаса глазами и перекошенными страхом лицами они тараторили о приближающихся несметных полчищах немецких танков. Беженцы-люксембуржцы твердили о том, что их маленькая страна оказалась захваченной в ночь с 9 на 10 мая группой немецкого спецназа, который приехал в герцогство под видом цирковой труппы. Именно эти «артисты» захватили пограничные заставы, полицейские участки и перерезали телефонные провода. По всей стране, мол, носились таинственные автомобили, откуда стреляли по людям. И даже дети подавали через окна какие-то сигналы немецким солдатам. (На самом деле Люксембург захва-

тили «гитлеровские байкеры» — агенты на мотоциклах, переодетые в гражданское).

Ошеломленные французские дозоры в Арденнах, услышав все это и заразившись страхом от беженцев, выскользнули из Арденн и поспешили обратно — с рассказами о приближающихся танковых дивизиях Гитлера. Они прибежали на левый берег Мааса, в расположение 9-й французской армии, которая и должна была удерживать речной рубеж.

Однако немцы появились перед 9-й армией на три дня раньше, чем предполагали французы. Но французов поражали не только бомбы и танки. Их войска оказались терроризированы страшными слухами. Дескать, вездесущая «пятая колонна» немцев развернула работу далеко за линией фронта. Немецкие парашютисты (которых на самом деле не было) повсюду высаживаются в тылу. Мол, распространяются ложные приказы, а те офицеры, которые должны были отдать приказ о взрыве мостов через Маас, оказались расстрелянными из автоматов немецкими шпионами, переодетыми в мирных жителей.

И эти слухи в сочетании с воздушно-танковым натиском немцев сделали свое дело! 9-я армия побежала!.. За солдатами следовали потоки беженцев, которые своими рассказами только увеличивали смятение. Массы беженцев захлестывали французскую армию. А немцы налетами бомбардировщиков только усугубляли этот хаос. «Повсюду дороги были запружены брошенными пушками, грузовиками с продовольствием и амуницией, фургонами с полковым имуществом. Повсюду устало разбредались разрозненные отряды, метались лошади и бестолково сигналили автомобили, — писал Гай Чепмен. — И хуже того — многие из этих деморализованных групп возглавляли офицеры, а еще хуже то, что многие побросали оружие» (Бевин Александер. «10 фатальных ошибок Гитлера». — М., Яуза — ЭКСМО, 2003 г., С. 46).

Попытка французского командования спешно сколотить новый оборонительный рубеж за Маасом прова-

лилась: большинство войсковых частей 2-й и 9-й французских армий уже превратились в толпы обезумевших от паники двуногих... Именно паника тогда уничтожила две армии Франции.

...Французская пресса невольно работала на Гитлера, сообщая миллионам читателей о действиях «пятой колонны» в агонизирующих Голландии с Бельгией... 1 мая, как пишет Луи де Йонг в своей книге, парижские газеты огорошили своих читателей уткой о том, что близ Гааги немцы высадили двести парашютистов в английской форме. Страх перед переодетыми немцами, сброшенными на парашютах, охватил массы, передавшись и военным штабам. 13 мая уже само французское правительство поддалось ей, сообщив о том, что всякий захваченный в плен переодетый немецкий военнослужащий будет расстрелян на месте.

Самое интересное, что немцы кое-что сделали для того, чтобы эти слухи поражали сознание французов. Например, для создания иллюзии о страшной и большой «пятой колонне», они еще заранее, ранней весной 1940 года, провели шпионскую операцию и подожгли склады хлопка в Марселе. С военной точки зрения этот поджог имел ничтожный эффект. Зато он имел характер пси-удара. Он создал впечатление о мощном диверсионном подполье во Франции. И вот уже 14 мая 1940 года французский министр информации, выступая по радио, сказал: «Десятки тысяч немцев, пользовавшихся благородным гостеприимством голландского народа, внезапно оказались врагами, готовыми к нападению». 15 мая французские газеты распространили известия о том, что в Голландии гитлеровские парашютисты маскировались под почтальонов, полицейских и женщин. 16 мая министр иностранных дел уже павшей Голландии ван Клеффенс сообщил французским газетчикам о том, что «парашютисты спускались тысячами, будучи одеты во французскую, бельгийскую и английскую военные формы, в рясы священников и даже в одежду монахинь и больничных сиделок».

В данном случае голландец нес полную околесицу: он был таким же перепуганным животным, как и его соотечественники. У немцев физически не могло быть тысяч парашютистов-шпионов — едва ли не столько же, сколько всех ВДВ Гитлера. Не было у немцев и самолетов, чтобы параллельно с высадкой ВДВ организовать еще и массовое «рассеивание» по стране мелких групп десантников-диверсантов. Однако логика у обуянных страхом уже не работает. Смертельно испуганный голландский чиновник через прессу заражал своим ужасом миллионы французов.

В ночь с 15 на 16 мая в Париже узнали о полном разгроме 9-й армии. Господи, путь на Париж открыт для немцев! Тогда еще никто не знал, что танки Гитлера пойдут не на столицу, а к Ла-Маншу, отрезая обреченную англо-французскую группировку во Фландрии. В Париже вспыхивает животная паника... 21 мая премьер Поль Рейно заявил народу о том, что мосты через Маас (на самом деле взорванные) не были уничтожены из-за «необъяснимых ошибок». Он говорил об искаженных донесениях, о ложных приказах на эвакуацию, об измене, саботаже и трусости. Он назвал предателем командующего 9-й армией генерала Коррапа (позднее полностью оправданного).

Это истеричное выступление окончательно свихнуло мозги всей Франции. Теперь французы видели предателей и «пятую колонну» повсюду... С 13 мая эвакуация приняла форму «Спасайся, кто может!»... Нормандия, Бретань и юг страны оказались буквально забитыми беженцами. Издерганные, похожие на душевнобольных существа заражали друг друга страхами. Сообщения о деятельности пятой колонны в газетах и по радио пугали людей...

Но немцам удалось главное — они сломали способность французов трезво соображать. И у них было прекрасное Рейхсминистерство пропаганды Геббельса, источник умных и смелых голов. Вальтер Шелленберг вместе с геббельсовцами разработал программы радиопередач, которые сеяли панику и неразбериху

среди противников. Директор мощной радиостанции в Саарбрюккене, доктор Адольф Раскин, начал передавать мощный поток сообщений на французском языке — якобы официальных сообщений от французских властей. С их помощью потоки беженцев направились на юг страны, забивая дороги и совершенно парализуя переброску французских резервов на фронт. А чтобы эффект усилился, немцы с самолетов разбросали листовки с пророчествами Богородицы и Нострадамуса о том, что французы смогут спастись от летающих огненных машин (читай — пикирующих бомберов Ю-87) на юго-востоке Франции. При этом они умело скомбинировали подлинные и фальшивые тексты катренов Нострадамуса.

Пытаясь справиться с людскими «цунами», Корпус гражданской обороны Франции, спешно сформированный 17 мая 1940-го, стал баррикадировать дороги. Здесь беженцев пытались проверять, справедливо опасаясь того, что в их толпы затесались и немецкие агенты. Итог — новая волна маниакальных неврозов и чудовищные пробки на магистралях...

Немецким частям оставалось лишь двигаться вперед, как стае волков, загоняющих стадо без памяти бегущих копытных.. «Страх перед пятой колонной вскоре начал распространяться и среди солдат. Любое замеченное ими странное явление стало приписываться таинственной деятельности вражеских агентов. «Пятая колонна и в самом деле существует, — писал один офицер. — Каждую ночь повсюду видны огоньки синего, зеленого и красного цвета».

Личный состав войск относился ко всему окружающему с величайшим подозрением. Если солдаты замечали каких-либо пришельцев, которые не могли объяснить причины своего пребывания в данной местности, они немедленно арестовывали их, как шпионов. А шпионов было приказано расстреливать на месте...

«Проблему вылавливаемых шпионов мы уже решили, — заявил один французский военнослужащий корреспонденту газеты «Нью-Йоркер» А.И. Либлингу. —

Мы просто стреляем по всем незнакомым нам офицерам».

Многим иностранцам, заподозренным в принадлежности к пятой колонне, пришлось пережить весьма неприятные минуты... Вскоре после прорыва фронта на реке Маас корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Перси И. Филипа вытащили из поезда. Форма военного корреспондента, голубые глаза и белокурые волосы — все это возбудило подозрения у солдат. Кто-то крикнул: «Ты поганый немецкий парашютист!» Вокруг сразу же собралась возбужденная толпа. «Корреспондент пытался сказать, что он награжден орденом Почетного легиона и указывал на красную орденскую ленточку. Это вызвало возмущение. Такой исключительной наглости не ожидали даже от немца. Когда же он стал показывать документы со множеством официальных печатей, поставленных в штабе генерала Гамелена, окружающие сказали, что это явно подозрительный тип, потому что у него слишком уж много всевозможных удостоверений». Филипа чутьне расстреляли тут же, у железнодорожного полотна. В конце концов сопровождаемый толпой крестьян, выкрикивавших «Бош! Убийца!», корреспондент был доставлен в полицейский участок...

У населения крупных городов Франции (и особенно у парижан) нервы оказались взвинченными с самого начала тревожных событий. Уже 13 мая волнение охватило тысячи людей, когда кто-то крикнул, что спускается немецкий парашютист. Вскоре выяснилось, что это был аэростат заграждения. Через неделю случилось то же самое; в результате на Альминской площади застопорилось движение транспорта. Многие решили, что это дело рук немецких парашютистов. Вновь и вновь возникали слухи, что парашютисты приземлились в парижских парках. «Трое детей умерли, съев отравленный шоколад»; «Гамелен застрелился»; «Аррас захватили парашютисты, спустившиеся ночью с зажженными факелами в руках» — такие заявления приходилось слышать Артуру Кестлеру. Петер де Польней, который в эти ночи смотрел на французскую столицу из своего дома,

расположенного на Монмартре, рассказывал: «По всему Парижу были заметны сигналы, передававшиеся по азбуке Морзе. Пятая колонна разворачивала свою деятельность...» (Л. де Йонг, указ. соч., с. 164-165).

Да, парашютисты, которые прыгают из самолета с зажженными факелами в руках — это сильно. Лучшего примера для того, как в войне люди превращаются в запуганных дебилов, лишенных элементарной способности здраво мыслить, просто не отыскать. Большинство людей вообще лишено способности логически рассуждать даже в обычной жизни, слепо доверяя мнению окружающих, телевизору и газетам.

Французы просто бредили немецкими парашютистами. Если верить им, то Гитлер высаживал шпионов под каждым кустом, обильно сея их с воздуха, потратив на это чуть ли не всю свою армию. А уж отравленный шоколад, кажется, густо засыпал города всей Европы к западу от Германии... Скорее всего, психическое смятение в больших массах людей рождает галлюцинации, и множество французов было уверено, что действительно видело страшных парашютистов.

«...Зачастую гражданское население срывало свою ярость на случайных людях, заподозренных в пособничестве врагу. В ряде случаев преследованиям подвергались священники и монахини. Англичанка Сесилия Меркворт чуть было не подверглась линчеванию в Бретани, куда она прибыла, убегая от немцев. В селении Сен-Николя ей рассказали, что настоятельницу тамошнего монастыря местные жители уже дважды арестовывали, принимая за переодетого парашютиста. Французский офицер Барлон отмечал в своей книге, что в районе Руана сотни священников и монахинь были арестованы, «а может быть, и расстреляны»; их принимали за переодетых парашютистов. Случалось, что выбросившихся с парашютами со сбитых самолетов французских и английских пилотов избивали до полусмерти сбежавшиеся к месту приземления крестьяне.

Вот по такой Франции, население которой дрожало от страха и негодования, катились все дальше на юг

вагоны для перевозки скота, переполненные людьми, арестованными в Бельгии. Крупный железнодорожный эшелон, следовавший из Брюсселя, прибыл в Орлеан через 6 суток. Запертые в вагонах с надписями «члены пятой колонны» и «шпионы» люди лишь время от времени получали немного воды; раз в сутки им выдавали по куску хлеба. Стояла невыносимо жаркая погода. Все заключенные сидели в вагонах вперемежку. Тут были немецкие подданные, фламандские нацисты, евреи, коммунисты. В пути несколько человек умерло, одна женщина родила. На станции Тур перед эшелон с арестованными, который остановился напротив здания вокзала, собралась возбужденная толпа. «Нефти, — кричали из толпы, — дайте нам нефти, чтобы облить ею и сжечь подлецов; надо уничтожить эту нечисть!» Наконец после долгих мытарств заключенные прибыли в район концентрационных лагерей, у предгорьев Пиренеев. Лагери и без того уже были заполнены до отказа, так как во Франции десятки тысяч людей арестовывались по подозрению в принадлежности к пятой колонне...» — писал де Йонг.

Повальные аресты во Франции продолжались и в последующие недели. 18 мая министром внутренних дел стал герой победы над немцами 1918 года, энергичный Мандель. Он бросал людей в тюрьмы без разбора. За одну неделю в Париже прошло 2 тысячи обысков и 60 тысяч допросов! В тюрьму отправилось пятьсот человек. Многих чиновников сняли с работы. Некоторых приговорили к заключению за пораженческие настроения и разговоры. Каждый вечер в Париже десятки вооруженных патрулей проверяли подземные лабиринты канализации и задерживали подозрительных лиц. Вновь арестованных бросали в концлагеря на юге страны. Например, в лагере Гюрс скопилось 13 тысяч человек — не только немцев, но и коммунистов, анархистов, заподозренные эльзасцы, евреи, греки, русские, армяне, фламандцы и голландцы. В лагере кишели крысы, вши и блохи. В лагере Ле Верне томились 6 тысяч душ.

Несмотря на такой размах репрессий, страх перед «пятой колонной», как отмечает де Йонг, не только не уменьшался, а продолжал раздуваться до чудовищных размеров. Паника не рассасывалась. Наоборот, пошли слухи о предательстве в самых верхах Франции. Когда после трех недель борьбы капитулировал король Бельгии Леопольд, его стали называть изменником, заманившим англо-французские войска в свою страну, как в ловушку. Мол, любовницей короля была агентесса гестапо. Французы стали видеть в беженцах сплошных шпионов. Целые селения выгоняли беженцев, обзывая их пятой колонной... Так погибла Франция, сожравшая саму себя в приступах дикого ужаса.

Смотри, читатель: цивилизованные, культурные французы, не знавшие ни Сталина, ни ГУЛАГа, ни НКВД и 1937 года, за какие-то считанные дни в той войне превратились в кровожадную толпу, готовую убивать любого подозрительного без суда и следствия, заживо сжигать людей в вагонах. С французов слетела тонкая шелуха современной демократической цивилизации, и наружу вылез архаичный, обезумевший от страха средневековый человек, готовый поверить в любой бред, в ведьм и колдунов (парашютистов и пятую колонну). Французы стали доносить друг на друга, бить чужаков и заводить концентрационные лагеря.

Но, читатель, поражает еще один психологический эффект гитлеровского блиц-триллера мая-июня 1940 года — его действие на самих немцев. Падение к ногам Германии Голландии, Бельгии и Франции невиданно окрылило самих фрицев. Они почувствовали себя непобедимыми воинами, перед которыми трепещет весь мир, для которых нет больше преград. Гитлер подвергся обожествлению. Отныне он был горячо любимым, всезнающим и победоносным вождем, за которого не страшно идти ни в огонь, ни в воду.

А ведь перед началом кампании все было иначе. Немецкие генералы-профессионалы страшно боялись столкновения с французами и англичанами. Мол, Польша, Дания и Норвегия — это не показатель, несе-

рьезные противники. А вот западные силы... Простой подсчет показывал: на 62 дивизии Германии приходилось 85 французских, 23 бельгийских, 8 голландских и столько же английских. Генералы всерьез вынашивали идею государственного переворота. Мол, свергнем Гитлера — и, пока не поздно, замиримся с западниками. После победы сорокового года об этом даже мыслить было страшно.

Гитлер показал Германии, что война может быть не затяжной, страшной и голодной, а стремительной и легкой... Призрак затяжной войны, от которой лишённая сырья Германия рухнет замертво, преследовал немцев еще в 1939 году.

Победа на Западе оказалась достигнутой при минимальной затрате ресурсов, без мобилизационного напряжения экономики Рейха! Немцам не пришлось жрать хлеб из отрубей, маргарин и вареную брюкву, простаивая в многочасовых очередях у пунктов выдачи скудной еды... А вот впечатления генерала Фридо фон Зенгера, немецкого аристократа, который откровенно не любил ни Гитлера, ни нацистов. В Первую мировую ему пришлось четыре года гнить в окопах во все тех же Фландрии и северной Франции, среди морей крови, которые пришлось пролить немцам на Западном фронте. И вот бывший лейтенант Зенгер, став при Гитлере комбригом, снова идет весной сорокового года по местам, знакомым ему до боли. Вот Эрсен — небольшой городок западнее горы Лоретто, где немцы в 1914—1915 годах вели бои месяц за месяцем, и это место, словно мясорубка, поглощала тысячи жизней. Зенгер видит старое военное кладбище — лес крестов и большая братская могила для тел, которые разорвало на куски. Читает надгробие: «Ты, странник, ступивший на эту Голгофу и эти тропы, некогда затопленные кровью, услышь крик: «Люди Земли, объединитесь. Человечество, будь человечным!»... «Груды костей, оживленные когда-то гордым дыханием жизни, ныне просто разрозненные части тел, безымянные останки, человеческое месиво, священное скопление бесчисленных мощей — Господь узнает тебя,

прах героев!». Зенгера передергивает от страшных воспоминаний юности. Но — о чудо! — в 1940 году немцы взяли эту злосчастную гору с ходу. На ней почти нет следа боев — разве что одинокая воронка от снаряда и один подбитый танк напоминают о том, что здесь снова прошла война. Но не тяжелая и вязкая, как при кайзере — а стремительная, как молния, война Гитлера. Вот город Камбрэ, где Зенгеру в 1917-м пришлось выкапывать из общей могилы тело погибшего брата-летчика, пробираясь сквозь три слоя трупов. Теперь Камбрэ взяли без всякого боя. И Зенгера оставляет страх перед старыми местами боев. Его части даже не приходится вступать в бой — ведь она идет следом за танковыми формированиями.

Итог: потеряв всего 55 тысяч человек (цена одного месяца боев в четырехлетней мясорубке Первой мировой), немцы покорили Францию и страны Бенилюкса, взяв более миллиона пленных! Это было чудом, потрясшим тех, кто воевал при кайзере. Теперь и ветераны Первой мировой безгранично верили в фюрера.

Совершая немыслимое, Гитлер избежал крушения своей власти. Ведь его режим не был стальным монолитом или пирамидой египетской, а скорее напоминал неустойчивый велосипед, которому нужно было катить вперед во избежание падения. Сами посудите: в начале 1938-го многим казалось, что Алоизьевич долго не протянет. Экономика оказалась накачанной невозвратными кредитами и эмиссией марок, гнала вооружения — а потому должна была рухнуть. Армия казалась еще сырой и слабой. Гитлера ненавидели немецкие аристократы, а генералы, приходя в ужас от перспективы войны с англичанами и французами, строили планы военных переворотов. Глава военной разведки адмирал Канарис играет против фюрера, генералы — тоже. В 1938-м Гитлер готовится поглотить Чехословакию. Немецкие военные в ужасе: французская армия превосходит немецкую вдвое, западные границы страны не укреплены. Французы и англичане могут с легкостью смять рейх, и глава Генштаба генерал Бек уверен: так оно и случится!

Накануне чехословацкого кризиса немецкий генералитет был готов устроить переворот и убрать Гитлера.

Но внезапно Британия уступает нацистам! Чехословакия падает к ногам фюрера, и генерал фон Клейст изрекает: «Может быть, Гитлер и свинья, но этой свинье здорово везет». Заговор военных тотчас расстроился. Но уже в августе 1939 года немецкие генералы вновь ждут поддержки Лондона, чтобы арестовать Гитлера. И снова этой поддержки нет!

В начале 1940 года, после захвата Польши, начальник Генштаба Гальдер хватается за голову: Германия вступила в войну, но к ней совершенно не готова! Главный экономист вермахта генерал Томас доказывает это с цифрами в руках. Гальдер и Канарис прощупывают почву: а нельзя ли устроить государственный переворот и заключить мир с французами и англичанами? Но главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич охлаждает пыл заговорщиков: переворот не поддержат ни солдатская масса, ни молодые офицеры. Они, мол, фюрера боготворят.

Невероятные победы Гитлера в Норвегии и Франции 1940 года окончательно превратили его в идола для молодых немцев, и эта вера в фюрера оказалась крайне прочной даже в июле 1944 года, когда Германия потеряла всякую надежду на победу».

А теперь давайте зададим себе несколько жестких вопросов.

Лучше ли было бы, если бы СССР возглавлял демократический лидер, вроде тех, что в руководстве Польши, Голландии, Франции, или гораздо правильнее, что страну возглавлял Сталин?

Лучше ли было бы, если бы в СССР имелись свободные демократические СМИ, распространяющие панику и работающие на врага, или все-таки отраднее, что Гитлер не уничтожил 100 миллионов русских, как планировал, а уж без свободных СМИ мы как-нибудь обошлись...

Лучше или нет для нас, что Сталин воспитывал людей, для которых крик «Родина в опасности» означал,

что надо встать и умереть, а не как для французов: надо собирать пожитки и драпать?..

Лучше ли для нас, что в 1930-е годы мы зачистили всю возможную почву для проникновения любых агентов и «пятой колонны» или мы должны были совершать свои скорые и нелепые репрессии уже после начала войны впопыхах, как обезумевшие европейцы?

Ведь Гитлер и на территории России планировал блицкриг... Только ничего у него не вышло, не получилось: население организовано эвакуировалось, даже вместе с промышленностью, армия с мужеством и героизмом оборонялась, никакие диверсанты никакой паники посеять не смогли, Сталин и правительство сами панику сеять не стали. Листовки Геббельса также не имели воздействия. Все оказалось не так, как в Европе. Поэтому и живы до сих пор.

Критику Сталина за то, что он «неправильно готовился к войне и много потерял народу» ведут поклонники Запада, того самого, разгромленного за три дня. И им всем после такого позора лучше вообще заткнуться навечно. Сейчас каждый вонючий «французик из Бордо» (они же там все гуманисты и либералы!) тычет нам пальцем: «ГУЛАГ, ГУЛАГ», осуждает за репрессии... Эти генетические трусы, задрав штаны бежавшие от Гитлера, прятаящиеся по своим ривьерам, пока за их свободу миллионы русских проливали кровь, вообще не имеют права исторического голоса! Они еще ничем за полвека не искупили свой исторический позор!

Сейчас немецкие журналисты из «Шпигеля», как прокуроры, с полным осознанием своей исторической правоты допрашивают нашего президента на тему Сталина, а он оправдывается перед потомками гитлеровских вояк как нашкодивший школьник... Нет картины абсурднее! Как можно было все забыть за полвека! Мы забыли свое величие, мужество и величайший в истории человечества подвиг. Немцы забыли свою бесчеловечную жестокость. Европейцы забыли свою трусость...

Подготовка к войне

Сталин начал готовиться к войне в 1927 году, когда заявил, что «у нас есть 10 лет, чтобы догнать развитые страны, в противном случае нас сомнут». Тогда был взят курс на форсированную модернизацию и индустриализацию. В короткий исторический срок были построены каналы, электростанции, железные дороги, заводы. Армия получила самолеты и танки. Даже чудо света — метро — имело двойное назначение — бомбоубежище. Смешны разговоры, что Сталин был «не готов к войне», он готовился к ней больше 10 лет. Десятки миллионов крестьян были обучены грамоте, чтобы могли совладать с современной техникой. Рабочих надо было кормить, поэтому провели коллективизацию, чтобы решить проблему продовольственной безопасности и не допустить продовольственного шантажа города деревней.

У нас давно распространено мнение, что «в войне победил народ, а не Сталин, и победа была достигнута не благодаря Сталину, а вопреки ему». Непонятно только, как этот самый народ проиграл Первую мировую войну той же самой Германии всего одно поколение назад?

Публицист Д. Зыкин очень хорошо высмеял сторонников логики «победы народа вопреки системе»:

«Обыватель судит о войне, прежде всего, по художественным фильмам. Вот показывают воздушный бой, летчики демонстрируют фигуры высшего пилотажа, один из самолетов, наш или немецкий, подбит и с диким воем, факелом падает вниз. Кто из телезрителей в этот момент задумывается о том, что на самом деле этот бой является лишь самой вершиной колоссального айсберга, называемого Системой? Многие ли отдают себе отчет в том, что серийное производство самолетов требует наличия в стране лучших в мире конструкторов, инженеров, химиков, металлургов, высококвалифицированных рабочих? Многие ли понимают, что этот самолет, десять секунд мелькавший в кадре,

когда-то был рудой, которую надо было добыть? А потом руду надо было превратить на металлургических заводах в высококачественную сталь, а сталь надо в свою очередь обработать на станках и не лишь бы каких, а сложных, высокоточных? Авиастроение является высочайшей технологией, и кроме Советского Союза и Германии, самолеты такого уровня тогда производили лишь США, Италия и Англия — то есть самые развитые страны мира. Для высокотехнологичного производства требуются и люди, обладающие соответствующей квалификацией. А это означает, что в стране должна существовать сильная система образования, подготовки и переподготовки кадров.

Вот в кино показывают танковое сражение. Мы видим смелых танкистов, мы видим их усталые лица, но задумываемся ли мы о том, что танк — это броня? А броня — это опять-таки тяжелая промышленность? Задумывается ли кто-то, что танк — это мотор, а это конструкторское бюро. Многие ли представляют себе, что танк это орудие и снаряды — а для создания того и другого требуются математики, физики и многие другие специалисты-хайтековцы? И учтём, что производство было налажено в массовом масштабе! Причем, советские танки были лучшими в мире!

Таким образом, для того чтобы летчик поднялся в небо, а танкист выехал в поле, потребовалась напряженная работа миллионов людей. Когда говорят, что, мол, народ победил вопреки Системе, вопреки политической элите, победил благодаря своему героизму и беззаветному патриотизму, а руководство страны мало того, что было ни при чем, а даже напротив, мешало, то это ничто иное как дилетантизм либо сознательная ложь. Если Система была ни при чем, если высшая управленческая элита во главе со Сталиным не способствовала Победе, то надо сказать, что миллионы людей, живущих в тысячах километрах друг от друга, каким-то образом сами по себе сговорились добывать руду и выплавлять из нее металл. Без руководства, мало того, под носом у всеведущего НКВД, каким-то невероятным образом

рабочие-металлурги узнали, что их продукцию нужно везти на машиностроительные заводы, а там, также вопреки Системе, из этой стали рабочие (надо полагать в свободное от работы время) производили детали для танков и самолетов. Все это делалось по чертежам, которые инженеры начертили по собственной инициативе, тайком, вопреки Системе и руководителям! А инженеры появились, надо полагать, тоже сами по себе. Разве что отдельные героические учителя, несмотря на гнет тоталитаризма, несмотря на «некомпетентность и паранойю» Сталина, тем не менее, взялись готовить из сельских детей конструкторов, математиков, физиков, химиков и так далее. А где же они взяли для этого учебники, причем много учебников, буквально сотни тысяч? Ну, это уж совсем простой вопрос. Их, разумеется, напечатали подпольно, использовав на свой страх и риск бумагу, предназначенную для выпуска газеты «Правда». Я не преувеличиваю, вот именно такой театр абсурда должен был царить в СССР. И каждый человек, заявляющий, что Победа достигнута вопреки системе, созданной Сталиным должен понимать, какой бред из этого следует».

Противники Сталина, однако, уточняют свой аргумент. Дескать, в вину Сталину ставится именно то, что он обезглавил армию накануне войны, репрессировал офицеров и генералов.

Константин Кулагин, научный сотрудник отдела военной статистики ИВИ МО РФ, пишет: «Некоторые «популяризаторы истории» утверждают: сталинский режим уничтожил наиболее подготовленные военные кадры, оставив Красную Армию накануне войны с командирами, не обладавшими ни соответствующим военным образованием, ни опытом. Заявленная этими «ниспровергателями» численность репрессированных колеблется в крайне широких пределах: от 32 тыс. до 100 тыс. человек. Было бы правильным им обратиться к исследованиям сотрудников Института военной истории».

Цифры, приведенные Кулагиным, впечатляют: вместо 30 — 40 — 50 и 100 тысяч расстрелянных ко-

мандиров фигурируют 1410 человек командирского состава, репрессированных за все 1930-е годы! Всего уволенных по состоянию здоровья и прочим мотивам действительно более 30 тысяч, но из них свыше 12 тысяч возвращено обратно. Но самое главное, в 1938 — 1940 годах армия получила 271 500 новых командиров, то есть в десятки раз больше, чем потеряла от репрессий. Число репрессированных вообще едва превышало 1 % от общего состава командиров. Образование командиров неуклонно росло: если в 1936 году высшее академическое военное образование получило 13 тысяч человек, а среднее военное 125 тысяч, то уже к 1941 году 28 тысяч получили академическое образование и 206 тысяч среднее военное. Так что войну мы встретили с подготовленной во всех отношениях грамотной армией.

Сталин усвоил уроки Первой мировой войны. Россия, потенциальный победитель, страна, которая должна была разделить с Антантой плоды победы над Германией, была ввергнута в хаос гражданской войны. Это произошло не потому, что мы плохо воевали, история Первой мировой дает примеры наших блестящих побед, да и жертв с российской стороны было меньше, чем у других европейских государств. Россию подвел тыл: вредительство с поставками оружия, боеприпасов, случавшееся из-за коррупции властей и, самое главное, проигрыш на идеологическом фронте. Армия была напрочь распропагандирована либералами, кадетами, эсерами, большевиками и меньшевиками. Государственная Дума пребывала в оппозиции царю, часть помещиков и генералов, практически вся интеллигенция идеологически воевали на стороне врага и смаковали каждую неудачу на фронте. Россия, которая должна была по итогам войны получить контроль над Восточной Европой, проливами Босфор и Дарданеллы, вместо этого распалась, погрязла в гражданской войне, где погибло 10 миллионов человек, в пять раз больше, чем на войне, из-за нежелания участвовать в которой все политические силы и устроили револю-

цию. Ведь именно мир, а не политические свободы со-блазняли многомиллионное население на свержение монархии, да и у Ленина первый декрет был «Декрет о мире».

Именно бардак в тылу и не должен был повториться в новой войне. Поэтому коррупционерам, вредителям, диверсантам, шпионам, паникерам и прочей «пятой колонне» был дан решительный бой в 1930-е годы. Паники и хаоса, которые сопровождали победы Гитлера в Европе, у нас допустить не удалось. Никаких диверсий, никаких паникеров в европейских масштабах. Поэтому наша одна Брестская крепость и сопротивлялась Гитлеру дольше, чем вся Франция.

Истинные масштабы сталинских репрессий

Но вот тут и встает вопрос о репрессиях: дескать, в них погибли миллионы людей, причем совершенно невинно, и величина этих жертв делает победу Сталина «пирровой победой»: мол, мы сами своих же людей убили больше, чем наши враги...

При этом не только враги России, но и ее самые большие патриоты соревнуются в ненависти к Сталину. В одной самой что ни на есть «русской» энциклопедии, составленной с большой любовью самыми махровыми патриотами, написано, что от большевистского режима погибло 60 миллионов граждан, и лично Сталин ответственен аж за 17 миллионов! Вот так: не 18 и не 16, а именно 17!

На сайте голосования «Имя России» без всяких ссылок говорится, что от репрессий Сталина погибло около 10 миллионов человек. А через лагеря прошли еще 20 миллионов... Вот и голосуйте за Сталина после этого!

Цифры так называемых сталинских репрессий назывались разные. Спросите 10 человек, и вам назовут 10 разных цифр, от 4 до 100 миллионов расстрелянных

и репрессированных... Хотя, казалось бы, за столько ле посчитать нетрудно, хотя бы порядки...

На самом деле все давно посчитано.

Самый признанный в мире специалист в области репрессий, антисталинист, но порядочный ученый, начавший заниматься этим вопросом еще в «перестройку», Виктор Земсков, проштудировав тома сталинских учетчиков, за любую ошибку в которых эти учетчики сами бы отправились в тюрьму, еще в 1991 году в журнале «Социс» опубликовал подлинные данные о масштабах репрессий (см. №№ 6 и 7). Приведем обширные данные из этих исследований:

«Советская и зарубежная общественность в массе своей по-прежнему находится под влиянием надуманных и не соответствующих исторической правде статистических выкладок, содержащихся как в трудах зарубежных авторов (Р. Конквест, С. Коэн и др.), так и в публикациях ряда советских исследователей (Р. А. Медведев, В. А. Чаликова и др.). Причем в работах всех этих авторов расхождение с подлинной статистикой никогда не идет в сторону преуменьшения, а исключительно только в сторону многократного преувеличения. Создается впечатление, что они соревнуются между собой в том, чтобы поразить читателей цифрами, так сказать, поастрономичней...»

Вот что, например, пишет С. Коэн (со ссылкой на книгу Р. Конквеста «Большой террор», изданной в 1968 г. в США): «... К концу 1939 года число заключенных в тюрьмах и отдельных концентрационных лагерях выросло до 9 млн. человек (по сравнению с 30 тыс. в 1928 году и 5 млн. в 1933—1935)».

В действительности же в январе 1940 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось 1 334 408 заключенных, в колониях ГУЛАГа — 315 584 и в тюрьмах — 190 266 человек. Всего в лагерях, колониях и тюрьмах находилось тогда 1 850 258 заключенных, т.е. приведенные Р. Конквестом и С. Коэном статистические данные преувеличены почти в пять раз. Р. Конквесту и С. Коэну вторит советский исследователь В. А. Чаликова, которая пишет: «Осно-

ванные на различных данных, расчеты показывают, что в 1937—1950 годах в лагерях, занимавших огромные пространства, находилось 8—12 млн. человек»... В действительности за период 1934—1953 гг. максимальное число заключенных в ГУЛАГе, приходившееся на 1 января 1950 г., составляло 2 561 351 человек. Следовательно, В. А. Чаликова... примерно в пять раз преувеличивает подлинную численность заключенных.

Свою лепту в запутывание вопроса о статистике заключенных ГУЛАГа внес и Н. С. Хрущев, который, видимо, с целью помасштабнее представить собственную роль освободителя жертв сталинских репрессий, написал в своих мемуарах: «... Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В действительности же 1 января 1953 г. в ГУЛАГе содержалось 2 468 524 заключенных: 1 727 970 — в лагерях и 740 554 — в колониях. В ЦГАОР СССР хранятся копии докладных записок руководства МВД СССР на имя Н. С. Хрущева с указанием точного числа заключенных, в том числе и на момент смерти И. В. Сталина. Следовательно, Н. С. Хрущев был прекрасно информирован о подлинной численности гулаговских заключенных и преувеличил ее в четыре раза преднамеренно.

Имеющиеся публикации о репрессиях 30-х — начала 50-х годов, как правило, содержат искаженные, сильно преувеличенные данные о числе осужденных по политическим мотивам или, как это тогда официально называлось, за «контрреволюционные преступления», т.е. по печально известной статье 58 УК РСФСР. Это касается и данных, приводимых Р. А. Медведевым о размахе репрессий в 1937—1938 гг. Вот что он писал: «В 1937—1938 гг., по моим подсчетам, было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек: около миллиона членов партии и около миллиона бывших членов партии в результате партийных чисток 20-х и первой половины 30-х годов, остальные 3—5 миллионов человек — беспартийные, принадлежавшие ко всем слоям населения. Большинство арестованных в 1937—1938 гг. оказалось в исправительно-трудовых

лагерях, густая сеть которых покрыла всю страну». Если верить Р. А. Медведеву, то число заключенных в ГУЛАГе за 1937–1938 гг. должно было увеличиться на несколько миллионов человек, однако этого не наблюдалось. С января 1937 г. по 1 января 1938 г. численность заключенных ГУЛАГа возросла с 1 196 369 до 1 881 570, а к 1 января 1939 г. понизилась до 1 672 438 человек. За 1937–1938 гг. в ГУЛАГе действительно произошел всплеск роста численности заключенных, но на несколько сотен тысяч, а не на несколько миллионов. И это было закономерно, т.к. в действительности число осужденных по политическим мотивам (за «контрреволюционные преступления») в СССР за период с 1921 г. по 1953 г., т.е. за 33 года, составляло около 3,8 млн. человек. Утверждения Р. А. Медведева о том, что будто бы только в 1937–1938 гг. было репрессировано 5–7 млн. человек, не соответствуют истине. Заявление же председателя КГБ СССР В. А. Крюкова о том, что в 1937–1938 гг. было арестовано не более миллиона человек, вполне согласуется с изученной нами текущей гулаговской статистикой второй половины 30-х годов.

В феврале 1954 г. на имя Н. С. Хрущева была подготовлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром внутренних дел СССР С. Кругловым и министром юстиции СССР К. Горшениным, в которой называлось число осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Всего за этот период было осуждено Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642 980, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220, в ссылку и высылку — 765 180 человек.

Необходимо подчеркнуть: из приведенного выше официального государственного документа вытекает, что за период с 1921 по 1953 гг. к высшей мере было приговорено менее 700 тыс. из числа арестованных

по политическим мотивам. В этой связи мы считаем своим долгом опровергнуть заявление бывшего члена Комитета партийного контроля при ЦК КПСС О. Г. Шатуновской, которая, ссылаясь на некий документ КГБ СССР, впоследствии якобы таинственно исчезнувший, пишет: «...С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн. 840 тыс. «врагов народа». Из них 7 млн. было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях». В этой информации О. Г. Шатуновской допущено более чем 10-кратное преувеличение и размаха репрессий, и числа расстрелянных. Она также уверяет, что большинство остальных (надо полагать, 7–10 млн. человек) погибло в лагерях. Мы же располагаем совершенно точной информацией, что за период с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, причем в это число входят не только «враги народа», но и уголовники... В предвоенные годы смертность среди заключенных ГУЛАГа имела заметную тенденцию к снижению. В 1939 г. в лагерях она держалась на уровне 3,29 % к годовому контингенту, а в колониях — 2,30 %...

За первые три года войны на подведомственных НКВД строительных работало более 2 млн. заключенных ГУЛАГа, в том числе строительству железных дорог было передано 448 тыс. человек, промышленному строительству — 310 тыс., лагерям лесной промышленности — 320 тыс., горнометаллургической — 171 тыс., аэродромному и шоссевному строительству — 268 тыс. В первый период войны на работы по строительству оборонительных рубежей ГУЛАГом было передано 200 тыс. заключенных.

Кроме того, в середине 1944 г. 225 тыс. заключенных ГУЛАГа использовались на предприятиях и стройках других наркоматов, в том числе промышленности вооружения и боеприпасов — 39 тыс., черной и цветной металлургии — 40 тыс., авиационной и танковой промышленности — 20 тыс., угольной и нефтяной — 15 тыс., электростанциям и электропромышленности — 10 тыс.,

лесной — 10 тыс. и др. С начала войны и до конца 1944 г. НКВД СССР перечислил в доход государства около 3 млрд. руб., поступивших от других наркоматов за предоставленную им рабочую силу.

К началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составило 2,3 млн. человек. На 1 июня 1944 г. их количество снизилось до 1,2 млн. За три года войны (до 1 июня 1944 г.) из лагерей и колоний ГУЛАГа убыло 2,9 млн. и вновь поступило 1,8 млн. осужденных... В общем составе осужденных за контрреволюционные преступления 57,7 % отбывали наказание по обвинениям в измене Родине, 17,1 % — антисоветской агитации, 8,0 % — участии в антисоветских заговорах, антисоветских организациях и группах, 6,4 % — контрреволюционном саботаже, 3,2 — шпионаже, 2,2 % — повстанчестве и политбандитизме, 1,7 % — терроре и террористических намерениях, 0,8 % — диверсионной и вредительской деятельности, 0,6 % — члены семей изменников Родины. Остальные 2,3 % «контрреволюционеров» отбывали наказание в ИТЛ и ИТК по ряду других обвинений политического характера».

Добавим сюда же выдержку из интервью с Виктором Земсковым:

«— Что вы можете сказать о числе репрессированных и погибших в СССР, которые назывались во времена «холодной войны»?

— Речь шла о дискредитации противника. Западные советологи утверждали, что жертвами репрессий, коллективизации, голода и т.д. стали 50—60 миллионов человек. В 1976 году Солженицын заявил, что в период с 1917 по 1959 год в СССР умерли 110 миллионов человек. Трудно комментировать эту глупость. На самом деле темпы прироста населения составляли более 1 %, что превышало показатели Англии или Франции. В 1926 году в СССР было 147 миллионов жителей, в 1937 году — 162 миллиона, а в 1939 году — 170,5 миллионов. Эти цифры заслуживают доверия, и они не согласуются с убийством десятков миллионов граждан.

— Какова была реакция на цифры, названные вами?

— Известный писатель Лев Разгон вступил со мной в полемику. Он утверждал, что в 1939 году в лагерях находилось более 9 миллионов заключенных, в то время как архивы называют другую цифру: 2 миллиона. Им двигали эмоции, но он имел доступ на телевидение, а меня туда не приглашали. Позднее они поняли, что я прав, и замолчали.

— А на Западе?

— В первых рядах моих критиков был Роберт Конквест, чьи цифры репрессированных в пять раз превышали документальные свидетельства. В целом реакцией со стороны историков было признание. Сейчас в университетах обучаются уже по моим цифрам.

— До какой степени точны архивы ГУЛАГа, НКВД и т.д., доступ к которым вы впервые получили благодаря Горбачеву?

— Статистика ГУЛАГа считается нашими историками одной из лучших».

Вот еще одна краткая цитата из В. Земскова, его реакция на публикацию известного антисталиниста Антонова-Овсеенко, который, ссылаясь на некие документы, пишет, что после войны в ГУЛАГе сидело 16 миллионов человек: «В списке лиц, пользовавшихся этим документом (о 16 миллионах заключённых), фамилия Антонова-Овсеенко отсутствует. Следовательно, он не видел этого документа и приводит его с чужих-то слов, причем с грубейшим искажением смысла. Если бы А. В. Антонов-Овсеенко видел этот документ, то наверняка бы обратил внимание на запятую между цифрами 1 и 6, так как в действительности осенью 1945 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 миллионов, а 1,6 млн. заключенных» (см. В. Н. Земсков. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991, № 5. С. 151—152).

Вот так «разоблачителей Сталина» ловят на вранье, да еще каком — аж в 10 раз!

Еще несколько цитат из ответа В. Земскова американскому историку С. Максудову, который вознегодовал на публикации Земскова в журнале «Социс»:

«Реакцию г-на Максудова... на публикацию моих статей трудно назвать иначе, как патологическим отклонением от общего правила. Вместо признательности за ввод в научный оборот целого комплекса новых источников, в которых историческая наука чрезвычайно нуждалась, мы наблюдаем реакцию, которую трудно назвать выражением чувства благодарности даже при самом дерзновенном полете фантазии...»

Определяя повышенную убыль советского населения в 40—50 миллионов, г-н Максудов делает вывод: «Эта огромная цифра — цена чудовищного эксперимента власти над населением». Разумеется, мы не собираемся отрицать очевидный факт, что определенная часть этих людей стала жертвами репрессий и всякого рода «экспериментов»... Но ведь мой оппонент включает в это число 10—12 миллионов умерших и погибших во время гражданской войны и даже все людские потери в период Великой Отечественной войны (26,6 миллионов). Интересно, с каких это пор людские потери в тяжелых и кровопролитных войнах стали зачисляться в разряд «цены чудовищного эксперимента власти над населением»?

Или, может быть, г-н Максудов полагает, что в 1941 году правящие круги СССР специально развязали войну с Германией и ее союзниками, чтобы таким образом побольше истребить собственного населения? Только при допущении этой нелепой мысли можно всерьез говорить о включении людских потерь в Великой Отечественной в разряд жертв режима. Однако советское руководство, разумеется, никогда такой цели не ставило. Можно дискутировать по вопросу о возможной экспансии Советского Союза под видом раздувания пожара «мировой пролетарской революции» (в противовес можно провести ряд высказываний Ленина и его сподвижников, свидетельствующих об их отрицательном отношении к идее экспорта революции, а что каса-

ется Сталина, то он вообще избегал употреблять термин «мировая революция»). Факт остается фактом: не Советский Союз развязал эту войну.

Мы не можем согласиться и с включением в число жертв репрессий суммарных людских потерь во время гражданской войны. Нет оснований утверждать, что Советское правительство специально развязало гражданскую войну именно с целью истребления собственного народа. Напротив, факты говорят о том, что политические силы, пришедшие к власти в октябре 1917 года, старались избежать любой войны — как с Германией или странами Антанты, так и внутри страны.

Крупномасштабная гражданская война началась через 2-3 месяца после заключения Брестского мира с серии белогвардейских мятежей. В результате гражданской войны население страны (в границах СССР до 17 сентября 1939 года) сократилось к 1922 году почти на 13 миллионов. Подавляющее большинство этих потерь составляли умершие от голода, холода, болезней (особенно от сыпного тифа), погибшие на фронтах войны у всех противоборствующих сторон. В число составляющих убыли населения страны входит и белая эмиграция. Все эти потери были следствием войны со всеми ее издержками.

По нашему мнению, считать жертвами большевистского режима (красного террора) можно только арестованных и осужденных карательными органами Советской власти по политическим мотивам, включая жертв самосудов над «контрреволюционерами». Жертвы красного террора исчислялись многими десятками тысяч, но в общей массе людских потерь они занимали далеко не первое место и значительно уступали указанным выше компонентам убыли.

Г-н Максудов иронизирует по поводу разоблачения мною суммарных потерь (40 миллионов), о которых говорил Рой Медведев. В данном случае автор оказал Р. А. Медведеву медвежьё услугу. Дело в том, что последний опубликовал в «Аргументах и фактах» (1989.

№ 5) статью по статистике сталинских репрессий за период с конца 20-х годов до 1953 года, в которой приводились эти 40 миллионов и ряд других цифр (ни одна из них не соответствовала действительности). В дальнейшем редколлегия издания из различных источников выяснила, что допустила оплошность, опубликовав эту статью, так как вся роймедведевская цифирь (включая, естественно, упомянутые 40 миллионов) — сплошная «туфта». Чтобы как-то реабилитироваться в глазах более-менее компетентных читателей, редколлегия «Аргументов и фактов» опубликовала (№№ 38, 39, 40, 45 за 1989 г. и № 5 за 1990 г.) серию моих статей с содержанием подлинной, документально подтвержденной статистики осужденных за контрреволюционные преступления, заключенных, спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев и др. Сам же Рой Медведев еще до публикации моих статей поместил в одном из номеров «Аргументов и фактов» за 1989 год пояснение, что его статья в № 5 за тот же год является недействительной... Г-н Максудов, вероятно, не совсем в курсе этой истории, иначе вряд ли взялся бы защищать далекие от истины расчеты, от которых сам их автор, осознав свою ошибку, публично отрекся...

В период «холодной войны» в западной историографии, занимающейся изучением репрессивной политики в СССР, сложилась целая система шаблонов, штампов и стереотипов, выходить за рамки которых считалось неприличным. Если, к примеру, общее число жертв репрессий в СССР было принято определять величинами от 40 миллионов и выше, численность заключенных ГУЛАГа в конце 30-х годов — от 8 миллионов и выше, количество репрессированных в 1937—1938 гг. — от 7 миллионов и выше и т.д., то называть меньшие цифры было фактически равносильно совершению неприличного поступка.

Сам факт публикации статистики, в достоверности которой г-н Максудов сомневается, уже перестал быть сугубо советским или российским явлением. В 1993 году эта статистика была опубликована на стра-

ницах авторитетного в ученом мире американского журнала «Американское историческое обозрение». Важно подчеркнуть, что ни членов редколлегии этого журнала, ни моих соавторов А. Гетти (США) и Г. Риттершпорна (Франция) нельзя заподозрить в заинтересованности преуменьшить масштабы репрессий в СССР.

Я не могу согласиться с включением в число репрессированных всех 900 тыс. военнослужащих, подвергшихся во время войны судебному наказанию в армии. Ведь здесь речь идет в основном о наказаниях за преступления и проступки сугубо уголовного или бытового характера. В армиях других государств тоже действовали соответствующие судебные органы, выносившие приговоры военнослужащим за те или иные преступления. Что касается военнослужащих Красной Армии, которым предъявлялись серьезные обвинения политического характера, то ими часто занимались не судебные органы в армии, а совсем другие ведомства (НКВД, НКГБ, Особое совещание, Военная Коллегия Верховного Суда). Взять хотя бы историю с осуждением А. И. Солженицына. Арестованный на фронте офицерами контрразведки СМЕРШ по обвинению в ведении антисоветской агитации, он был препровожден в Москву, где впоследствии был осужден Особым совещанием. Военные трибуналы тоже выносили приговоры в отношении военнослужащих, которым предъявлялись обвинения политического характера (чаще всего с формулировкой «измена Родине»). Все военнослужащие, осужденные по политической 58-й и приравненным к ней статьям, учтены в сводной статистике осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления.

И, наконец, г-н Максудов получает искомые 10 млн. пострадавших в 1941—1946 гг. от репрессивной машины НКВД, включив туда почти 5 миллионов советских перемещенных лиц, которые, по его словам, прошли «через фильтрационные лагеря НКВД со сроком пребывания от нескольких недель до нескольких месяцев». В действительности в 1944—1946 гг. в СССР поступило

более 4,2 миллиона репатриантов, из них только 6,5 % (так называемый спецконтингент НКВД) прошли через проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД. Остальные 93,5 % репатриантов (они не были спецконтингентом НКВД) прошли через фронтовые и армейские лагеря и сборно-пересыльные пункты (СПП) НКО, а также через проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) НКВД. Эта основная масса репатриантов не была репрессирована ни в политическом, ни в уголовном плане. То, что они некоторое время находились в лагерях и СПП НКО и ПФП НКВД, означало лишь сосредоточение их в сети сборных пунктов (термин «лагерь» в данном случае соответствует термину «сборный пункт»), без чего невозможна была организованная отправка таких больших масс людей на Родину.

Однако г-н Максудов этим не ограничивается и включает в число пострадавших в 1941—1946 годах от репрессивной машины НКВД еще несколько миллионов человек. Кто же эти люди? Оказывается, немецкие и японские военнопленные, которые «оказались в специальных лагерях». Где же тогда их следовало содержать? Насколько я знаю, ни в одной стране не принято содержать военнопленных в фешенебельных отелях. Общепринята практика содержания этой категории лиц в специальных лагерях. Немецкие, японские и прочие военнопленные находились именно там, где им положено было быть. Что касается немецких военнопленных, то они своим трудом частично компенсировали нанесенный нашей стране огромный ущерб и тем самым в некоторой степени искупили свою вину. По сравнению с тем, как гитлеровцы относились к советским военнопленным, обращение с немецкими и другими военнопленными в советском плену во всех отношениях было более гуманным.

До сих пор дискуссионным остается вопрос о масштабах смертности от голода в 1932—1933 годах. То, что приведенные мною данные ЦУНХУ Госплана СССР о рождаемости и смертности на Украине (в 1932 году родилось 782 тысячи и умерло 668 тысяч, в 1933 году со-

ответственно 359 тысяч и 1309 тысяч) неполны, я знаю и без Максудова, так как плохая работа ЗАГСов в тот период является достаточно известным для специалиста фактом. Союзный ЦУНХУ непосредственно не занимался подсчетами смертей на Украине и строил свою статистику на основе сводок украинского УНХУ. Для Украины 20—30-х годов в благоприятных условиях (без войны, голода, эпидемий и т.д.) было характерно примерно двукратное превышение рождаемости над смертностью. В 1932 году еще сохранялось положительное сальдо между рождаемостью и смертностью, но уже далеко не в двукратном размере, т.е. последствия голода давали о себе знать, а в 1933 году смертность была выше рождаемости почти в 4 раза. Это говорит о том, что в 1933 году на Украину обрушилась какая-то катастрофа. Какая именно, мы с Максудовым прекрасно знаем.

Напоминаю еще раз, что здесь речь идет только о зарегистрированных рождениях и смертях... Что касается смертности от голода в 1932—1933 годах в целом по СССР, то я считаю наиболее достоверными на сегодня данные и расчеты, проведенные В. В. Цаплиным, бывшим директором Центрального государственного архива народного хозяйства СССР. По его сведениям, полученным на основе изучения архивных документов, в 1932—1933 гг. в СССР умерло от голода и его последствий (с регистрацией в ЗАГСах) не менее 2,8 миллиона человек. Неучтенная смертность в 1933 году оценивалась величиной около 1 миллиона человек. Сколько не было учтено смертей в 1932 году неизвестно, но явно значительно меньше, чем в 1933 -м. По нашему мнению, смертность от голода в 1932—1933 годах в СССР составила 4—4,5 миллиона человек (разумеется, эти цифры не окончательные и нуждаются в уточнении)... В свете этого мы имеем основания утверждать, что оценки, значительно превышающие эти цифры, сильно преувеличены. Уж не думает ли г-н Максудов, что можно назвать непреувеличенными соответствующие данные в пропагандистских материалах украинского

РУХа — до 11—12 миллионов якобы умерших от голода в 1932—1933 годах! И это только на Украине. А если в таком же духе определять смертность от голода в других регионах СССР? Можно себе представить, какая получится фантастическая цифра. Не исключено, что она превысит общую численность тогдашнего населения СССР.

Мы с С. Максудовым находимся в неравных условиях. Я изучил огромный пласт таких источников, как статистическая отчетность ОГПУ—НКВД—МГБ—МВД за период 30—50-х годов, а он вообще не работал с этими источниками. Рекомендую С. Максудову оформить научную командировку в Москву и самому поработать с этими документами в спецхране ГА РФ. Дирекция ГА РФ, вне всякого сомнения, не только не будет чинить препятствий, но и окажет содействие в этой цели». (Опубликовано в журнале «Социологические исследования», 1995, № 9).

Кроме того, в упоминавшейся выше газете «АиФ» (№ 5, 1990) помещена таблица «Движение лагерного населения ГУЛАГа». «Политические» составляли, например, в «знаменитом» 1937 году 12,8 %, в 1947 году — 38 %. «Членов семей изменников Родины» перед Великой Отечественной войной сидело 12 тысяч, после войны: в 1945 году — 6000, в 1947 году — немногим более тысячи.

Несомненно следующее возражение: у одних историков одни цифры, у других — другие, где доказательство, что эти цифры подлинные, и через пять лет не всплывут новые?

Давайте представим, что все цифры изначально ложны, ангажированы. Что сталинисты занижают масштабы репрессий, а антисталинисты завышают. Никому верить нельзя. Давайте просто без цифр подключим свой здравый смысл!

В книге «Антимиф» С. Г. Кара-Мурзы и его соавторов, приведен любопытный текст, который развеивает миф о большом числе репрессированных, исходя из здравого смысла:

«Для того чтобы доказать, что король голый, совершенно необязательно быть профессиональным портным. Достаточно иметь глаза и не бояться хотя бы немного думать. После многократного переписывания истории и козыряния заумными статистическими методиками, доказывающими все что угодно, люди уже ничему не верят. Поэтому я не буду утомлять читателя статистическими выкладками, а просто обращусь к здравому смыслу. Говоря о репрессиях, имевших место в сталинские годы, антисоветская пропаганда утверждает следующее:

- Было расстреляно 10 миллионов человек;*
- 40, 50, 60 вплоть до 120 (!) миллионов прошедших лагеря;*
- практически все арестованные были невиновны, их сажали за то, что мать срывала голодным детям 5 колосков в поле или уносила катушку ниток с производства и получала за это 10 лет;*
- почти всех арестованных согнали в лагеря на строительство каналов и лесоповал, где большинство из заключенных и умерли.*

Когда спрашивают, почему народ не восстал, когда его истребляли, то обычно отвечают: «Народ этого не знал». При этом факт того, что народ не подозревал о масштабах репрессий, подтверждают не только практически все люди, жившие в то время, но и многочисленные письменные источники. Только Солженицын спустя 20 лет рассказал «правду»!

В этой связи имеет смысл отметить несколько важных вопросов, на которых не существует не только враждебных, а вообще никаких ответов.

1. Известно, и это не подвергается сомнению даже самыми ярыми антисоветчиками, что подавляющее большинство репрессированных было арестовано в период с 36 по 39 год, а это значит, что одновременно в лагерях и тюрьмах должно было находиться несколько десятков миллионов человек! Факт ареста и транспортировки нескольких тысяч (!!!) ингушей и чеченцев был отмечен современниками депортации как шокирующее

событие, и это понятно. Почему же арест и транспортировка во много раз большего количества людей не были отмечены очевидцами?

2. Во время знаменитой эвакуации на восток в 41—42 гг. было перевезено в глубокий тыл 10 миллионов человек. Эвакуированные жили в школах, времянках, где угодно. Этот факт помнит все старшее поколение. Это было 10 миллионов, как же насчет 40 и тем более 50, 60 и так далее?

3. Почти все очевидцы тех лет отмечают массовое перемещение и работу на стройки пленных немцев, их нельзя было не заметить. Народ до сих пор помнит, что, например, эту дорогу строили пленные немцы. Пленных на территории СССР было около 4 миллионов, это очень много и факта деятельности такого большого количества людей не заметить невозможно. Что же сказать про количество эзков в примерно в 10 раз большее? Только то, что сам факт перемещения и работы на объектах строительства такого невероятного количества арестантов должен просто потрясти население СССР. Этот факт передавался бы из уст в уста даже спустя десятки лет. Было ли это? Нет.

4. Как транспортировать в отдаленные районы по бездорожью такое огромное количество людей, и какой вид транспорта, доступный в те годы при этом использовался? Масштабное строительство дорог в Сибири и на Севере началось существенно позже. Перемещение огромных многомиллионных (!) человеческих масс по тайге и без дорог вообще нереально, нет никакой возможности их снабжать во время многодневного пути.

5. Где размещались заключённые? Предполагается, что в бараках, вряд ли кто будет строить в тайге небоскребы для эзков. Однако даже большой барак не может вместить людей больше, чем обычная пятиэтажка, поэтому многоэтажные дома и строят, а 40 миллионов — это 10 городов размером с тогдашнюю Москву. Неизбежно должны были остаться следы гигантских поселений. Где они? Нигде. Если же разбросать такое количество заключенных по огромному количеству ма-

леньких лагерей, расположенных в труднодоступных малонаселённых районах, то их невозможно будет снабжать. Кроме того, транспортные издержки с учетом бездорожья станут невообразимыми. Если их разместить близко к дорогам и крупным населенным пунктам, то все население страны немедленно узнает об огромном количестве заключенных. В самом деле, вокруг городов должно быть большое количество очень специфических сооружений, которые не заметить или спутать с чем-либо другим невозможно.

6. Знаменитый Беломорканал строили 150 тысяч заключенных, Кировский гидроузел — 90 тысяч. Про то, что эти объекты строили ээки, знала вся страна. А эти цифры ничто по сравнению с десятками миллионов. Десятки миллионов заключенных-рабов должны были оставить после себя воистину циклопические постройки. Где эти сооружения и как они называются? Вопросы, на которые не будет ответов, можно продолжить.

7. Как снабжались такие огромные массы народа в отдаленных труднопроходимых районах? Если даже предположить, что кормили узников по нормам блокадного Ленинграда, то это означает, что для снабжения заключенных нужно минимум 5 миллионов килограммов хлеба в день, 5000 тонн. И это если предположить, что охрана ничего не ест, не пьет и вообще не нуждается в вооружении и обмундировании. Наверное, все видели фотографии знаменитой Дороги Жизни. Нескончаемой линией один за другим идут полтора и трёхтонные грузовики — практически единственное транспортное средство тех лет вне железных дорог (лошадей считать транспортным средством при таких перевозках не имеет смысла). Население блокадного Ленинграда составляло около 2 миллионов человек. Дорога через Ладожское Озеро — примерно 60 километров, но доставка грузов даже на такое небольшое расстояние стало серьезнейшей проблемой. И дело здесь не в немецких бомбёжках, немцам не удалось прервать снабжение ни на день. Беда в том, что пропускная способность проселочной дороги (каковой, по сути, была Дорога Жизни) —

мала. Как сторонники гипотезы массовых репрессий представляют себе снабжение 10—20 городов размером с Ленинград, расположенных в сотнях и тысячах километрах от ближайших дорог?

8. Каким образом вывозились продукты труда такого количества заключённых, и какой вид транспорта, доступный в то время, для этого использовался? Можно не ждать ответов, их не будет.

9. Где же размещались задержанные? Задержанные редко содержатся вместе с отбывающими наказание, для этой цели существуют специальные следственные изоляторы. Содержать арестованных в обычных зданиях нельзя, нужны специальные условия, следовательно, должны были строиться в каждом городе в большом количестве следственные тюрьмы, рассчитанные на десятки тысяч арестантов каждая. Это должны были быть сооружения чудовищных размеров, ведь даже в знаменитой Бутырке содержалось максимум 7000 заключенных. Даже если предположить, что население СССР было поражено внезапной слепотой и не заметило строительства гигантских тюрем, то тюрьма такая вещь, которую не спрячешь и незаметно не переделаешь под другие сооружения. Куда же они делись после Сталина? После пиночетовского переворота 30 тысяч арестованных пришлось разместить на стадионах. Кстати, сам факт этого был немедленно замечен всем миром. Что же сказать о миллионах?

10. На вопрос: «А где же братские могилы невинно убиенных, в которых захоронены миллионы людей?», вы не услышите вообще никакого вразумительного ответа. После перестроечной пропаганды закономерно было бы открытие секретных мест массового захоронения миллионов жертв, на этих местах должны были быть установлены обелиски и памятники, но ничего этого нет и в помине. Учтите, что захоронение в Бабьем Яре сейчас известно всему миру. По разным оценкам, там было уничтожено от семидесяти до двухсот тысяч человек. Понятно, что если скрыть факт расстрела и захороне-

ние такого масштаба не удалось, что же говорить о числах в 50—100 раз больших?

Полагаю, что приведенных фактов и рассуждений более чем достаточно. Их никому не удалось опровергнуть. Даже если какой-то из приведённых выше фактов и можно было бы объяснить каким-либо образом, притянув данные за уши, их нельзя объяснить все в совокупности. Одновременное выполнение не то что всех, а даже части условий, о которых мы говорили, невозможно в принципе».

Подведем краткий итог сказанному и остановимся на самых существенных цифрах.

1. За 33 года с 1921 по 1954 год всеми возможными судами было приговорено к смерти 642 980 человек по политическим мотивам.

2. С 1934 по 1947 год в лагерях умерло 963 766 человек, включая уголовников. Если учесть, что политических было от 12 %, как, например, в 1937 году, до 38 % как в 1947 году, то можно предположить, что непосредственно к приговоренным к смерти добавится еще около 250 тысяч «политических». Если увеличить временную амплитуду, так же от 1921 по 1954 год, то, скорее всего, надо будет удвоить эту цифру. Таким образом, мы получим всего уничтоженных не более 1 миллиона 300 тысяч человек. При этом говорить о том, что все они были невинные — абсурдно. Наверняка по-настоящему невинных был какой-то процент, несколько тысяч человек.

3. Осужденных на разные сроки за 33 года по политическим мотивам оказалось 3 миллиона 777 тысяч 380 человек.

4. Число осужденных ГУЛАГа в среднем было 1,5 миллиона человек одновременно, лишь ближе к 1950-м годам оно поднималось до 2,5 миллионов человек максимум, и то благодаря тому, что тут и уголовники, и шпионы, и предатели, и дезертиры, и вредители, и диверсанты, и мародеры, и проч. При этом надо помнить, что уголовники в общей массе заключенных всегда составляли от 60 % до 90 %!

5. И наконец, не имеет под собой основы миф, что «вся страна построена заключенными, их рабский труд сделал индустриализацию» и проч. Из ГУЛАГа в народное хозяйство привлекалось чуть больше 2 миллионов человек, а трудоспособного населения в СССР тогда было свыше 70 миллионов, труд зеков — капля в море. Есть даже цифры, что их вклад в ВВП никогда не превышал 4 %.

6. Все данные Конквестов, Коэнов, Медведевых, Кургановых, Солженицыных, Разгонов, Антоновых-Овсеенко и других, превышающие реальные цифры в 5—10—50 раз, — чистой воды фальсификации, которые подстроены сознательно для того, чтобы представить СССР не меньшим, а даже большим злом, чем Гитлер. Президент Медведев объявил борьбу с фальсификацией истории, но это означает, что из библиотек и прочих фондов должны быть изъяты все книги Солженицына и ему подобных, практически все политические авторы, писавшие в эпоху перестройки и в 1990-е годы.

Вот такие цифры. Кому-то они покажутся страшно большими, кому-то страшно маленькими, но чтобы понять их истинный смысл, воспользуемся старой поговоркой: «все познается в сравнении».

Например, такое сравнение: только за время реформ Ельцина избыточная внеплановая смертность в России составила 3 миллиона! Но Сталин-то к войне готовился, увеличил ВВП в три раза и великую державу создавал и создал, и войну выиграл. А Ельцин за что 3 миллиона положил? За то, чтобы ВВП стал в два раза меньше? За то, что территория страны уменьшилась? Вот таких как Ельцин, потенциальных Ельциных и Чубайсов и расстреливали тогда, в 1930-е в основном.

Или вот еще одно чудесное сравнение: на сегодня в США в заключении находится порядка 2,4 миллиона человек. Население США больше, чем население сталинского СССР, на одну треть. Если взять, что в среднем в ГУЛАГе находилось в год по 1,5 миллиона человек, то получится, что в США сидячих сегодня

на душу населения столько же, сколько при Сталине. Там, где у нас в разные годы цифра была больше — это оправдано, дело было послевоенное, всегда есть куча мародеров, дезертиров и предателей. Но почему никто не пишет сейчас про американский ГУЛАГ? Где американские солженицыны? Почему им не дают Нобелевскую премию? Я не буду напоминать вообще про кровь американской истории, про десятки миллионов убитых негров и индейцев, это дело прошлое, но вот сейчас на планете существует ГУЛАГ, и все молчат!

Итак, из 1300 расстрелянных и умерших в лагерях людей какой-то процент был наверняка «невинными». Допустим, что это даже 10—20 % (вопреки разговорам, будто расстреливали «ни за что», надо сказать, что следствие велось очень тщательно: простого доноса, тем более для расстрела, не хватало, как и простого признания). Таким образом, невинных может быть за все 30 лет до 200 тысяч человек. Максимум. А вот США за две бомбардировки в Хиросиме и Нагасаки уничтожили 250 тысяч человек. Действительно невинных мирных жителей. Вдалеке от фронта. И это за два дня. А не за 30 лет. И никто не считает Трумэна символом тоталитаризма и жестокости. И если сейчас разные прибалты требуют осуждения гитлеризма и сталинизма, то давайте добавим и осуждение трумэнизма. Хотя именно он говорил в американском сенате: «Надо попеременно помогать то русским, то немцам и пусть они убивают как можно больше». Именно США влияли на Англию и Польшу, чтобы те попустительствовали Гитлеру и не заключали договор о ненападении с СССР. Именно США затягивали и открытие Второго фронта. Именно США могли бы остановить Гитлера еще в 1939 году, и никаких жертв в 60 миллионов бы не было.

Ну и, наконец, рассмотрим главное сравнение, сравнение с фашистской Германией.

По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников (ЧГК)

число советских граждан — жертв фашистского геноцида на оккупированной территории СССР составляет 10,7 миллиона.

Историк В. Земсков пишет:

«Война фашистской Германии против СССР имела истребительный характер. Этим она принципиально отличалась от предыдущих военных кампаний 1939—1941 гг. в Европе. Хотя гитлеровцы формально и не распространили методы «решения еврейского и цыганского вопросов» на «решение русского, украинского и белорусского», но на практике приближались к этому. На оккупированных советских землях они целенаправленно истребляли миллионы людей... Следует иметь в виду, что... данные ЧГК касаются только оккупированной советской территории. Здесь не учтены миллионы депортированных советских граждан (гражданских и военнопленных), убитых и замученных в фашистской неволе за пределами СССР. В общей сложности жертвы фашистского геноцида прочно занимают первое место среди всех составляющих людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Они намного превосходят даже безвозвратные потери советских вооруженных сил, тоже отнюдь немалые...»

Сводные данные ЧГК построены на основе первичных и сводных материалов широкой сети районных, областных, краевых, республиканских ЧГК, которые провели поистине титаническую работу по определению убитых и замученных советских граждан на оккупированной территории. Раньше у меня было сомнение, не скрываются ли под термином «убито и замучено» суммарные людские потери. Однако в процессе работы с актами и протоколами районных и областных ЧГК это сомнение отпало. Термин «убито и замучено фашистскими захватчиками и их пособниками» адекватен своему содержанию, так как в акты районных и областных ЧГК не вносились умершие естественной смертью, потери коллаборационистов и т.д. Суммарные итоги этой работы — 10,7 миллиона жертв фашистского геноцида на оккупированной советской территории — подтверж-

даются многочисленными документами и свидетельствами. Это означает, что именно эта цифра является документально подтвержденной».

Итак, только убито и замучено почти 11 миллионов. И не за 33 года, а за четыре. И это только начало того, что хотели сделать, только начало осуществления плана «Ост». Сюда не включены убитые за пределами СССР, угнанные в рабство, а также боевые потери нашей армии. По разным данным, общие потери СССР составляют от 20 до 26 миллионов человек.

Всего жертв Второй мировой, развязанной Гитлером, — около 60 миллионов. Некоторые называют цифру и в 70 миллионов. Такой крови история Земли еще не знала, и это не удивительно: большую кровь и уничтожение количества ради выживания качества Гитлер себе и ставил. И если уж потребовалась в несколько раз меньшая кровь, чтобы остановить маньяка, то так уж устроен мир: иным способом, кроме как через жертвы, это было сделать невозможно.

Найдутся желающие воскликнуть: «Как можно так цинично считать трупы?». Дескать, и горе одного человека (пресловутая «слезинка ребенка») — уже горе, и нет разницы: убито 10 миллионов или 100 тысяч. Если нет разницы — отлично! Тогда записывайте в великие диктаторы человечества и всех английских королей и всех американских президентов... А что касается «слезинки ребенка», то не Достоевский, а Иван Карамазов придумал эту тему, а он, как известно, был в общении с дьяволом.

Ставить Гитлера рядом со Сталиным нельзя не только потому, что на совести одного около 60 миллионов жертв, а на совести другого менее одна или две сотни тысяч действительно невинных. Дело не только в этом. Сами проекты фашизма и коммунизма в корне противоположны. Фашизм есть проект превращения всех наций в ресурс для одной, а сталинский коммунизм есть проект жертвы одной нации ради спасения остальных, в нем узнается христианская заповедь: тот спасется, «кто положит душу за други своя».

Безусловно, коммунизм, имеет свои недостатки, наряду с фашизмом и либерализмом он есть одна из версий философской и социально-политической проблематики Нового времени и должен быть преодолен вместе со всей этой проблематикой. Истинные недостатки коммунизма — это дело отдельной работы, мы же здесь пока избавляемся от клеветы.

Цифры, названные выше, частично известны уже полвека, частично стали известны в начале 1990-х. Но кто помнит публикации в «Аиф» почти 20-летней давности? Кто читал журнал «Социс», выпускаемый малым тиражом? Зато миллионными тиражами расходуется клевета. До сих пор трудно представить себе хоть одного либерала или демократа, которые бы не разделяли миф о многомиллионных репрессиях Сталина. Про эти десятки миллионов убитых режимом каждый день говорят «Эхо Москвы» и «Радио «Свобода», будто никаких публикаций Земскова не было!

«Фонд Ельцина» начал финансирование огромного издания «История сталинизма», финансирование 100 томов клеветы и грязи на Сталина. Почему они все не могут угомониться? Почему так принципиально было и в перестройку, и сейчас заниматься своим поганым делом? Они не с прошлым борются... Нет. Они борются с нашим будущим!

Во время голосования по проекту «Имя России» наши звезды эфира и лидеры общественного мнения не стесняясь говорили о том, что их шокирует, что так много людей выбирает Сталина, ведь Сталин уничтожил некие миллионы сограждан, естественно, невинных...

Сняты и выпущены в эфир антисталинские фильмы «Дети Арбата» и «Доктор Живаго» по романам Рыбакова и Пастернака. Это тоже произошло после публикаций Земскова, когда, казалось бы, исторические консультанты просто должны пресечь клевету... Никто не пресек и никакие худсоветы на телеканалах это не запретили...

Известный перебежчик В. Суворов-Резун, который раньше на английские деньги эпатировал читателя рассказами о том, что на самом деле Сталин хотел напасть на Гитлера и несчастный Гитлер просто вынужден был защищаться нападением. Эта дикая чушь читалась и поглощалась миллионами, но в итоге вал аргументированной критики против Суворова оказался больше, и даже он переменял свое мнение, написал книгу «Беру свои слова обратно». И что же? Неужели он стал объективным? Нет, он отказался только от самых нелепых вымыслов, но все равно на каждой странице продолжает внушать, что Сталин убил людей больше Гитлера. И это в 2007 году, и опять это издается огромными тиражами и продается в наших магазинах!

Ладно... это публицистика, и идет она от английского шпиона. Но вот в 2008 году беллетрист, пожалуй самый популярный в России, Борис Акунин, он же, Чхартишвили, пишет роман «Квест», где в качестве положительных героев выводит Рокфеллера, который посылает в СССР диверсионную группу, чтобы отнять у Сталина «сыворотку гениальности». Они прибыли в 1930-е годы, чтобы мешать Сталину готовиться к войне с Гитлером. Читателям предлагается за них болеть, потому что Сталин — это и параноик, и тиран, и чудовище, а СССР вообще раковая опухоль, которую надо вырезать из тела человечества. Затем положительный герой Рокфеллер передает «сыворотку гениальности» Гитлеру, чтобы тот остановил Сталина...

Это издается в стране, спасшей мир от фашизма! Это поглощается сейчас многотысячными тиражами, как другие книги Акунина, каждая из которых фальсифицирует историю замысле и в каждой отдельной строчке дышит русофобией и отравляет наше историческое сознание. Поразительно: 10 лет на территории России живет автор, который издается большими тиражами, по его книгам снимают фильмы... И этот автор откровенно гадит на всю нашу историю, прежде всего через описание мелких деталей, обычаев, быта,

речи персонажей, и вся элита и интеллигенция даже этого не замечают!

Ну, это мелкий бес, а вот по книгам крупного беса — Солженицына — российские государственные телеканалы ставят сериалы и показывают их в прайм-тайм («В круге первом» показано в 2007 году). До сих пор элита России не знает истинных цифр и думает, что во Второй мировой войне просто «столкнулись два зла». А если элита знает и допускает историческую клевету, значит, она сама ставит себя в оппозицию Сталину и тем самым на одну сторону с Гитлером, тут середины быть не может. Недаром и Суворов, и Солженицын не просто пишут, что, мол, «оба были плохи», только «один с усами, другой с усиками», нет, они упрямо пытаются реабилитировать тех, кто воевал на стороне Гитлера, например, власовцев и бандеровцев. Посвящают им самые теплые строки.

Позвольте, если и Сталин, и Гитлер — «тоталитарное зло» и вы ненавидите всех, кто служил, например, Сталину, то почему бы вам с равным успехом ненавидеть тех, кто служил Гитлеру? Нет, не получается: власовцы выходят чуть ли не святые, гитлеровские зверства всегда преуменьшаются, и даже всячески выпячивается какая-нибудь фашистская гуманитарная деятельность: вот, дескать, там-то и там-то фрицы построили дорогу, которую советская власть 10 лет не могла построить, какие молодцы!

Это не случайно: всякий должен понимать, что выступая против Сталина, он выступает за Гитлера — таккова экстремальная ситуация, в которой нет середины. Трагичность трагических моментов истории в том и состоит.

Всегда трудно спорить по этой проблеме с теми, кто имеет пострадавших родственников. Таковых, кстати, мало. Значительно меньше, чем, например, родственников, которые погибли на фронте. В моем классе в школе почти у каждого в семье кто-то погиб в войну, а тех, у кого кто-то был репрессирован, оказалось пара человек. Причем именно репрессирован, а не расстре-

лян. Это говорит о значительно меньших масштабах репрессий, чем цифры жертв войны, минимум на порядок.

Половина из тех, которые так говорят, на самом деле никаких пострадавших родственников не имеют. Просто в начале 1990-х было модно выпендриваться и называть себя потомком репрессированных и раскулаченных. Сейчас так же можно вести свое происхождение от дворян или кулаков. Ну, в самом деле, не хвастать же интеллигентному человеку тем, что его предки были простые лапотные крестьяне?

Не все из репрессированных и пострадавших реально пострадали невинно. Как уже говорилось, всевозможные хрущевские комиссии получили задание реабилитировать всех подряд именно для того, чтобы специально показать, как велико число невинно пострадавших. Кстати, до сих пор число этих реабилитированных не превысило и 2 миллионов (считая вместе с хрущевскими временами), что лишний раз свидетельствует о том, что никаких 20 миллионов репрессированных просто не было.

Я лично имел возможность пару раз видеть уголовные дела реабилитированных репрессированных. Это чистые вредители, уголовники и спекулянты, люди, которые в трудные годы реально наживались на горе народа. Посадили их правильно, а реабилитировали зря. Естественно, потомкам этих людей трудно признать, что их деды были мерзавцами, тогда как остальная страна совершала подвиг. Лучше бы им занять объективную позицию, а не пытаться быть против страны, но с родными.

Попадались мне также пара человек, родственники пострадавших достаточно «невинно», то есть не за себя, а просто за компанию. Одна — потомок раскулаченного, так и говорила: «Выселили нас из дома, а в этом прекрасном доме сделали какую-то свою больницу»... Ну в самом деле, не подонки ли? Они бы еще школу или детский сад догадались сделать! Есть ли предел цинизму этих сталинских большевиков?

С теми, кто так рассуждает, я не вижу смысла полемизировать. Думаю, их далекие предки рассуждали так же, за что и были «нежно любимы» односельчанами. Большинство кулаков, кстати, благодаря выселению спаслось от самосудов, и общине было виднее, кто хороший человек в селе, а кто мироед. Вспомним, что община состояла не из крохоборов, тех, кого могла грызть зависть к чужому добру (как нам часто любят объяснять), а тех, кто реально потом гиб на войне не щадя живота, в ком еще сохранялись остатки христианской нравственности и общинной морали.

Наконец, мне довелось общаться с девушкой, чьи родители ингуши родились в депортации, и она очень возмущалась, что ее народ депортировали. На это я мог ответить ей только одно: три брата моего деда не вернулись с войны и у них вообще не родилось детей, а вот из ее предков, подлежащих призыву в Красную армию в 1942 году, в Чечено-Ингушской республике из 3000 пришли на призывные пункты только 200 человек. Как говорится, почувствуйте разницу.

Чей крест был более тяжел — тех, кто бежал от армии, заигрывал с фрицами, а потом был депортирован (вместо расстрела, кстати) подальше от боев и имел возможность детей рожать, или крест тех, кто проливал кровь и защищал страну? Между прочим, это же относится и к тем, кто сидел в лагерях. Ненамного их участь (а даже честно говоря, многие готовы были лучше находиться в лагере, чем гибнуть на фронте) отличалась от тех, кто в это тяжелое время остался на свободе.

И еще одно яркое воспоминание, прочитанное мной в мемуарах одного священника, который прошел войну. Он описывает случай, когда особист совершенно ни за что расстрелял солдата, при этом не только особист но и члены полевого суда не стали долго разбираться в теме. Так вот: на следующий день был смертный бой, и все, кто расстреливал, сами погибли, причем особист погиб геройски. Ненадолго он пережил свою жертву и подвигом все искупил.

О чем все это говорит? О трагической эпохе, которая молола людей в своих жерновах, об эпохе, где каждый день происходили такие события, что сегодня одного из них бы хватило на полугодовое обсуждение в СМИ. Кто прав, кто виноват, зачем да почему. Это было время не раздумий и абстрактного морализаторства, а время быстрых решений. А решение и состоит в том, что надо было быстро определяться с кем ты, иначе решение примут за тебя. Попытка «не выбирать» отбрасывала тебя в чужой лагерь, даже если ты этого не хотел. Можно было быть со Сталиным или против, третьего не дано. В этом был императив судьбы. Тот, кто его не понял, пойдя на сознательное предательство, или просто решив, что «моя хата с краю» или по легкомыслию травил анекдоты про вождя в военное время, все они оказались в одном лагере — лагере исторических изгоев и неудачников.

Цена победы и иной сценарий

Но даже те, кто согласен, что Гитлер есть зло, цепляются за последний аргумент против Сталина: он заключается в том, что «цена победы» Сталина была слишком большой. Дескать, Германия, маленькая страна, рано или поздно была обречена на поражение, а раз так, нечего было и лезть из кожи вон, «гнать коней» с индустриализацией и коллективизацией, а уж тем более, не нужны были репрессии в таких масштабах.

Прочитируем уже упоминавшуюся статью Д. Зыкина:

«Германия — такая маленькая, СССР — такой большой, а мы так долго отступали! Какой позор!»... Если вдуматься, то здесь страна уподоблена человеку, а в человеческом сознании размер напрямую связан с физической силой. Хотя, конечно, мы понимаем, что возможны исключения из правил, что иногда здоровенные детины проигрывают тем, кто пониже и помельче, но это

считается именно исключением. А в большинстве случаев более высокий, крупный человек является и более сильным. Но в том-то и дело, что страна — не человек. И уподобление одного другому должно производиться очень осторожно и осмысленно. Прямой зависимости между силой армии и площадью территории не существует. Крошечная Англия превратилась в крупнейшую мировую империю. Горстка конкистадоров завоевала целые материки. Малюсенькая Голландия веками удерживала под контролем Индонезию, значительно превосходившую метрополию по территории. Война — это борьба Систем, мобилизующих ресурсы, в первую очередь человеческие, экономические и технологические, а площадь территории — фактор десятого порядка. Что толку русскому солдату от того, что за его спиной раскинулись тысячи квадратных километров вечной мерзлоты и болот? Как и чем это поможет ему в конкретном сражении, если у противника перевес в живой силе, а вооружение и офицеры, допустим, не хуже? Принцип: «большой — значит сильный, а маленький — значит слабый», в отношении государств совершенно некорректен. По-настоящему большой в плане ведения долгих кровопролитных войн является та страна, которая обладает развитой экономикой, владеет передовыми технологиями, располагает значительными человеческими ресурсами и надёжной продовольственной базой. И главное — ее государственная Система способна эффективно распоряжаться этими ресурсами. А территории — дело десятое.

А вот теперь рассмотрим с этой точки зрения противостояние СССР и Германии. Можно ли, сказать, что Германия в 1941 году была ресурсным карликом, а Советский Союз — гигантом? Как уже было сказано выше, нас не должен вводить в заблуждение очевидный территориальный перевес СССР. При ближайшем рассмотрении этот перевес окажется фикцией. Колоссальные залежи полезных ископаемых Зауралья еще предстояло разведать, да и те месторождения, которые были уже известны, практически не разрабатывались, тогда

ещё не хватало технологий, средств и времени. Даже ресурсы Западной Сибири стали активно использоваться только в шестидесятых годах! А накануне войны почти вся нефть, добываемая в СССР, находилась в кавказском регионе. Далее, как и в 1812 году, население СССР почти полностью было сосредоточено в Европейской части. То есть человеческие ресурсы территориально огромного советского востока были крайне незначительны. Аналогично обстояли дела и в промышленности, и в сельском хозяйстве, ведь крупные промышленные и сельскохозяйственные районы за Уралом появились значительно позже 1941 года.

Таким образом, территория СССР, эффективная в плане мобилизации ресурсов, оказывается значительно меньше номинальной территории. Чем же располагала Германия накануне 1941 года, то есть после побед в Европе? Здесь уместно процитировать Ганса Керля — известного исследователя немецкой экономики: «...Война на Западе (война против Франции и ее союзников. прим. Д.Зыкина.) резко изменила военно-экономическую обстановку в Германии. Во-первых, значительно улучшилось положение с сырьем. Норвегия, Голландия, Бельгия и главным образом Франция накопили в своих портах за первые семь месяцев войны огромные запасы стратегического сырья: металлов, горючего, резины, сырья для текстильной промышленности и т.д., которые теперь оказались в руках немцев в качестве военных трофеев. Промышленность этих стран также была хорошо снабжена сырьем и могла выполнять крупные немецкие заказы, не нуждаясь в новом сырье. База производства железа и стали была значительно расширена тем, что угольные шахты, рудники и сталелитейные заводы Голландии, Бельгии, Франции и Польши достались нам почти невредимыми. Германии, таким образом, была предоставлена исключительная возможность развить свою экономику за счет крупнейших промышленных предприятий захваченных стран. Положение с рабочей силой в сельском хозяйстве значительно улучшилось благодаря тому, что сюда было

направлено около 1 млн. польских военнопленных, а нехватка рабочих рук в промышленности была компенсирована использованием на немецких заводах французских военнопленных. Количество военнопленных было так велико, что использовать их всех в Германии в то время оказалось невозможным и ненужным, поэтому сотни тысяч голландских и бельгийских военнопленных были отпущены к себе на родину».

После присоединения Румынии к фашистскому блоку и превращения ее, по сути, в протекторат Германии, немецкая экономика получила доступ к румынской нефти, углю и целому ряду ценных металлов: цинку, свинцу, серебру и проч. К этому следует добавить, что Германия обладала и собственными запасами угля и металлов. Немецкие технологии производства синтетического горючего из угля при наличии столь обширных совокупных угольных запасов позволяли расширить ресурсный потенциал фашистской военной машины. Продовольственные ресурсы нашего противника также были значительны, поскольку помимо собственного высоко развитого сельского хозяйства, немцы поставили под свой контроль мощный аграрный комплекс завоеванных стран. В первую очередь это относится к Франции, чья продовольственная база широко использовалась немцами. Однако не стоит забывать, что и Польша, и Югославия и Голландия подвергались ограблению со стороны Германии. Не стоит забывать, что и номинальные союзники Гитлера, а фактически полностью подчиненные страны, такие, как Венгрия и уже упоминавшаяся Румыния, также участвовали в снабжении продовольствием немецких войск.

Если же говорить о промышленном потенциале Рейха, то он превосходил советский. Сама по себе экономика Германии была одной из мощнейших в мире, а к этому необходимо прибавить и заводы включенной в Рейх Австрии, высоко развитый промышленный комплекс Судетской области, промышленность оккупированных и подчиненных стран, выполнявших заказы Германии. Также не стоит забывать, что Италия — верный

союзник Гитлера — была одной из самых промышленно развитых стран мира.

Перейдем к рассмотрению человеческих ресурсов. Тут уж, как думает обыватель, СССР имел колоссальное и безоговорочное преимущество. Давайте разберемся. Численность населения Советского Союза на 1941 год составляла 196,7 млн. человек, по данным Шпеера в Рейхе проживало примерно 80 млн. человек. Как видим, человеческий потенциал СССР в 2,46 раза превышал потенциал Рейха. Однако известно, что Советский Союз привлек за время войны в свои вооруженные силы 34 476 700 человек, Германия — 21 107 000 человек, то есть лишь в 1,63 раза меньше чем СССР! В чем же дело? Казалось бы, раз человеческий потенциал СССР в 2,46 раза больше, то пропорция должна хотя бы примерно сохраняться и при сравнении численности армии. Но мы видим, что этого и близко нет. Каким образом, за счет чего немцы смогли резко сократить разрыв?

А вот тут-то и необходимо вспомнить о немецких союзниках. Обыденное сознание не склонно воспринимать всерьез их вклад в военную мощь фашистского блока. Действительно, каждый союзник Германии, взятый по отдельности, не являлся значительной военно-промышленной величиной. Однако считать необходимо совокупные ресурсы, и вот тогда картина меняется. Совокупное население Венгрии, Финляндии и Румынии составляло к 1941 году примерно 25 млн. человек. Как видим, не так уж и мало, а это далеко не все страны, воевавшие на стороне Германии как союзники или как фактические колонии. Покоренные страны поставляли в немецкую армию солдат, и, кроме того, работали на оккупанта, экономя для Германии рабочие ресурсы, которые можно было направить на фронт. Советский же Союз был лишен такой возможности. Правда, обычно на это говорят, что и у СССР были союзники, помогавшие нам и продовольствием и военной техникой.

Однако, давайте вспомним исходный тезис. Мною разбирается то, как большинство людей оценивает события 1941 года, когда якобы гигант СССР был разбит в пух и прах «крохотной» Германией. Так вот, помощь союзников в 1941 году была еще очень незначительной. Суммируя сказанное, становится очевидным, что нет никаких оснований говорить о Германии как о ресурсном «карлике» в сравнении с ресурсным «гигантом» Советским Союзом. Напротив, нам противостоял целый блок стран, в целом превосходивших СССР по промышленному потенциалу, прекрасно обеспеченный продовольствием и располагавший значительными запасами полезных ископаемых.

Таким образом, мы в 1941 году потерпели ряд серьезных поражений от очень сильного врага, перед которым только что пала вся Европа. К ноябрю 1941 года СССР потерял наиболее развитую и густонаселенную часть своей территории. Крупнейшие промышленные, научные, сельскохозяйственные центры страны были потеряны. То есть ресурсный потенциал, в том числе и человеческий потенциал, нашей страны резко снизился, а потенциал врага, напротив, увеличился. Теперь на Германию уже работали и десятки миллионов советских граждан на оккупированных территориях. Преимущество фашистского блока стало тотальным, а помощь союзников Советского Союза ни в коей мере не компенсировало потери.

И все-таки победа осталась за нами. Опираясь почти исключительно на собственные силы, ведя бои с врагом, обладавшим значительным перевесом в материальных ресурсах, наша армия на момент открытия Второго фронта уже разгромила основные силы врага и сделала поражение Германии неминуемым. Здесь уместно задать вопрос, за счет чего же была достигнута Великая Победа? Подлая ложь Перестройки о советских потерях, якобы, многократно, в пять, семь и даже десять раз превышающих потери противника, очевидно, является ахинеей. Данных, приведенных в этой статье более чем достаточно, чтобы увидеть принципиальную

невозможность победы при потерях не то что 10 наших за одного солдата армии врага, а даже и при потерях два к одному. Как уже было сказано выше, общая численность советской армии лишь в 1,63 раза превышала численность германских вооруженных сил. Уже одного этого достаточно, чтобы понять насколько бредовыми являются заявления о том, что победа достигнута «трупозаваливанием». Наиболее полное исследование по статистике потерь провела группа военных историков под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, признанного эксперта в этой области. Желающим подробно ознакомиться с вопросом, советую обратиться к книге «Россия и СССР в войнах XX века». Здесь же считаю необходимым указать, что военные потери СССР соотносятся с потерями противника на восточном фронте как 1,3 к 1».

Могла ли наша страна проиграть войну Германии? Очень даже могла. Английские и американские газеты, вплоть до Сталинграда, были в этом уверены. Победа скорее чудо, нежели правило. Напомним еще раз: Россия пару десятилетий назад войну Германии уже проиграла, Европа только что вся в полном составе «легла» под Гитлера.

Сколько раз мы сами были на грани краха! Взять хотя бы битву за Москву. Немцы дошли до Химок, правительство эвакуировалось, все висело на грани. Сдача Москвы была бы не только громадным ударом по духу нашего народа. Это потеря транспортного узла, большого количества промышленных объектов. Потеря Москвы сразу бы стала означать и для наших союзников наше поражение. Они, скорее, предпочли бы договариваться с Германией, чем помогать нам. Потеря Москвы подтолкнула бы Японию к агрессии на Дальнем Востоке, а уж вести войну на два фронта мы бы точно не смогли, учитывая дальневосточные сложности с коммуникациями.

Не было бы победы под Москвой, не было бы и победы под Сталинградом. Там тоже все висело на воло-

ске, но если бы к моменту битвы у нас не было Москвы, чаша весов качнулась бы в пользу Германии.

А что означала бы потеря Сталинграда? Быстрый прорыв гитлеровцев к бакинской нефти. Вот отступили бы мы до Урала и с чем бы остались? Нефтегазовые месторождения Сибири стали работать только 30 лет спустя! Наши танки и машины остались бы без горючего, не говорю уж про трактора и комбайны... Как бы мы сопротивлялись в таких условиях противнику, мощь которого с каждым месяцем бы возрастала?

Очевидно, при таком развитии событий война бы не кончилась в 1945 году. Даже если предположить, что мы смогли бы из-за Урала без горючего, потеряв большую часть промышленного, транспортного и людского потенциала, вдруг начать наступление, отбивали бы свои территории не два года, а больше.

Но «больше» нам бы никто не дал. В 1945 году фашисты готовы были массово запустить новые реактивные снаряды ФАУ, резко меняющие положение дел на фронте, в 1946 году фашисты бы наверняка испытали и атомную бомбу. Да, у американцев она появилась раньше, но делать их много они не могли, были проблемы и с доставкой. Пока США разбирались с Японией и сделали бы пару бомбежек Германии, Германия сама бы восстановила ядерный паритет.

Что бы это означало для мира? Войну двух систем: огромной, подчиненной Гитлеру Европы до Урала, и системы США. На территории Рейха бы осуществлялся план «Ост», то есть сотни миллионов людей были бы уничтожены, прежде всего, мы, славяне. Рассчитывать на то, что Рейх рухнул бы так же, как СССР через 50 лет, не приходится: в Рейхе бы не было оппозиции и диссидентов, мечтающих о джинсах и жвачке. Совместно с Японией Гитлер покорил бы Китай, затем Индию. Он бы не дал США эксплуатировать весь мир с помощью долларowego неокOLONIALИЗМА, как это позволил СССР. Чем бы кончилась такая история — неизвестно, важно только, что это очень вероятный вариант развития событий. И главное, при таком рас-

кладе от русских осталось бы несколько миллионов прячущихся по лесам диких партизан, которые бы за несколько десятилетий были бы уничтожены, вымерли бы или сами сложили оружие. Мы перестали бы существовать.

Поэтому так важны были победы под Москвой и Сталинградом, поэтому так важен был приказ Сталина: «Ни шагу назад!», противостоящий провокационной идее, что, мол, СССР должен воевать как Кутузов — все сдавать и отступать до Сибири...

За годы войны мы несколько раз были на грани полного поражения, которое повлекло бы исчезновение нашего народа и многих других народов. А коли мы были на грани поражения, коли немцы были уже в Химках и рассматривали Кремль в бинокли, коли немцы несколько сот метров не дошли до Волги в Сталинграде, разве не кощунственно говорить, что Сталин мог бы помедленней вести индустриализацию, помягче быть с репрессиями... **Вероятно, можно было медленнее и мягче, только как раз из-за этих медленностей и мягкостей могло бы не хватить той мельчайшей песчинки, которая перевесила в нашу пользу расклад сил во время битвы под Москвой и под Сталинградом...**

Кто может сейчас посчитать совокупность случайностей и разных факторов, которые привели нас к победе, и кто возьмется доказывать, что какие-то факторы были несущественны? Неужели непонятно, что готовясь к такой войне лучше перегнуть, чем недогнуть?

Есть, правда, и здесь возражения: дескать, если бы Сталин не совершал ошибок, не было бы и критического положения на фронтах и все не решали бы мелочи, мы бы не оказались на грани поражения. Например, если бы Сталин послушал Рихарда Зорге...

Напомним еще раз: стратегия Гитлера, которая всегда приносила ему победу, называлась «блицкриг» — молниеносная война. Суть ее именно в неожиданном нападении, оно обеспечивает 50 % успеха. Если так,

неужели лучшие генералы Европы не смогли придумать, как именно они создадут эффект неожиданности? Причем, создать его было просто: достаточно в течение трех месяцев бомбардировать Сталина мусорными сообщениями о грядущем наступлении, чтобы все «рихарды зорге» просто потерялись в общем потоке дезинформации. Кроме того, известно, что армия немцев была плохо подготовлена к войне в зимних условиях. Для них критически важны были теплые месяцы. Если они не напали в мае и практически потеряли весь июнь, значит, в этом году военной кампании не будет...

Гитлер шел на огромный риск для своей армии, терял драгоценное время, лишь бы усыпить бдительность... Но это ему удалось лишь частично: в общем и целом войну мы встретили во всеоружии и сражались героически. Уже в августе все контрольные сроки фашистов были сорваны, о чем с тревогой писали их маршалы. Они поняли, что столкнулись с другой армией и другой системой, нежели в Европе. Они писали, что воюют вслепую, потому что, в отличие от европейских стран, у них не было ни одного шпиона в ставке или достаточного количества диверсантов. Критически не хватило паникеров и прочей «пятой колонны», которая обеспечила успех Германии в борьбе с Россией в Первую мировую войну и которая обеспечила успех Германии в борьбе с Европой в 1939-м и 1940-м.

Мы не говорим, что Сталин не ошибался вообще, это невозможно. Некий процент ошибок надо закладывать в любую стратегию. Главное, что он ошибался меньше, чем враги, и никто не сможет сказать, что будь он на месте Сталина, сделал бы все эффективнее, особенно это относится к его критикам — трусам и бумагомарателям.

Существуют разные методы оценки эффективности. Есть теория, которая оценивает эффективность по соотношению «издержки/результат». Эффективнее получается тот, кто заплатил меньшую цену за одина-

ковый результат. Но такая теория эффективности неприменима в ряде случаев.

Например, я потратил на рекламную кампанию 100 миллионов и стал мэром крупного города, а мой соперник потратил всего лишь 50 миллионов и... не стал. Я получил результат, а он потратил свои 50 миллионов, пусть они и меньше моих 100, — впустую. Нулевой результат полностью обесценивает издержки, поэтому нельзя говорить, что «их было мало и что человек сэкономил». В этом случае все люди на Земле, которые никуда вообще не стремились и ни во что не вкладывались, — эффективные менеджеры, ведь они не понесли издержек и ни за что не платили высокую цену!

Или как бы вы отнеслись к логике спортсмена, занявшего второе место на чемпионате мира: «Я отстал от чемпиона мира всего на одну секунду, зато я меньше тренировался. Чемпион тренировался семь дней в неделю, а я почти для того же результата всего два дня, и я меньше устал, чем он». Мы бы pokrутили пальцем у виска в ответ на рассуждения таких «спортсменов». Так почему же мы не считаем сумасшедшими тех, кто ставит вопрос о «цене победы» мая 1945-го?

Наоборот, наличие результата, который называется «выживание народа», оправдывает издержки, причем любые, потому что в противном случае все уже понесенные издержки сгорели бы, ведь мы вообще перестали бы существовать. Поэтому ветераны и пели: «Нынче нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!».

За ценой не постоим! Так пело поколение победителей. А вот их хилые дети и внуки начали считать «цену победы», хотя деды их об этом не просили.

Мы возмущаемся, что прибалты и болгары сносят памятники нашим погибшим воинам. Но что же мы хотим, если сами только и делаем, что плюем в нашу историю. Всякий, кто ругает Сталина, не имеет права возмущаться прибалтами, такой человек сам соучаст-

ник кощунственных гробокопательских акций. Он не прибалтами должен возмущаться, а себе в лицо плюнуть.

Май 1945-го

Есть мудрость: «победителя не судят». Именно так и сказал наш народ в мае 1945 года!

К Сталину у многих до победы были претензии, прежде всего у крестьян. Отчего случился голод 1932—1933 годов, кода по разным оценкам на всей территории СССР погибло аж около 4 миллионов человек, при этом до 2 миллионов на Украине?

Запад устроил блокаду России, блокаду специфическую. Нам отказывались продавать очень нужные для индустриализации технологии за золото. Отказывались продавать и за ресурсы. Только за хлеб. Собственно Запад провоцировал российские власти на изъятие хлеба, на голод и на бунты. Срочно пришлось начинать коллективизацию, чтобы увеличить производительность труда, по сути вернуться от единоличного хозяйства к общинному, которое и было до столыпинской реформы и до революции. А непродуманные меры по коллективизации были отторгнуты населением.

Голод случился потому, что сами крестьяне сократили посевы и уничтожили тягловый скот, а сделали это затем, что не хотели платить продналоги и отдавать скотину в колхозы. Пришлось посылать к ним продотряды.

Зачем большевики отнимали хлеб у крестьян? Чтобы кормить рабочих в городе! В стране шла индустриализация. Еще в 1927 году Сталин сказал: «У нас есть 10 лет, чтобы догнать развитые страны, иначе нас сомнут». Вот мы усиленно и догоняли, делали все, чтобы выиграть войну.

А теперь представьте, что в 1933 году к крестьянину приходит комиссар и начинает ему рассказывать, мол,

«понимаешь ли, браток, тебе в деревне прокормиться можно, по амбарам пометешь, по сусекам поскребешь, кору с деревьев поглодаешь, мерзлую картошку в поле поковыряешь, а в городе, где кругом бетон да железо, прокормиться будет невозможно!!! А Магнитке и Кузнецкстрою нужен хлеб, чтобы плавить сталь и делать танки, потому что через восемь лет будет страшная война с немцами, которые собрались 70 % народа расстрелять, а оставшихся сделать рабами». Что на это скажет хитрый крестьянин? Если в 1933 году, то есть за восемь лет до войны, то скажет: «Да пошел ты нах... товарищ комиссар, с неведомым Кузнецкстроем и Магниткой вместе. А все разговоры про войну через восемь лет и про «газовые камеры» и «рабство в Германии» — про то только бес знает да ваша советская пропаганда».

А вот когда настал 1941 год, когда к этому крестьянину во двор пришли немцы и стали требовать не только пшеницу, но и «млеко и яйки», стали кохать Оксанта Галь, стали гнать эшелонами в рабство Степанов та Опанасов, да стрелять из пулемета Богданов та Мыкол, вот тогда хитрый крестьянин вспомнил, что говорил ему комиссар в 1933-м. Вспомнил и устыдился того, как колол быков да не сеял хлеб, «только чтоб Советам меньше досталось». Вспомнил, как прятал пару мешков пшеницы, думая, что разговоры про немецкий плен и голодающих рабочих Магнитки — сказки и пропаганда. И тогда вставали украинцы и шли бить немецкую нечисть, чтобы собственной кровью искупить позор, который они совершили, когда прятали пшеничку от Советской власти.

И поэтому каждое воспоминание о пресловутом «голодоморе» вызывало в украинцах только более сильное желание покаяния за свое «несознательное», как тогда говорили, поведение. А когда в 1944-м на Украину пришли советские танки и гнали фрицев со всей дури, то чувствовал украинский крестьянин, что в броне этих танков есть и капля его пота и его труда, и капля крови умерших от голода родичей ПО ЕГО вине

в 1933-м. И все это ЗНАЛО поколение, жившее тогда, и в войну, и после войны. И только когда умерло поколение, знавшее правду, стало возможным сочинять для нового поколения и западенцев-бандеровцев новую историю.

Вот почему и Геббельс не хотел украинцам напоминать про голодомор, ведь в немецкой пропаганде и листовках эта тема практически не звучала... Прежнее поколение украинцев хотело забыть голодомор как свой позор, как свое несознательное поведение. Ведь сами же сократили посевы, чтобы меньше досталось большевикам...

Поэтому в мае 1945 года отношение к Сталину было уже не такое, как в 1933 году.

Дед-фронтовик из деревни моей бабушки рассказывал, что большая часть солдат была из крестьян, городским рабочим давали бронь, чтобы они могли работать на заводах. Поэтому солдаты не очень любили «коммуняк». Но когда они видели, как коммунисты вставали первыми в атаку, то уважение появилось. И простили им все колхозы, видя, как аж три состава партии за войну было выбито. Кровью искупили коммунисты все обиды, нанесенные крестьянам.

Сколько военачальников в ходе войны могли спорить со Сталиным и считать, что они правы, а он не прав, и думать, что его ошибки ведут к поражению. Но история сама рассудила: оказывается, все-таки победили, значит, он был прав...

Поэтому май 1945 года объединил страну, все всем всё простили и все обиды забыли. Даже те, кто сидел в лагерях, и то плакали на похоронах Сталина, осознав свою недалекость и несознательность, когда в 1930-е травили антисоветские анекдоты... И даже те, кто сел по ошибке и по навету, конечно, были и такие, все равно все простили, потому что знали: была такая военная и историческая необходимость. И кто-то, кто на свободе остался, жизнью на фронте жертвовал, а кто сел, — на севере заводы строил, тоже вклад в по-

беду вносил... И разница-то не большая, обижаться не на что. Те, кто в лагерях сидели — мучались, а те, кто, на воле был — на войне или на заводе — наслаждался в райских кущах? Нет, каждый на своем месте совершал подвиг.

Если уж кто имеет право негодовать на Сталина, так Православная Церковь. Большую часть священников расстреливали просто за принципиальность, за то, что они священники. То есть большинство из тех, кто был убит невинно, это были новомученики. Но и тут не все однозначно. Советская власть убивала, репрессировала священников как классовых врагов, тех, кто оправдывал мир помещиков, капиталистов и прочих эксплуататоров. Вместе с ними репрессировали и кулаков, и гомосексуалистов (при Сталине появилась соответствующая статья). Будем ли мы считать их новомучениками или не будем только потому, что им не повезло быть в нужной конфессии? Вопрос непростой.

Современные клерикальные публицисты внедряют мысль о том, что православный человек не может положительно относиться к Сталину, что он чуть ли не антихрист, коли преследовал Церковь... Некоторые, даже епископы, в своих высказываниях докатились до того, что Гитлера считают «оружием Бога», которым Бог наказывал Россию за Сталина... Все это выдается за церковную и православную точку зрения и смущает паству.

Во-первых, нельзя мыслить примитивно: «тот, кто говорит за Бога — тот уже божий человек, а кто против Бога, атеист, — тот обязательно пособник дьявола». Атеизм в значительной степени сам принадлежит к сущностному ядру христианства и его истории. Кого заинтересовала эта мысль — отсылаю к книгам С. Жижека «Кукла и карлик», Ф. Козырева «Поединок Иакова» и «Искушение и победа святого Иова», А. Кожева «Атеизм» и другие. Есть такие атеисты, которые в тысячи раз святее самых благочестивых явных христиан... В значительной мере таковыми были крестьяне (христиане) СССР.

Надо четко осознавать: Церковь является носителем истины вся целиком, а значит, во всем исторически-временном континууме, а не на определенном историческом этапе. Не надо путать мнение вашего духовника или даже владыки с церковной истиной. Чтобы что-то стало признанным церковной истиной, должен быть соблюден ряд условий:

1. По данному вопросу должны быть однозначные слова Христа и желательны в нескольких евангелиях.
2. Должны быть разъясняющие и подтверждающие слова апостолов.
3. Должны быть учения Отцов Церкви и постановления церковных Соборов.
4. Должно быть солидарное, а не разное мнение большинства святых.

Все это должно быть вместе. Если не хватает одного — двух пунктов, то уже за церковную православную точку зрения тот или иной взгляд выдавать нельзя.

Если говорить о Сталине в этой связи, то все высказывания Христа и апостолов, честно сказать, будут не в пользу наших либерал-клерикалов. «Отдавайте Богу Богово, а кесарю — кесарево», «Нет власти не от Бога», «себе отмщение Аз воздам» и проч. высказывания скорее могут быть поняты как поддержка невмешательства Церкви в дела светской власти. Что касается постановлений соборов, тот тут по поводу Сталина ничего нет и быть не может. Что касается мнения святых, то есть святые антисталинисты, как и святые сталинисты.

Вопрос в высшей степени дискуссионный и нерешенный: как вообще относиться Церкви к светской власти. Дело в том, что в Церкви есть три точки зрения по этому поводу. Одна точка зрения: хорошо, если власть поддерживает Церковь или сама находится у нее в подчинении. Другая точка зрения: в этом случае в Церкви побегут всякого рода карьеристы, а вот истинная Церковь была только в эпоху гонений, так что для очищения и святости гонения полезны и заслуженны, особенно после периодов разврата и упадка. Третья

точка зрения — типа золотая середина: хорошо, когда власть с Церковью вообще никак не пересекается.

История знает эпоху гонений со стороны Римских цезарей, эпоху твердости и мученичества, знает гонения со стороны мусульман, когда христиане жили под их игмом, знает гонения со стороны атеистов в Новое время.

Нельзя представлять режим Сталина чем-то уникальным в смысле гонений. Церковь уже жила под антицерковными властями и исходила из того, что надо молиться за вразумление власти, а не раздражать и не провоцировать ее. Так, патриархи в прежнее время даже благословляли христиан отдавать мусульманским властям христиан-террористов. Поэтому нелепы обвинения со стороны сбежавших за границу церковников нашей Церкви в некоем «сергианстве», сотрудничестве с властью. Уж им-то, трусам, сбежавшим от мученичества, оставившим свои епархии (что нарушает церковное право) вообще должно быть стыдно поучать тех, кто остался здесь и претерпел все до конца, кто остался здесь и нес народу возможность совершения таинств, свет веры и проч.

Заграничная Православная Церковь выступала как провокатор, так как после каждого их наезда на власть здесь увеличивались репрессии. Заграничная церковь последовала требованию Гитлера и на своем съезде в Вене осудила Сталина и не признала патриаршество Алексия Первого. По сути этот осколок нашей церкви — заблудшие люди, поклонники Власова, давно уже превратившиеся в политическую партию, забывшие собственно церковное служение. О благодатности власти они судят не по тому, как власть действует в истории и служит народу, а по отношению к себе любимой. Гонит Сталин нас — значит антинародный и плохой, а Гитлер нас привечает — значит он хороший. Такая примитивная логика.

Между тем, взгляд на сталинский режим как на сатанистский высмеял даже сам сатана устами булгаковского Воланда из «Мастера и Маргариты». Воланд

вовсе не чувствует в сталинской Москве себя как дома, он не ощущает себя в царстве антихриста и не восхищается сталинскими атеистами-литераторами, а издевается над ними. Ему, Воланду, нужно другое: он знает, что в нашем мире, чтобы уничтожить вещь, ее нужно не отрицать, а удвоить-утроить-удесятерить. Поэтому, чтобы уничтожить Христа, отрицательного атеизма мало, более того, он даже опасен в деле уничтожения, так как ставит Христа в повестку дня, дает возможность мученичества за веру, укрепляет веру у свидетелей мученичества и так далее. Воланд хочет другого: он устраивает так, чтобы Мастер написал «Пилатовы главы» — «евангелие от сатаны», где Христос предстает всего лишь человеком, «добрым исусиком», таким же, как десятки учителей типа Конфуция, Будды, Кришны и проч. Современный мир нью-эйджа, где все толерантно относятся друг к другу, где Христос потерялся между разными рэйки, бахаями, сайд-бабой, саентологами и дзен-буддистами, с точки зрения сатаны гораздо предпочтительнее, чем сталинский мир.

СССР по своему жизнеустройству представлял собой всего лишь вывернутый идеальный православный общежительный монастырь. Все — братья, вся ответственность общая, все совершают сообща некие культовые мероприятия, на работе каждый несет свое послушание, все помогают друг другу, носят вериги друг друга, совершают трудовые и военные подвиги во имя грядущего царства. А какова была нравственность! Немецкие врачи удивлялись, осматривая пленных славян: 99,9 % незамужних девушек любого возраста у нас оказывались девственницами. Такой общинный и идеалистический мир есть еще отражение православных идеалов, он не мог нравиться сатане. Зато наш современный мир (посмотрите, что творится на ТВ) ему бы очень приглянулся.

И тем не менее, наши либерал-клерикалы готовы считать современность чуть ли не идеальным строем, а СССР — сатанинским. Еще раз повторюсь: они просто путают близость к Богу с близостью к себе любимым.

Сталин и его строй были гораздо ближе к Богу, чем многие клерикалы и воспеваемая ими демократия.

Субъективно семинарист Сталин никогда не был сторонником репрессий Церкви. Эту политику ненависти осуществляли Троцкий и Ленин. Они заразили миллионные массы. Да масса была уже готова. Говорят, когда либеральное Временное правительство отменило в армии обязательное причастие, на следующую службу из сотни пришли двое. И это во время войны, когда могли убить. Так что народ уже давно не был искренне воцерковленным.

Россия мирно впитывала плоды «просвещения» со времен Петра I и Екатерины II, которые гораздо больше наносили ударов по Церкви, чем Сталин. Например, Петр упразднил патриаршество. Ни один русский православный царь его не восстановил, а Сталин это сделал! Россия шла в русле европейской просвещенческой традиции и докатилась бы до того, что сейчас есть в Европе без всяких репрессий: а именно до передачи храмов под дискотеки и мечети в связи с отсутствием верующих. А вот репрессии и гонения, наоборот, помогли отделить зерна от плевел (плевла — это шелуха в виде сбежавших зарубежников), помогли через новомучеников укрепить дух, очиститься от карьеризма, потому что служение Богу в СССР ничего кроме проблем священникам не несло, и дало истинных великих святых, что сделало возможным возрождение Церкви. Репрессии были оружием Божиим для блага Церкви, ее укрепления и возрождения. При этом оружием служил даже не Сталин, а Троцкий и Ленин, политику которых Сталин, придя к власти, постепенно прекращал.

Нельзя развернуть сотнемиллионный народ в один день. Если народу говорили десятки лет, что Бог — это плохо и Церковь придумана для эксплуатации, то в один день это не отменишь. Но есть постановления Сталина, подписанные собственноручно, где он отменял сносы памятников, тормозил репрессии. Об этом много писал св. Дмитрий Дудко. Есть свидетельства,

что Сталин любил петь церковные песни, вспоминал, как в молодости пел на клиросе, писал письма однокашникам-семинаристам.

С началом войны Сталин не просто прекратил репрессии, но и сделал Церковь одним из организаторов и вдохновителей победы. Он восстановил патриаршество, чего не могли сделать несколько поколений очень якобы православных русских царей! Он задаривал иностранных патриархов, имея в уме цель сделать Московского Патриарха Вселенским! Пусть этот проект не удался, но ему удалось главное: он сохранил наш народ от уничтожения, а вместе с ним и его обновленную, очищенную, твердую теперь уже истинно святую, прошедшую мученичество Церковь. И это понимали те деятели Церкви и святые, кто жил тогда.

Святой Лука, епископ Крымский (Воино-Ясенецкий) сам прошел через ссылки и лагеря. Он был величайшим хирургом своего времени, никогда не склонял голову перед ретивыми атеистами, за что и страдал. Он получил сталинскую премию за достижения в хирургии и отдал ее детям. И он, прошедший через все, говорил много теплых слов о Сталине после победы.

Его святость несомненна. Есть его святая жизнь, но есть и чудеса, которые, как ни странно, «раскрутили» приезжие греки. Именно там были пророчества о крымском чудотворце и потом эти пророчества сбылись. В Греции о Святителе Луке уже шла слава, а наши даже не собирались его канонизировать. Потом появились и наши свидетельства. И я бы не был уверен так твердо и не говорил бы, но я сам свидетель чуда, которое свершилось по молитвам святому Луке. Для меня авторитет этого святого бесконечно огромен и, тем более радостно, что этот мудрый человек, сам пострадавший от репрессий, находил в себе силы не мстить, не судить о человеке исходя из отношения к себе, а понять великую историческую роль Сталина.

Блаженная Матрона Московская молилась за Сталина, два патриарха — Сергей и Алексей — определенно считали Сталина божьим человеком.

Сталин был похоронен как православный, и иерархи отпели его, пропели «вечную память». Им, жившим тогда, было виднее, чем ретивым неофитам, льющим грязь на Сталина из сегодняшнего дня, да еще и оскверняющего этой грязью свое церковное звание. Не демократам из сегодняшнего падшего мира судить о тех людях, что пели вечную славу Сталину, о тех людях, что прошли репрессии, войну, голод, тюрьму, нужду и нашли в себе силы не обвинять, а благословлять руководителя страны-победительницы.

Невозможно передать дух радости 1945 года. Двухсотмиллионный народ, который планировали за несколько лет полностью стереть с лица Земли, отстоял свое право на существование! И надо помнить: это была индустриальная эпоха, а ее специфика такова, что все процессы сильно зависят именно от руководителя, от того, кто на верху пирамиды. А это был Сталин — не только символ победы, но и ее организатор. Поэтому и почтение было в соответствии с заслугами!

Как-то на Арбате, где продают разную советскую символику, у большого плаката Сталина послевоенных лет я заметил двух подростков. Один из них козлячьим голосом передразнивал надпись на плакате, дескать, вот, «организатор победы, генералиссимус...». Другой соглашался: «Да, ну и времена были! Вот людям в уши-то ссали!».

Тогда, в 1941—1945 годах, наши предки умирали не за себя, за себя ведь не умирают, они умирали за детей и внуков. Хорошо, что они не могли услышать и увидеть, как их дети и внуки оценивают их подвиг..

Вот в 1960-е годы Л. Штерн из кружка Бродского вспоминает, как жило поколение «детей победителей». Собирались, читали стихи, пили шампанское, играли в интеллектуальные игры, а любимым занятием было... ругать «совок». И не думает она, что ее возможность вырасти, получить образование, чтобы сочинять сти-

хи и наслаждаться шампанским, отстояли всего пару десятилетий назад самые обычные «совки»...

Или известный поэт Дм. Пригов в 1970-е годы вспоминает, как устроился на работенку типа контролера-электрика и четыре года получал зарплату, а на работу не ходил, все время сидел в библиотеке... И он страшно ненавидел Советскую власть. Ту самую, которая его вырастила, воспитала, дала работу, на которую можно не ходить и четыре года сидеть в библиотеке. Да ни в одной стране мира этого бы никто не потерпел. Но в благодарность — издевательства.

А в 1990-е выросли юноши, которым, в отличие от их предков, «не ссут в уши». Они еще и думают, что нефть и газ Сибири, на деньги от продажи которых мы живем, — не богатство, сохраненное ценой миллионов жизней нашей истории, а «нефтяное проклятие». Не было бы нефти, жили бы хорошо, как Япония... И они уже почти согласны с тем, что говорят на Западе — ресурсы должны принадлежать всему человечеству, а не только русским... Вот до чего мы докатились.

А тогда, в 1945-м, казалось, что теперь нашу страну ждет только великое и счастливое будущее. Уже никогда враги не смогут подняться, уже никто не сможет оспорить нашу историческую правоту...

Можно добавить и еще один немаловажный факт: фантастический рост авторитета СССР на международной арене. Это сейчас прибалты рассказывают, что их оккупировали! На самом деле не только в Прибалтике, но и в Восточной Европе политические силы, симпатизирующие СССР, пользовались безоговорочной поддержкой населения и просто вышвырнули буржуазных политиков. Даже во Франции и Италии коммунисты чуть не побеждали на выборах! Если бы не американские оккупационные власти, которые начали противостоять коммунистическому идейному влиянию своим административным ресурсом, то и Западная Европа была бы под нашим политическим влиянием. Европа и Китай зачитывались Марксом и Лениным, слушали только русскую шлягерную музы-

ку, учили русский язык. Американские ученые добровольно отдавали нашим разведчикам секреты атомной бомбы, они хотели помочь государству, которому симпатизировали!

Значение Солженицына

Опасаясь полного идейного триумфа коммунизма во всем мире, западные элиты провозгласили устами Черчилля «холодную войну», а потом начали свои репрессии: маккартистскую «охоту на ведьм». Всех, заподозренных в симпатиях к левым, увольняли или преследовали иными способами. Да, такие репрессии более мягкие, чем сталинские, но Сталин готовился к войне, а эти просто махали кулаками после драки. Сталин никогда и не заявлял, что у него в стране «свобода говорить что хочешь», потому что считал это глупостью, а США многократно хвастали, что у них «свобода слова», и вот от этой свободы ничего не осталось...

Американцы знали: неважно, у кого сила, власть, деньги, важно, у кого моральный авторитет, кто вызывает симпатии в мире, кто завоевал души людей... А по этому показателю СССР числился в абсолютных лидерах. Поэтому проигрыш в «холодной войне» был не за горами. А если учесть, что СССР не только создал ядерный паритет, но стал лидером по мирному атому и абсолютным лидером в освоении космоса, а также запустил синхрофазотрон и проч., положение Запада было просто катастрофическим. Там началась революция — масштабные выступления молодежи, которая читала Маркса, Ленина и Мао.

Требовалось что-то, что лишит СССР морального преимущества, дискредитирует победу, сделает его отталкивающим, а не привлекательным. Понадобилось найти компромат на СССР, фигуры, готовые этот компромат озвучить, а дальше уже ничего не стоит раскрыть их, дать Нобелевские премии, обеспечить спрос на их лекции и книги...

Старые эмигранты, белогвардейцы и проч. негодились в качестве бойцов «холодной войны». Молодежь их не воспринимала, их разговоры о том, что большевики разрушили прекрасную царскую Империю были вообще непонятны и несовременны. Нужны были перебежчики и свидетели новые, из современной России.

Американцы начинают лихорадочно искать фигуры с моральным авторитетом, пытаются их купить.

Запад пробовал ставить на Пастернака, это был неведомый им авторитет в русской культурной среде. Нобелевку дали, но Пастернак лепетал какую-то интеллигентскую заумь слабым голосом и не подходил под формат. Да и умер сразу после вручения премии. Или, например, прослышали, что есть великий писатель Шолохов, который написал неоднозначную книгу про гражданскую войну и спорил со Сталиным. Может, ему дать Нобелевскую премию, а он в ответ и продолжит спорить с руководством, но в международном масштабе? Шолохов нобелевку получил, но не купился. Он, конечно, изображал в «Тихом Доне» гражданскую войну во всех ее противоречиях, и со Сталиным спорил, но стать предателем Родины... Нет уж!

И вот появляется молодой, наглый, скандальный, с претензиями пророка, с кучей компромата на Советы, с зычным голосом и отличной биографией — Солженицын! То, что доктор прописал!

Мы до сих пор плохо понимаем значение Солженицына, значение миллионных тиражей его книг на Западе. Мы не подозреваем, что после первых его публикаций, численность французской компартии сократилась аж на десятки процентов!

Мы не понимаем, что Нобелевская премия для Запада означает читательский интерес для всей элиты, а элита ведет за собой сотни миллионов! Мы даже не подозреваем, что на Западе благодаря Солженицыну возникли целые «философские направления»: например, «новые философы» во Франции.

Это люди, которые были в прошлом левыми, а потом провозгласили своей целью бороться с Россией. И Леви, и Глюксман до сих пор выступают против России, хотя прошло уже 30 лет с тех пор, как они прочитали «Архипелаг ГУЛАГ». А они выступают не в философских журналах, а на центральных телеканалах!

Лично я впервые услышал о Солженицыне из интервью поп-звезды Томаса Андерса из «Модерн Токинг». Он сказал, что именно по книгам Солженицына представляет себе жизнь в СССР. Только после этого я, в 1985 году, поинтересовался, кто такой Солженицын, и мне тайно принесли «Архипелаг».

В 1998 году я путешествовал по Германии и общался с молодым немцем, который не знал даже имен Гегеля и Канта. Но он знал Солженицына. Показывал мне какой-то зиндан в средневековом замке на экскурсии, и, не зная перевод на русский, кричал, тыкая в подземелье: «ГУЛАГ, ГУЛАГ, ГУЛАГ!!!».

Позже я еще несколько раз путешествовал по Германии, и в двух гостиницах (на Боркуме и во Фрайбурге, то есть на юге и на севере) обнаружил в номерах книги для чтения, всего в двух из десятка гостиниц! Но в обеих, наряду с Форсайтом и Стивенем Кингом, были книги Солженицына! Это настоящий популярный писатель, на его тиражах в Европе выросло целое поколение! Люди могут не знать Толстого, Чехова, Достоевского и тем более Пушкина, но Солженицына знают все — сотни миллионов!

Что касается советских кухонь, то это было чтиво № 1. В 1986 году, например, не успел я, 16-летний паренек, начать интересоваться политикой, как тут же получил от знакомых самиздатовский «Архипелаг ГУЛАГ», зачитанный до дыр, прошедший через не один десяток рук. И это не в Москве и Питере, это в далеком сибирском городке. Среди столичной интеллигенции вообще нет никого, кто бы его не прочел. Вся элита, все сахаровы и ростроповичи были одержимы Солженицыным и подавали пример остальным. Ког-

да же Солженицына разрешили печатать, совокупные тиражи его книг взлетели под сотню миллионов. Такое не снилось суперраскрученным сейчас Акунину и Пелевину.

Возвращение Солженицына в Россию было обставлено как величайшая пиар-акция: он ехал на поезде через всю страну, встречался с народом и каждый день был источником новостей. Поездки первого космонавта Юрия Гагарина, пожалуй, и то были скромнее. После приезда ему было предоставлено целое имение — дача Кагановича на нескольких гектарах земли — и время на центральном телеканале для собственной передачи, чтобы он спокойно мог проповедовать народу и поучать власть. И это не считая постоянных приглашений в разные телепередачи и эксклюзивных интервью в центральных СМИ. Десятки биографов и целый пул писателей и журналистов только тем и занимались, что прославляли Солженицына. То, что в последние годы Александр Исаевич стал менее публичным, с лихвой компенсировалось телесериалами, которые шли по его книгам по центральным телеканалам. Еще один взрыв интереса спровоцировали его похороны. Наверное, нет ни одной газеты или журнала в России, которые бы ни вышли с материалом на первой полосе «Умер Солженицын», с подборкой писем читателей и с рассуждениями маститых авторов о «значении этого пророка» для России и истории. Даже Путин и Медведев прислали свои патетические соболезнования родным и близким и высказались насчет того, что они, мол, счастливы были быть современниками столь великого человека. Говорят, издали какие-то указы об увековечивании его памяти, назовут его именем улицы, библиотеки и т.п.

За что Греция была благодарна Гомеру понятно — он превратил поражение в победу. Но за что мы благодарны человеку, который пытался превратить величайшую победу в истории в поражение — поистине загадка... За что мы благодарны человеку, который не-

заслуженно опозорил нашу Родину перед всем миром, оклеветал наших истинно великих людей: Сталина, Достоевского, Шолохова и многих других? Мы пытаемся разгадать эту загадку.

Глянцевая биография

Биография Солженицына в не меньшей степени пиар-проект, чем все его книги. Иван Исаевич утверждал, что он фронтовик, прошел всю войну, потом был схвачен «сталинскими псами» и упрятан в ГУЛАГ. Там в тяжелейших и невыносимых условиях он провел много лет, а после выхода из заключения решил рассказать правду миру. Он бросил вызов власти и режиму, опубликовал свои первые произведения. Затем добрые люди помогли ему их издать, он получил Нобелевскую премию, затем правительство выслало его в США, там он стал популярен, но остался честен, потому что критиковал и американские власти, и всю западную систему. Затем он вернулся в Россию, где тоже прямо обличал власти и говорил все, что думал. Кроме того, как писали некрологи, Солженицын — величайший писатель уровня Достоевского, всемирный пророк, великий историк, учитель нравственности и гуманизма. Его советы в области политики, экономики, национальных отношений и прочего — это советы величайшего мудреца. Кроме того, Солженицын был верующим человеком, совестью нации, он сохранил в своих книгах подлинный богатый русский язык, ну и конечно, главное: он изнутри разоблачил бесчеловечный сталинский режим.

Все, что сказано в предыдущем абзаце, — ложь от первого до последнего слова, и мы сейчас подробно это продемонстрируем. Опираемся будем большей частью на книгу Владимира Бушина «Александр Солженицын — гений первого плевка». Книга эта весьма специфическая, в ней автор с присущими ему шепетильностью и мелочностью разоблачает

чуть ли не каждую строчку и каждый жизненный шаг Солженицына. Из-за этих деталей и порой ненужных сравнений и глубокой полемики, когда читатель с трудом уже представляет, откуда начался спор, книга выглядит слишком затянутой и неудобоваримой. Это книга, про которую современная молодежь наверняка скажет: «ни асиллил» и «слишком много букв».

Маленький человечек — Бушин — сделал борьбу с Солженицыным делом всей своей жизни. Он коллекционировал записки Солженицына, анализировал его произведения на предмет вранья и поиска противоречий и ошибок. Прodelал титаническую работу, чтобы возвести на Солженицына ряд самых серьезных обвинений. Это обвинения в дезертирстве, стукачестве, плагиате, предательстве, конъюнктурщине и продажности, в языковой безграмотности. Одним словом, Бушин рисует нам портрет редкостного мерзавца, в жизни не сделавшего, пожалуй, ни единого хорошего поступка.

По идее, за такими обвинениями должен был разразиться скандал: ведь известно, что Солженицын использовал любой повод для самопиара или, как он говорил сам, «для торжества справедливости». Он ведь всегда бросался защитить истину и «жить не по лжи». Но тут как воды в рот набрал: на Бушина в суд не подал и всем своим многочисленным прихвостням строго-настрого запретил лишний шум вокруг книги Бушина не создавать, не делать ей рекламу.. Грамотный, собака!

Вышедшая четырехтысячным тиражом книга Бушина поэтому никогда не сравнится с десятками миллионов солженицынских книг, с океаном публикаций и передач о нем. Конечно, Бушин не одинок в своем отношении к Солженицыну: резко отрицательно к нему относились Твардовский, Шолохов, Симонов, Леонов, целое поколение советских писателей и вообще интеллигенции. Сегодня это отношение разделяют разве что маразматики из КПРФ. Но они относились

отрицательно, прежде всего, к делу Солженицына, а именно к его клевете на СССР, в подробности же биографии никто не вдавался. А она весьма интересна и показательна.

Детство, отрочество, юность

Солженицын родился... на курорте, в самом Кисловодске. Дед его, Семен Ефимович Солженицын, был крупным помещиком. Но сословная принадлежность и примесь, похоже, еврейской крови (кстати, отчество Исаевич скорее всего было ранее Исакович), не мешало будущей блестящей карьере мальчика в СССР, вопреки его же утверждениям о том, что «сажали всех за дворянское происхождение» и что в СССР свирепствовал антисемитизм. Отец умер еще до его рождения, мать работала стенографисткой и воспитывала единственного сына одна. По всей видимости, она внушала своему сокровищу, что он самый лучший, самый умный, самый-самый. И делала все для него.

Солженицын писал своей жене с фронта: «Мать соткала мне беззаботное и счастливое детство». Заработок стенографистки вряд ли был солидным, но юный Солженицын имеет велосипед, большую редкость по тем временам, постоянно путешествует по горам, курортам, ходит в походы. То есть может себе позволить больше, чем сверстники. В школе активный мальчик был бригадиром, старостой класса, редактором стенгазеты. А после переезда в Ростов юный Солженицын решил стать актером и поступал в студию Завадского, но провалился. Актерское дарование он потом будет применять всю жизнь в другой области. А жаль, не разглядели парня. Может, история человечества пошла бы иначе, как и в случае с юным Гитлером, которому тоже зарубили карьеру художника...

Солженицын поступил на физмат и уже через год получил сталинскую стипендию. Позже он поступал на заочное отделение в элитный Институт истории,

философии и литературы (ИФЛИ), куда не брали абы кого, только за оценки, важна была и комсомольская работа. Через год он мог себе позволить жить с невестой в Тарусе, опять же путешествовать по прекрасной стране...

Расскажи все это миллиардам китайцев, индусов, латиноамериканцев, которые знают, что такое безработица, бродяжничество или труд за копейку.. А тут «кровавый сталинский режим» обеспечил мальчику бесплатную медицину, образование, прекрасную здоровую молодость, стипендии и, главное, все это просто мальчику из простой советской семьи, семьи стенографистки.

А время было как раз предвоенное, разгар репрессий, и, похоже, получавшего сталинские денежки мальчика это не особо волновало. Если он ничего не знал, тогда при чем тут огромные репрессии? Или он, как все, считал, что все нормально и сажают тех, кого следует? В общем, маменькин сынок и карьерист был пока всем доволен и к режиму претензий не имел.

Но тут как на грех случилась война. Солженицын любит говорить так: «Я всю войну прошагал командиром батареи». Складывается ощущение, что человек воевал четыре года, заряжал пушки, стрелял по врагу.. Однако речь идет о звуковой батарее радиоразведки, где не было пушек, а только приборы. Что же касается срока службы...

Процитируем Бушина: «...воевал он отнюдь не «всю войну», которая длилась почти четыре года, а меньше двух лет: первые-то два года, самые страшные, с их отступлениями, окружениями, с приказом «Ни шагу назад!», с рывком, наконец, вперед, — эти два годочка Александр Исаевич благополучно прожил в глубоком тылу: сперва преподавал школьникам астрономию в Морозовске недалеко от родного Ростова; потом, будучи призван в армию, служил в Приволжском военном округе подсобным рабочим на конюшне обозно-гужевого батальона; после этого — Кострома, военное училище, его окончание и долгая формирование дивизио-

на в Саранске; и вот лишь теперь — фронт, батарея звуковой разведки. Это — май 1943 года. Через несколько месяцев Солженицын каким-то образом получает отпуск и приезжает в Ростов. А в мае 44-го к нему в землянку ординарец доставил из Ростова любящую супругу Наталью Решетовскую. А условия на фронте были у Солженицына такие, как уже отмечалось, что он там не только много читал, но еще больше писал. Н. Решетовская вспоминала о своем гостевании там у мужа: «Мы с Саней гуляли, разговаривали, читали». Побывавший у него на батарее школьный друг К. Виткевич писал 9 июля 43-го года Решетовской в Ростов: «Саня сильно поправился. Все пишет всякие турусы на колесах и рассылает на рецензии». Что за турусы? Это, как пишет Решетовская, рассказы и повести «Лейтенант», «В городе М.», «Письмо № 254», «Заграничная командировка», «Речные стрелочники», «Фруктовый сад», «Женская повесть», «Шестой курс», «Николаевские», да еще стихи, да еще 248 писем одной только жене и неизвестно сколько другим родственникам, друзьям, знакомым, а писать коротко Александр Исаевич не любит и не умеет.. Так что целое собрание сочинений, включая два-три тома писем! Вот так-то обстояло дело на фронте».

Известно, что фактически, часть Солженицына не участвовала в боевых действиях, разве что пару раз попадала под обстрел. Иначе он и жену бы на фронт не вызывал, а ведь она там была несколько недель. Она вспоминала: «В свободное время мы с Саней гуляли, разговаривали, читали. Муж научил меня стрелять из пистолета. Я стала переписывать Санины вещи». Надо понимать, что вызывать жену из Ростова на фронт непросто: полстраны надо проехать и фальшивые документы выправить. Скорей всего у Солженицына сложились теплые отношения с командирами — этим объясняются и два ордена Солженицына, полученные в отсутствие каких-либо серьезных боевых действий, а уж тем более подвигов и даже ранений. И действительно, сменился командир дивизиона — и сразу жену с фронта прогнали и ордена перестали давать. А вот

подчиненных Солженицын любил помучить, поиздеваться над ними любил (см. свидетельства на стр. 370 книги Бушина).

Загадка ареста

Однако, сколь веревочке не виться, а конец будет: воинская часть Солженицына все же должна была когда-то и повоевать. А он был уверен, что война с Германией перерастет в войну с Америкой, и в голове у молодого офицера зародился хитрый план. Впрочем, слово Бушину:

«А суть-то дела вот в чем. Солженицын уверяет: «Наше (с моим однодельцем Николаем Виткевичем) впадение в тюрьму носило характер мальчишеский. Мы переписывались с ним во время войны и не могли, при военной цензуре, удержаться от почти открытого выражения своих политических негодований и ругательств, которыми мы поносили Мудрейшего из Мудрых»... Тут надо отметить два важных момента. С одной стороны, Виткевич сказал... что никакой равноценной двусторонней переписки подобного содержания не велось, а были только письма Солженицына этого рода... С другой стороны, в дальнейшем Солженицын признался, что похожие письма он посылал не одному Виткевичу, а «нескольким лицам»: «Своим сверстникам и сверстницам я дерзко и почти с бравадой выражал в письмах крамольные мысли». Таких адресатов оказалось с полдюжины.

Один из них, приятель школьной и студенческой поры Кирилл Симонян, впоследствии главный хирург Советской Армии, рассказывал: «Однажды, это было, кажется, в конце 1943 или в начале следующего года, в военный госпиталь, где я работал, мне принесли письмо от Моржа (школьное прозвище друга. — В. Б.). Оно было адресовано мне и Лидии Ежерец, жене, которая в то время была со мной. В этом письме Солженицын резко критиковал действия Верховного командова-

ния и его стратегию. Были в нем резкие слова и в адрес Сталина».

Солженицын уверяет, что его адресаты отвечали ему почти тем же. Но это совсем не так. Симонян рассказывал: «Мы ответили ему письмом, в котором выразили несогласие с его взглядами, и на этом дело кончилось». Такого же характера ответ послал и Л. Власов, знакомый морской офицер. Другие, как Виткевич, просто промолчали в ответ. Итак, человек написал и послал не одно письмишко с какой-то эмоциональной антисталинской репликой, а много писем по разным адресам, и в них — целая политическая концепция, в соответствии с которой он поносил не только Сталина, но и Ленина...

Спрашивается, что оставалось делать сперва работникам военной цензуры, прочитавшим кучу «крамольных писем» Солженицына?.. Где, когда существовала государственно-политическая система, которая на составителей подобных «документов» взирала бы равнодушно? Все это усугублялось еще и тем, что Сталин являлся Верховным Главнокомандующим армии, а его критик Солженицын — армейским офицером, рассылавшим сверстникам и сверстницам на фронте и в тылу письма, направленные на подрыв авторитета Верховного Главнокомандования. В любой армии, в любой стране подобные действия офицера в военное время, на фронте будут расценены не иначе как военное и государственное преступление в пользу врага. Тем более, если враг еще находится на родной терзаемой земле. И, тем не менее, называя свой арест «впадением в тюрьму», Солженицын старается внушить нам, что это «впадение» носило совершенно случайный, «мальчишеский» характер. Да, конечно, дескать, виноват, но уж очень был простодушен, наивен и открыт: «Когда я потом в тюрьмах рассказывал о своем деле, то нашей наивностью вызывал только смех и удивление. Говорили мне, что других таких телят и найти нельзя. И я тоже в этом уверился». Ну, а потом захотел уверить и нас: что, мол, с меня взять — теленок! Хоть и бодался с дубом.

Тут мы подходим к главной загадке солженицынского ареста. У Солженицына... никто из его адресатов (кроме Виткевича, видимо) не являлся его единомышленником в вопросах о Сталине, о действиях Верховного Главнокомандования, тем более — о советской системе. И это тоже было ему известно. Кстати, упоминающийся морской офицер Л. Власов, пославший отрицательный ответ на крамольное письмо, фигура для всей этой истории чрезвычайно показательная. Солженицын даже и не знал его как следует, они случайно познакомились в поезде «Ростов — Москва» в марте 1944 года при возвращении из отпуска на фронт... И вот с одномоментным вагонным попутчиком Солженицын делится мыслями, за которые в те дни и в его положении совсем не трудно было угодить за решетку! Ведь если бы даже письмо незамеченным проскочило цензуру, то сам адресат мог оказаться человеком, который сообщил бы о нем куда следует. Разве одно это не поразительная загадка!

И тут следует сказать об одной весьма характерной особенности Солженицына, которая делает всю историю его ареста еще более загадочной. Солженицын — человек системы, он ничего не делает просто так, наобум, как правило, у него все обдумано, взвешено, спланировано, скалькулировано. И ведь это всю жизнь, с юных лет! Вот просто комический случай. Перед высылкой из страны Солженицына задержали и повезли на ночь в Лефортовский изолятор. О чем же думает он, сидя в машине? Да опять планирует: «Как бы мне выйти (из машины в Лефортове) пооскорбительней для них», т.е. для сопровождающих. Каким образом выход из машины может быть оскорбительным для кого-то, мы не знаем. Спал он в изоляторе плохо: терзали мучительные раздумья. О чем может терзаться неожиданно арестованный человек? О малых детях, о жене, о прерванном деле, о неизвестном будущем... Нет, нашего узника мучит совсем не это. Он напряженно размышлял о том, как ему вести себя завтра, когда в камеру войдет начальство: вставать навстречу или нет? Запланировал:

не встану! «Уж мне-то теперь — что терять? Уж мне-то — можно, упереться. Кому ж еще лучше меня?».

Действительно, ведь уже нобелевский лауреат, и на Западе наверняка подняли уже невероятный шум. Да, он не встанет. Он покажет себя этим держимордам! Утвердив диспозицию завтрашнего сражения, заснул... Так вот, спрашивается, мог ли человек, который всю жизнь моделировал и планировал все вплоть до объяснений в любви и манипуляций своим седалищем, не думать, не предвидеть, не понимать, чем обернется для него столь опасное дело, как крамольные письма, которые адресаты получают в конвертах, украшенных в пути государственной отметкой: «Просмотрено военной цензурой»? По нашему разумению, нет, не мог. А можно ли допустить, что сей хомо сапиенс, пускаясь на такое дело, не ставил перед собой определенную цель, не планировал последствий, не моделировал дальнейший ход событий? Мы этого допустить не в силах, но твердого ответа на загадку о цели у нас нет, и мы можем лишь предположить тот ответ, ту разгадку, к которой пришел профессор К. Симонян, человек, близко знавший нашего героя на протяжении, кажется, всей жизни: «Письмо было таким... что, если бы оно было написано не нашим приятелем Моржом, мы приняли бы его за провокацию. Именно это слово пришло нам обоим с женой в голову. Посылать такие письма в конверте со штемпелем «Просмотрено военной цензурой» мог или последний дурак, или провокатор».

Мы знаем, что Солженицын не дурак. Дальше Симонян говорил, что письмо решительно противоречило всему облику их приятеля — его извечной осторожности, трусости и «даже его мировоззрению, которое нам было хорошо известно». Действительно, мировоззрение Солженицына в ту пору — это задуманный им цикл рассказов с директивным названием «Люби революцию!». Это строки из письма жене, написанного из училища в Костроме в 1942 году в дни, когда приближались «Санины любимые праздники», и он пребывал в полной безопасности: «Летне-осенняя кампания за-

канчивалась. С какими же результатами? Их подведет на днях в своей речи Сталин. Но уже можно сказать: сильна русская стойкость! Два лета толкал эту глыбу Гитлер руками всей Европы. Не столкнул! Не столкнет и еще два лета!.. Что принесет нам эта зима? Если армия найдет возможность повторить прошлогоднее наступление, да еще в направлении Сталинград — Ростов, — могут быть колоссальные результаты. Обратное взятие Ростова — достаточный итог для всей зимней кампании — для фрицев на Дону, для фрицев на Кавказе, для фрицев в Берлине».

Как видим, здесь не только нет никакой критики Верховного Главнокомандования и Сталина, а, наоборот, — полное удовлетворение ходом войны и твердая уверенность в наших будущих успехах. А ведь положение-то было еще крайне тяжелым: враг стоял в двухстах километрах от столицы, хозяйничал на Кавказе, шли тяжелые бои в Сталинграде. В этих условиях ничуть не удивительной была бы и критика в адрес руководства страны и армии, однако никакой критики нет. Но вот прошло всего около года. Этот год был временем наших великих побед, огромных успехов: Сталинград, изгнание врага с Кавказа, Курско-Орловская битва, фронт отодвинут от Москвы дальше, освобожден Киев... И вдруг на фоне этих грандиозных достижений нашего строя, его руководства, армии старший лейтенант Солженицын начинает поносить Верховное командование, лично Сталина и даже добирается до Ленина. В чем дело? Ведь в ту пору наших солдат, полководцев и Верховного Главнокомандующего нахваливали не только Рузвельт и Черчилль («Великий воин Сталин...»), но и генерал Деникин. Даже такой заматерелый противник советской власти, как Бунин, в те дни писал: «Вот до чего дошло! Сталин летит в Персию, и я в тревоге, как бы с ним чего не случилось...». А Солженицын... Тогда, может быть, он оказался в антисоветской, антисталинской среде? Чушь. Это была патриотическая армейская среда. Может, наконец, он пережил какую-то личную драму, резко изменившую его мировоззрение? Ниче-

го подобного. Он исправно служил, помыкал солдатами, повышался в звании, получил два ордена, писал и метал в Москву бесчисленные рассказы... Так в чем же дело?

К. Симонян, настаивал на трусости своего давнего приятеля... и вот его вывод: воочию увидев на фронте смерть, ощутив ее всей кожей, Солженицын «начал испытывать панический страх» и, не решившись на реальный самострел, прибегнул к самострелу моральному: с помощью потока «крамольных» писем сам... спровоцировал свой арест, чтобы оказаться в тылу. Могут сказать: «Хорошо, допустим, хитроумный замысел с письмами мог иметь место у столь своеобразного человека. Но в этом был бы смысл лишь в начале или в разгар войны. А какой же „трезвый расчет“ в том, чтобы осуществить его в самом конце? Ведь Солженицына арестовали всего за три месяца до него!».

Да, конечно, но поразительная оригинальность Александра Исаевича сказалась, в частности, и в том, что он рисовал себе совсем иную картину конца войны, чем все мы и на фронте, и в тылу. Когда в 1944 году наша армия изгнала оккупантов с нашей земли, он писал жене: «Мы стоим на границах войны Отечественной и войны Революционной». То есть был совершенно уверен, что, освободив родную землю, разгромив фашистов, мы рванем дальше, может быть, аж до Гибралтара. И это была не мимолетная блажь в интимном письме. Как известно, Солженицын нередко наделяет своих персонажей собственными солженицынскими мыслями, чувствами, даже манерами. Так вот, в «Архипелаге» есть некий Юра, однокамерник писателя. Он в начале весны 45-го года уверял, что «война отнюдь не кончается, что сейчас Красная Армия и англо-американцы врежуются друг в друга, и только тогда начнется настоящая война». Та самая, Революционная. До этого, видите ли, по мнению Солженицынского единомышленника и камерного стратега, была не война, а игрушки. «Настоящая» война, разумеется, особенно опасна для жизни, и от нее особенно желательно увильнуть.

А вот еще некий Петя из того же «Архипелага». Это уже 1949 год. Петины идеи еще более интересны для нас и характерны для автора. Его во время оккупации угнали в Германию, сотрудничал с немцами, после войны попал во Францию и там воровал да продавал машины. Когда поймали на этом, обратился в наше посольство: желаю, мол, вернуться на горячо любимую родину. Рассуждал так: во Франции за воровство могут дать лет десять, и их придется отсидеть сполна, в Советском Союзе за сотрудничество с немцами не диво огрести все двадцать пять, «но уже падают первые капли третьей мировой войны», в которой Союз, по его прикидке, не продержится и трех лет, поэтому прямой расчет вернуться на родину и сесть в советскую тюрьму. Разве не похоже на то, что своего хитроумного Петю в 49-м году Солженицын наделил одним из вариантов своего собственного, по Симоняну, плана-расчета 44—45-то годов: чем подвергаться большому риску погибнуть в огне Революционной войны, сяду-ка лучше в тюрьму; срок могут дать большой, но в новой войне Советский Союз быстро рухнет — и я на свободе.

Разумеется, нелегко поверить, что план достижения своей личной безопасности и свободы человек строил в расчете на военное поражение родины, но вот же, сам Солженицын рисует нам образы именно таких людей. А когда один из них, помянутый Юрий, уверял, что война с англо-американцами кончится легким разгромом Красной Армии, у автора-повествователя тут же вырвался вопрос: «И, значит, нашим освобождением?» Да, армия разгромлена, страна погибла, но зато — свобода! Такого рода ставки Солженицын допускал не раз. Уверяет, например, что летом 1950 года кричал тюремным надзирателям: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!» Трудно, конечно, поверить, что Александр Исаевич мог самолично, да еще и безнаказанно кричать эдакое в лицо надзирателям, но мысли такие, выходит, держал за пазухой. А ведь не мог после Хиросимы и Нагасаки не понимать, что бомба унесет вовсе не одних лишь надзирателей. Сол-

женицын не видел ничего страшного, катастрофического не только в нашем поражении от англо-американцев, как его персонажи Юра да Петя, но и в столь же гипотетическом поражении от немцев. Подумаешь, говорил он, а не персонажи, «придется вынести портрет с усами и внести портрет с усиками». Да еще елку придется наряжать не на Новый год, а на Рождество. Всего и делов! Так что писатель был в этом вопросе, пожалуй, даже впереди своих не слишком патриотичных героев.

Итак, многие обстоятельства и факты убеждают, что версия К. Симоняна о том, будто Солженицын отправил себя в неволю собственноручно, выросла не на пустом месте. Можно привести и еще один довод в пользу достоверности его версии. Дело в том, что и на тот случай, если «настоящая» война вопреки надеждам-планам все-таки не началась бы или Советский Союз вопреки чаяниям оказался бы не побежденным, а победителем, и на сей раз, как всегда, у Александра Исаевича был предусмотрен запасной вариант: амнистия! Действительно, амнистия непременно бывает после победного окончания войны. В первом же письме из заключения, вспоминает Н. Решетовская, ее муж «пишет о своей уверенности, что срока 8 лет не придется сидеть до конца», будет амнистия...

Сам Солженицын с полной уверенностью признает: «Я, конечно, мог держаться тверже» (во время ареста). Так в чем же дело? Оказывается, вот: «Затмение ума и упадок духа сопутствовали мне в первые недели». Но ведь это-то и есть трусость. Если молодой здоровый парень, будучи арестован, в течение нескольких недель не может очухаться, то иначе, как трусом, его никак не назовешь. Следствие, располагая «крамольными» письмами к Виткевичу, к Симоняну и Ежерец, к Решетовской и Власову, естественно, должно было заинтересоваться этими людьми, и первым источником сведений о них оказался, надо думать, сам подследственный.

Поначалу Солженицын вроде бы не слишком заботился о том, чтобы представить свое поведение на следствии по отношению к «другим» абсолютно без-

грешным. Так, когда он находился уже на свободе, Лидия Ежерец сказала его жене, будто несколько лет назад Кирилл Симонян вынужден был давать следователю объяснение по поводу письменного доноса на него, посланного Солженицыным из заключения. Решетовская вспоминает: «Я спросила у Сани, что бы это могло значить, будучи уверена, что это недоразумение, а может быть, и подделка... Но Александр не стал отрицать, что бросил какую-то тень на Симоняна. Он объяснил, каким трудным было его положение во время следствия». Да, Александр не стал отрицать. Но это давно, году в 56—58-м. Тогда Солженицын еще пребывал в полной неизвестности, и литературно-политический успех ему и не брезжил. Несколько иначе обстоит дело теперь, когда на Александра Исаевича обрушилась скоропостижная известность глобального масштаба. Теперь он никак не хочет признавать, что во время следствия очернил хоть единую душу. При этом основной довод у него всегда тот же: «От моих показаний не пострадал никто», «Никого из вас не арестовали» и т.п. Да и впрямь — никого. Кроме Виткевича...

Что ж, допустим, все сомнения рассеял, всех убедил: никаких доносов не было и быть не могло. А Решетовская просто выдумала, что муж когда-то «не отрицал» какой-то там тени, якобы брошенной им на школьного друга. Все прекрасно! Однако вот что читаем в только что цитированном сочинении Солженицына «Сквозь чад» 1979 года. Обращаясь к Симоняну, он пишет: «Когда в 56-м году я вернулся после лагеря, после ссылки, после рака — от Лиды (Ежерец) узнал, что ты на меня в претензии: как это так, утопая, я обрызгал тебя на берегу». Ах, все-таки обрызгал! Итак, Солженицын сперва вроде бы невольно проболтался, что когда «тонул» на следствии в 45-м году, то Симоняна оклеветал, а потом обмолвился об этом и более внятно.

Не странно ли для столь предусмотрительного человека такое оплошное самопризнание? Да не очень. Существует давний испытанный прием: добровольно признаться в меньшем грехе, чтобы за этим признанием

утаить грех больший. Именно так и действует Солженицын: признается в клевете 45-го года, чтобы скрыть за ней клеветнический донос гораздо более поздней поры. Симонян долгое время ничего не знал о той давней, первоначальной клевете на него. В 1952 году его вызвал следователь и предложил прочитать увесистую тетрадочку в пятьдесят две страницы, которые были исписаны так хорошо знакомым почерком его школьного друга Сани Солженицына. «Силы небесные! — воскликнул потрясенный Симонян, изучив сей не изданный пока фолиантик. — На этих пятидесяти двух страницах описывалась история моей семьи, нашей дружбы в школе и позднее. При этом на каждой странице доказывалось, что с детства я якобы был настроен антисоветски, духовно и политически разлагал своих друзей и особенно его, Саню Солженицына, подстрекал к антисоветской деятельности».

Да, такая обстоятельность, такое многословие (начать издали, с истории и накатать полсотни страниц) совершенно в духе нашего автора, и напористость (на каждой странице твердить одно) — тоже его, и манера сваливать свою вину на других — кто может с ним здесь сравниться! За этот-то донос Симонян и был «в претензии», о нем-то Ежерец и рассказала когда-то Решетовской, он-то и был причиной супружеской беседы, когда муж признался жене, что действительно кое-что наплел о школьном друге. Вообще-то Солженицын не отрицает, что в том далеком 1952 году имело место некоторое бумажно-чернильное событие, но дает этому свою версию, чрезвычайно благородную и героическую. Он пишет: «В апреле 1952 года в экибастузском лагере следователь предъявил мне бумажку районного (кажется, Щербаковского, но не ручаюсь) отделения КГБ Москвы — о том, что в связи со следствием, начатым против Кирилла Симонянца (так в тексте. — В. Б.), поручается допросить меня». Тут есть отдельные несоответствия с истиной: Щербаковского района в Москве никогда не существовало, а против Симоняна за всю его жизнь никакого следствия никогда не возбуждалось. Но по-

слушаем дальше: «И тогда, уже бронированный лагерник, я и послал их на...» Тут тоже маленькая неточность: послать-то он действительно послал, только не «на», а «в» — послал в КГБ те самые пятьдесят две страницы. Бронированный правдолюб продолжает: «Я сказал, что всякие показания 45-го года являются вынужденной ложью...» Стоп! Какие, о ком показания 1945 года он назвал теперь ложью? Ясно, что не о себе — его не о себе спрашивают, да и дело тут было давно решенное, лагерный срок уже подходил к концу, оставалось меньше года, так зачем что-то ворошить, оправдываться, объявлять недействительным? Конечно же, он назвал ложью свои показания 1945 года о Симоняне. Следовательно, мы еще раз, теперь уже в 1979 году, из его собственных вещей уст, отверзающихся в далеком и безопасном штате Вермонт, услышим, что показания о Симоняне он тогда давал, и они были, по его собственному бронированному признанию, ложью. Мы легко поймем, какой характер носила эта ложь, если теперь прочитаем фразу целиком: «Я сказал, что всякие показания 45-го года являются ложью, а всю жизнь я тебя знал как отменного советского патриота».

Противопоставлением, опровержением старой лжи на человека здесь является новое признание, что человек этот — настоящий советский патриот. Значит, ложь состояла в обратном: в утверждении, что он антипатриот, антисоветчик. Как видим, признавая, что на следствии он оклеветал Симоняна, Солженицын пытается внушить нам, будто в 52-м году не только не было никакого доноса, а, наоборот, имела место благородная и смелая акция с его стороны в защиту школьного друга, к сожалению, не обладающего душевной высотой. Понять, почему наш герой признает клевету 45-го года и рьяно отрицает донос 52-го, нетрудно. В первом случае можно сослаться (что он и делает) на молодость, неопытность, на «затмение ума и упадок духа», а на что сослаться во втором? Ведь тут человек вполне зрелых тридцати трех лет в ясном уме и твердой памяти безо всякого внешнего понуждения, исключительно по соб-

ственному почину написал донос на школьного друга из одной лишь зависти к его счастливой жизни на свободе. К тому же это человек, вернувшийся, по его собственным словам, к вере в Бога.

Но дело не ограничивается Симоняном. Николай Виткевич имел удовольствие дважды читать доносы на себя своего наперсного дружка: во время следствия (дело против него началось, когда следствие по делу Солженицына уже заканчивалось) и при реабилитации. «Он писал о том, — рассказывает Виткевич, — что якобы с 1940 года я систематически вел антисоветскую агитацию, замышлял создать подпольную подрывную группу... Я не верил своим глазам. Это было жестоко. Но факты остаются фактами. Мне хорошо были знакомы его подпись, которая стояла на каждом листе, его характерный почерк — он своей рукой вносил в протоколы исправления и дополнения. И — представьте себе? — в них содержались доносы и на жену Наталию Решетовскую, и на нашу подругу Лидию Ежерец». Леонид Власов со слов Виткевича узнал: «Солженицын сообщил следователю, что вербовал в свою организацию случайного попутчика в поезде, моряка по фамилии Власов, и тот, мол, не отказался, но даже назвал фамилию своего приятеля, имеющего такие же антисоветские настроения»...

Рассказывая еще в «Архипелаге» о своем следствии, Солженицын делал вид, что очень рад: «Слава богу, избежал кого-нибудь посадить. А близко было». Что значит «близко»? Да, оказывается, вот что: хотя всех, с кем переписывался, он оклеветал — представил заклятыми врагами советской власти, занимавшимися преступной деятельностью еще в студенческую пору, но, несмотря на эти старания, никого из них не арестовали. Никого, кроме Виткевича. Решетовская размышляет: «Правда, это не согласуется с „теорией“ Солженицына, что достаточно было назвать имя человека с добавлением в его адрес любого самого абсурдного обвинения, и тот оказывался в лагере. Но, надеюсь, он не жалеет, что ошибся в безупречности

своей теории и что мы остались на свободе». Она надеется! Прямо надо сказать, надежда наивная. В самом деле, стоило Симоняну в 1967 году написать ему, что он оценивает жизнь односторонне и становится знаменем реакции на Западе, как Солженицын с великой досадой воскликнул: «Ах, жаль, что тебя тогда не посадили!» Ну, действительно, дважды клеветал на человека, дважды доносил, не жалея ни драгоценного личного времени, ни бесплатной казенной бумаги, а его так и не посадили! Разве не досадно?.. Против Солженицына оказались все его друзья давних лет: и Виткевич, и Симонян, и Ежерец, и Решетовская. Все они раскусили его и выразили ему свое презрение... Стремление нашкодить своим товарищам было заметно у Сани Солженицына еще в юные годы. К. Симонян вспоминал: «Он, будучи старостой класса, с каким-то особым удовольствием записывал именно нас: меня и Лиду (Ежерец) — самых близких друзей в дисциплинарную тетрадь».

Теория «главного крика»

Поступок Солженицына точно укладывается в созданную им же теорию «главного крика». Он с гордостью рассказывал про случай, когда при нем сержант пинал человека, и этот человек просил Солженицына заступиться. Но Солженицын-офицер, который мог приказать сержанту, «сдержал себя» и прошел мимо. А еще он рассказывал о разбушевавшемся в электричке пьянице. И можно было здоровенному Солженицыну встать, но с ним находился чемодан с рукописями: не дай Бог, случится скандал, заметут в милицию, заберут чемодан... И опять сдержался. Ну и, конечно, в «Архипелаге» Солженицын рассуждает много о том, что у него было 1000 случаев закричать и привлечь внимание людей к несправедливости, но... он не сделал этого, потому что аудитория мала: погибнешь не за грош, а вот так он сохранил себя для истории, не поддавшись мимолетному порыву.

Пожалуй, один из наиболее интересных русскоязычных современных философов М. Эпштейн называет трусость Солженицына «отсроченным мужеством» и развивает целую этическую концепцию, которая, дескать, ультрасовременна, невиданна ранее, со времен Платона и Аристотеля не было таких новаций в этической проблематике. Эпштейн даже слово новое придумывает: «стереоэтика».

В чем суть этой стереоэтики в сравнении с этикой прежней, по которой жили тысячи лет все «непродвинутые» поколения многострадального человечества?

Вместо всем известного «золотого правила» Эпштейн предлагает золото-алмазное правило: «делай то, в чем нуждаются другие и чего на твоём месте не мог бы сделать никто». Все прежние этические концепции требуют самоотверженности, а Эпштейн предлагает себя любимого не забывать.

Например, горит девочка в огне, а мимо идет прохожий. Прежняя этика с ее «золотым правилом» требует, чтобы прохожий «сделал то, что бы он хотел, чтобы сделали ему на месте другого». Понятное дело, не «вообще, что бы он хотел», чтобы ему сделали, например, подарили бы дом на берегу моря, а в данной конкретной ситуации. На месте данного конкретного человека нужно поступить так, как если бы он сам был на месте этой девочки и хотел быть спасённым. То есть нужно, забыв себя, бежать спасать девочку. Эпштейн же, начитавшись Солженицына, предлагает вместо совести включить здесь мудрость и подумать: а если этот прохожий — известный писатель, ученый или еще какой-то талант? А вдруг он погибнет в огне и девочку не спасет?.. И вообще, согласно новому «алмазному правилу» Эпштейна, разве именно такой поступок будет для этого прохожего уникальным и помогающим его самореализации? Нет! Девочек из огня спасать может любой амбал, дурачок Вася из соседнего подъезда, не имеющий никаких талантов, а вот гению подавай такое занятие, которое бы кроме него никто не мог осилить! Так что гори, девочка, синим пламенем! Вот шел

бы мимо тебя какой-нибудь глупый качок, как раз и приспособленный для таких подвигов, то тебе бы повезло, а тут ты, девочка, слишком много хочешь, нельзя, девочка, фотоаппаратом забивать гвозди, а гениям пожарными работать!

По мнению Эпштейна, такое «отсроченное мужество» подобно процентам по долгу. Если человек совершил ряд поступков такого рода, то он идет на риск не рассчитаться по долгам. Допустим, прохожий, как писатель, написал книжку о том, как хорошо молодым людям спасать девочек из огня и тем самым вдохновил на подвиги и, возможно, спас еще десятки девочек, взамен той, которую не спас непосредственно. Или прохожий оказался ученым, который изобрел вакцину от детского полиомиелита и тем самым спас еще миллионы детей, вернул, так сказать, долг.. А вот если этот гений, сохранивший себя, ничего не сделал, чтобы вернуть долг по отсроченному мужественному поступку, тогда он действительно трус...

Интересная концепция... И, пожалуй, интересно было бы провести с Эпштейном чисто философскую дискуссию. Однако, вот беда: к Солженицыну все это отношения не имеет. Ну, допустим, решил он, что негоже ему, будущему великому писателю, гибнуть в окопе, ведь так погибнуть может любой русский Ванька и нет в этом для его талантов солженицынских никакой уникальности и самореализации... Однако долг перед погибшим за него русским Ванькой должен был бы, по Эпштейну, накапливаться, и затем именно этого Ваньку и его подвиг Солженицын и должен был воспеть!

Своим «Архипелагом ГУЛАГом» Солженицын не только не отдал долги тем, кто вместо него сражался на фронте, но наоборот, дискредитировал их жизни и смерти, объяснял всем, что не за то они гибли и зря воевали.

Вернемся к примеру с девочкой в огне. Есть действительно, чувство вины, которое могло бы потом

душить и мучить прохожего, и подталкивать его на помощь детям. И являлась бы эта девочка ему во сне до тех пор, пока он внутреннее не посчитал бы, что долг отдан.

Но ведь тот же случай мог бы оказать и другое воздействие: трус, прошедший мимо и видевший, как девочка сгорела, мог не посчитать себя виноватым, а в качестве самооправдания и защиты сочинить себе теорию, что «дети вообще зло, особенно маленькие девочки», и на этой почве свихнуться, стать маньяком, который по вечерам, как Фредри Крюгер, выходил бы убивать маленьких девочек.

Именно так часто и появляются разные маньяки, которые таким образом компенсируют некое травматическое событие. Поэтому, возможно, чувство вины очень плодотворно, чувство долга, по которому набегают проценты, плодотворно, а вот чувство правоты, которое целое мировоззрение придумывает, чтобы оправдать свой низкий поступок, — пагубно.

Но Солженицын именно этот случай: случай не раскаявшегося в своей трусости человека, соорудившего себе теорию «все девочки плохи», чтобы не испытывать чувства вины за то, что не спас одну. Он придумал мировоззрение, согласно которому и война была неправая, и Сталин был плох, и все погибшие погибли напрасно, один он, Солженицын, все правильно сделал.

Донос на себя — это логика сохранения себя драгоценного для истории. А то ведь погиб бы как простой солдатик, и не увидел бы мир Нобелевского лауреата... Пусть лучше другие гибнут, а он в тылу посидит.

Предав один раз Родину, став дезертиром, Солженицын теперь уже вынужден был всю оставшуюся жизнь внутренне оправдывать свой поступок: дескать, такая в тот момент Родина была, что грех ее не предать, Сталин не лучше Гитлера и так далее. Предав один раз, он покатался по наклонной: оклеветал друзей, сделался лагерным агентом КГБ по кличке «Ветров».

Сам Солженицын уверяет, что ему только предложили стать доносчиком, но реально он ни на кого не донес. Однако швейцарский криминалист Франк Арнау уже в 1970-х годах побывал в СССР и раздобыл солженицынские доносы. В старости этот человек хотел издать разоблачительную книгу с названием «Без бороды», но не успел ее закончить. Да и «свободные западные СМИ» почему-то упорно отказывались печатать документальные свидетельства против Нобелевского лауреата. Несколько статей в журнале «Neue Politik» были опубликованы уже после его смерти на следниках Арнау.

Бушину удалось увидеть оригиналы солженицынских доносов. Он сразу опознал их не только по почерку, но и по стилю, очень характерному для Солженицына: обилие запятых и тире, слова из далевского лексикона... Солженицын рассказывает лагерному начальству о готовящихся волнениях, просит оградить его от уголовников... С этим разоблачением стукачества со стороны осужденных и связаны частые переходы Солженицына из лагеря в лагерь.

Бушин напоминает: *«Его собственный рассказ о беседе с оперуполномоченным завершается так: «Можно. Это — можно!». Ты сказал! И уже чистый лист порхает передо мной на столе: «Обязательство. Я, Солженицын Александр Исаевич, даю обязательство сообщать оперуполномоченному лагучастка...». Я вздыхаю и ставлю подпись о продаже души.*

— Можно идти?

— Вам предстоит выбрать псевдоним. Ах, кличку! Ну, например, «Ветров».

Нельзя не отметить, что душу-то свою драгоценную Александр Исаевич Ветров продал не на дыбе, не стоя босыми ногами на раскаленных углях, не после месяца холодного карцера, или недели бессонницы, или хотя бы пяти дней без хлеба на одной воде, а просто позвали и спросили: «Можете?» — и он ответил: «Можно. Это — можно!».

К тому времени органам ГУЛАГа удалось создать разветвленную сеть осведомителей. Стукачом был

каждый десятый — это помогало предотвращать побег и волнения, которые действительно становились все реже и реже. За стукачество лагерная администрация расплачивалась, прежде всего, блатными должностями.

Ну кого поставить нормировщиком: простого деревенского увальня или человека с высшим образованием? Конечно, того, кто с высшим, а то, что на самом деле эту непыльную должность получает простой стукач, которому и следить за всеми с этой должности удобней, это знают только единицы среди лагерного начальства.

Страдания молодого Ветрова

Лагерный путь Солженицына впечатляет. Впрочем, опять слово Бушину, лучше него не скажешь:

«Прохиндей в страхе перед войной, которая, по его убеждению, непременно начнется — и какая! — между СССР и его союзниками сразу после разгрома Германии, сам себя посадил». И то сказать, будучи офицером действующей армии, он в письмах друзьям и знакомым поносил Верховного Главнокомандующего, прекрасно зная, что письма просматриваются военной цензурой, о чем на конвертах ставился штамп. В какой армии потерпели бы такие действия в пользу врага во время войны? Юрий Мухин цитирует английского историка Лена Дейтона: «Женщина (во время войны), назвавшая Гитлера „хорошим правителем, лучшим, чем наш мистер Черчилль“, была приговорена к пяти годам заключения» («Дуэль», № 50, 2003, с. 6). Женщина и не в армии! А тут — офицер и на фронте.... 30 июня 1975 года, выступая на большом митинге американских профсоюзов в Вашингтоне, он начал страстным воплем: «Братья! Братья по труду!..» И представился как истый троекратный пролетарий: «Я, проработавший в жизни немало лет каменщиком, литейщиком, чернорабочим...» Немало — это сколько: лет

Далее Бушин подробно, день за днем прослеживает трудовой лагерный путь Солженицына и не находит и нескольких недель(!!!) его работы на пролетарских должностях, нескольких недель занятий тяжелым физическим трудом. В Бутырке он ничего не делал, читал книги, на Краснопресненском пересыльном пункте на работы ходил редко и добровольно. В Ново-Иерусалимском лагере он сразу стал сменным мастером и, по его же признанию, отдыхал за кучами глины, в новом лагере на Большой Калужской стал завпроизводством. Потом помощником нормировщика. Потом он сидит в Рыбинске, и в Загорской спецтюрьме и работает... математиком. Потом он объявляет себя физиком-ядерщиком, его переводят в Москву, но... быстро во всем разобравшись, направляют по специальности, связистом в Марфинскую спецтюрьму (Останкино). Он работал тут математиком и библиотекарем. Много писал.

«...За письменным столом Солженицын проводит весь день. Так что большую часть срока он в прямом смысле ПРОСИДЕЛ... В обеденный перерыв валяется во дворе на травке или спит в общежитии: мертвый час, как в пионерлагере. Утром и вечером гуляет, перед сном в наушниках слушает по радио музыку, а в выходные дни (их набиралось до 60), часа три-четыре играет в волейбол и опять же совершает моцион. Вот такая каторга — с мертвым часом и волейболом, с моционом и музычкой, с трехразовым питанием, соответствующим всему этому. Вот только сауны не было...

В этом лагере, похожем если уж не на пионерлагерь, то на Дом творчества в Малеевке, где, впрочем, сауны тоже никогда не было, гигант мысли пробыл без малого три года, занимаясь сочинительством да читая книги, получаемые по заказу аж из Ленинки!.. Но вдруг 19 мая 50-го года гения и пророка оторвали от письменного слова и без чернильницы, без промокашки отправили в Экибастузский особый лагерь... За что такая немилость? Молчит, не объясняет, вернее, дает путаные

объяснения... В этом спецлагере титан художественного слова пробыл оставшийся срок. Он пишет: «В начале своего лагерного пути я очень хотел уйти с общих работ, но не умел». Не умел?! Да кто же тогда без конца витал в руководящих сферах — то замом, то завом, то начальником?.. Дальше узник сообщает, что в бригаде Боронюка появилась возможность стать каменщиком. «А при повороте судьбы я еще побывал и литейщиком». А также и столяром, о чем, видно, забыл, да еще паркетчиком. Наконец-то добрались мы до его пролетарских специальностей, по поводу которых плакали... Но сроку-то сидеть оставалось меньше двух с половиной лет... Но, увы, оказывается, только шесть месяцев он проработал каменщиком. А дальше? Однолагерник Д. М. Панин в «Записках Сологдина» писал о тех днях: «На мое бригадирское место удалось устроить Солженицына». Что ж, опять?.. Увы... Так что думать, будто универсал Солженицын овладел перечисленными профессиями основательней, чем профессией маляра, нет никаких оснований. Об одной из них Решетовская прямо писала: «Не судьба Сане овладеть столярным делом». А как литейщик он сумел-таки отлить себе... Что? Конечно же, столовую ложку, и притом большую. Но о колесах для тачки пишет, будто отливал их в вагранке (там же, т. 2, с. 90). Чушь! Вагранка существует для плавки металла, никакие отливки в ней немыслимы. Этого нельзя не узнать, проработав литейщиком хоть два дня. А вот с бригадирской должностью «Саня справляется, она кажется ему необременительной. Чувствует себя здоровым и бодрым»... На очередной руководящей должности пророк пробыл до января 52-го года, когда заболел и его положили в госпиталь, где после великолепно проведенной операции провел две недели. Послали Солженицына — уже не первый раз — в библиотеку. Между прочим работенка очень выигрышная для сексота: постоянное общение с самыми разными людьми»...

История с болезнью, чуть упомянутая выше, тоже замечательная: скорее всего, это была обычная паховая грыжа, которую вырезали и, через две недели, как

положено, отправили человека на легкий труд. Однако, до сих пор во многих биографиях Солженицына, источником материалов для которых был он сам, написано, что в лагере Солженицын переболел ни чем-нибудь, а раком, и... за две недели излечился! Вы видели когда-нибудь такое?

Еще несколько обширных цитат из Бушина. Что поделаешь, если основное в солженицынском творчестве как раз гулачная жизнь...

«Солженицына постоянно наперебой сопоставляют с классиками. Вот и сейчас бакалавр искусств Кедров уверяет: «Душа Достоевского и Толстого как бы продолжила свою жизнь в судьбе Солженицына». Прекрасно!.. Однако заметил ли бакалавр, что Солженицын порой говорит с большим раздражением о Достоевском вообще и особенно — о его «Записках из Мертвого дома». Никакая, мол, это не каторга по сравнению с тем, что пережил я. С присущим только ему напором и дотошностью он перебирает пункт за пунктом едва ли не все обстоятельства ареста и условий каторжной жизни Достоевского и постоянно твердит одно: насколько мне было тяжелее! Что ж, приглядимся кое к чему и мы...»

Достоевского арестовали 23 апреля 1849 года, ему шел 28-й год. Солженицына — 9 февраля 1945 года, ему шел 27-й год. Первого арестовали по доносу, он знал имя доносчика Антонелли, и, естественно, досадовал на свою оплошность терзался тем, что доверился предателю. Второму пенять было не на кого, с помощью провоцирующих писем другу он посадил себя сам, и не только не мучился несправедливостью, но считал это закономерным... Понимая закономерность своего ареста, Солженицын признавал: «У меня был, наверное, самый легкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорогой нам домашней жизни... Лишил только привычного дивизиона да картины трех последних месяцев войны». Все это так, но, кроме того, арест и отправка в Москву «лишили» еще и опасности быть убитым. Достоевский ничего подобного сказать о себе не

мог. Словом, если у одного действительно был самый легкий, возможно, и спасительный арест, то у другого — самый тяжелый.

За арестом — приговор. Достоевскому на Семеновском плацу объявили, что он приговорен к смертной казни. И только после жуткой психической экзекуции он услышал новый приговор: четыре года каторги. Ничего похожего на эти десять минут ожидания смерти Солженицын не пережил, он с самого начала твердо был уверен: больше десяти лет ему не грозит, а получил меньше. Они оказались в неволе почти ровесниками, но здоровье у них разное. У Достоевского развилась, осложнилась эпилепсия, приобрел еще и ревматизм. П. К. Мартянов, знавший Достоевского по каторге, вспоминал: «Его бледное, испитое, землистое лицо, испещренное темно-красными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой, а рот открывался только для отрывистых и коротких ответов по делу. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперед и глаза опускал в землю». Совсем иной человеческий облик запечатлен теми, кто знал в годы неволи Солженицына. Так, В. Н. Туркина, родственница Н. А. Решетовской, написала ей из Москвы в Ростов, когда он находился на Краснопресненской пересылке: «Шурочку видела. Она (!) возвращалась со своими подругами с разгрузки дров на Москве-реке. Выглядит замечательно, загорелая, бодрая, веселая, смеется, рот до ушей, зубы так и сверкают. Настроение у нее хорошее». Право, сдается, что не столько ради конспирации (уж очень наивен прием!), сколько для полной передачи облика человека, пишущего здоровьем, автор письма преобразил Александра Исаевича в молодую девушку.

Позднейшие портреты Шурочки, опираясь на его собственные письма, рисует сама Решетовская. Лето 1950 года, Шурочку везут в Экибастуз: «Он чувствует себя легко и привычно, выглядит хорошо, полон сил и очень доволен последними тремя годами своей жизни». Нельзя не принять во внимание и то, что Достоев-

ский со своей эпилепсией и ревматизмом почти весь срок провел в Омске да Семипалатинске, т.е. в суровых условиях сибирского климата, а вполне здоровый Солженицын вкусил этого климата лишь в последние два с половиной года своего срока, большую часть которого он обретался в благодатных умеренных краях Центральной России: в Москве, Новом Иерусалиме, снова в Москве, в Рыбинске, Загорске, опять в Москве. Да и с сибирским климатом Шурочке удивительно повезло: за свои два умеренных лета и три такие же зимы ему не довелось познать и малой доли того, что познал Достоевский за полновесные десять зим и девять лет...

Тут начать надо, конечно, с жилья. В «Записках» герой-повествователь рассказывает: «Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали на всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом. Не понимаю теперь, как я выжил в ней десять лет. На нарах у меня было три доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу». Вот еще один выразительный штришок: «Ночью наступает нестерпимый жар и духота. Хоть и обдает ночным холодком из окна, но арестанты мечутся на своих нарах всю ночь, словно в бреду. Блохи кишат мириадами» и т.д. Так жил герой Достоевского, так жил и сам писатель... А наш мученик? Он описал в «Архипелаге» несколько помещений, в которых коротал свой срок. Напомним одно из них: «К нам добавили шестого (заключенного), и вот перевели полным составом в красавицу 53-ю. Это — дворцовый покой! Высота этажа в пять метров. А окна!..» Наш страдалец сменил несколько мест заключения, но ни одно его жилье невозможно сравнить с каторжной берлогой Достоевского. Даже в Экибастузском особлаге он жил все-таки не в смрадной и блохастой людской скученности, а в отдельной комнате всего с тремя или четырьмя соседями и спал не на общих нарах вповал, а на кровати с матрасиком,

подушечкой, одеяльцем, — вот не знаем насчет пододеяльника...

Так обстояло дело там и здесь с жильем. Ну, а с одеждой, с обувью? Солженицына душит смех при взгляде на горьких сотоварищей Достоевского: «Начальство даже одевало их в белые полотняные куртки и панталоны! — ну, куда уж дальше?» В опросе об обуви автор «Архипелага» уличает в недобросовестности сразу троих: «Ни Достоевский, ни Чехов, ни Якубович не говорят нам, что было у арестантов на ногах. Да уж обуты, иначе бы написали». Не говорят... Разнообразие ради оставим одного классика и обратимся к другому: «Остров Сахалин». Там у Чехова много раз и чрезвычайно обстоятельно, вплоть до цифровых данных, как в статистическом отчете, говорится об обуви. Например: «Арестант изнашивает в год четыре пары чирков и две пары бродней». А вот описания, позволяющие понять, каково было качество этой обуви: «Мы входим в небольшую камеру, где на этот раз помещается человек двадцать, недавно возвращенных с бегов. Оборванные, невытые, в кандалах, в безобразной обуви, перетянутой тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинает зарастать». Так черным по белому и написано: «безобразная обувь». Читаем еще: «С работ, производимых чаще в ненастную погоду, каторжный возвращается в тюрьму на ночлег в промокшем платье и в грязной обуви; просушиться ему негде: часть одежды развешивает он около нар, другую, не дав ей просохнуть, подстилает под себя вместо постели»... Ну, а сам-то он, обличитель, какую обувь носил в неволе? Молчит. Ни слова. Да уж обут был, иначе б написал. В одних местах заключения проблема обуви перед ним вообще не стояла: если пол паркетный, то по нему хоть босиком ходи! А в других местах помимо казенной обуви у него были еще и валенки, еще шерстяные носочки домашней вязки. Как они к нему попадали — об этом ниже.

Говоря об одежде каторжан, нельзя не упомянуть о такой подробности их повседневного туалета, как

кандалы. Они не снимались ни ночью, ни при болезни, ни в праздничные дни. А если иногда их и снимали, то только для того, чтобы заменить цепью, о чем в «Записках» и читаем: «В Тобольске видел я прикованных к стене. Он сидит на цепи, этак в сажень длиною; тут у него и койка... Сидят по пяти лет, сидят и по десяти». Пройдет много-много лет, но о таких вещах на сахалинской каторге будет писать и Чехов. Достоевский был закован в кандалы еще в Петербурге и так проделал весь путь — зимой! — до Омского острога. В остроге он подлежал «перековке», т.е. смене прежних кандалов, неформенных, на форменные, острожные, которые были приспособлены к работе и «состояли не из колец, а из четырех прутьев, почти в палец толщиной, соединенных между собою тремя кольцами. Их должно было надевать под панталоны». Под те самые, белые...

Важнейшая сторона жизни везде и всюду, а особенно, конечно, в неволе, — распорядок дня, т.е. сколько часов на труд, сколько на отдых, на сон. Солженицын с обычной своей уверенностью заявляет в «Архипелаге», что в конце прошлого века на Акатуйской каторге «летний рабочий день составлял с ходьбою вместе — 8 часов. Что же до Омской каторги Достоевского, то там вообще бездельничали, как легко установит всякий читатель». Опять не поленимся, откроем еще раз «Записки из Мертвого дома»: «Длинный летний день почти весь наполнялся казенной работой». Что значит «почти весь день», выясняется из дальнейшего: «Часу в десятом у нас всех сосчитывали, загоняли по казармам и запирали на ночь. Ночи были короткие: будили в пятом часу утра, засыпали же все никак не раньше одиннадцати. До тех пор всегда, бывало, идет еще суетня, разговоры». Это сколько же получается часов сна? Да не больше пяти с половиной. А что был за сон в блохастой духоте и смраде, мы уже знаем... После такого-то сна шли на работу. Кирпичный завод, на который летом каждый день часов в шесть утра отправлялись арестанты, находился от острога верстах в трех-четыре. На весь

день им выдавали только хлеб, а обедали они уже по возвращении, вечером, когда темнело. Таким образом, как легко установит всякий читатель, рабочий день составлял самое малое часов двенадцать. И все на одном только хлебе.

Зимой распорядок был несколько иным. Каторжан запирали в казармы «как только смеркалось». Значит, можно было подольше поспать, получше отдохнуть? О, если бы!.. Во-первых, из-за скученности все равно «часа четыре надо было ждать, пока все засыпали». А во-вторых, более длительное, чем летом, пребывание в смрадной казарме было скорее не отдыхом, а мучением. Каков же распорядок жизни был у того, кто с такой легкостью посмеивается над бездельничанием Достоевского и его товарищей? Факт совершенно достоверный: большую часть своего заключения Солженицын, как и все граждане нашей страны, работал по восемь часов в сутки. У Н. Решетовской читаем: «В письмах муж жалуется, что хотя работает он восемь часов, но времени не остается, за исключением трех часов». Трех совершенно свободных часов ежедневно, которые он мог употребить как хотел, нашему каторжнику, видите ли, было мало. Да больше ли свободного личного времени у любого взрослого человека на воле? Но — какое до этого дело Александру Исаевичу. У него были грандиозные планы: заниматься сочинительством, изучать иностранные языки, расширять свой литературный кругозор и т.д. Разумеется, трех часов в день для такой программы могло оказаться маловато. Хорошо бы шесть. Нет, восемь! А работать — три. Вот была бы по нему каторга! К этому нельзя не добавить, что все годы неволи каждое воскресенье были у Шурочки нерабочими днями, да еще два майских праздника, два октябрьских дня, День Конституции, еще, кажется, что-то, — всего за год набегало около шестидесяти совершенно свободных от работы дней. А были ли свободные дни у обитателей Мертвого дома? Да, тоже были. Таких дней у них в году насчитывалось целых три: один на Пасху, один на Рождество, и один по

случаю тезоименитства государя. Такое-то получается соотношение: 55—60 и 3.

А каков был сам труд, сама работенка-то? Насчет чужого труда у Александра Исаевича, как и во всем, полная ясность. Говоря о царской каторге в целом, он прежде всего подчеркивает, что там «при назначении на работу учитывались: физические силы рабочего и степень навыка». Этим, мол, и объясняется, что на той же, например, Акатуйской каторге «рабочие уроки были легко выполнимы для всех». Для читательской несомненности подчеркнул эти слова: «легко выполнимы». А уж на Омской-то каторге, когда арестанты, застоявшись от безделья, начинали все-таки что-то делать, то «работа у них шла в охотку, впритруску», то бишь бегали они при этом трусцой, весело погромыхивая кандалами. «После работы, — продолжает нам правдолюб разоблачение бездельников, — каторжники Мертвого дома подолгу гуляли по двору острога». Слово «гуляли» тоже подчеркнул и сделал логичный вывод: «Стало быть, не примаривались». Но раскроем опять страницы «Мертвого дома». Читаем о работе каторжников: «Урок задавался на весь день, и такой, что разве в целый рабочий день арестант мог с ним справиться. Во-первых, надо было накопать и вывезти глину, наносить самому воду, самому вытоптать глину в глинобитной яме и наконец-то сделать из нее что-то очень много кирпичей, кажется, сотни две, чуть ли даже не две с половиною. Возвращались заводские уже вечером, усталые, измученные». Над этими-то измученными людьми Шурочка и потешается. Здесь нельзя не вспомнить сцену из «Одного дня Ивана Денисовича», в которой рассказывается о том, как заключенные кладут кирпичную стену: «Пошла работа. Два ряда как выложим да старые огрехи подровняем, так вовсе гладко пойдет. А сейчас — зорче смотри!.. Подносчикам мигнул Шухов — раствор, раствор под руку перетаскивайте, живо! Такая пошла работа — недосуг носу утереть...». Что это? Да она самая — работа в охотку, работа впритруску. Так что знаем мы о такой работе среди заключенных, но только не от Достоевского.

Зачем наш автор свои художества пересовывает на другого, догадаться нетрудно. В свое время эта сцена трудового энтузиазма эзков многих подкупила и, конечно, сильно способствовала появлению повести «Один день» в печати... Нельзя уразуметь, насколько труд человека тяжел или нетяжел, если пренебречь таким вопросом, как питание. Солженицын, преследуя все ту же цель — доказать легкость каторги Достоевского, умалчивает, что говорится на сей счет в «Мертвом доме». Но мы открываем книгу и читаем: «Пища показалась мне довольно достаточною. Арестанты уверяли, что такой нет в арестантских ротах европейской России. Об этом и не берусь судить: я там не был... Впрочем, арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про один хлеб. Щи же были очень неказисты. Они варились в общем котле, слегка заправлялись крупой и, особенно в будние дни, были жидкие, тощие. Меня ужасало в них огромное количество тараканов. Арестанты же не обращали на это никакого внимания». Правда, в праздничные дни случалось во щах «чуть не по фунту говядины на каждого арестанта» да готовилась просяная каша с маслом, а кроме того, окрестные жители по заведенному обыкновению приносили «калачей, хлеба, ватрушек, пряжеников, шанег, блинов и прочих сдобных печений». Но — «таких дней всего было три в году».

В «Архипелаге» и в «Одном дне» автор много говорит о плохом питании заключенных, но вот вопрос: мог бы он сам не обращать никакого внимания на огромное количество тараканов в своих щах? Повернулся бы у него язык назвать пищу с тараканьей приправой «довольно достаточною»? Да уж едва ли, если вспомнить, что в Марфинской спецтюрьме, как пишет, он получал даже такие феномены калорийности, как сахар и сливочное масло... Солженицын хочет внушить нам, что в остальных лагерях и тюрьмах, где он отбывал вторую половину срока, условия быта и, разумеется, питания были у него совершенно невыносимыми, губительными. Однако и здесь он получает сверх пайка и сахар, и сало, и сливоч-

ное масло, и лук, и чеснок, и колбасу, и овсяные хлопья, и многое другое, столь же для здоровья полезное.

Дело в том, что еще в двадцатых числах июня 1945 года, т.е. через три с половиной месяца после ареста. Шурочка начал получать передачи, а затем посылки, и это — в течение всего срока заключения. «Мы в наших каторжных Особлагах, — пишет он, подчеркивая, что даже в „особлагах“, а о простых лагерях и говорить, мол, нечего, — могли получать неограниченное число посылок (их вес — 8 кг. был общепочтовым ограничением)». Конечно, «могли получать» не значит, что получали все, иным не от кого было, но он получал именно «неограниченное число» посылок и передач. Шурочке привозили и слали то жена, то ее сердобольные родственницы — пожилая тетя Вероня и старенькая тетя Нина. Кстати, продуктам питания в посылках сопутствовали такие полезные вещи, как валенки, белье, шерстяные и простые носки, рукавицы, носовые платки, тапочки и т.п. По воспоминаниям Н. Решетовской, посылки часто «носили символический характер и приурочивались к семейным праздникам», иначе говоря, Сане вполне хватало и казенных харчишек, а это было уже сверх необходимого — лакомство, баловство, праздничные подарки. Кое-что из подарков ему даже надоедало, и в письмах, например, к тете Нине он без стеснения позволял себе привередничать: «Сухофруктов больше не надо, а махорку лучше бы не № 3, а № 2 или № 1 — № 3 уж очень легок». Это писал он в декабре 1950 года из своего самого тяжелого заключения. Чрезвычайно любопытно дальше: «Особенно хочется мучного и сладкого. Всякие изделия (можно предположить, что ассортимент их был достаточно широк, если „всякие“. — В.Б.), которые Вы присылаете — объедение». Это голос, это речь, это желания не горемыки, изможденного непосильным трудом и голодом, а сытого лакомки, имеющего отличный аппетит. В другой раз он пишет жене: «Посасываю потихоньку третий том „Войны и мира“ и вместе с ним твою шоколадку». Очень интересный с точки зрения тюрьмоведения вопрос: что это был за шоколад? Да

уж скорей всего «Золотой ярлык» — чем другим можно потрафить такому сладкоежке! Еще интереснее с точки зрения того же тюрьмоведения другое: что сказали бы обитатели «Мертвого дома», покажи им Шурочку со шматком сала в правой руке, с медовым коржиком в левой, да с шоколадкой за щекой, и объяви притом: это, мол, ребятушки, ваш собрат по страданиям, горький каторжник 1945—1953 годов. Пожалуй, такая картина и такое объяснение показали бы им столь же фантастичными, как щи без тараканов. Вот так наш страдалец и питался на своей интересной каторге, набираясь сил для разоблачения Достоевского, да и всего остального, что ему не по нраву, а на дворе, между прочим, стояли первые послевоенные годы с их карточками, очередями, недоеданием.

Зная обо всех его шматочках сала и колбасках, сладких изделиях и шоколадках, только и можно оценить по достоинству тот великий пафос, с коим Шурочка через много-много лет после лагеря восклицал: «Уж мой ли язык забыл вкус баланды!» Может быть, еще больше, чем шоколадке за щекой Александра Исаевича, обитатели «Мертвого дома» удивились бы «Войне и миру» в его руках. Как правило, вся библиотека арестантов состояла из одной-единственной Библии. Это был старый закон. Правда, в последние годы своего срока герой «Записок» доставал кое-какие книги, но редко, и первая встреча с книгой на каторге оставила у него неизгладимое воспоминание: «Уже несколько лет как я не читал ни одной книги, и трудно отдать отчет в том странном и вместе волнующем впечатлении, которое произвела во мне первая прочитанная в остроге книга»...

У нашего персонажа на сей счет дело обстояло совсем иначе. Ему книги вольно и обильно сопутствовали с самого начала до самого конца заключения. Мы помним, первая же камера заключения на Лубянке встретила его «стопочкой книг». Это были книги не товарищей по камере, а библиотечные. Лубянской тюремной библиотеке и тому, как там поставлено обслуживание книгами, наш книголюб прямо-таки поет

акафисты... Действительно, в Лубянке, например, он читает таких авторов, которых тогда, в 1945 году, и на свободе-то достать было почти невозможно: Мережковского, Замятина, Пильняка, Пантелеймона Романова... Вы послушайте: «Библиотека Лубянки — ее украшение. Книг приносят столько, сколько людей в камере. Иногда библиотекарша на чудо исполняет наши заказы!» Подумайте только: заказы! А в Марфино утонченный библиоман имел возможность делать заказы даже в главной библиотеке страны — в Ленинке. В Мертвом же доме была только одна Библия, и ничего больше. Достоевский писал А. Н. Майкову: «В каторге я читал очень мало, решительно не было книг. А сколько мук я терпел оттого, что не мог в каторге писать...» Кто может ведать, что потеряло человечество из-за долгой острожной немоты гения...

О жизни в неволе очень много говорит работа, которую приходится выполнять, ее условия... Достоевский пишет: «Каторжная работа несравненно мучительнее всякой вольной именно тем, что вынужденная». Солженицына никто здесь не вынуждал, он признает: «Мы ходили на работу добровольно». Более того, «с удовольствием ходили». И то сказать, чего здоровому парню в летнюю пору сидеть в бараке. Молодой организм требовал движения. Затем — Ново-Иерусалимский лагерь. Это кирпичный завод. Какое совпадение! Ведь у Достоевского в «Записках из Мертвого дома» тоже кирпичный завод... Застегнув на все пуговицы гимнастерку и выпятив грудь, рассказывает герой, явился он в директорский кабинет. «Офицер? — сразу заметил директор. — Чем командовали?» — «Артиллерийским дивизионом!» (соврал на ходу, батареи мне показалось мало). — «Хорошо. Будете сменным мастером глиняного карьера». Так добыта первая непыльная должностишка. Под началом у лжекомдива человек двадцать. Существо книжное, жизни не знающее, он, конечно, не мог завоевать уважения у людей, которые кое-что повидали. Издевки сбили с «комдива» рвение да спесь и довели до того,

что он стал избегать своих обязанностей, еще недавно столь желанных.

Достоевский в «Записках» говорит: «Отдельно стоять, когда все работают, как-то совестно». Солженицын же, без малейшего оттенка этого чувства, признается, что, когда все работали, он «тихо отходил от своих подчиненных за высокие кручи отваленного грунта, садился на землю и замирал». Вот уж, признаться, и не знаем, можно ли это тихое сидение за кучами зачислить в пролетарский стаж. Как пишет Решетовская, цитируя его письма, на кирпичном заводе муж работал на разных работах, но метил опять попасть «на какое-нибудь канцелярское местечко. Замечательно было бы, если бы удалось»... Мечту сумел осуществить в новом лагере на Большой Калужской, куда его перевели 4 сентября 1945 года. Здесь еще на вахте он заявил, что по профессии нормировщик. Ему опять поверили, и благодаря выражению его лица «с прямодышашей готовностью тянуть службу» назначили, как пишет, «не нормировщиком, нет, хватай выше! — заведующим производством, т.е. старше нарядчика и всех бригадиров!». Увы, на этой высокой должности энергичный соискатель продержался недолго. Но дела не так уж плохи: «Послали меня не землекопом, а в бригаду маляров». Однако вскоре освободилось место помощника нормировщика. «Не теряя времени, я на другое же утро устроился помощником нормировщика, так и не научившись малярному делу». Трудна ли была новая работа? Читаем: «Нормированию я не учился, а только умножал и делил в свое удовольствие. У меня бывал и повод пойти бродить по строительству, и время посидеть». Словом, и тут работка была не бей лежачего. Потом поработал на этом строительстве еще и паркетчиком. В лагере на Калужской герой фильма находился до середины июля 1946 года, а потом — Рыбинск и Загорская спецтюрьма, где пробыл до июля 1947 года. За этот годовой срок, с точки зрения наращивания пролетарского стажа, он уже совсем ничего не набрал. Почти все время работал по специальности — математиком. «И работа ко мне

подходит, и я подхожу к работе», — с удовлетворением писал он жене.

С той же легкостью, с какой раньше соврал, что командовал дивизионом, а потом назвался нормировщиком, вскоре герой объявил себя физиком-ядерщиком. А вся его эрудиция в области ядерной физики исчерпывалась названиями частиц атома. Но ему и на этот раз поверили! Право, едва ли Солженицын встречал в жизни людей более доверчивых, чем кагэбэшники да эмвэдэшники. В июле 1947 года перевели из Загорска опять в Москву, чтобы использовать как физика. Но тут, надо думать, все-таки выяснилось, что это за ядерщик-паркетчик. Однако его не только не послали за обман в какой-нибудь лагерь посуровей, но даже оставили в Москве и направили в Марфинскую спецтюрьму — в научно-исследовательский институт связи. Это в Останкине. Почему человека никак не наказали за вранье и каким образом, не имея никакого отношения к связи, Солженицын попал в сей привилегированный лагерь-институт, об этом можно лишь догадываться...

В институте герой кем только не был — то математиком, то библиотекарем, то переводчиком с немецкого (который знал не лучше ядерной физики), а то и вообще полным бездельником: опять проснулась жажда писательства, и вот признается: «Этой страсти я отдавал теперь все время, а казенную работу нагло перестал тянуть». Господи, прочитал бы это Достоевский... Условия для писательства были неплохие. Решетовская рисует их по его письмам так: «Комната, где он работает, — высокая, сводом, в ней много воздуха. Письменный стол со множеством ящиков. Рядом со столом окно, открытое круглые сутки...» . Касаясь такой важной стороны своей жизни в Марфинской спецтюрьме, как распорядок дня, Солженицын пишет, что там от него требовались, в сущности, лишь две вещи: «12 часов сидеть за письменным столом и угождать начальству». Угождал он, видимо, успешно, но сидел ли 12 часов? Разве что только так — по собственному желанию, не будучи в силах оторваться от своих прекрасных рукописей.

Вообще же за весь срок нигде рабочий день у него не превышал восьми часов... Картину солженицынского «ада» дополняет Н. Решетовская: «В обеденный перерыв Саня валяется во дворе на травке или спит в общежитии (мертвый час! — В. Б.). Утром и вечером гуляет под липами. А в выходные дни проводит на воздухе 3-4 часа, играет в волейбол». Как видно, не прима-ривался... Недурно устроено и место в общежитии — в просторной комнате с высоким потолком, с большим окном. Не три доски на нарах, как у Достоевского, а отдельная кровать, рядом — тумбочка с лампой. «До 12 часов Саня читал. А в пять минут первого надевал наушники, гасил свет и слушал ночной концерт». Ну, допустим, оперу Глюка «Орфей в аду»... Кроме того, Марфинская спецтюрьма — это, по словам самого Солженицына, еще и «четыреста граммов белого хлеба, а черный лежит на столах», сахар и даже сливочное масло, одним двадцать граммов, другим сорок ежедневно. Л. Копелев уточняет: за завтраком можно было получить добавку, например, пшенной каши; обед состоял из трех блюд: мясной суп, густая каша и компот или кисель; на ужин какая-нибудь запеканка, например. А время-то стояло самое трудное — голодные послевоенные годы... Солженицын весь срок получал от жены и ее родственников вначале еженедельные передачи, потом — ежемесячные посылки. И так, у одного гения за щекой шоколадка, а у другого во щак насекомое шоколадного цвета, только всего и разницы.

Будто бы с завистью Солженицын пишет: «При Достоевском можно было из строя выйти за милостыней. В строю разговаривали и пели». Допустим, так. Но не было такой вольности, чтобы в строю читать Библию, а Шуручка рассказывает: «На долгие воскресные дневные поверки во дворе я пытался выходить с книгой (всегда — с физикой), прятался за спины и читал». Так было в начале срока на дневных поверках, точно так же в конце срока — на вечерних: «В бараке после ужина и во время нудных вечерних проверок читаю 2-й том далевского словаря. Так и сижу или бреду по поверке, уткнув-

шись в одно место книги». Как видим, и лежу, и сижу, и бреду, и стою — и все с книгой!.. А как обстояло дело с писанием собственных произведений?.. В письме А. Н. Майкову Достоевский жаловался: «Не могу Вам выразить, сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать». Ему, Достоевскому, удалось сделать кое-какие записи лишь в госпитале благодаря покровительству корпусного штаб-лекаря И. И. Троицкого, который эти записи и хранил.

Солженицын, поминая важность этого вопроса, хитрит и напускает туману, однако до истины добраться все-таки можно. Во-первых, он заявляет, что писать было немислимо по простой причине отсутствия бумаги и других необходимых для этого средств. Железный закон для заключенных был, дескать, таков: «Не иметь ничего рукописного, не иметь чернил, химических и цветных карандашей, не иметь в конце концов (?) книг». И тут, желая, как видно, полнее посрамить писателей прошлого, уличить их в легкости жизненных путей, наш герой оставляет Достоевского и хватается за Короленко. К нему он испытывает такую же неприкрытую ревнивую неприязнь. Как же! Ведь он тоже конкурент и по биографии, и по творчеству: неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах, ссылался, и все это нашло отражение в его книгах. Пытаясь дискредитировать Короленко, Солженицын опять пускается рассуждать о том, как легко, мол, тот отбывал тюремное заключение, какие вольготные у него были условия, в частности, для того, чтобы писать: «Короленко рассказывает, что он писал в тюрьме, однако — что там были за порядки! Писал карандашом (а почему не отобрали, переламывая рубчики одежды?), пронесенным в курчавых волосах (да почему и не остригли наголо?), писал в шуме (сказать спасибо, что было где присесть и ноги вытянуть!). Да еще настолько было льготно, что рукописи эти мог сохранить и на волю переслать (вот это больше всего непонятно нашему современнику!)». Опять хочет уверить нас, что по сравнению с тем, как сидел он сам, у Короленко была не тюрьма, а божья благодать. «У нас

так не попишешь даже в лагерях!» — восклицает с чувством превосходства все прошедшего человека над несмышленым ребенком... Что ж, в порядке исключения мы могли бы этому и поверить, но известно, что еще в самом начале своего заключения наш страдалец просил жену привезти ему бумаги, карандашей, перьев, чернил, и она привозила, и никто не мешал ей передать их. Обстановка в этом отношении ничуть не изменилась и через пять лет, когда он находился уже в особлаге, который именуется каторгой... Так, приятель его Арнольд Раппопорт располагал, должно быть, неограниченным запасом бумаги и всего остального, если несколько лет составлял какой-то «универсальный технический справочник» и одновременно писал трактат «О любви». Что касается насмешки по поводу того, что Короленко «писал в шуме» (и, дескать, счастливцем себя чувствовал, если было где присесть и ноги вытянуть), то тут вспоминается такой, например, самим Шурочкой набросанный пейзажик: «Один раз я лежал на травке отдельно ото всех (чтобы было тише) и писал...» Как минимум из этого можно сделать вывод, что все таки было где не только присесть, но и мягко прилечь, и тишину обрести, и ножки вытянуть...

Впрочем, большую часть его каторжного срока Солженицыну неизменно сопутствовали персональные двухтумбовые канцелярские столы, за которыми он и ножки свои расторопные вольготно вытягивал, и писал что хотел. Да именно за этими двухтумбовыми лагерьными столами он по-настоящему и приохотился-то к сочинительству. «Тюрьма разрешила во мне способность писать, — рассказывает он о пребывании в Марфинском научно-исследовательском институте, — и этой страсти я отдавал теперь все время, а казенную работу нагло перестал тянуть». Мы уже отмечали, что в подобных случаях дело было не в бесшабашной наглости, а в том привилегированном положении, которое Шурочка умело выслуживал у начальства. Достоевский попал на каторгу уже известным писателем, автором произведений, расхваленных критикой, был дворяни-

ном, но — попробовал бы он только «перестать тянуть»! «Поблажек нам насчет работы и содержания не было решительной никакой, — писал он о себе и других дворянах, сотоварищах по „Мертвому дому“, — те же работы, те же кандалы, те же замки — одним словом, все то же самое, что у всех арестантов». Солженицын делает вид, будто больше всего изумлен тем, что Короленко мог сохранить, вынести на волю написанное в тюрьме. Для меня, мол, это немыслимое дело. Фантастика! Гофманиада! Ну, хорошо — гофманиада. Вот, однако, читаем его письмо Четвертому съезду писателей и натываемся там на гневные строки о конфискации у него литературного архива «20 — 15-летней давности», т. е. за 1947—1952 годы. Но ведь все эти годы он пребывал в заключении. Выходит, он не только имел там возможность написать такую прорву, что образовался целый архив, о чем нам уже известно, но, как Короленко, и сохранил все, вынес на волю. Так или нет?

Истина, оказывается, вот в чем: архив-то драгоценный действительно был, а конфискация и обыск имели место лишь в воображении владельца архива. «Литературная газета» в номере от 26 июня 1968 года официально уведомляла: «На запрос секретариата Правления Союза писателей СССР Прокуратура СССР сообщила, что в квартире А. Солженицына, проживающего в Рязани, никаких обысков никогда не производилось и никакие рукописи и архивы у него не отбирались». Никаких. Никогда. Никакие... Сошлемся еще на замечание, сделанное однолагерником нашего персонажа и давним его другом Львом Копелевым в беседе с журналистом Т. Ржезачем: «Солженицын только делал вид, что его преследуют правительственные органы, но в интересах справедливости следует подчеркнуть, что вплоть до того злополучного февральского дня, когда он был выдворен из страны, ни одно официальное лицо не переступало порога его квартиры, кроме дворника». Есть в «Записках из Мертвого дома» некто Устьянцев, отличающийся нудной привязчивостью: «Смотрит, бывало, сперва серьезно и пристально и потом каким-то спо-

койным, убежденным голосом начинает читать наставления. До всего ему было дело; точно он был приставлен у нас для наблюдения за порядком или за всеобщей нравственностью». Это словно об Исаиче: он ведь сам о себе, как помним, говорил: «Я не могу обминуть ни одного вопроса». Вот и здесь, при взгляде на каторгу Достоевского, ему до всего есть дело, и, словно приставленный наблюдать за всеобщей нравственностью, он убежденным голосом читает наставления великому писателю... Казалось бы, какое ему дело, допустим, до отношений Достоевского с острожным госпиталем? Нет, он желает внести свою разоблачительную ясность и тут: «Достоевский ложился в госпиталь безо всяких помех». Ну, правильно, помех не существовало, более того — имелись чрезвычайно благоприятствующие, так сказать, льготные обстоятельства, такие, как эпилепсия и ревматизм. Позавидовать можно! И, конечно же, в госпитале было лучше, чем в казарме. Там, рассказывает Александр Петрович, герой «Мертвого дома», «злость, вражда, свара, зависть, непрерывные придирки к нам, дворянам, злые, угрожающие лица! Тут же, в госпитале, все были более на равной ноге, жили более по приятельски». Сказка, а не жизнь! Правда, вот кандалы... «Положим, кандалы сами по себе не бог знает какая тягость», — рассуждает Александр Петрович. Действительно, веса они бывали от восьми до двенадцати фунтов, т. е. от трех с небольшим до пяти без малого килограммов — сущие пустяки. Хотя поговаривали, что от кандалов после нескольких лет начинают сохнуть ноги, и Достоевский находил это вполне вероятным.

Кандалы в госпитале не снимали, а вот вместо куртки и брюк больной получал халат. Герой «Мертвого дома» рассказывает о нем: «Он успел уже на мне нагреться и пахнул все сильнее и сильнее лекарствами, пластырями и, как мне казалось, каким то гноем, что было немудрено, так как он с незапамятных лет не сходил с плеч больных... К тому же в арестантские палаты очень часто являлись только что наказанные шпицрутенами, с израненными спинами...» На эти кровоточащие спины

накидывали все тот же халат. Заключает Александр Петрович свое размышление о госпитальном халате так: «Особенно же не нравились мне иногда встречавшиеся в этих халатах вши, крупные и замечательно жирные. Арестанты с наслаждением казнили их... Очень тоже не любили у нас клопов и тоже, бывало, подымались иногда всей палатой истреблять их в иной длинный, скучный зимний день...». Картину госпитального рая в Мертвом доме достойно завершает такая деталь, как ночной ушат. «И страшно и гадко представить себе теперь, до какой же степени должен был отравляться этот и без того уже отравленный воздух по ночам у нас, когда вносили этот ушат, при теплой температуре палаты и при известных болезнях, при которых невозможно обойтись без выхода». И вот теперь интересно бы услышать от нашего обличителя: хотел бы он, одевшись в пахнущий гноем халат, по которому ползают «замечательно жирные» вши, безо всяких иных помех провести в госпитале вместе с Достоевским хотя бы один день? Мог бы он проспать в этом госпитале хотя бы одну ночь, вдыхая теплый воздух, отправленный миазмами болезней и испарений?

...Молодой, здоровый, живущий в сытости и тепле, никак не перетруженный работой, Солженицын весь срок своего заключения не очень-то и нуждается в госпитале, во врачах. Однако вот в декабре 1950 года по неизвестной причине вдруг повысилась температура — и он безо всяких помех получает у врача освобождение от работы, хотя никаких других болезненных признаков не было. А когда в январе 1952 года у него начала расти в животе опухоль, его опять-таки безо всяких помех поместили в госпиталь, где ни вши, ни клопы, ни смрад не досаждали и где в назначенный день весьма успешно ему сделали операцию. И уже недели через две он снова не нуждается в госпитале и врачах... Но даже тот заключенный, который сыт, в тепле и не нуждается во врачах, все же испытывает одну живую и острую потребность — потребность свиданий с родными и близкими людьми. Письма, посылки — это, конечно, тоже не пустяк, но

свидания сына с матерью или мужа с женой — дело совсем особое. Обитатели Мертвого дома такого общения с внешним миром лишены были начисто. У Солженицына с родственными свиданиями дело обстояло совсем иначе. Сперва он виделся с тетей Вероней, а потом и с женой. Время некоторых из этих свиданий зафиксировано в книге Н. Решетовской: июнь 1945 года, август 1945-го, лето 1947-го, 20 июня 1948-го, 19 декабря 1948-го, 29 мая 1949-го, март 1950-го... Семь свиданий. Однако этим число их, как видно, не исчерпывается, Решетовская констатировала: существовал «определенный ритм жизни, предусматривающий встречи хотя бы в несколько месяцев раз». Под словом «несколько» мы вправе разуметь три-четыре месяца, и тогда получается, что с июня 1945 года по март 1950-го у Солженицына было свиданий пятнадцать — двадцать. Но если даже только семь — как это много в глазах тех, кто, как Достоевский и его собратья, лишен был и одного-единственного!

Представим себе невероятное: Достоевскому разрешили свидание с братом Михаилом или сестрой Марией. Чем был бы он озабочен накануне желанной встречи? Да, уж конечно, прежде всего тем, чтобы обобрать вшей со своей утлой одежки. Совсем иные заботы одолевали нашего героя. «Когда Сане объявляли о предстоящем свидании, — вспоминает Решетовская, — он весь отдавался „предсвиданному настроению“. Как то писал мне, что вечером, после работы, долго гулял во дворе, смотрел на луну, мысленно представлял себе будущий наш разговор... Не только я заботилась перед свиданием о своем внешнем виде, о своей наружности. Саня сообщал мне, например, что, помыв голову, ходит „в чалме из полотенца, чтобы волосы завтра как следует лежали“. Пишет, что вечером побреется, вычистит ботинки...» Прическа («Да почему ж не остригли наголо?»), тщательность бритья, блеск ботинок — вот элегантные «предсвиданные» заботы Шурочки!

Чаще всего свидания проходили в Таганке, в клубе служащих тюрьмы, куда арестантов доставляли из дру-

гих мест заключения. Н. Решетовская так описывает одно из них: «Подъехала никакая не „страшная машина“, а небольшой автобус, из которого вышли наши мужья, вполне прилично одетые и совсем не похожие на заключенных. Тут же, еще не войдя в клуб, каждый из них подошел к своей жене. Мы с Саней, как и все, обнялись и поцеловались и быстренько передали друг другу из рук в руки свои письма, которые таким образом избежали цензуры». Разумеется, Решетовской притом и в голову не могло прийти, что после свидания с мужем, «вполне прилично одетым», ей следует, как некогда жене декабриста княгине Волконской, тщательно вытрясти свою одежду — от вшей и клопов...

Во всех местах заключения, где сидел наш герой, при культурно-воспитательной части (КВЧ) имелись клубы. В них, рассказывает он, работали драмкружки, кружки хорового пения, занимались своим делом скульпторы, художники и т.д. Правда, условия для занятий были не во всех одинаковыми: «Самые заметные люди при КВЧ художники. Они тут хозяева». Кажется, неплохо могли жить музыканты. Так, Солженицын пишет, что некоему В. Клемпнеру, начинающему композитору, даже разрешили взять в лагерь из дома собственный рояль. И он взял! «Был у него всегда ключ к лагерной сцене, и после отбоя он там играл при свече». Кроме того, в лагерях имелись разного рода художественные ансамбли, культбригады, агитбригады, которые ездили из лагеря в лагерь со своими концертными программами. Но и этого мало! По словам Солженицына, даже «театры существовали при каждом областном УИТЛК, и в Москве их было даже несколько», к тому же подобные «театры были на Воркуте, в Норильске, в Соликамске. Там эти театры становились почти городскими, едва ли не академическими, они давали в городском здании спектакли для вольных». Хотя и «едва ли не академические», но автор тем не менее уверяет, что все это было подневольно, и нет, мол, этим ансамблям да театрам другого названия, как «крепостные». Приводит, например, тот довод, что ставились одни лишь «самые мерзкие и вздорные

пьесы! А кто бы захотел поставить чеховский водевиль или что-нибудь другое — так ведь еще эту пьесу где найти!» Найти, мол, совершенно невозможно: «Ее и у вольных во всем поселке нет». Однако этому несколько не соответствуют дальнейшие слова рассказчика: «Вот Лева Г-н. Он и изобретатель, он и артист, вместе с ним мы „Предложение“ ставим чеховское». Не знал же помянутый Лева чеховский текст наизусть! Еще одно сомнительное обстоятельство состоит в том, что сам же Шурочка признается: «Когда услышал, что существуют в ГУЛАГе театральные труппы из зэков, освобожденных от общих работ, возмечтал я попасть в такую труппу». И ведь сколько сил на это положил! Желая показать себя лагерному начальству с самой лучшей артистической стороны, «то и дело выступал в концертах». Спрашивается: стал бы он так настойчиво добиваться этого, если участники самодеятельных трупп действительно находились на положении крепостных?..

Солженицын имел в заключении возможность не только читать-писать, но, как уже говорилось, и слушать радиопередачи! Благодаря этим передачам наш узник сильно расширил свое музыкальное образование. Н. Решетовская, ссылаясь на его письма, дает довольно обширный перечень произведений, одни из которых ему «особенно нравятся», другие он прослушал «с особым удовольствием», третьи «с наслаждением» и т.д. Слушал он и театральные передачи, например, мхатовский спектакль «Царь Федор Иоаннович»... Справедливости ради следует заметить, что музыкой Солженицын наслаждался все-таки не весь срок своей каторги. Не было такой возможности в Экибастузском особлаге. Н. Решетовская рассказывает о том времени: «Радио — совсем не слышит. А значит, и музыки лишен. Скучает по ней. „Прочтешь программу радиовещания в газете, и только сердце заноеет“, — пишет он мне». Вот что его терзало, вот отчего ныло у Шурочки сердце на каторге: музыки нет! Ну, а как в смысле культурного сервиса обстояло дело в Мертвом доме? Увы, персональных радиоточек с наушниками для слушания концертов

и спектаклей ни у Достоевского, ни у его сотоварищей не имелось. В кино они тоже не ходили. Но кое что из даров культуры все же было. Например, балалайки. Рассказчик отмечает, что на Рождество «многие расхаживали с собственными балалайками». Сравните это с упоминавшимся роялем... Но больше того, в рождественские вечера после работы арестанты устраивали собственными силами представление. Настоящий театр! Представление длилось часа полтора два, состояло из пьес «Филатка и Мирошка соперники» и «Кадрилл обжора». О второй из этих пьес читаем: «Давался целый акт, но это, видно, отрывок; начало и конец затеряны. Толку и смыслу нет ни малейшего». Судя по пересказу, не лучше была и первая. Словом, далеко не Чехов. Но все же — театр!..

Солженицын вспоминал об условиях, в которых разворачивалась его художественная самодеятельность: «в просторной столовой начинается концерт...» Он называет столовую даже «большим залом», вмещавшим «человек тысячи две», залом, в котором и настоящая сцена с настоящим занавесом и, разумеется, соответствующее освещение. А обитатели Мертвого дома блаженствовали, радовались, восхищались в душной комнате, в тесноте, при сальных огарках. Достоевский подробно описывает все это и, отметив, что к концу спектакля общее веселое настроение дошло до высшей степени, уверяет нас: «Я ничего не преувеличиваю. Представьте острог, кандалы, неволю, долгие грустные годы впереди, жизнь, однообразную, как водяная капля в хмурый осенний день, — и вдруг всем этим пригнетенным и заключенным позволили на часок развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сон...»

Долго, вероятно, очень долго размышлял Солженицын, чем бы еще уязвить Достоевского и всех каторжников его времени. Размышлял, размышлял и, наконец, ткнул пальцем в небо: «Каторга Достоевского не знала этапов, и по десять, и по двадцать лет люди отбывали в одном остроге, это совсем другая жизнь» — несравненно, дескать, лучшая. Не зная ее, он этой жизни завидует.

Но у самих каторжников имелась на сей счет несколько иная точка зрения. Они шли даже на такое отчаянное дело, как побег, лишь потому, что не было больше сил терпеть. Достоевский пишет: «Всякий бегун имеет в виду не то что освободиться совсем, — он знает, что это почти невозможно, — но или попасть в другое заведение, или угодить на поселение, или судиться вновь, по новому преступлению, совершенному уже по бродяжничеству, — одним словом, куда угодно, только бы не на старое, надоевшее ему место, не в прежний острог». В приведенном высказывании должны бы нашего героя ошарашить слова о том, что бежать с каторги «почти невозможно». Как так? Он же столько красноречия потратил для доказательства совершенно обратного! Он уверял, во-первых, что побегом «не было надобности каторжанам рисковать: им не грозила преждевременная смерть от истощения на тяжелых работах...» И дальше читаем в «Архипелаге»: «Из царской ссылки не бежал только ленивый, так это было просто». Еще и присовокупит при случае: «У ссыльных царского времени побег были веселым спортом». Выходит, что только по лености не пожелали заняться этим веселым спортом декабристы и петрашевцы, Шевченко и Чернышевский и многие-многие другие. У Достоевского же читаем о побегах вот что: «Положительно можно сказать, что решается на это, по трудности и по ответственности, из сотни один... Только разве десятому удастся переменить свою участь», т.е. получается, что удастся бежать лишь одному из тысячи заключенных...

Солженицын корит легкой жизнью, бездельем также и декабристов, отбывавших каторгу. Ссылаясь на «Записки» М. Н. Волконской, где сказано, что в Нерчинских рудниках дневная «урочная работа была в три пуда руды на каждого заключенного декабриста, он призывает читателя посмеяться над этим уроком. Его самого он очень веселит: „Сорок восемь килограмм! — за один раз можно поднять!“ Конечно, для такого лба, каким был в свои лагерные годы Александр Исаевич, три пуда — ничто. Его здоровьице ни ранениями, ни тягота-

ми фронтовой жизни, ни лагерными условиями ничуть не подорвано и даже не ослаблено. А у декабристов? В руках они держали кирку да лом, а на руках у них — кандалы. Что же до здоровья, то его расстроить имели они возможностей предостаточно, ведь многие из них участвовали в обильных тогда боевых походах, кампаниях, войнах. Так, муж помянутой Марии Николаевны Волконской — князь Сергей Григорьевич Волконский начал действительную военную службу в восемнадцать лет. Саня Солженицын в сем нежном возрасте только что стал студентом: писал конспекты, ходил на лекции, гонял на велосипеде, учил наизусть для художественной самодеятельности монолог Чацкого: «Карету мне! Карету!..» В последующие десять лет Волконский принимал участие в пятидесяти восьми непустячных сражениях, был сильно ранен под Прейсиш-Эйлау, стал генералом, командиром бригады, а Шурочка, продолжая принимать участие в самодеятельности, долго еще жил за мамочкиной спиной и только в двадцать три года попал, наконец, в армию, в обозную роту. О нашем герое в первый год его нахождения на фронте побывавший у него Н. Виткевич сообщал Н. Решетовской: «Саня за это время сильно поправился...». Когда Волконского арестовали и бросили в тот самый Алексеевский рavelин, в котором через четверть века окажется Достоевский, ему подбиралось уже под сорок, а Сане, напомним, незадолго до ареста исполнилось только двадцать шесть. Многие декабристы были гораздо моложе Волконского, встречались среди них люди по тридцать, двадцать пять и даже меньше лет. Вот, допустим, гусарский поручик Иван Суржиков, штабс-капитан Соловьев и подпоручик Николай Мозгалевский: первому еще не исполнилось тридцати, второму что-то около этого, а третьему лишь двадцать четыре. Цветущие годы! Не посмеяться ли вам, Александр Исаевич, и над этими тремя: «Сорок восемь килограмм?»

Их отправили в Сибирь, на Зерентуйский рудник 5 сентября 1826 года из Киева. На место они прибыли 12 февраля 1828 года. Весь этот полуторагодовалый

путь они проделали пешком вместе с уголовниками и в кандалах. Ничего себе прогулочка! А наш страдалец из прифронтовой полосы, где его арестовали, в Москву, где судили, ехал в пассажирском вагоне, а позже из Москвы в Казахстан тоже разумеется, поездом. Правда, в самом начале случился один пеший эпизод, так он столь поразил Санино воображение, что у него возникла неодолимая потребность запечатлеть это событие в самых возвышенных словах: «На другой день после ареста началась моя пешая Владимирка». Вот ведь как: «Владимирка!» Тут же узнаем, что пролегла она от Остероде до Бродницы, и продолжалась пять дней. Но взглянем на карту: от восточнопрусского городка Остероде до польского местечка Бродницы, где стоял штаб 2-го Белорусского фронта, как ни считай, больше 75 верст не наскребешь. 75 верст за пять суток. Это сколько ж приходится на день? Всего 15. Да тут и трех часов ходу нет! Вот она, оказывается, какая солженицынская мини-Владимирка: не превышает обязательную спортивно-оздоровительную норму, рекомендуемую врачами на каждый день для людей среднего и пожилого возраста. А Шурочке было тогда, как помним, всего двадцать шесть, и шел он со скоростью 15 км в сутки совершенно налегке. Конечно, имелся у него чемодан, набитый личными вещами да разными бумагами (писал же, не ленился!), и начальник конвоя, сержант, кивнул: возьми, дескать, свой чемодан. Но тот был поражен: «То есть как — чемодан? Он, сержант, хотел, чтобы я, офицер, взял и нес чемодан? А рядом с порожними руками шли бы шесть РЯДОВЫХ? И представитель побежденной нации?» Да, в группе арестованных оказался и немец какой-то гражданский, которому было «уже за пятьдесят», в два раза старше Шурочки. И тем не менее он произносит: «Я — офицер. Пусть несет немец». Тот берет и несет. «И несли потом другие военнопленные, — сообщает Солженицын, — и снова немец. Но не я»... Так что на этой прогулочно-тренировочной «Владимирке» не только Шурочкины быстры ноженьки, но и белы рученьки его не примаялись...

В нашем сопоставлении нелишне принять во внимание и то, что среди декабристов было немало представителей знати — и дворянской, и военной, и чиновной. Такие люди мучительно страдали уже от одного того, что им говорили «ты», как это делал, например, начальник Нерчинских рудников Т. В. Бурнашев. Между прочим, по описанию Солженицына, ему всегда говорили «вы» и при аресте, и во время следствия, и при объявлении приговора, и в лагерях да тюрьмах, и в ссылке. Но дело, конечно, не только в этом. Мария Волконская вспоминала об условиях, в которых оказался ее муж в Благодатском остроге: «Отделение Сергея имело только три аршина в длину и два в ширину; оно было так низко, что в нем нельзя было стоять; он занимал его вместе с Трубецким и Оболенским. Последний, для кровати которого не было места, велел прикрепить для себя доски над кроватью Трубецкого. Таким образом, эти отделения являлись маленькими тюрьмами в стенах самой тюрьмы. Бурнашев предложил мне войти. В первую минуту я ничего не разглядела, так как там было темно... Я поднялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; бряцание его цепей поразило меня... Я бросилась перед ним на колени и поцеловала его кандалы, а потом — его самого...» Таково было первое свидание декабриста Волконского со своей женой.

Первое свидание Солженицына с женой в 1945 году выглядело несколько иначе. Н. Решетовская вспоминает: «Первое свидание... В дверях — улыбающееся лицо мужа...» М. Н. Волконскую дополняет М. А. Бестужев, присланный в Благодатский рудник несколько позже. По его свидетельству, декабристы, прибывшие первыми, были заключены «в тесную грязную каморку, на съедение всех родов насекомых и буквально задыхались от смраду... Единственной их отрадой было то время, когда их выводили, чтобы опустить в шахту». На них, князьях да офицерах, тяжкие условия жизни и труда сказались быстро, и тюремный врач в одном из рапортов начальству докладывал: «Трубецкой страдает болью горла и кровохарканьем; Волконский слаб грудью;

Давыдов слаб грудью, и у него открываются раны; Якович от увечьев страдает головою и слаб грудью». Вот ведь в каком состоянии они добывали и нагружали свои три пуда. А у Александра Исаевича, как известно, раны в лагере не открывались, и от боевых увечий по причине полного их отсутствия он не страдал. Для его состояния более характерны такие вот признания в письмах к жене: «Физический образ жизни всегда шел мне на пользу». А жена, пересказывая содержание других его писем, добавляла: «Он очень удачно пережил эту зиму, даже насморка серьезного не было». И снова, уже о другой поре, когда Солженицын вел не физический образ жизни: «Чувствует себя здоровым и бодрым»... Нет ничего удивительного, что среди декабристов мало кто достиг нынешнего возраста нашего персонажа. И когда 26 августа 1856 года в день своего коронавания Александр Второй амнистировал декабристов, то из 121 человека, преданных когда-то суду, в живых оставалось только 19. Слишком долго пришлось им ждать — целых тридцать лет! О нетерпении, с каким они ждали, свидетельствует следующая запись М. Н. Волконской: «Первое время нашего изгнания я думала, что оно, наверное, кончится через 5 лет, затем я себе говорила, что это будет через 10, потом через 15, но после 25 лет я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы он вывел из Сибири моих детей».

Александр Солженицыну, суровому обличителю декабристов, пришлось ждать гораздо меньше, гораздо — в несколько раз... Повторим внятно еще раз: любое пребывание на фронте может для человека кончиться трагически, и любая служба там полезна для общего дела победы; в то же время любая неволя, даже если она с зеленой травкой и волейболом, полуночными концертами и заказами книг в Ленинке, с послеобеденным сном и писанием романов, — все равно тягость и мука. И мы не стали бы столь сурово говорить ни о фронте, ни о каторге Солженицына, если бы он, напялив личину пророка, объявив себя Мечом Божиим, в первом случае не оказался бы хвастуном, а во втором, то и дело талды-

ча о своем христианстве, не стал бы так злобно глумиться над каторгой Достоевского с ее кандалами и вшами, смрадным ложем в три доски и тараканами во щах, с ее тяжким трудом и тремя нерабочими днями в году. Да взять хотя бы и такой по сравнению со всем остальным мизер: Солженицыну срок неволи был засчитан со дня ареста на фронте, в Восточной Пруссии, а Достоевскому — только со дня прибытия в Омский острог, предшествующие же одиннадцать месяцев в каменном мешке Алексеевского равелина и зимнего кандалного пути — коту под хвост. Казалось бы, один сей факт у истинного христианина, у любого порядочного человека должен вызвать сострадание и, уж во всяком случае, остановить злобное перо. Но этого не случилось...

Особый цинизм глумления этого лжехристианина еще и в том, что ведь сам-то он, выйдя на свободу, издал горы книг, отхватил Нобелевскую, огреб нешуточное богатство, купил поместье в США, второе — в России, дожил в отменном здравии вот уже до восьмидесяти пяти лет, а жертва его разоблачений, пережив и страх смертной казни, и настоящую кандалную каторгу, и унижительную солдатчину, потом всю жизнь бился в долгах, писал из-за безденежья всегда в спешке, болел и окончил свои дни в шестьдесят лет... А уж надо ли говорить о том, что перевешивает на весах литературы, что человечество держит у сердца сейчас и будет держать в будущем, — «Записки из Мертвого дома» или «Архипелаг», «Преступление и наказание» или «Раковый корпус», «Братья Карамазовы» или «В круге первом»... Едва ступив на русскую землю, Солженицын опять начал призывать всех нас к покаянию. Вот и показал бы христианский пример, начав с себя, — покаялся бы перед великим сыном русского народа и его собратьями по несчастью за свою злобную ложь об их кандалных муках».

Постараюсь больше не утомлять читателя очень длинными цитатами из книги Бушина, но процитировать 20 страниц из 400-страничного труда — не очень большое преступление. Методология, примененная

Бушиным, сродни методологии психоаналитика, который по опискам, оговоркам и противоречащим комментариям восстанавливает истину. Фрейд приво-дил пример, который иллюстрирует работу бессознательного: «Во-первых, я вообще не брал ваш чайник, во-вторых, когда я его взял, он уже был с дыркой, в-третьих, когда я его вернул вам, он был без дырки». Понятно, что оправдывающийся преследует одну и ту же цель — доказать, что взятый им чайник, который он испортил, испортил не он. Но противоречивые оправдания сами выдают негодяя и вруна.

Солженицынские свидетельства — это сплошная «история про чайник». Каждое событие у него распадается на несколько версий, разные люди от него слышат разное. Ну, например, арест. Забыть такое нельзя да и документов много, но нет: одним он рассказывает, что его взяли за переписку, другим говорит, что он просто выходил из окружения... Или насчет писательства в тюрьме: в одном месте он утверждает, что его романы — это чуть ли не летопись, поскольку он имел возможность записывать свои тюремные впечатления, а не сочинять задним числом, в другом месте он говорит о том, что в лагере писать не разрешалось, в третьем месте корит чекистов за то, что они пытались арестовать лагерный архив. Бессознательная логика понятна: надо доказать, что власти — звери, а он хороший, ему было тяжело, все что он писал — правда. Но реально доказывается прямо противоположное. А именно: власти писать разрешали, ничего не конфисковывали, поэтому никакие они не звери, а тот кто писал про них, что они звери — просто лгун.

Вся биография писателя состоит из лжи и путаницы, поэтому разбирать ее нет никакой возможности. Бушину надо памятник поставить за то, что он имел выдержку копаться в этой грязи.

Если говорить коротко, то после тюрьмы Солженицын жил на иждивении жены, изменял ей, разводился, трепал нервы ей и ее новому супругу, выпраши-

вал у нее для себя ее собственность, сходилась вновь, обивал пороги журналов. Тут ему повезло: к власти пришел Хрущев, который повел антисталинскую политику, и сам сознательно завышал в 5—10 раз цифры пострадавших от репрессий. Естественно, на это настраивалась и вся государственная идеологическая машина. Однако старые писатели, которые чувствовали правоту Сталина и неправоту Хрущева, не могли, не хотели и не умели писать в духе требований нового руководства. Поэтому Солженицын пришелся ко двору со своим «Иваном Денисовичем» — повестью о лагерной жизни. Сама тема-то выбрана нарочито сенсационная, эпатажная...

Повесть тепло встретили многие писатели как хорошее литературное произведение. Но и здесь не обошлось без загадки. Мария Розанова свидетельствует, что повесть фактически была заново написана одной из редакторш «Нового мира», потому что в первоначальном виде читать это было невозможно. Редактор же «Нового мира» Твардовский всячески покровительствовал Солженицыну, но когда увидел еще и стихи Ивана Исаевича, спрятал от всех подальше со словами: «Вам такое читать не следует». Когда Солженицын привез в редакцию «Раковый корпус», то восстал уже и Твардовский: вещь сырая, бездарная, злобная... «Я бы ее не печатал», — сказал он.

Но молодой автор уже получил трибуну, он уже затевает бесконечные скандалы. Он знает: чем больше скандалов, тем больше известности. Солженицын пишет письма съезду писателей, обличает сотрудников давшего ему путевку в жизнь «Нового мира», требует от всех без исключения определиться с кем они. У окружающих складывается впечатление, что у молодого автора, которого опубликовали и похвалили, не просто звездная болезнь, но мания величия.

От него отворачиваются все, включая Твардовского, а он плюет на прежних благодетелей и кусает дающую руку. Он уже и не связывает себя с этой страной. Если сначала у него наверняка не было цели писать

«Архипелаг», то именно после удач и восхвалений «Ивана Денисовича» Солженицын понял, что нашел «золотую жилу». И тогда смекнул: такое в СССР не продать, это уже только Запад может купить, значит, надо привлечь к себе внимание. Он тайно пишет «Архипелаг ГУЛАГ» и передает его на Запад для публикации.

Для Запада он оказывается даром свыше, они уже искали именно такого персонажа. Ему дают нобелевку и раскручивают.

Солженицына высылают из СССР, и он моментально получает великолепное поместье в штате Вермонт размером более 20 гектаров, с лесом, с ручьем и так далее. Он ездит по Америке с призывом вмешиваться в российские дела, клеветает на свою Родину, выступает в СМИ. Получает премии, раздает интервью, печатается в антисоветских журналах...

Книга всей жизни

«Архипелаг» производит на читателя впечатление чуть ли не нон-фикшн: кажется, это просто публицистическое произведение, документальный фильм, описывающий некую «правду жизни», которую от нас скрывали. Если же отнестись к книге внимательнее, то оказывается, что это чистая ложь, клевета, манипуляция, сборник слухов и подтасовка фактов, нарочито сделанная человеком, который и не имел цели объективно в чем-то разобраться, а имел противоположную цель: максимально облить грязью СССР и оправдать свое предательство.

Прежде всего, именно через книгу Солженицына на Запад, а потом и в Россию начинают распространяться дикие цифры репрессированных. Солженицын, в частности, говорит чуть ли не о 106 миллионах жертв режима. Непонятно только, как либерал и вдохновитель перестройки Яковлев, который с 1986 года только и занимался, что реабилитировал всех репрессирован-

ных, сумел реабилитировать всего 1 миллион 300 тысяч, а ведь реабилитирует уже всех подряд, вплоть до серийных маньяков...

Ах, оказывается, Солженицын под 100 миллионами имел в виду еще и не родившихся благодаря Советской власти... Ну тогда как он посмотрит на такой факт: при Советской власти население СССР выросло с 150 до 300 миллионов. Ничего подобного не было ни в одной европейской стране, как не было и ельцинского умирания почти по миллиону в год. Получается, что в либеральных и демократических западных странах «неродившихся» еще больше, а значит, режимы еще более жестоки, чем советский?

Солженицын пишет, что в первые месяцы войны армия отступала по 120 километров в день, но даже Гитлер признавал, что в лучшем случае, немцы могли пройти до 50 километров в день.

Он пишет, что в войне погибло 44 миллиона солдат, но это ложь, которую не подтвердит ни один демограф в мире, даже самый антисоветский. Мы и в армию-то больше 30 с лишним миллионов мобилизовать не смогли, но далеко не все из мобилизованных погибли, кто-то еще ведь еще и победу одержал!

Краткое слово Бушину:

«Даже территорию СССР и численность его населения в одних случаях преувеличивает, когда заводит речь о нашей войне против «маленькой Германии», в других преуменьшает. Так, в «Архипелаге» писал, что к концу 41-го года под властью немцев было уже «60 миллионов советского населения из 150», т.е. потеряли, мол, в такой короткий срок уже едва ли не половину людских ресурсов. На самом деле наше население составляло тогда не 150, а около 195 миллионов. Так что вранье — на 45 миллионов. К тому же в 41-м году было перебазируется на восток 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных, а также угнали 2,4 миллиона крупного рогатого скота, 800 тысяч лошадей, более 5 миллионов овец и коз, и вместе со всем этим хозяйством эвакуировалось более 12 миллионов население

ния (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985, С. 802). В другом месте Солженицын пишет о 1928 году, о поре индустриализации: «Задумано было огромной мешалкой перемешать все 180 миллионов» («Архипелаг», т. 2, с. 69). А на самом деле тогда население страны было около 150 миллионов, да и далеко не все же они попадали под «мешалку», оставалось многомиллионное деревенское население. Как видим, в одном случае подзащитный истукан хотел сгустить краски путем уменьшения цифры, и он запросто уменьшил ее на 45 миллионов; в другой раз для той же цели надо было цифру увеличить, и он, не колеблясь, увеличил ее на 30 миллионов. Так что плюс — минус 30—45 миллионов для Жителя-Не-По-Лжи проблемы не составляет».

И то верно: большой человек, «самый великий человек XX века», как пишут о нем некоторые критики, а какая-то «моська»-Бушин к нему придирается с какими-то десятками миллионов!

А вот еще целый ряд мелких придинок от Бушина:

«Надо признать, что на некоторых читателей, у которых эмоциональность подавляет аналитические способности, «Архипелаг» производит известное впечатление. Особенно то обстоятельство, что чуть ли не две тысячи его страниц обильно уснащены цитатами, ссылками, конкретными названиями, именами, датами, цифрами и т.п. «Да ведь это же все документально!» — восклицают помянутые читатели. На множестве примеров самого разнообразного характера мы показали подлинную цену этой «документальности». Что касается хотя бы имен и названий, то Солженицын весьма строг к этому в чужих произведениях и прямо-таки негодует, когда их там нет. В одной статье, например, рассказывалась драматическая судьба бывшего преступника, ставшего честным человеком, и по этическим соображениям, как всем понятно, фамилия его не называлась. Но наш правдолюб не желает с этим считаться, он возмущен: «Некий Алексей, повествуют „Известия“, но почему-то фамилии его не называют, якобы бежал из лагеря на фронт — и там был взят в часть майором-политработником, фамилии

майора тоже нет...» В итоге он объявляет рассказанную историю выдумкой, ложью. Но вот, например, на страницах 287—288 второго тома «Архипелага» читаем 13 леденящих кровь историй о беззаконии. В 9 из них нет ни имен, ни дат, ни места происшествия, а только атрибуции такого рода: «портной», «продавщица», «заведующий клубом», «матрос», «пастух», «плотник», «школьник», «бухгалтер», «двое детей»... В другой истории нам встречаются в неизвестном количестве «неграмотные старики Тульской, Калужской и Смоленской областей». И опять: ничего не стоит заменить их, скажем грамотными старухами Рязанской, Брянской и Псковской областей или даже всего Нечерноземья... Одна из этих историй начинается так: «Тракторист Знаменской МТС...» Нет имени тракториста, но зато точно названа МТС — это, кажется, уже немало. Но, увы, действительно только кажется, ибо Знаменские районы есть в областях Смоленской, Омской, Тамбовской и Кировоградской, да еще в Орловской области, в Донецкой, на Алтае есть поселки Знаменка, да в Калининградской области — поселок Знаменск... Вот и ищи ветра на просторах шести областей, равных по территории едва ли не половине Европы!

В великом большинстве случаев автор считает вполне достаточным ограничиться для своих персонажей одним признаком, допустим, как в приведенном выше случае, — профессиональным. То и дело в его историях безымянно фигурируют «один врач» (3, 468), «один офицер» (3, 525), «водительница трамвая» (1, 86), «водопроводчик» (1, 86), «учительница» (3, 65) и т.д. Иногда к профессии он, расщедрившись, добавляет психологический, физический или какой иной штришок: «один насмешливый сапожник» (3, 14), «глухонемой плотник» (2, 287), «полуграмотный печник» (2, 86), «известный кораблестроитель» (3, 393)... В других случаях указывается национальность и, скажем, возраст: «одна гречанка» (3, 400), «одна украинка» (3, 528), «молодой узбек» (3, 232), «чувашенок» (2, 288), «один из татар-извозчиков» (1, 64)... А встречается еще и такое: «одна баба» (3, 377),

«один парень» (2, 184), «один зэк» (3, 73), «один очевидец» (3, 560), «две девушки» (3, 246), «двое ссыльных» (3, 397), «три комсомолки» (3, 13), «шесть беглецов» (3, 212), «мужик с шестью детьми» (1, 87), «несколько десятков сектантов» (2, 63), «полсотни генералов» (1, 91), «730 офицеров» (3, 34), «свыше 1000 человек» молодежи (3, 33), «5000 пленных» (3, 32)... И даже из этих тысяч — ни одного живого имени! Если теперь перейти к вопросу о цитатах и источниках в «Архипелаге», то... цитат, сносок и ссылок на те или иные издания у него неизмеримо меньше, чем ссылок на такие источники, как: «говорят», «вот говорят», «говорили», «как говорят», «как некоторые говорят» и т.п. Или: «по слухам» (1, 354), «по московским слухам» (1, 102), «шли слухи» (2, 485), «дошли слухи» (2, 280), «прошел слух» (1, 181), «есть слух глухой» (1, 167), «слух этот глух, но меня достиг» (1, 374), «есть молва» (1, 113), «мы наслышаны» (1, 289) и т.д. Или еще: «рассказывают» (2, 54), «рассказывали» (1, 219), «по рассказам» (3, 346), «если верить рассказам» (1, 277)... Ссылаясь на такого-то пошиба источники, Солженицын пытается уверить читателя в правдивости историй, достойных Феклуши-странницы из «Грозы» Островского. Пишет, например, что в конце двадцатых годов «от Кеми на запад заключенные стали прокладывать грунтовой Кемь-Ухтинский тракт». И вот «рассказывают», мол, что однажды «роту заключенных около ста человек ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ НОРМЫ ЗАГНАЛИ НА КОСТЕР — И ОНИ СГОРЕЛИ!». А в другой раз (опять же «рассказывают») тоже за невыполнение нормы взяли да заморозили в лесу 150 человек. Итого 250 заключенных-строителей как не бывало!

В третий раз уже безо всякого упоминания о невыполнении нормы сообщается, что просто от нечего делать, для развлечения взяли и расстреляли за три дня 960 человек. Интересно, кто же за погибших выполнял их норму и как строительство шло дальше, — или это никого не интересовало? Едва ли... Наконец, о бесчисленных цифрах. Казалось бы, уж кто-кто, а математик

должен и уважать их, и конкретно представлять в каждом случае, что именно за ними стоит. Но куда там! Мы уже видели, цифры сыплются из-под пера нашего математика, как из рога изобилия, и все — перекошенные, деформированные, уродливые, калечные... Даже наблюдая явления и вещи в непосредственной близости, он не может дать их достаточно четкую цифровую характеристику. Так, на одних страницах «Архипелага» (т. 2, с. 77, 81) уверенно заявляет, что в Экибастузском лагере, где он сам находился, было 4 тысячи заключенных, а на других (249, 265, 275, 288) столь же уверенно — что 5 тысяч и даже (с. 12) — около 6. Чему же верить?.. Ему ничего не стоит любую цифру, что называется, вывернуть наизнанку. Например, рассказывает о якобы имевшей место ничем не вызванной стрельбе охраны по заключенным, в результате чего 16 из них были ранены. Это на странице 301 третьего тома, а на странице 331 эти 16 раненых уже фигурируют как «убитые 16»!.. Последний случай похож на сознательный фокус, построенный в расчете на невнимательность читателя...

Любопытнейшие фокусы такого рода показывает факир Александр на тему тюремно-лагерного быта. Пишет, например, что одну группу заключенных везли «из Петропавловска в Москву», и что путь этого поезда продолжался три недели, и что в каждом купе — «обыкновенный купированный вагон» — было по 36 человек! Тут все, как говорится, дает обильную пищу уму. Во-первых, какой Петропавловск? Ведь их два — в Казахстане и на Камчатке. Судя по времени пути, можно предполагать, что подразумевается второй. Но это, как известно, морской порт, и прямого железнодорожного сообщения с материком у него нет, так что заключенным предстояло прежде пересечь воды Тихого океана да Охотского и Японского морей, прибыть в Приморский край, а уж потом, допустим, из Владивостока... Однако здесь новая закавыка: непонятно, зачем через просторы океана, двух морей и всей страны везли такую пропасть заключенных в столицу, где, по многократным уверениям

Солженицына, их и без того было тьма? Разве не в обратном направлении обычно везли их?

А если допустить (намеки такой есть), что это были люди каких-то редких, ценных и нужных Москве специальностей, то разве не постарались бы везти их в человеческих условиях, ну, по крайней мере хотя бы в таких, чтобы доставить в пункт назначения живыми? Ведь 36-то человек в четырехместном купе не только три недели, но и нескольких часов прожить не смогут: передают друг друга и задохнутся. Да и как их туда запихать? Разве что предварительно отрубив руки да ноги и уложив как дрова в поленнице. Но без рук и ног зачем они были бы нужны в Москве? В приведенном примере, как видим ($36:4=9$), Солженицын рисует девятикратное превышение над тем, что полагается. Но это для него совсем не предел. Далее он рассказывает о тюрьмах, в которых будто бы сидело по 40 тысяч человек, «хотя рассчитаны они были вряд ли на 3—4 тысячи». Тут уже превышение раз в 10 — 13, если не больше, т.е. как бы в одно купе наш математик утрамбовывает уже человек по 40 — 50 — 55. Потом мы выслушиваем его информацию еще об одной тюрьме, где «в камере вместо положенных 20 человек сидело 323». В 16 раз больше! Затем: «в одиночку вталкивали по 18 человек». Значит, 18-кратное превышение. Рекорд? Нет! Читаем еще: «...Тюрьма была выстроена на 500 человек, а в нее поместили 10 тысяч». В 20 раз больше! Вот уж это, кажется, солженицынский рекорд в данном виде упражнений, ибо если перевести все в купейное исчисление, то получится 80 человек в одном купе! Разумеется, сам Солженицын, как мы знаем, в таких купе не ездил, в подобных камерах не сидел, в похожих тюрьмах не был и ничего подобного не видел своими глазами, но — «Говорят... Отчего ж не поверить?»...

Да, летописец клеветает на свою родину вместе с фашистами, в один голос с ними. Впрочем, иногда он их, пожалуй, даже обгоняет, хотя бы там, где рисует

картины умирительного единения жителей оккупированных областей с оккупантами. Вот, например, «мне рассказывали», говорит, что в городе Стародубе Брянской области стоял гарнизон, «потом пришел приказ его перебросить — и десятки местных женщин, позабыв стыд, пришли на вокзал и, прощаясь с оккупантами, так рыдали, как (добавил один насмешливый сапожник) „своих мужей не провожали на войну“». Пишет еще и такое: когда захватчиков поперли с нашей земли, то «за отступающей немецкой армией вереницей тянулись из советских областей десятки тысяч беженцев...» Да что там десятки тысяч! — «население уходило массами с разбитым врагом, с чужеземцами — только бы не остаться у победивших своих — обозы, обозы, обозы...» Похоже, что тут ему мерещились уже не десятки тысяч, а миллионы!..

Есть адрес и у истории, якобы имевшей место в городе Стародуб Брянской области. Тут есть даже указание на источник: «Мне рассказывали». Более того, кое-кто из рассказчиков назван и по профессии, и характер его определен: «один насмешливый сапожник», — разве это недостаточно четко и точно? Разыскать насмешливого сапожника мне, к сожалению, не удалось. Поэтому я обратился в Стародубский краеведческий музей. Его сотрудники Е. Короткая и Д. Алхазова, основываясь на живых воспоминаниях сограждан и на материалах музея, рисуют в своих письмах несколько иную, чем у Солженицына, картину обстановки в городе. Они, в частности, сообщили, что в годы оккупации в Стародубе существовала подпольная патриотическая группа. В ней состояли молодые жители города Евгений Велик, Алик Рыжков, Иван Египцев, Юрий Хомутов, Владимир Филонов и другие. Эта группа, пишут Короткая и Алхазова, «прятала раненых красноармейцев, доставала медикаменты, оружие, по радио принимала сводки „Совинформбюро“. Кроме того, на ее счету несколько диверсионных актов на железной дороге, вывод из строя двух городских предприятий. Подпольщики тайно собирались в доме Анастасии Дмитриевны Янчевской,

бывшей дворянки... Вот мы опять даем конкретные имена, цитируем документы, можем и адрес дать хотя бы той же Янчевской: город Стародуб, улица Урицкого, 19. А летописец наш, как всегда, из „десятков местных женщин“, будто бы заливавшихся слезами об оккупантах, не может назвать ни единой! „Один насмешливый сапожник“ — это в его системе доказательства предел определенности. В письме Е. Короткой и Д. Алхазовой еще говорилось о том, что около 1400 жителей Стародуба были расстреляны фашистами. Население старинного города за время оккупации сократилось с 13 тысяч до 6261 человека, то есть почти на семь тысяч, а население стародубского района — на пять тысяч. Следовательно, всего население города и района убыло за войну почти на 12 тысяч. Из них, пишут авторы письма, свыше 1700 человек было угнано в Германию, в рабство. Только из одного маленького Стародуба! И вот этих-то несчастных, покидавших родную землю под дулами автоматов, обреченных на чужбине на скотское существование, а то и на смерть, Солженицын, при каждом слове поминающий Бога, пытается представить нам стихийными толпами людей, добровольно уходившими с фашистами, «чтобы только не оставаться у своих!».

Солженицын и дальше продолжает досаждать читателю своей возней вокруг имени предателя. Пишет, например: «Весной 1943 года повсеместное воодушевление встречало Власова в двух его пропагандистских поездках — смоленской и псковской». По соображениям краткости не будем касаться смоленской поездки, остановимся только на псковской, тем более что наш летописец сам уделяет ей больше внимания, поскольку, мол, на Псковщине особенно «радушно» относились к власовским формированиям, у которых не было отбоя от «добровольцев» из местных жителей. Обо всем этом автор ведет речь в третьем томе «Архипелага»... Но что же, однако, навело нашего летописца войны на мысль о смоленско-псковском «воодушевлении», откуда исходный толчок? Увы, как

видно, все оттуда же — из власовских листовок и газеток, в знакомстве с которыми он признается сам. Власовцы и другие немецкие холуи русского происхождения издавали несколько газеток, и все с чрезвычайно красивыми названиями: «За Родину». «Доброволец», «Воля народа»... Так вот, одна из этих газеток, а именно «За Родину», выходящая во Пскове, давала репортерский отчет о пропагандистской поездке Власова в этот город. Подробно рассказывала, как на вокзале их превосходительство был встречен городским головой Черепенкиным, взводом немецких солдат и некоторыми другими столь же необходимыми в данном случае лицами, как затем высокий гость направился в отведенную ему резиденцию, а немного позже принял парад «русских войск», — ну, правда, не армии, не корпуса, не дивизии, не полка даже, а — батальона. Но и это было радостно. Во второй половине дня в комендатуре состоялось собрание. Как писала газета, произнесенная там речь Власова, его «благодарственные слова в адрес непобедимой германской армии и ее верховного вождя Адольфа Гитлера были встречены оглушительными аплодисментами». Что же это, как не «воодушевление»! Слово получил и «представитель рабочего класса» некто Иван Боженко. Его речь о преданности рабочего класса их превосходительству и германской армии, судя по всему, явилась гвоздем собрания и, по заверению газеты, «вызвала всеобщее одобрение», после чего сомневаться во всеохватном характере «воодушевления» просто смешно. Такие-то сведения узнаем из газеты «За Родину».

А вот другой документ: «Господину Рудольфу Егеру, коменданту СС, гауптштурмфюреру. Докладываю: по Вашему приказанию на собрание в комендатуре по случаю прибытия в Псков генерала А. А. Власова мной подготовлен для выступления в качестве представителя рабочих Боженко Иван Семенович, происходящий из торговцев. Осужден советским судом за хищение. Отбывал наказание. Добровольно

согласился присягнуть Великой Германии. Боженко приведен в должный вид: побрит, одет в приличный костюм, предупрежден о наказании за злоупотребление спиртными напитками. Речь, написанную для него редактором газеты «За Родину» г. Хроменко, Боженко выучил наизусть. Готов выступить. С уважением Г. Горожанский, начальник Псковского района». Из сопоставления этих двух документов достаточно ясно видно, какими средствами фабриковалось «воодушевление» масс вокруг генерала-предателя. Но это не все, сохранился еще один колоритнейший документик той поры, относящийся к заинтересовавшей нас проблеме. Начальник Псковского района Г. Горожанский до визита Власова докладывал немецкому коменданту Рудольфу Егеру о проделанной подготовке, а тот уже после визита, в свою очередь, написал приятелю в столицу: «Дорогой Курт, до нас доходили слухи, что отдел пропаганды штаба сухопутных сил возится с каким-то пленным русским генералом. Несколько дней назад к нам привезли генерал-лейтенанта Власова. Пришлось обеспечивать встречу гостя, так как к моменту прибытия поезда (к счастью, он опоздал на три часа) на вокзале никого не было, кроме десятка идиотов из городской управы. Мои ребята, получив от меня приказ, произвели облаву и согноли к вокзалу местных жителей... Как я успел заметить, он, трус, все время оглядывается, свою речь пробормотал себе под нос и поспешно удрал с вокзала. На выходе к ногам Власова (видимо, от переизбытка „воодушевления“. — В.Б.) кто-то бросил дохлую кошку. Какой-то очередной идиот из городской управы (я выясняю, кто именно) распорядился показать ему русский батальон, словно не зная, что несколько дней назад вторая рота этого батальона, перебив офицеров, ушла к бандитам (так немцы называли партизан. — В. Б.). Власову показали роту, которую накануне передислоцировали из города Остров (даже не батальон, как писала газета, а всего лишь роту! — В. Б.)». Могут спросить: «А как

эти документы попали в наши руки?» Ну на войне, да и после, еще и не то попадало. Ведь Псков освободили 23 июня 1944 года не кто-нибудь, а мы, и Берлин, где находится Принц-Альбрехтштрассе, взяли 2 мая 1945 года тоже наши, а уж остальное в таких вопросах — дело любознательности и расторопности».

Еще раз прошу прощения за длинную цитату, но ведь «Архипелаг ГУЛАГ» — дело всей жизни, главная книга Солженицына и чуть ли не главная книга XX столетия, если верить некоторым фанатам. И еще: в 2009 году Министерство образования и науки Российской Федерации включило «Архипелаг ГУЛАГ» в обязательную школьную программу!

Официальный сайт министерства сообщает: «4 сентября 2008 года Минобрнауки России направило в российские школы Методические рекомендации по расширению изучения творческого наследия А. И. Солженицына в общеобразовательных учреждениях. Они включают рекомендации по расширению как изучения творческого наследия писателя на уроках литературы, на уроках русского языка и развития речи, так и расширение изучения жизненного пути и историко-культурного наследия А. И. Солженицына в курсе отечественной истории XX — начала XXI вв.» До принятия приказа Минобрнауки обязательное изучение фрагментов романа «Архипелаг ГУЛАГ» предполагалось в школе на профильном уровне. Теперь, после включения романа в федеральный компонент государственных образовательных стандартов среднего (полного) общего образования, изучение фрагментов романа становится обязательным для всех российских старшеклассников.

Известный историк, глава Фонда «Историческая память» Александр Дюков так отреагировал на это решение:

— Я считаю, что это совершенно неправомерное решение. Как литератор, Солженицын представлен в школьной программе своими лучшими произведениями — «Матрениным двором» и «Одним

днем Ивана Денисовича» (книги, которые прошли через профессиональные руки редакторов «Нового мира» — *прим. авт.*). Если кому-то в Минобрнауке так близка лагерная тема, что «Ивана Денисовича» не хватает, вставили бы лучше «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. Произведение с литературной точки зрения несравненно более сильное. Если же «Архипелаг» подается как историческое произведение, то это вообще можно расценивать как акт вредительства, поскольку он переполнен откровенными неточностями, а то и прямыми фальсификациями, а местами содержит элементы военной пропаганды третьего рейха, направленной на советских солдат — особенно в главах, посвященных власовцам и прочим коллаборационистам. Он их фактически оправдывает, более того, выставляет героями. Наше правительство само выражает протест, когда нечто подобное делают прибалтийские или украинские власти, и при этом делает обязательным преподавание в школе вполне сходной идеологии. Строго говоря, «Архипелаг ГУЛАГ» действительно интересен для исследователей. Как памятник антисоветской деятельности, как один из элементов идейного противоборства времен «холодной войны». Причем, не на нашей совсем стороне. То есть для специалистов пропагандистских войн он любопытное произведение. Но уж никак не для российских школьников. Надеюсь только, что его будут преподавать так же бездарно и формально, как лучшие произведения нашей литературы. Чтобы у среднестатистического школяра и десятилетия спустя после выпускного звонка не появлялось желание притронуться к этой книжке».

Нам часто рассказывают страшилки про сталинский 1937 год. Для понимания, что было в том году, представьте: мы завтра вычистим всю антигосударственную перхоть из всех наших министерств образования. Никакого вреда для страны. Только благо.

Власовщина

На феномене Власова, кумира Солженицына и Суворова-Резуна, надо остановиться особо. Дело в том, что Власов умер, а дело его живет. Вся наша оппозиционная интеллигенция, что слушает «Эхо Москвы» и радио «Свобода», только и делает, что повторяет кредо Власова: «Я борюсь не с Родиной, а с режимом». Геббельс с Гитлером никаких претензий к нашим полям и лесам тоже не имели, они хотели в них жить, да и к людям не имели претензий, они хотели их эксплуатировать, им только режим мешал на пути к завоеванию жизненного пространства... Плохой очень был режим: организовывал людей на борьбу с цивилизованной Европой...

Но самое интересное, что все власовские тезисы о «борьбе с режимом» не были даже правдой, не были его личным искренним заблуждением, ибо Власов прекрасно до некоторых пор режим устраивал.

Николай Добрюха, основываясь на данных Подольского военного архива, пишет в «Аргументах и фактах» (см. АиФ, № 19, 2009): «Власов А. А. добровольно пошел в Рабочее-Крестьянскую Красную армию... — это строчки из его автобиографии. — В оппозициях и антипартийных группировках не участвовал. Никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии». Многие красные командиры, выходцы из царской армии, такого о себе сказать не могли. Лучшую кандидатуру в члены военного трибунала округа найти будет трудно... 1938 г.: Власову выдается характеристика: «много работает над вопросом искоренения остатков вредительства»... Изучая расстрельные дела, к которым приложил руку Власов, историк А. Колесник не нашел ни одного (!) оправдательного приговора...».

Зато нежный нрав Власова особо проявлялся в отношении женщин. В 1936 году командир полка Власов увлекся Ульяной Осадчей, которая родила ему дочь, в 1938-39 году, в командировке в Китае, затеял роман с

женой Чан Кайши, затем на три месяца купил себе несовершеннолетнюю китайку.. Как только началась война и законная жена Анна Власова была отправлена в эвакуацию, у генерала появилась любовница Агнеса Подмазенко, которой уже в 1942 году пришлось уйти в декрет, а ее место заняла Мария Воронина. Когда Власов попал в плен и начал организовывать предателей для борьбы с СССР, у него появилась новая жена, теперь уже по немецкому закону, богатая вдова эсэсовца Хейди Биленберг. Список можно продолжать, но не в нем дело, процитируем лучше письма, которые писал Власов своим женщинам. Обратите внимание на даты: письма разным женщинам писались в один день.

«Дорогая и милая Аня! Кроме как от тебя, ни от кого писем не получаю, поэтому никому и не пишу. За последнее время, не скрою от тебя, я начал сильно по тебе скучать... Я тебя прошу будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего... твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша».(02.02.42).

Это было письмо жене, а вот в этот же день любовнице:

«Милая и дорогая Аличка. Я всю жизнь посвятил тебе. любящий тебя твой Андрюша». (02.02.42).

А вот опять жене:

«Ты не поверишь, дорогая Аня! Я беседовал с самым большим нашим хозяином. Ты и представить себе не можешь, как я волновался и как вышел от него воодушевленным. Ты, видимо даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве...».(14.02.42).

А вот любовнице в этот же день:

«Дорогая и милая Аличка. Меня вызывал самый большой и главный хозяин. Представь себе, беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь, какое мне выпало счастье. Прошу тебя, моя крошка, не скучай, не волнуйся, тебе это вредно. Я всегда мысленно с тобой. Твой всегда и всюду Андрюша». (14.02.42).

Опять жене:

«Дорогой Аник! Одиннадцатый месяц мы с тобой разлучены, но мысленно я всегда с тобой. Ты знаешь, моя любимая и дорогая Аня, что куда твоего Андрюшу не пошлют правительство и партия, он свою задачу выполнит с честью. Любящий тебя крепко Андрюша». (26.04.42).

В этот же день любовнице:

«Дорогая и милая Аля, ты прекрасно знаешь, что куда твоего Андрюшу не пошлют правительство и партия, он всегда свою задачу выполнит с честью. Думаю только о вас, мои дорогие больше у меня нет никого, близких моей душе и сердцу. Твой всегда и всюду Андрюша». (26.04.42).

Самое же пикантное заключается в том, что спал Власов в это время уже с Марией Ворониной.

Не будем ворошить «грязное белье», письма можно цитировать бесконечно. И дело не в позе моралиста, которую нет желания эксплуатировать. Просто все должны увидеть, какого именно человека солженицыны и суворовы и вся наша антисталинская интеллигенция пытается сделать чуть ли не святым.

Этот, трепещущий от одного вызова хозяина (Сталина) человек, готовый выполнять задачи правительства и партии, уже через год будет «яростным идейным борцом со Сталиным». Правда, и на службе Гитлеру «герой» не проявил себя, разве что запомнившейся его биографу Штрикфельдту дежурной фразой: «Водку кушать будем?». Свое беспробудное пьянство Власов объяснял так: «Хочу забыться». Власовцы, сплошь состоящие из таких же власовых, ничем не помогли немцам и как боевая единица были несущественны. Потому что никто из них не чувствовал за собой правоты. Зато эту правоту за них придумали потом солженицыны...

Они как заразу разнесли убеждение, что нет ничего постыдного в том, чтобы в политической борьбе спокойно повторять вражеские голоса, оправдываясь тем, что «борются не с Родиной, а с режимом», тогда — со сталинским, потом — с брежневским, теперь — с путинским...

Между тем, у любого честного человека и патриота всегда должно появляться сомнение в правильности своих слов и действий, если только он замечает, что эти слова совпадают со словами заграничных голосов, а действия вызывают их похвалу...

Непридуманный ГУЛАГ

Дабы меня не упрекали в том, что я только пересказываю Бушина, расскажу еще об одной книге. Мне подарил ее сам автор, немец Клаус Фритцше. Называется она «Вынужденная посадка». Автор повествует о шести годах советского плена, в который он, Клаус, браваый фашистский летчик, сбитый нашими зенитчиками, попал в середине войны. По сути Фритцше сидел в то же время, что и Солженицын. Только лагеря были несколько иные. У Солженицына все больше подмосковные, элитные, у фашистского летчика — ближе к Северу да в Поволжье.

Надо ясно отдавать себе отчет: условия содержания для фашистов и не могли быть и не были лучше, чем условия содержания таких, как Солженицын, «несо знательных». Но, на удивление, у Клауса Фритцше, написавшего по своим воспоминаниям свой «Архипелаг...», мы не найдем басен о том, как «был глухой слух, что 150 человек сожгли» или «один сапожник рассказал, как 300 человек чекисты заморозили» или «один чувашенок болтал, что 900 человек расстреляли».

Наоборот! Самое удивительное, что до сих пор потрясает немецкое упорядоченное сознание автора, так это поразительная свобода и даже раздолбайство в наших лагерях! Он рассказывает, как запросто отпускали их на покос, можно было бежать, но... не хотелось. Вспоминает, как работал в охотку, как собирал грибы и ягоды, как влюблялся, причем взаимно, в русских девчонок, работающих с пленными бок о бок и не меньше них. У него аж несколько любовных романов успело случиться за эти несколько лет в СССР.

Или вот типичная история:

«В один прекрасный день смотрю спокойненько за выполнением уборочных работ, как вдруг появляется подполковник Романов. Докладываю, по-военному, он обходит корпус и говорит:

— Фритцше, обязательно надо оконные рамы покрасить!

— Есть, господин подполковник, но откуда взять краски, растворитель, кисти?

— Слушайте, я что ли, командир батальона? Я что ли отвечаю за вид корпуса?

Сказал и пошел. Что мне делать? Единственный выход — кража! На «Заводстрое» малярных материалов и принадлежностей полно. Но как вытащить контрабанду с территории завода... Еще надо учесть, что «хищение» социалистической собственности карается заключением не менее, чем на пять лет. Под суд за такое преступление попадали и немецкие военнопленные... Оконные рамы покрасили, но начальник лагеря этим не довольствовался. Надо было побелить стены и потолок, цоколь стен покрасить масляной краской, а в красном уголке на стене нарисовать красное знамя и пр. Способ приобретения материала оставался одним и тем же, но... подполковник Романов ни разу не спросил, откуда мы доставали материал... Одна из задач командира — борьба с клопами... Она была безуспешной, пока нары в корпусе из деревянных досок. Совет командиров принял решение заменить деревянные нары сварными железными. Подсчитали потребность в стальных полудюймовых трубках и с ума можно сойти: на человека минимум 10 метров, значит, на 2500 человек 25 километров... Поверьте, уважаемый читатель, что рассказываю истинную правду. Сам процесс разгрузки труб никто из начальства завода не видел, а исчезновение доброй части груза по пути от производителя к потребителю считалось, очевидно, привычными издержками социалистического народного хозяйства. В течение трех месяцев «накапливали» сырье, и бригада слесарей сваривала железные нары на всех жителей лагеря. Кроме

труб, понадобилась полуторамиллиметровая стальная проволока для плетения матрацев — 50 километров, которая была добыта тем же путем. Сварные генераторы исчезли с других рабочих мест... Начальник лагеря дал инициативе военнопленных весьма высокую оценку!.. Генеральный директор завода, того самого, с которого все и воровалось, осмотрел весь лагерь с большим интересом и сказал, что результаты созидательной работы немцев произвели на него сильное впечатление. Знал ли он, что был окружен преступниками, которые совместно и организованно многократно занимались хищением социалистической собственности? Знал ли он, что каждому члену этой группы прокурор по действующим законам мог бы присвоить трижды пожизненно?»

Таких историй в книге много. Интересно заметить, что немцу, человеку западной цивилизации, наш ГУЛАГ казался обычным «русским бардаком», а не тоталитарным монстром, как его описал для Запада Солженицын.

Множество страниц посвящено у Фритцше, с чувством трогательного уважения, нашим «красным уголкам», художественной самодеятельности, спектаклям, оркестрам, клубам, новогодним праздникам. Веселуха была!

Сравните эти воспоминания с воспоминаниями узников Освенцима или любого другого немецкого лагеря, сравните тоталитарный режим фашизма и «тоталитарный режим социализма», сравните и никогда больше не говорите, что социализм и фашизм одно и то же.

Недаром Фритцше, пробывший всего шесть лет в СССР, навсегда влюбился в эту страну, хотя отнюдь не испытывал иллюзий по поводу недостатков системы. Люди здесь таковы, что компенсируют недостатки любой системы, сведут на нет жесткость любых законов своим милосердием и человечностью. Поэтому и социализм тут был игрушечный: общинно-христианский, анархистский и веселый. Он растрогал

даже квадратного рационального немца с фашистским воспитанием.

До чего же человеконенавистническую психологию надо было иметь Солженицыну, чтобы, находясь в куда более человеческих условиях, излучать не оптимизм, любовь, всепрощение и юмор, а дремучую злобу, клевету, жестокость...

Великий свободный могучий правдивый русский язык

С фактической стороны книги все ясно, кому мало этих цитат, может заглянуть в том Бушина, может еще раз перечитать статьи Земскова. Но может быть, у книги есть великолепные художественные достоинства? Недаром про Солженицына говорят как про «художника слова» и великого писателя. В конце концов, вся цифирь — это только «художественные условности» художественного, а не документального произведения!

Расскажу тогда про свое знакомство с солженицынской прозой, которое состоялось в подростковом возрасте, когда я точно не владел никакими фактами и цифрами. Первой моей еще подростковой реакцией на Солженицына было неприятие, вызванное несколькими факторами, но главное, языком. Так уж получилось, что три-четыре месяца в году, начиная с грудного возраста и до 16 лет, я проводил в деревне у бабушки, в Поволжье, то есть почти четверть своей жизни на тот момент — среди сельских людей. Я прекрасно знал народный язык, умел на нем говорить, а если учесть, что мой родной Новокузнецк строили люди со всей страны и мои сверстники так же были горожанами только в первом поколении, то общаясь с многочисленными родителями друзей и близких, я получал представление о говоре очень разных мест. Я и сейчас могу подражать не меньше чем десятку разных диалектов и акцентов. Бывая в любой местности, легко перехожу на местный говор.

Позже я побывал в 60 регионах России и имел возможность узнать, как там говорят. Уже тогда, в 16 лет, язык Солженицына мне показался ненатуральным, искусственным, совершенно лубочным. Его манера писать напоминала мне известную пародию Ильфа и Петрова: «Ындо взопрели озимые, понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился...».

Когда я высказал свое раздражение, мне заметили, что Солженицын говорит на исконно русском старом дореволюционном языке. Но откуда он его узнал, человек, который вырос и воспитывался в СССР, в городах? Уже значительно позже я выяснил, что Солженицын, оказывается, даже на фронте и даже в тюрьме не выпускал из рук словарь Даля. Именно оттуда брал он свои «исконно русские слова».

Есть, однако, проблема: Даль составлял словарь из разных слов разных диалектов русского языка. Например, в словаре бок о бок могли стоять слова из сибирских, вятских и южно-русских говоров, которые никогда бы не встретились в речи одного и того же человека! Более того, известно, что Далю часто предъявляли претензии в сочинительстве слов, а он, признавая это, оправдывался, мол, ничего страшного, что сочиненное им слово не встречается в языке, главное, «оно звучит по-русски».

Когда Солженицын, для придания себе народности, заменял общеупотребительные слова в своем тексте на слова из словаря Даля, то возникал эффект «народности» с одной стороны, и эффект антинародности, пародийности и лубочности, ведь это был искусственный, вавилонско-русский язык, язык всех говоров сразу и никакого говора в отдельности!

В то, что Солженицын говорит на некоем народном языке, легко может поверить иностранец или городской житель, интеллигент, который никогда деревенского языка не слышал, но реального селянина липовым народным языком не проведешь! Поэтому и восхищение этот язык вызывает именно у городской интеллигенции, которая вздыхает по утраченным кор-

ням. Что касается знания языка вообще, то тут уж опять слово надо дать крохобору Бушину, не поленившемуся проштудировать парижское издание «Архипелага ГУЛАГ». Дело в том, что иностранные издательства чтут великих авторов и не смеют доверять их тексты корректорам. Поэтому парижское издание печаталось прямо с рукописи, а в рукописи было такое...

«Книги Солженицына кишмя кишат пословицами, поговорками, а также разного рода афоризмами как фольклорного, так и литературного происхождения. Он пламенно любит эти создания русского народного творчества и вековой мудрости всего человечества. На страницах... «Архипелага» и «Теленка» то и дело мелькает: «Пошел к куме, да засел в тюрьме», «Лучше каши не доложь, да на работу не тревожь», «Мертвый без гроба не останется» и т.д. и т.п. С жемчужинами русского фольклора в его книгах соседствуют любовно вписанные туда аналогичные речения на многих иностранных языках. Достоевский знал немецкий, французский и латынь. Солженицын тоже знает, что есть такие языки. Кроме того, он знает об английском. И вот мы встречаем у него то *homo sapiens*, то *made in*, то *pardon*, то другие подобные же яркие свидетельства ба-а-альшой культуры. При таком изобилии знаний, разумеется, немудрено иногда кое-что и напутать, даже в простейших вещах. Так, Советский Союз по-немецки будет *die Sowjetunion*, а Солженицын пишет *Soviet Union*. Перепутал с английским. Другой раз вставил он в свой текст английскую поговорку *My home is my castle* (Мой дом — моя крепость). Похвально! Только англичане, которые настоящие, предпочитают говорить здесь не *home*, а *haus*. Еще где-то к месту ввернул немецкое выражение *nach der Heimat* (домой, на родину). Весьма интеллигентно! Но немцы, которые вполне грамотные, говорят в этом случае не *nach der*, а *in die*. Или: *nach Hause, heim*. Тяга Александра Исаевича к плодам культуры, о коих речь шла выше, в частности, к пословицам, поговоркам, афоризмам, так сильна, что порой он не удерживается от соблазна собственноручного изготовления

некоторого подобия их. Взять, допустим, такой афоризм: «Отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым». Это любовно сработано им для собственного практического употребления... В лондонской «Таймс» большой знаток русских проблем Бернанд Левин однажды писал с благоговейным трепетом: глядя, мол, на Солженицына, «начинаешь понимать, что означало когда-то выражение „святая Русь“».

Каково же нам видеть в сочинениях живого носителя духа святой Руси некоторые исконно русские имена в таком, например, обличье: Вячислав, Керилл, Керюха... Ничуть не лучше, чем с именами людей, обстоит у Солженицына дело с географическими названиями на огромных пространствах от бывшей Восточной Пруссии, от немецкого города Вормдитт до знаменитого Халхин-Гола и Маньчжурии, изображенных им все в том же достославном «Архипелаге» как «Вормдитт», «Халхин гол» и «Манчжурия». А между этими, в какой-то степени экзотическими, крайними точками великое множество гораздо более простых, привычных, известных названий, которые Солженицын тоже не умеет написать вполне грамотно: Тарту, Лодейное Поле, Наро-Фоминск, Иваново-Вознесенск (теперь просто Иваново), Хакасия, поселок Железинка, Бауманский район... Но что там маленькая Железинка! Даже всемирно известные названия столиц советских союзных республик он не может ни написать, ни употребить верно. Читаем, например: «юристы Алматы -Аты» (т. 1, с. 21). Или вот с каким ведь упрямством твердит: Кише нев (1, 134), Кише нев (1, 565), Кише нев (1, 565), Кише нев (5, 538)... Увы, так же некорректно ведет себя... при употреблении в своем драгоценном «Архипелаге» множества и другого рода слов, выражений, оборотов речи. Пишет, например, «приуменьшать», «скотоложество», «гуттаперчивые куклы», «на мелководьи», «заподозреть»...

Если не скучно, то пошли дальше: «мы у них в презренья», «женщина в шелковом платьи», «рассказ об одном воскресенья», «вещи бросаются в тут же стоя-

щию бочку», «Маркелов стал не много, не мало председателем месткома»... Активист демонстрирует нам такое богатство и разнообразие форм своей грамматической дремучести, что прямо хоть классифицируй их, эти формы. Как можно было уже заметить, он начисто глух, например, к некоторым падежным окончаниям кое-каких существительных среднего рода и пишет: «в многолюдья», «в восьмистишья», «в Поволжья», «в Заполярья»...

Другая весьма устойчивая форма дремучести выражается в маниакальном стремлении удваивать согласные там, где вовсе не требуется. Это можно было заметить еще в написании имен и названий: «Кессарийский», «Тарусса», «Тартусский»... Но вот и продолжение: «нивеллировать», «баллюстрада», «асс», «карикатура», «аннальное отверстие»...

Человек, так охотно и обильно украшающий тексты своих книг речениями на многих иностранных языках, уж мог бы, кажется, знать, что двойным согласным здесь просто неоткуда взяться, ибо их нет в словах-предках, коими были в данном случае французские слова *nivelel*, *balustrade*, *as*, итальянское слово *caricatura*, латинское слово *anus*. Но наш герой не желает ни с чем считаться, ему мало того, что он представил в ложном свете даже анальное отверстие, он продолжает свое: «агломерат» (2, 517), «муссаватист» (1, 50), «воспоминания», «латаный воротник», «подписси» (2, 475)...

Все это очень печально, но еще печальней, что иные слова он пишет хоть и верно, но употребляет неправильно. Так, вместо «навзничь» пишет «ничком», что совсем противоположно по смыслу. Или вот: «На полях России уже жали второй мирный урожай». Интересно было бы видеть, как это «уже жали», допустим, картошку, свеклу или кукурузу. Встречаем и такое: «в пути околевали дети». О детях — как о щенках или цыплятах! Солженицын очень гордится своим эллиптическим синтаксисом, т.е. таким построением фразы, при котором те или иные слова лишь подразумеваются, но не пишутся, не произносятся. Что ж, в иных случаях, если с умом,

это весьма неплохая вещь. Но вот в «Архипелаге» читаем: «Мы переписывались с ним во время войны между двумя участками фронта». Как тут ни крути, а получается, что война шла междоусобная. В другом месте нечаянно набредаем на такой стилистический розан: «Вот он, европеец: не обещал, но сделал больше, чем обещал». Пожалуйста, азиат, люби европейца, восхищайся им, лобзай его, но — как твои слова разуместь? Что значит «больше, чем обещал», если он не обещал ничего? Больше ничего — это сколько? Пусть бы объяснил нам как азиат азиатам... Не менее поучительно... обстоит дело у Солженицына со словами и понятиями военного, фронтового обихода. Он уверен, например, что надо писать «военная компания»; убежден, что РККА — это среднего рода: «РККА обладало»...

Если и эти все наши претензии к языку, к грамматической осведомленности их активиста хозяева ИМКА-ПРЕСС сочтут излишними, чрезмерными, неуместными, то нам придется напомнить одну маленькую, им же, активистом, рассказанную историю. Однажды он обнаружил, что некий ответственный товарищ вместо «ботинки» написал «батинки». Товарищ этот был ему несимпатичен, ибо начальствовал над ним, и между ними возникали какие-то трения. А на дворе стояла весна 1953 года — Солженицын только что вышел из лагеря. И вот даже радость вновь обретенной возможности ходить по земле без охраны и вольно дышать не могла смягчить его злого презрения, и он запомнит эту ошибку, чтобы через двадцать с лишним лет предать ее гласности и высмеять в своем «Архипелаге»! Но кто он был, тот ответственный товарищ, писавший «батинки» — один из руководителей Союза писателей? министр? секретарь обкома? академик? Нет, это всего-навсего инспектор Кок-Терекского райпо Джамбульской области Казахстана. Университетов, как Солженицын, он, конечно, не кончал, в Институте истории, философии и литературы, как Солженицын, не учился, Нобелевской премии не сподобился. И русский язык для него не родной, он — казах. А ошибочку свою он сделал не в фоли-

анте, изданном многотиражно в Париже, а в ведомости по учету товаров, составленной в связи с ревизией магазина в ауле Айдарлы. Вот каков объект и каковы обстоятельства грамматического сарказма и негодования Александра Исаевича...

Силу своей тяги к высотам мировой культуры и результат оной тяги при достаточном усердии можно успешно показать во многих областях человеческих знаний, допустим, в истории, литературе, юриспруденции. Усердия Солженицыну хватает, он не обходит, кажется, ни одной из предоставленных ему возможностей. В области истории, жизнеустройства и правопорядка дореволюционной России демонстрирует свою тягу и ее результаты посредством таких, скажем, утверждений: в Новочеркасске в свое время воздвигли, мол, памятник герою Отечественной войны двенадцатого года атаману Платонову; царь Александр Второй был убит в 1882 году; все, кончавшие высшие учебные заведения, вместе с дипломом получали дворянское звание и т.д. Ведя речь о советской истории, о советской жизни, Солженицын уверяет нас, например, в том, что в 1940 году мы «завоевали Карело-Финскую республику»; что избирательное право нашим гражданам предоставляется одновременно с получением паспорта, т.е. в 16 лет; что студенческие стипендии в 1929 году достигали 900 рублей в месяц и т.п. О литературных познаниях Солженицына мы уже говорили и еще скажем кое-что в дальнейшем, а тут — лишь один пример. Наш автор обожает многозначительные цитатки, и вот, допустим, уверяя, что это Роберт Бернс, преподносит нам:

Мятеж не может кончиться удачей.
Когда он победит — его зовут иначе.

Все перепутал! И текст не такой, и Бернс никакого отношения к нему не имеет.

Очень любит наш герой порассуждать на юридические темы. Ну, пристрастие понятное: человек сидел, изучал законы, так сказать, собственным горбом. Что

же мы узнаем от него любопытного в этой области? Опять немало. Да все по каким кардинальным вопросам! Так, в поминавшемся выступлении по испанскому телевидению Солженицын негодовал: «В моей стране в течение шестидесяти лет никогда не была объявлена ни одна амнистия». Ни одна! Да советской власти еще шести месяцев не исполнилось, а она уже провела амнистию — 1 мая 1918 года. А потом-то сколько их было, и притом общих! В ознаменование победоносного окончания Гражданской войны, в честь десятилетия советской власти, в связи с победой над Германией и т.д. Вот он переходит от юриспруденции к географии, и тут снова дает множество показаний, к которым его никто не вынуждал. Мы уже отмечали, как своеобразно пишет он названия известнейших городов. На этом ему и остановиться бы. Но нет! Он еще, например, сообщает нам, что есть в России некая «Михневская область». В наше время в цивилизованной стране обнаружить целую область, дотоле неизвестную, — да это крупнейшее географическое открытие! Но интересно бы узнать, где именно простирается она, в каких широтах-долготах? Сколько там жителей? Читали ли сочинения Солженицына? Молчит наш первопроходец, молчит...

Трудно удержаться, чтобы не рассказать колоритнейший эпизод, связанный с рекой Эльбой. Выступая 30 июня 1975 года перед профсоюзными деятелями США, Солженицын вспоминал последние месяцы войны: «Мы думали, что вот мы дойдем до Европы, мы встретимся с американцами... Я был в тех войсках, которые прямо шли на Эльбу. Еще немного — и я должен был быть на Эльбе и пожать руку вашим американским солдатам. Меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась... И я пришел сейчас сюда вместо той встречи на Эльбе (аплодисменты), с опозданием на тридцать лет. Для меня сегодня здесь — Эльба...». Известно, что на Эльбе, в Торгау, с американцами встретились войска 1-го Украинского фронта, это произошло 25 апреля 1945 года. Действительно, Солженицына «взяли в тюрьму» незадолго, точнее говоря, за два с по-

ловиной месяца до знаменательного события. Но если по оплошности его и не взяли бы, то и тогда он никак не мог бы пожать руку американским солдатам. Дело в том, что Александр Исаевич в то время храбро командовал своей беспушечной батареей в Восточной Пруссии, это от Эльбы несколько далековато, до Торгау, поди, километров 600 — 700 наберется. Так что у Солженицына не имелось оснований утверждать, что он «был в тех войсках, которые прямо шли на Эльбу». На самом деле войска эти прямо шли на Вислу, где никакой встречи с американцами не было и быть не могло. Возможно, сей пассаж ошеломит читателя сильнее, чем многое другое в рассказе о страстном стремлении нашего героя к высотам мировой культуры. Ну, действительно, как это — перепутать Вислу с Эльбой? Как это — не иметь никакого представления о том, где именно ты воюешь? Мы можем предложить этому поистине феноменальному факту лишь такое объяснение. Войска, в которых находился Солженицын, шли не на Эльбу, как уже сказано, а на... Эльбинг — это город недалеко от Вислинского залива. Да, именно на Эльбинг в числе других частей фронта была устремлена 48-я армия, в которой служил наш герой. Разумеется, в наступающих войсках часто произносили: «Эльбинг! Эльбинг!..» Солженицын не мог этого не слышать, ну, и... Короче говоря, слышал Ваня звон... Вероятно, в его голове все прояснилось бы, доведись ему побывать в самом городе Эльбинге, но Солженицын там не был по той простой причине, что его «взяли» 9 февраля 1945 года, а Эльбинг взяли 10-го, т.е. лишь на другой день после того, как Красная Армия освободилась от Александра Исаевича».

А еще, кроме всего этого, бесконечно перевернутые цитаты из других людей, с искажением смысла, с неправильными ссылками... И этот человек твердил всем про «образованщину», высмеивал ее! Вот это больше всего и возмущает! Я сам пишу с ошибками, как и большинство людей, но я не претендую на звание «великого русского писателя», не клеймлю других за ошибки, не насмехаюсь над нашей системой обра-

зования, которая в советские времена была лучшей в мире, да и сейчас лучше американской, хотя ее бюджет в десятки раз меньше.

Ну ведь поклонники и критики твердят, что Солженицын чуть ли не наследник Пушкина в языке. Слово Бушину:

«Тут уместно вспомнить, как жена нахваливает «энергию, плотность и взрывную силу» языка своего мужа. Примеров почему-то не приводит, а ведь их сколько угодно. Вот, допустим, с какой энергией навешивает он имеющие явно взрывную силу плотные ярлыки на живых и мертвых советских писателей: «деревянное сердце», «догматический лоб», «ископаемый догматик», «видный мракобес», «главный душитель литературы», «вышибала», «авантюрист». Какая энергия! Так это и есть «пушкинское мироощущение»? Еще? Полюбуйтесь: «лысый, изворотливый, бесстыдный», «дряхлый губошлеп», «ничтожный и вкрадчивый», «трусливый шкодник», «склизкий, мутно угодливый», «о, этот жирный! ведь не подавится», «морда», «ряшка», «мурло», «лицо, подобное пухлому заду». Какая плотность мысли и чувства! И мадам видит здесь «солнечное пушкинское начало»? Еще: «гадливо встретиться с ним», «слюнтяй и трепач», «жердяй и заика», «проходимец», «эта шайка», «их липутское мычание», «карлик с посадкой головы, как у жабы», «дышло тебе в глотку! очокурься, гад!». И явленную здесь «взрывную силу» нам следует считать «пушкинской субстанцией»? А сколько энергичных ярлыков позаимствовано из мира зоологии: «кот», «отъевшаяся лиса», «сукин сын», «хваткий волк», «широкочелюстной хамелеон», «яростный кабан», «разъяренный скорпион», «пьявистый змей». Рядом с таким непотребством голая зоба Моисеева по телевидению выглядит милой шуткой. Да ведь отсюда-то все и пошло... Приведя часть этого болезненно мизантропического перечня, Михаил Лобанов воскликнул: «И это пишет человек, считающий себя художником и христианином!».

Что касается иных художественных достоинств солженицынских текстов, то... положи руку на серд-

це, ответьте: кто смог осилить хотя бы том «Красного колеса»? Это же куча-мала, а не книга. Чем дальше Солженицын отказывался от новомировских редакторов и корректоров, которые не просто исправляли ошибки, а переписывали его произведения, тем больше наружу вылезала полная творческая бездарность. Но она была очевидна и тогда: ведущие писатели отмечали у Солженицына и карикатурность изображения, и излишнюю натуралистичность, и фельетонность, и очерковость, и плакатность, наличие длиннот и повторов, и антигуманистичность, и тошнотворность.

Сознаемся честно: это не просто предвзятая критика, все это в его текстах действительно есть. По художественному уровню основные книги Солженицына тянут максимум на второсортную журналистику, но не на произведения мирового уровня. Не имеет под собой основы мнение, что Солженицын «может и врал насчет фактов и идеологически заблуждался, зато он хороший писатель».

Бездарность бездарна во всем. Этим, кстати, доказывается и абсолютная глухота Солженицына к произведениям действительно великих писателей, коих он нещадно судит. Ему не по нраву Шекспир, Шиллер, Диккенс, по-отечески критикует он и Пушкина, Достоевского, Толстого, Некрасова, Платонова... Все истинно великие писатели видели себя наследниками мировой культуры, и только однодневки и бездарности видят себя в противоречии со всей традицией, так что Солженицын и по этому критерию явный самозванец. Из современников ополчился зачем-то на Паустовского и особенно на Шолохова. Именно Солженицын поднял вой на весь мир, что Шолохов плагиатор, что не он написал «Тихий Дон». Слава Богу, год назад рукопись Шолохова была обнаружена, и наконец-то он избавлен от клеветы. Но важен сам факт: Солженицын вместо того, чтобы увидеть настоящего великого писателя и благоговейно склонить перед ним голову, начинает злобно нападать на него.

Интересно сравнить две эпопеи: «Тихий Дон» и «Архипелаг ГУЛАГ».

«Тихий Дон» написан действительно народным русским языком, но не абстрактно-народным-вообще-языком, почерпнутым из словаря, как «Архипелаг», а южно-русским, донским языком, почерпнутым из народной речи. В произведении Шолохова нет фактов, взятых с потолка или «по слухам», нет публицистики и документалистики, цитат и цифр, все там пропущено через душу и поступки героев. У Шолохова герои постоянно мучаются от противоположных страстей и разрываются между противоположными истинами. Нет правды ни у красных, ни у белых, а точнее, у каждого своя правда. И главное, понятно, что правда, которая на другой стороне, она именно правда, и ты со своей правдой воюешь не с неправдой, а тоже с правдой. В этом и трагедия, и диалектика характеров героев, которые меняются на протяжении книги.

Теперь смотрим «Архипелаг». Там никто не меняется, там все ясно с самого начала, ясно, где добро, а где зло, там все как в бразильских телесериалах: есть добрая рабыня Изаура или Мария Лопес и злой Луис-Альберто, злой по непонятной причине, просто некий карикатурный злой злодейский злодей.

Поэтому читать «Тихий Дон» это все равно что самому пройти через горнило эпохи, измениться и стать сильнее, мудрее, а прочесть «Архипелаг» это все равно что посмотреть телесериал. Да у братьев Стругацких и то больше нравственных исканий и экзистенциальных проблем поднимается в романах, чем у этого «великого» писателя!

Гарантированное величие

Совершенная окаменелость души характерна и для самого Солженицына. Великие писатели знали падения и разочарования. Они сжигали свои книги, как Гоголь «Мертвые души» или Булгаков «Мастера

и Маргариту», начинали жизнь заново, как Лев Толстой, или разрывались от противоречий, как Достоевский. Не таков Солженицын: он сразу и прочно сел на любимого конька «гарантированной правоты», с которого удобней всех судить, и так и не слез с него до конца жизни. Ни разу его взгляды не претерпели изменения, он ни в чем не покаялся и ни за какие прошлые ошибки не попросил прощения. А за что просить, ошибок-то якобы не было... Наоборот, этот носитель «абсолютной истины» (опять дадим слово Бушину):

«...с кем себя только не сравнивает, кому только не уподобляет! То могучему титану Антею, сыну бога морей Посейдона и богини земли Геи, а то храброму да ловкому царевичу Гвидону из пушкинской сказки. То пишет о себе как о бесстрашном царе Давиде, сразившем гиганта Голиафа, а то как о русском бунтаре Пугачеве. Или изображает себя великим героем вроде Зигфрида, что ли, поднявшим меч сегодня против Дракона, а завтра — против Левиафана... Очень нравится также Александру Исаевичу рисовать свои литературно-политические проделки в виде грандиозной кровавой сечи, где сам он — лихой рубака: «Я на коне, на скаку... Победительна была скачка моего коня... Рядом другие скачут лихо... Вокруг мечи блестят, звенят, идет бой, и в нашу пользу, и мы сминаем врага, идет бой при сочувствии целой планеты» и т.д. Что же это за сеча, столь ужасная? Да, оказывается, заседание секретариата Союза писателей, на котором за чашкой чая обсуждался очередной гениальный роман Солженицына. Говорит он о себе еще и так: «Я — Божий меч».

Какую же абсолютную истину открыл нам этот «пророк»? Известно, что великие писатели влияют на великих философов: Ницше был восхищен Достоевским, Мартин Хайдеггер, величайший философ XX века, в своих книгах ссылаясь на Толстого и Достоевского, а уж Камю или Сартр тем более. Другой великий философ XX века, правда, во всем против-

положный Хайдеггеру — Людвиг Витгенштейн — выучил русский язык только чтобы читать Достоевского. После книг Солженицына число людей в мире, желающих учить русский, наоборот заметно убавилось, как и вообще число людей, положительно относящихся к России...

Какие истины нам открыл Солженицын в своем творчестве, какие грани бытия? Что «коммунизм это плохо»? Ну, тут он ничего нового не придумал по сравнению с Гитлером и Геббельсом... Какой философ, прочитав Солженицына, нашел там откровение? Действительно, есть один выродок, фанат Солженицына — это Андрэ Глюксман, французский философ, большой друг и адвокат Шамиля Басаева, террориста-«героя», особенно любившего захватывать роддома и школы, брать в заложники и убивать детей и беременных женщин. Всякий поклонник Солженицына, бездумно повторяющий, что он «пророк и великий русский писатель», должен понимать, что он в той же компании!

Да и откуда Солженицыну оказать влияние на философов, если сам он никогда не притрагивался к философии, что для великого писателя — нонсенс. Пушкин читал Канта, Шиллера и романтиков, поэтому и сам поднялся в отдельных стихах и письмах до утверждений, которые через полвека только озвучивал Ницше. Толстой был без ума от Шопенгауэра, Достоевский читал Гегеля, Тютчев — Шеллинга, Горький и Белый — поклонники Ницше. А Солженицын, по свидетельству его близких, из сочинений о принципах устройства мира, бытия и жизни читал только «Физику» Бродского. Вот такой он — великий гуманист и гуманистарий!

Я сам очень снисходительно отношусь к мелким огрехам в фактах, ошибкам, опусканию деталей, ругаю крохоборов и блохоловов, которые, читая текст классика, за деревьями не видят леса. Но в том-то и дело: несчетное количество вранья и ошибок в мелочах имеется, но нет великой, сложной, новой для

человечества идеи. Нет нового взгляда на мир, мировоззрения, не описан новый тип человека, все истины у Солженицына абстрактны и банальны, персонажи ходульны и карикатурны.

Набожный консерватор

Ну и что, могут возразить, поговаривают, что Солженицын — консерватор, он и не собирался давать новые истины, он напоминает старые. Полно! Весь консерватизм Солженицына столь же лубочный, ненастоящий, как и его псевдостарорусский язык.

Консерватизм, например, немислим без веры... Кажется бы, по этой части у нашего «божьего меча» все нормально... Неустанно напоминал он о своем христианстве, да и все его поклонники из постсоветской России, которые обрели веру, сделали из Солженицына чуть ли не идеолога. Этих постсоветских людей легко понять, им нужно мировоззрение. В советском, коммунистическом мировоззрении они разочаровались, в либерально-демократическом еще раз разочаровались уже в 1990-е годы... Что остается из этой «троицы» Нового времени (либерализм, социализм, консерватизм)? Остается консерватизм. Поэтому в России начала XXI века такой невиданный спрос на консерватизм и такой невиданный религиозный подъем! А тут и Солженицын в самый раз! Кто еще так вдохновенно воспевал старую Российскую империю и критиковал февральских да октябрьских революционеров? Не случайно и хоронят Солженицына в Донском монастыре, куда недавно перенесены останки консерватора-философа Ильина, не случайно и самый модный религиозный журнал «Фома» посвящает Солженицыну чуть ли не номер, и слова «пророк» там звучат на каждой странице. Искренне жаль всех наивных верующих людей, которые купились на фальшивую солженицынскую бороду и такую же фальшивую религиозность.

Начнем с того, что верующий воцерковленный человек узнается по языку. Дело в том, что он каждый день читает молитвенное правило, Библию, жития святых, псалмы, раз в неделю на службах слышит много молитв, акафистов и прочего. Естественно, хочет того или нет, он влетает в свой язык характерные обороты, сыплет цитатами и аллюзиями. Даже Сталин, во всевозможных речах на партийных съездах постоянно влетал характерные обороты то из Ветхого Завета, то из посланий Апостолов. Оно и понятно: человек воспитывался в религиозной семье и учился в семинарии, а это никакой идеологией не выбьешь.

Солженицын рос в стране воинствующего атеизма, его никогда никто из близких не видел ни за молитвой, ни в церкви, ни за чтением Евангелия, поэтому в его книгах начисто отсутствуют и соответствующие аллюзии. Что касается редких цитат, они как правило даны с грубейшим искажением смысла, да и часто с неправильными ссылками, что невозможно для воцерковленного человека. Ссылается, к примеру, на «Евангелие от Матвея», пишет, что стих 52, а там их всего 46.

Да что там Евангелие! Троице-Сергиеву Лавру, святое для каждого православного место, он называет «Троицко-Сергиевской лаврой»! Вы можете представить профессионального физика, который фамилию Эйнштейна пишет как Витгенштейн, Крузенштерн или Эйзенштейн? Нет? Вот так же невозможен и православный человек, который пишет «Троицко-Сергиевская лавра».

На этом можно было бы даже и точку поставить в вопросе о религиозности Солженицына, но есть масса других фактов, наводящих на размышления. В годы своего самопиара, перед высылкой, когда рассылал открытые письма во все общественные организации и журналы, он не постеснялся написать открытое письмо Патриарху и даже поучил Святейшего уму-разуму, обвинил слегка, посудил чуть-чуть. Вот какой православный человек!

Еще Солженицын получает в 1983 году английскую, то есть протестантскую, премию «за вклад в развитие религиозного сознания». Премия мало известная, но в два раза больше Нобелевской. Хорошо обеспечивают атлантисты своих агентов!

Пожалуй, одним из самых авторитетных православных богословов XX века был Александр Шмеман: не найти ни одного православного интеллектуала, кто бы не уважал этого человека. Как и всякий потомок эмигрантов и антикоммунист, поначалу он восхищался Солженицыным, но после нескольких встреч охладил к нему. Вот строки из его дневника:

«Итак, снова четыре дня с Солженицыным, вдвоем, в отрыве от людей. Почти ровно через год после «горной встречи». Эту можно было бы назвать «озерной», столько озер мы видели и «пережили». Постепенно мысли и впечатления приходят в порядок. На днях «на досуге» постараюсь «систематизировать».

Продолжаю после обеда. Какой же все-таки остается «образ» от этих четырех дней, в которые мы расставались только на несколько часов сна? Великий человек? В одержимости своим призванием, в полной с ним слитности — несомненно... Но (вот начинается «но») — за эти дни меня поразили:

1) Некий примитивизм сознания. Это касается одинаково людей, событий, вида на природу и т.д. В сущности он не чувствует никаких оттенков, никакой ни в чем сложности.

2) Непонимание людей и, может быть, даже нежелание вдумываться, вживаться в них. Распределение их по готовым категориям, утилитаризм в подходе к ним.

3) Отсутствие мягкости, жалости, терпения. Напротив, первый подход: недоверие, подозрительность, истолкование *in malam partem*.

4) Невероятная самоуверенность, непогрешимость.

5) Невероятная скрытность.

Я мог бы продолжать, но не буду...

В эти дни с ним у меня все время было чувство, что я «старший», имею дело с ребенком, капризным

и даже избалованным, которому все равно «всего не объяснишь» и потому лучше уступить («ты старший, ты уступи...») во имя мира, согласия и с надеждой — «подрастет — поймет...». Чувство, что я — ученик старшего класса, имеющий дело с учеником младшего класса, для которого нужно все упрощать, с которым нужно говорить «на его уровне».

Из запомнившихся разговоров:

— *нелюбовь к Тургеневу (о других писателях не говорили, о чем теперь жалею: так хотелось узнать об его отношении к Достоевскому и Толстому);*

— *«я сейчас Америку наказываю...»;*

— *Израиль сейчас наш союзник. Насколько нужно бороться с «еврейским» духом нашей интеллигенции, настолько же важно поддержать Израиль;*

— *страшно понравилась Франция. Никогда не думал, что это такая пустая (в смысле — безлюдная) и тихая страна и всюду в ней хорошо;*

— *«платоновщина» (синоним неправильного, ложного подхода к России — Андрей Платонов);*

— *про отдельных людей в России: «Это мои, те не мои...»;*

— *в свободной России я буду в стороне от дел, но руководить ими «направляющими статьями». В этом — то есть в призвании руководить и направлять — ни малейшего сомнения;*

— *семья, дети не должны мешать. «Что это вы все жеман звоните?»;*

— *с эмиграцией — каши не сваришь;*

— *Николай Второй — преступник (отречение). «Ну да, его расстреляли, но разве его одного расстреляли?»;*

— *Солидаристы — «провинциальны»;*

— *нужно крепить «Вестник» (я его укрепил финансово...);*

— *план русского университета в Канаде — до слез наивно: «агрономы» и вообще всякие деятели для будущей России... Париж 20-х годов!*

Цель, задача Солженицына, по его словам, — восстановить историческую память русского народа. Но,

парадоксальным образом, эта историческая задача («Хочу, — говорит он мне в Париже, — написать русскую революцию так, как описал 12-й год Толстой, чтоб моя правда о ней была окончательной...») исходит из какого-то радикального антиисторизма и также упирается в него.

Символ здесь: влюбленность — иначе не назовешь — в старообрядчество. При этом теоретическая суть спора между старообрядцами и Никоном его не занимает. Старообрядчество есть одновременно и символ, и воплощение «русскости» в ее, как раз, неизменности. Пафос старообрядчества в отрицании перемены, то есть «истории», и именно этот пафос и пленяет Солженицына. Нравственное содержание, ценность, критерий этой «русскости» Солженицына не интересует. Для него важным и решающим оказывается то, что, начиная с Петра, нарастает в России измена русскости — достигающая своего апогея в большевизме. Спасение России — в возврате к русскости, ради чего нужно и отгородиться от Запада, и отречься от «имперскости» русской истории и русской культуры, от «нам внятно все...». В чем же тут соблазн? В том, что С. совсем не ощущает старообрядчества как тупика и кризиса русского сознания, как национального соблазна, а Петра, скажем, как — при всех его трагических недостатках — спасителя России от этого тупика. «Русскость» как самозамыкание в жизни только собою и своим — то есть, в итоге, самоудушение...

Солженицыну, как Ленину, нужна в сущности партия, то есть коллектив, безоговорочно подчиненный его руководству и лично ему лояльный... Ленин всю жизнь «рвет связи», лишь бы не быть отождествленным с чем-либо чуждым его цели и его средствам. Лояльность достигается устрашением, опасностью быть отлученным от «дела» и его вождя. И это не «личное», не для себя, только для дела, только для абсолютной истины цели...

Четверг, 16 октября 1975

Мне [прислали] только что вышедшего солженицынского «Ленина в Цюрихе». Вспоминаю мой разговор с

С.[олженицыным] — «Я сам — Ленин...»... Россия обрвалась в крови и «гарях» старообрядчества и Россия начинается снова с него, Солженицына. Это предельное, небывалое сочетание радикального «антиисторизма» со столь же радикальной верой в собственную «историчность»... Толстой переписывал Евангелие, Солженицын «переписывает» Россию.

Пятница, 17 октября 1975

Читаю с захватывающим интересом солженицынского «Ленина в Цюрихе»... Но тут же почти с каким-то мистическим ужасом вспоминаю слова Солженицына — мне, в прошлом году, в Цюрихе — о том, что он, Солженицын, в романе — не только Саня, не только Воротынцев, но прежде всего — сам Ленин. Это описание изнутри потому так потрясающе живо, что это «изнутри» — самого Солженицына. Читая, отмечаю карандашом места — об отношении к людям (и как они должны выпадать из жизни, когда исполнили свою функцию), о времени, о целеустремленности и буквально ахаю... Эта книга написана «близнецом», и написана с каким-то трагическим восхищением. Одиночество и «ярость» Ленина. Одиночество и «ярость» Солженицына. Борьба как содержание — единственное! — всей жизни. Безостановочное обращение к врагу. Безытность. Порабощенность своей судьбой, своим делом. Подчиненность тактики — стратегии. Тотальность души... Повторяю — страшно...

Понедельник, 20 октября 1975

Кончил в субботу «Ленина в Цюрихе» и не могу отделаться от впечатления, что Солженицын захвачен — не ленинизмом, конечно, а ленинством, то есть целостностью и эффективностью ленинского «метода»...

По-настоящему умный и глубоко религиозный человек, консерватор, явный антикоммунист, пообщавшись с Солженицыным, лично пришел почти к тем же выводам, что и коммунист Бушин: Солженицын — это примитивный избалованный ребенок, нарцисс с манией величия, рассматривающий людей как «пушечное мясо» для своего догматически и схематично понятого дела.

И еще пару мнений о религиозности Солженицына приводит Бушин, одно из них принадлежит Льву Копелеву, который вместе отбывал с Солженицыным сроки и даже послужил прототипом одного из героев в романе «В круге первом»: *«Из области религии мне известно очень мало. Но я сильно подозреваю, что Александр Исаевич разбирается в делах церкви меньше, чем я. И знаете почему? Ведь весь пафос христианства, как известно, устремлен к таким нравственным качествам, как любовь к ближнему, прощение, терпимость. Судить и карать дано только Богу, а не какому-то человеку, который объявил себя святым. Вершина добродетели — прощение. Это основы христианства, а они, как известно, не прельстили Солженицына. Поэтому, хотим мы того или нет, его обращение к Богу наигранно и носит чисто прагматический характер».*

Владимир Лакшин, близко знавший Александра Исаевича позже, чем Копелев, пишет: *«В христианство его я не верю, потому что нельзя быть христианином с такой мизантропической склонностью ума и таким самообожанием».*

От человека, который много страдал, мы в праве ждать милосердия и великодушия, мудрости и любви, но в случае с Солженицыным мы имеем дело с избалованным маменькиным сыночком, обиженным на всех за то, что не потакавали его капризам, а не умудренным страданиями и опытом старцем. Бог есть любовь, но найдите в десятках томов писанины Солженицына хоть граммучику этой любви! Только ненависть к стране, которая его вскормила, бесплатно лечила, учила, вывела в люди, только по праву рождения дала все блага, которых лишена большая часть людей в этом жестоком мире. Большой жизненный опыт страданий помогает все понять и все простить, но Солженицын ничего не прощал и ничего не понял, что лишний раз свидетельствует: никакого опыта страдания у него и не было.

И действительно, последние 48 лет жизни, то есть начиная с 1970 года, когда ему вручили нобелевку, он

провел в самых комфортабельных условиях. Жил жизнью поп-звезды и миллионера с особняками и поместьями, творческой свободой, презентациями, тусовками высшего света, телеканалами, эксклюзивными интервью... Первые 20 с лишним лет то же самое: учеба, туристические путешествия. После лагерей 15 лет так же: творчество, чужие дачи, скандалы с писателями, путешествия по России за деньги жены. Остается несколько лет войны и лагерей. Но война была для всех, и для него как раз меньше, чем для других — даже ранения не было. А касательно лагерей, условия его жизни немногим отличались от условий жизни любого работника на воле. И именно этого человека называют уникалом, человеком великой судьбы...

Политическая программа

Можно подробнее поговорить о политических новациях и предложениях Солженицына типа «Как нам обустроить Россию», написанных в 1990 году. Начинает он с неистовых проклятий прошлому и живописует ужас, в котором мы находимся. Вспомните: тогда еще и рождаемость была выше смертности, и СССР был сверхдержавой, и ВВП России отдельно взятой был выше, чем в России сегодняшней в два раза... Про изношенность фондов и человеческий потенциал молчу, нам сегодня бы тогдашние ресурсы! Что он сказал бы, глядя на происходящее с Россией после 1990-х? А он молчал. Оно и понятно: многое из того, что делалось — делалось как раз по его рецепту. Творение сие многомиллионным тиражом распространилось как вкладка-брошюра в «Комсомольскую правду» не зря. Реформаторы взяли очень-очень многое из солженицынской программы на вооружение, многое и воплотили. И то, что наша страна развалилась, и вымирание пошло почти по миллиону в год, и то, что ВВП наш упал в два раза, и многие другие ужасы 1990-х — все это имеет истоком тезисы «пророка».

Солженицын начинает с главного вопроса — национального. С самого начала выступает за распад СССР и вообще против империализма, потому что «империя нам теперь не по силам». Царской России была по силам, при меньшем в три раза населении, а нам, оказывается, не по силам. Америке она по силам, хотя она весь мир стремится контролировать и эксплуатировать, а нам не нужна. Европа объединяется в Евросоюз, а нам надо ужаться до границ Московской Руси. Нам, оказывается, надо нацию, нам надо национализм вместо империализма... Знает, гад, в какое место целить!

Единственное, что может развалить многонациональную страну, — национализм. За идеи социализма или либерализма никто уже кровь проливать не будет, а вот за нацию — запросто. И именно этот опасный вирус Солженицын предлагает запустить. Ведь империя — это не просто амбиция, это высшая форма государства, призванная объединить разные народы во имя общей миссии, форма государства, стоящая над национализмами и семейно-клановой кровяной системой государства. Империя — это чисто идеальное государство, а не кровно-земное, как государство-нация. (Кровно-земной проект государства осуществляли фашисты с их лозунгом «крови и почвы»). Империя — это крайняя противоположность фашизма с одной стороны и маленького национализма мелких неисторических наций с другой стороны.

Но этого «пророк» не понимает, он говорит: откажитесь от амбиций и будете жить как в Японии! Да неужели нам и впрямь можно поставить Японию в пример? Кто из русских согласился бы стать японцем, норвегом, прибалтом, чехом? А ведь там везде жить комфортно, уютно и «сбережение народа» будет... Именно это подчеркивал Шмеман, когда упрекал Солженицына в любви к старообрядчеству.

Спор между Никоном и Аввакумом — это и есть спор о том, быть России великой империей или ма-

ленькой фольклорной страной. Никон хотел, чтобы наше христианство не отделяло нас от остального мира, а объединяло с ним. Он хотел, чтобы Россия стала лидером всего христианского мира, а не исповедовала особое христианство, которым можно гордиться наряду с другими, не похожими ни на кого феноменами: балалайками, матрешками, самоварами, лаптями...

Наш народ, в отличие от мелких народов и народиков, не ставит целью «сбережение», такая цель достойна мокриц и тараканов, настолько хорошо приспособленных к сбережению, что выживают даже при ядерной катастрофе. Наш народ привык жертвовать собой и рисковать в имя великого. Именно поэтому мы, а не японцы, были первыми в космосе. Мы, а не прибалты, уничтожили Гитлера, под которого легла вся Европа в порыве «самосбережения». Именно мы, а не норвеги, победили Наполеона. Именно мы, а не чехи, покорили и освоили шестую часть Земли, чего не смог сделать ни один народ в мире.

Я уж не стану приводить тут экономические аргументы выгоды империи: не зря объединяется Евросоюз. Сегодня экономика, чей рынок менее 500 миллионов человек, обречен на отставание и низший уровень жизни в сравнении с другими такими же экономиками. СССР с Восточной Европой имел шансы стать такой мировой конкурентоспособной агломерацией, а сейчас распавшееся пространство используют чужие транснациональные корпорации.

Далее, в «Как нам обустроить Россию» есть еще несколько «чудесных» советов: уничтожение вооружений и военного флота, который нам не нужен, отказ от финансирования космоса, который «подождет».

Когда это писалось, в области освоения космоса мы намного опережали американцев, имели больше спутников на орбите, в нашей власти был захват околоземного пространства и эфира со всеми современными коммуникациями. И это все действительно «подождало», было в загоне 10 лет...

Хорошо хоть «пророк» не посоветовал нам и от компьютерной революции отказаться, а то тоже могло бы «подождать». Сейчас мы много говорим об инновациях и хай-теке, но именно эти области, а они были тогда сосредоточены в оборонке и в космосе, именно эти локомотивы экономики Солженицын предложил для начала пустить под откос для «экономии денег». Я уж не говорю о «психологической пользе» вооружений.

Вот США: когда-то зарабатывала эта страна своим трудом, но сегодня вся в долгах и живет только за счет того, что весь мир так или иначе платит ей дань. И казалось бы, скинуть это ярмо с шеи всему миру, но нет, именно вооруженные силы и только вооруженные силы обеспечивают Америке ее нынешнее лидирующее положение. Всех бунтарей ждет судьба Югославии, Ирака, Афганистана... Американцы всегда знали, что доброе слово и пистолет лучше, чем одно только доброе слово, нам же Солженицын предлагает пользоваться только добрым словом...

Еще один источник денег для его реформ — большевистские лозунги «грабь награбленное», «отнять и поделить» все, что есть у КПСС... И вообще надо разогнать все государство, поменьше бюрократов и привилегий. Какие были привилегии в конце 1980-х? Черные «Волги»? Не видел он нынешних привилегий...

Разгон государства, невмешательство бюрократов в экономику, везде частный интерес, невидимая рука рынка — весь этот ряд советов мы тоже опробовали в 1990-е. Впрочем, Солженицын понимает, что все может закончиться анархией и даже ратует за некую сильную власть. Но как она сохранится в условиях предлагаемых им реформ всего и вся, он не говорит.

Стабильная власть — это ведь не нечто, что можно потрогать руками, это прежде всего символ, который у нас в голове, нечто, чему мы все решили подчиняться для порядка. Может даже для кого-то нечто свя-

тое, но во всяком случае нечто стабильное. Вот эту-то стабильность Солженицын и хочет разрушить всеобщей заменой всех руководящих кадров с отправкой их на земляные работы, всеобщим покаянием за некое прошлое, массой политических и экономических реформ, многие из которых есть простая смена названия.

Обойдемся без экономических аргументов, но известно, что простой паровоз в начале XX века состоял из 300 деталей, а в нынешнем мобильнике китайского производства их тысячи. И делаются современные товары в разных концах света или на разных заводах, тогда как раньше был полный цикл на одном предприятии.

За 100 лет изменились экономика и разделение труда. И СССР страдал не от избытка менеджеров, а от их огромного недостатка. Наши транзакционные издержки постоянно вносили сбой в плановую систему. Дефицит и огромные потери были не из-за слабого производства (оно было гораздо больше, чем сейчас в России, а полки магазинов при этом не пустовали), а из-за дефектов системы распределения, доставки, торговли и массы всяческих транзакционных недостатков. Но именно квалифицированных управленцев, которых экономике и так не хватало, Солженицын хочет отправить на тяжелые работы. Именно так ведь почти и сделали, и в отсутствие государства разграбили народное хозяйство целыми отраслями!

Поговорим про земельную реформу. Вот выступает он за частную собственность на Землю и за фермерство... Но это же по третьему кругу обсужденный вопрос! Наши предки были не дураки: знали, как в наших условиях хозяйствовать на земле и вели хозяйство общиной, миром. Столыпинская реформа потому и прошла неудачно, что хуторское хозяйство для наших условий ограничено годно. Поэтому и объединили всех опять в общины при Сталине — так эффективнее, чем когда каждый работает на свой двор и не работает

на город и на рынок, которому нужен хлеб. Именно потому, что коллективная форма эффективнее, и высвободились рабочие руки, необходимые для индустриализации.

Да, Солженицын прав: хлеб сеять разучились. Но именно поэтому утопично всех горожан сейчас привлечь на землю простой раздачей этой земли — не поедут. А развал колхозов по его совету и пропаганда фермерства привела только к 60-процентной зависимости России от импорта продовольствия за эти годы. Так что и здесь советы «пророка» — пальцем в небо!

Что еще? Выборность «снизу доверху»? Это уже при Горбачеве начали практиковать: выбирали и директоров, и ректоров, и бригадиров, и редакторов... Когда навывирали — в ужас пришли. Выбрали всех мерзавцев и краснобаев, а профессионалы стали не у дел. Так что даже Ельцин и другие демократы эти процессы тихонечко свернули.

Что касается выборов в поселениях и «земствах», как любит писать Солженицын, то вот: ввели у нас закон о местном самоуправлении и местных поселениях, так ведь попали в ту же ловушку, что с дореволюционными всеобщими выборами. Как известно, тогда крестьяне в большинстве своем отрядили своими представителями тех, «у кого семьи нет и кому делать нечего», вплоть до уголовников. Но и сейчас на выборах в сельских поселениях кто только ни побеждает: и кавказцы, и студенты, и судимые, и алкоголики...

Выступает Солженицын и против партийных списков, и это тоже нами опробовано в 1990-е. Привела эта мера не к мифической ответственности перед народом, а к полной безответственности. В результате вернулись к партийным спискам, чтобы у депутатов появилась ответственность хотя бы перед партией...

Вообще та часть работы «Как нам обустроить Россию», где про демократию (которую Солженицын, безусловно, признает лучшей системой, потому что

она лучшее из зол) наиболее запутанна. Он рассуждает про опыт разных стран, про демократические институты, цитирует не читанных им Монтескье и Аристотеля... По уровню все это напоминает... как бы сказать... Зайдите в Яндекс, найдите на любом из сайтов студенческих шпаргалок реферат с названием типа «Теории демократического устройства в политической философии Нового времени». Вот такой реферат, а точнее отрывки из такого реферата студента-политолога-третьекурсника и представляет из себя теоретическая часть солженицынской программы. Во всей этой главной политической работе «пророка» нет ни одной по-настоящему интересной и оригинальной идеи, не прочитанной уже в учебниках по политологии, у русских классиков аж прошлого века или в современных учебниках. Все либо банальности, либо, как показала практика, совершенно вредные предложения, которые привели к катастрофе.

Еще одно из таких предложений: выбросить на помойку все учебники по гуманитарным наукам и заменить их другими. Так и сделали: выбросили учебники, в которых писалось, что мы победили Гитлера, а ввели учебники, где Гитлера победили американцы. Ввели учебники с лживой солженицынской цифирью сталинских репрессий. Теперь заново приходится от этих дерьмоучебников избавляться, но целое поколение детей уже успело вырасти на этой солженицынской отраве, уничтожающей патриотизм и историческую память.

И вот это чудовище считают чуть ли не самым большим русским патриотом!

Непотопляемость

Скольким людям я пытался открыть глаза на Солженицына! Тщетно. Бушина цитируешь? Так он же коммунист. Жену бывшую цитируешь? Так она же с ним в разводе, поэтому и мстила... Что бы ты ни сказал

против Солженицына, сразу попадаешь в заранее заготовленный лагерь его врагов и, следовательно, любое свидетельство выглядит слишком партийно.

Главное оправдание, которое он себе придумал: мол, боролся с коммунизмом. Но сколько таких борцов, взять того же Зиновьева, покаяться за свое антисоветское прошлое со словами: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию»... Солженицын не покался ни в чем, хотя ему прямо говорили: он убивает уже не коммунизм, а Россию, врет про цифры репрессий... Он глух ко всем аргументам, «слышит только себя», — как сказал о нем Шмеман.

Мир Солженицына — закрытая система, некая секта. В квазирелигии любое возражение против нее уже вписано в нее и интерпретируется как козни дьявола. В свое время ряд ученых так же обвиняли психоанализ в закрытости, указывая на то, что любые попытки критики психоанализа тут же натолкнутся на возражение: «Критику вам внушают ваши комплексы и ваше бессознательное». Он непотопляем, как известное вещество, которое никогда не тонет.

У Солженицына тоже есть ответ на всякую критику: все, что против него, исходит от КГБ — этого аналога дьявола. Например, бывшую супругу, которая написала книгу про него, он обвинял в сотрудничестве с КГБ. Ярлык приклеен, и доверие подорвано. Для многих не думающих людей действительно ее свидетельства превращаются в заказные и ангажированные. Но надо помнить, что книги-то написаны по письмам самого Солженицына, их подлинники были у нее под рукой во время написания. Она лишь опубликовала его собственные свидетельства против него самого, пусть даже и с помощью КГБ. Если полковник КГБ скажет, что «дважды два равно четырем» это не перестанет быть истиной оттого, что выходит из такого источника.

Впрочем, Солженицын это признает, рассказывая историю про то, что на него готовилось покушение, и это все передал некий сотрудник КГБ — Иванов. Нет

бы воскликнуть: «Разве можно КГБ верить!»! Но ведь поверил же...

Кстати, Бушин находит огромное количество сходств между стилистическими особенностями прозы Солженицына и свидетельствами таинственного Иванова (см. стр. 358 — 380 книги Бушина). Артист и «житель не по лжи» сам выдумывает про покушение на себя и сам же его разоблачает... Бессовестный, тысячи раз проделываемый разными политиками фокус для придания себе популярности.

Самое же главное: уж КГБ-то точно не нужно было его убивать после всех публикаций, ведь это только популярности и мученичества бы ему придало. КГБ скорее был заинтересован в том, чтобы Солженицына забыли как можно быстрее. Но он не давал себя забыть, он настоящий медиа-персонаж. Он знал то, что знает каждая поп-звезда, Мадонна или Бритни Спирс: если про меня не говорят — меня нет. Нет упоминаний — нет контрактов, публики, спонсоров. Поэтому важны любые упоминания: про разводы, попадания в тюрьму, покушения...

Целые пиар-агентства сейчас занимаются тем, что придумывают скандалы про своих клиентов за их деньги. Но то сейчас! Солженицын же был первопроходец поп-культуры, и многое ему приходилось делать самому: например, писать доносы о покушении на себя... Поэтому поток внимания публики и премий от основного заказчика не иссякал. И Солженицын был благодарен. Он прожил в Америке полжизни и практически все его там устраивало. ГУЛАГа, например, который там есть, и не меньше сталинского, он не заметил. Русской литературной традиции вообще свойственно критично относиться к Америке. Про нее нелестно писали Пушкин, Достоевский, Короленко, Горький, Бунин, Есенин, Маяковский, Ильф и Петров, Булгаков, но не наш «пророк». Это лишний раз намекает на два обстоятельства: во-первых, он знал, кто ему платит, во-вторых, он не достоин стоять рядом со всеми вышеназванными.

Медиа-теория феномена Солженицына и его истинная историческая роль

А теперь внимание! Моя позиция радикально отличается от позиции Владимира Бушина. Я все же считаю, что Александр Исаевич Солженицын по-своему великий человек, и не в смысле «злого гения». Я не считаю, что было бы лучше, если бы Солженицына не было. Не будь его, его надо было придумать, именно такого, какой он есть: насквозь лживого и продажного мерзавца, разрекламированного на весь мир.

Чтобы пояснить свою позицию, надо сделать небольшое отступление в теорию медиа, коли уж мы имеем дело с медиа-миром и его персонажами.

Мне неоднократно приходилось объяснять, что такое «повестка дня». Но сколько ни объясняй, у читателей и слушателей создается только иллюзия понимания, потому что они не в состоянии извлечь следствия из этой теории — раз, и почему-то упорно не способны ее применять в каждом конкретном случае — два. Люди исходят из каких угодно соображений, но не применяют теорию «повестки дня», даже если она им известна.

«Наивная» теория СМИ утверждает, что читатель или слушатель — свободный человек, а сами СМИ всего лишь посредник, который ни на что не влияет, а только передает новости. Другая теория, которую можно было бы назвать «параноидальной», утверждает прямо противоположное: люди — стадо баранов, которые бредут туда, куда укажут СМИ. Сами же СМИ подают информацию тенденциозно: так, как хотят те, кто стоит за ними.

Обе теории не правы. Но теория «повестки дня» берет из них ту «правду», которая в них есть. Из «наивной» теории берется то, что публика все-таки свободна, из «параноидальной» — что СМИ все-таки манипулируют публикой.

Как примирить такое противоречие? В типичном сообщении есть подлежащее и сказуемое, есть то,

что говорится и то, о чем говорится. Так вот, СМИ не могут повлиять на восприятие сказуемых, они их произносят, но люди сами решают: правильно ли говорится то, что говорится, или нет. Люди соглашаются или не соглашаются. И пока люди думают, ЧТО говорится, они не замечают, О ЧЕМ говорится. Заикливаясь на сказуемом, люди пропускают подлежащее.

СМИ навязывают публике тему разговора, но не оценки и суждения. Но это немало: пользуясь властью навязывать тему, СМИ могут переключать разговор с одной темы на другую, отвлекать публику, если разговор пошел в неверном направлении. При этом СМИ будут выглядеть совершенно демократично и свободно. Например, журналист Соловьев приглашает в передачу «К барьеру» двух политиков крайних взглядов: один выступает за легализацию наркотиков, другой за введение смертной казни для всех наркоманов. Публика может выбрать, с кем она, публика может даже сформулировать свое мнение, причем каждый зритель в отдельности выработает то, что будет отличаться от других. К Соловьеву тоже никаких претензий: он совершенно «независимо и демократично» дал в своей программе слово представителям противоположных взглядов!

На самом деле манипуляция осуществляется на уровне темы: мы все это время думали о проблеме наркомании, например, а не о проблеме цен на ЖКХ. И кому-то выгодно, чтобы мы думали о наркомании, а не о ЖКХ, и наоборот. Но одна передача — всего лишь одна передача. Если все говорят о наркомании и мозги публики заняты наркоманией, публика не станет смотреть передачу о ЖКХ.

Так уж устроен мир: человек должен и хочет иметь мнение по тому вопросу, который сейчас обсуждается всеми. Поэтому ни одно издание и ни один журналист не пойдет против всех СМИ, чтобы не оказаться аутсайдером. Поэтому СМИ шпионят друг за другом. Они смотрят на лидеров и на тех, кто стоит на верши-

не информационной цепочки: что именно сегодня в повестке дня, о чем надо писать?

Действует принцип снежного кома: если о чем-то написали одни, тут же об этом со своей колокольни пишут другие. Но оказаться в центре этого снежного кома нелегко. Нужен или очень грандиозный информационный повод, событие, или постепенное заражение СМИ мелкими публикациями на данную тему: так, что они, уже заражая друг друга, все-таки вытолкнули бы тему в повестку дня. «Если о чем-то говорят все больше и больше людей, значит, и мы должны что-то сказать», — думают редакторы.

Поэтому важны не только положительные, но и отрицательные публикации — они в одинаковой степени выталкивают тему в повестку дня. Именно от общего количества статей на данную тему зависит, удастся ли ей попасть в центр внимания. Если такое попадание состоялось, заинтересованные потребители сами вступят в полемику между собой и раскрутят тему еще сильнее.

Доходит до абсурда. В СМИ, например, несколько лет почти не появлялось положительных отзывов о творчестве лжеисториков Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко. Но количество негативных откликов было столь велико, что творчество Носовского и Фоменко попало-таки в «повестку дня», и общество оказалось перед дилеммой — верить или не верить. Чтобы сформировать свое мнение, люди стали покупать их книги. Ознакомившись с содержанием «исследований», публика разочаровалась, и поток негативных отзывов возрос многократно. Это вызвало еще больший общественный резонанс и опять увеличило объем продаж. И так до тех пор, пока рынок не насытился, пока тема всем не надоела. Все сформулировали свое мнение, имели возможность высказать его, и на этом все.

Поскольку негативные упоминания не уступают по эффективности позитивным, в медиа-пространстве максимально задействуются методы провоцирования на ответную реакцию.

Существуют следующие приемы информационной провокации.

Намеренное усиление тезиса: например, возведение отдельного случая в систему. Делается это для того, чтобы заставить обвиняемых оправдываться и доказывать, что данный случай — исключение, а не правило. Например, мои СМИ работают против партии КПРФ. Нам известен факт, что они продали место в списке на выборах в Государственную Думу. Мы пишем, что они всегда так делают и продали все места, чем вызываем волну оправданий. Если бы коммунисты промолчали, одну публикацию бы никто не заметил, но они сами в разных изданиях подняли волну, и тема вышла в «повестку дня». И сделал это сам противник за свои средства.

Намеренно слабая аргументация и искажение фактов: используется, чтобы вызвать ответную критику, разжечь дискуссию и тем самым поднять тему в рейтингах и укрепить ее на первых строчках «повестки дня». В книге «Код да Винчи» многие умники нашли тысячи неточностей и богословских ошибок. Они написали в интернете и в СМИ статьи по этому поводу, чем вызвали одно желание у потребителя: «надо купить, прочитать и самому разобраться». Поэтому автор не сильно заранее заботился об устранении этих ошибок, он знал, что они помогут продать книгу.

Третий прием: **создание интриги вокруг объекта или явления.** Например, целый сезон журналистам вбрасывают противоречивую информацию о том, кто возглавит список политической партии на выборах, и до последнего момента это остается тайной и загадкой № 1.

Четвертый прием: **создание скандала.** Жириновский плеснул Немцову стакан воды в лицо в передаче у Любимова. Что, передача сорвалась? Нет, ее рейтинг вырос. Или Жириновскому стало хуже? Нет, его поклонники сказали: «Молодец, так и надо!». Немцову стало хуже? Нет, его поклонники сказали: «Ты выглядел классно на фоне этого хама».

Перечислять все приемы провокации в книге бессмысленно. Суть их одна — вызывать реакцию. Чем она больше, тем больше у потенциального потребителя поводов сказать: «Я сам решу!» И он идет смотреть передачу, идет на выставку, смотрит фильм, покупает книгу.

Есть еще одна проблема: кроме того, чтобы попасть в «повестку дня», надо в ней удержаться. Допустим, ты вылез из кожи вон и даже сделал событие, информационный повод, о котором и так все написали. Это хорошо, но завтра про тебя забудут. Будет новый день и новая «повестка дня». Как сделать, чтобы ты не выпал из топа? Есть масса методов пролонгации события. Например, выяснение подробностей, которых не было в первом приближении, выяснение его закулисной стороны, выяснение, кому оно выгодно, сбор комментариев референтных лиц по его поводу и вообще откликов и мнений... Но это все поможет ненадолго.

Поэтому профессионалы работы в медиа придумывают целые сценарии, шоу, то есть долгоиграющие спектакли с кучей героев и участников, каждый из которых играет отведенную ему роль, но все вместе они заставляют зрителя или читателя следить за развитием серии событий.

Что заставляет человека прийти в черный зал и три часа смотреть, не отрываясь, на экран или три часа лежать и быть поглощенным книгой? Некие законы привлечения внимания, которые есть в искусстве. В СМИ, следовательно, для привлечения внимания также используются законы драмы.

Любая кампания по раскрутке какой-то темы, товара, политика, партии — это спектакль, разворачивающийся не на сцене, а в СМИ, то есть в любом случае в голове у зрителя, слушателя, читателя. Драма же работает по следующему сценарию: завязка — кульминация — развязка. Естественно, внутри каждого акта есть свои подрубрики. Например, завязка распадается на первую часть (описание дислокации событий, не-

кого мира с его законами), вторую часть (трангрессия, переход через рамки и законы мира, некое преступление; попутно идет знакомство с главным героем и его союзниками. И так далее). Потом появляется антигерой и начинается борьба, в которой обязательно происходят перепады и чередования неудач и удач, побед и поражений, при этом ставки каждый раз возрастают. Потом «решающая битва» или некий разворот обстоятельств, перипетия, которая обнаруживает, что то, что мы считали злом, оказалось добром, а то, что мы считали добром, оказалось злом, хороший парень оказался ни при чем, а главный злодей оказался замаскированным шпионом добрых сил, второразрядный персонаж — главным злодеем и так далее... Естественно, вариантов выстраивания интриг и сценариев очень много.

Один сценарий для примера. Маленькому ребенку нужна срочная операция, у него редкое заболевание в острой фазе. Журналисты показывают сюжет и обращение матери в надежде, что кто-то откликнется на призыв и даст денег на операцию в Германии. На следующий день поступают первые взносы, но их мало, ситуация накаляется. Наконец, когда весь город уже на нервах, некий неизвестный человек заявляет, что он оплатит все расходы. Ура, ребенок спасен. Все следят за тем, как его провожают в Германию, далее идут сюжеты о встрече в Германии, далее все, затаив дыхание, следят за операцией, потом радуются после того, как она успешно прошла. Потом интервью с хирургом, и он говорит, что еще бы несколько дней, и все...

Потом девочка возвращается домой и ее встречают на вокзале. Но вот среди встречающих — неизвестный человек, не он ли оплатил операцию? Версии: кто мог оплатить... Разоблачение, доказательство того, что оплатил один из депутатов. И вдруг новый разворот событий: некий кандидат, соперник депутата-героя по выборам, скандалист и мерзавец, трижды судимый, подает на депутата-героя в суд и обвиняет его в подкупе избирателей.

Дело в том, что девочка и ее мама живут в избирательном округе этого кандидата. Глава избиркома говорит, что «закон суров, и если будет решение суда, он снимет данного депутата с выборов за подкуп избирателя». Известные люди города высказываются в поддержку депутата-героя, другие люди собирают подписи под обращением к кандидату-скандалисту: «Отзови свой иск». Депутат-герой делает заявление, что помощь девочке для него дороже мандата, и если так — он готов сам сняться с выборов. На следующий день суд отклоняет иск кандидата-скандалиста по формальной причине: заявление просто неправильно оформлено и он не заплатил пошлину. А на следующий день уже выходят сроки подачи иска. Все смеются над незадачливым скандалистом, а он еще раз пытается судиться теперь уже в более высоком суде по поводу действий суда первой инстанции. Спаситель девочки — герой, которому помог случай или сам Бог.

Вот целый сценарий с массой информационных поводов. Надо ли говорить, что тут все могли играть в одной команде. И девочка с мамой, и врачи, и кандидат-герой и кандидат-скандалист, который был подставным, и прочие. Если после первых репортажей и публикаций о том, что заболел ребенок, эту тему не подхватили другие СМИ, а часть публики бы тоже ее пропустила, то после подачи в суд тему подхватывают уже все СМИ и ею интересуется уже большинство публики.

Степень симуляции у каждого участника процесса может быть разной: мама с дочкой вообще могли сгустить краски насчет болезни, или это мог быть реальный ребенок, которому действительно нужна помощь, но которого бы никто не заметил, если бы его не нашли пиарщики из команды кандидата-героя. Скандалист-уголовник, возможно, был подставным техническим кандидатом, который специально подавал в суд, а может, его использовали втемную, просто внедрив к нему своего юриста, который неправильно подал иск. Когда все знают, что играть, меньше неожиданностей,

но когда многие работают втемную, то больше искренности и меньше опасности разоблачения спектакля. Кстати, разоблачение подобных спектаклей тоже может быть частью новых спектаклей. И они могут идти бесконечно.

Спектакли могут быть сложными и простыми, все может уместиться в схему: позитивное событие — например, помощь кому-то; атака со стороны злой силы — например подача в суд; победа здравых сил, в конце концов. Прикиньте, насколько бедней смотрится история, состоящая из одного акта.

Представьте, что какой-то кандидат на выборах просто сделал информационный повод: помог детскому дому. И все. В лучшем случае его покажут с этим один раз, хотя, скорее всего, даже один раз не покажут. Но если покажут, то на следующий день тема будет забыта и забита другим информационным мусором. Но если зритель и не забыл этот сюжет, не факт, что он не скажет о кандидате: «Все они перед выборами детским домам помогают, хитрые какие, избираться хотят». То есть единичные информационные поводы, без разворота, без противодействующих сил, без борьбы, вообще не выводят в «повестку дня» и не застревают в голове как некий позитив.

Всякий информационный повод или событие не только могут, но и должны быть частью драмы. В этом смысле если ваш соперник просто делает информационные поводы, но не заботится о том, что с ними будет дальше, то есть не пишет драму, не делает спектакля, можно сделать спектакль за него и повернуть все, что он делает, против него.

Например, некий кандидат по всем телеканалам показывает ролики трех ветеранов и инвалидов, которые рассказывают о том, как он помог им в период своего депутатства. Он сделал это и забыл. Но команда соперника не дремлет: она находит трех персонажей роликов и показывает им море компромата на данного кандидата, причем реального: «Вот вы за него агитируете, вот он вам помог на копейку, а других людей

обокрал на рубль. Как вам не стыдно! Вы его можете избрать, а он завтра опять будет воровать». Из троих двое соглашаются сняться в ролике, где говорят, что на самом деле помощь от депутата была мизерной и только в качестве платы за то, что они его поддержат в роликах. Это тут же выдается в эфир. Те, кто только что выступал «за», теперь выступают «против», но более искренне. И люди верят именно второму ролику. Дальше больше: двум этим людям поступают анонимные звонки с угрозами и они подают заявления в милицию о том, что им угрожает их бывший депутат-работодатель. Звонки может делать команда кандидата-соперника, но ветераны-то об этом не знают, они идут на пресс-конференцию, костерят депутата... Вот так: то, что начиналось как твоя тема, вывернуто против тебя, потому что ты бросил тему на полдороги.

В офисах часто можно видеть такой плакат: аист проглатывает лягушку, но две ее лапы еще пытаются схватить аиста за горло. Под плакатом подпись: «Никогда не сдавайся». Это верно: нет такого момента в драме, когда можно сказать: «Время вышло, игра закончена». Всегда есть возможность продолжать бой, даже после выборов, которые проиграны, как нам показали «оранжевые революции», можно победу забрать себе. А если игра в разгаре, то любую, самую выигрышную для соперника ситуацию можно повернуть к его самой ужасной невыгоде. Причем, чем большим героем он казался, тем большим антигероем будет в случае разворота событий. Чем выше ты залез — тем больше падать.

Например, представьте: какая-то команда, работающая на соперника депутата-героя из вышеприведенного примера, пошла по следу и раскопала, что все это пиар-трюк, купила бы сотрудника штаба, который бы вынес бумаги со сценариями и дубли видеозаписей, или съездила бы в Германию и обнаружила, что врач, который делал операцию, оказывается, был предупрежден о ней за три месяца до самой операции, а значит,

все подстроено. И вот герой, который «спонтанно помог девочке», опозорен на весь город как циничный мерзавец: всех надул, использовал чужое горе в своих политических целях или вообще инсценировал горе, играя на добрых чувствах людей. Только что был на коне и, казалось, недосыгаем до других кандидатов, и вот уже он негодяй № 1.

Ага, скажет читатель, ну и как не опустить руки в такой ситуации, ведь теперь падшего клиента не вытаскать... Неправда, и тут вытаскать можно. Если сразу после репортажей о том, что он надул всех насчет девочки, появится пленка, где он сидит и ест младенцев, насилует еще десяток девочек, то очень легко будет представить эти, безусловно, фальшивые и смонтированные пленки, как череду черных пиар-ходов соперника и в этой же чередке и «фальшивые заявления немецкого хирурга» и прочее. И вот только что поверженный депутат-герой опять себя неплохо чувствует, главное, чтоб все делалось быстро.

Только когда событие и герой прошли через ряд перипетий и вышли закаленными как сталь, а сталь закаляется переменным ее погружением то в лед, то в пламень, мы действительно будем иметь, в конце концов, некий исторический факт, который накрепко засядет в мозгах и будет определять дальнейшие условия игры.

Всякое великое дело тем более должно быть не просто воспринято и понято в своей позитивности, оно должно пройти горнило испытаний, через свое отрицание, а потом через отрицание отрицания. Как говорил великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель, развитие идеи проходит три стадии: тезис, антитезис, синтез или положение, отрицание, отрицание отрицания. При этом последний акт — отрицание отрицания — самый важный. Другой немецкий философ, во многом противоположный Гегелю — Фридрих Ницше, также говорил о необходимости «утверждения утверждения», то есть удвоения любого действия воли, его повторения,

если оно хочет быть настоящим. Законы драмы, законы эстетики, законы прекрасного — это не просто законы пиара и медиасферы, это законы самого Бытия, которое мыслят философы. То есть не законы пиара, а пиар использует законы Бытия, и именно потому, что они законы Бытия, пиар и медиасфера их может использовать.

А теперь вернемся к Солженицыну. Когда мы победили фашистов в 1945 году, это был первый акт драмы, говоря словами Гегеля, — тезис. И мы, конечно, стали петь песни о победе, снимать фильмы, писать книги... То есть действовали как человек, который помог детскому дому и всем об этом рассказывает целый год. Это очень нравится ему самому, но не работает на внешнюю публику и на будущие поколения. Скажите, как должны реагировать европейцы на наши фильмы о войне и наши книги о солдатах-героях, если европейцы — это мелкие трусы, испугавшиеся Гитлера? Да каждый такой фильм — это удар по их самолюбию. Вот они и старались игнорировать наши саги и былины, в лучшем случае.

Теперь возьмем молодое поколение нашей страны, которое не воевало. Им рассказывают, какие молодцы были их отцы и деды. А читается: «не то что вы», «не то что нынешнее племя, богатыри — не вы!»... Был такой феномен, получивший название «детей победителей». Эти дети героев вырастали «забитыми по шляпку» своими харизматичными отцами. Одержимые «эдиповым комплексом», они тайно ненавидели жестких и властных отцов и хотели только одного: чтобы надоевшая ненавистная отцовская пропаганда уже когда-нибудь кончилась («Ой, опять фильм про войну... Давайте лучше посмотрим про ковбоев...»).

Именно «закомплексованные европейцы» и «сынки победителей» стали первыми жадными и благодарными читателями солженицынских книг. Это была сладкая месть отцам-победителям в СССР. А в Европе это была месть русским, которые единственные не легли под Гитлера, и теперь кичатся этим.

Книги Солженицына и вообще вся «холодная война» — не что иное как второй акт всемирной драмы (переводя на гегелевский язык: «этап отрицания»). И это отрицание доходит до самой страшной кульминации: антигерой фактически побеждает героя, тот лежит поверженный, а антигерой-злодей наслаждается тем, что делает наложницами жен и дочерей героя, грабит его имущество, оскверняет его святыни...

Развал СССР и есть такое унижение. Кто не придет в отчаяние от того, что стало с нашей страной, победившей зло полвека назад и спасшей мир? При этом антигерой, взяв того же Солженицына как его воплощение, — просто глумливый предатель-дезертир-стукач, добродетельная маска которого шита белыми нитками и достаточно внимательного взгляда, чтобы увидеть его сущность. Антигерой и антисила-Америка, которая называла нас «империей зла», сама ведь и оказалась таковой «империей зла», как только ей дали волю. Она понаставила везде военных баз, поработила Европу. Она меняет власть в суверенных государствах, бомбит мирных жителей. Она убивает собственных граждан ради того, чтобы сделать всемирное шоу с разрушением небоскребов-«близнецов», лишь бы получить карт-бланш на установление нового мирового порядка. Это ведь то же самое, что и поджог фашистами собственного рейхстага, для того, чтобы был повод начать преследовать коммунистов в Германии. Новый американский фашизм в новом облике устанавливается на планете...

Но вот что важно понять: это все только второй акт, только кульминация. Проиграна не «холодная война», проиграна битва, и впереди еще третий акт! Впереди еще «отрицание отрицания», впереди еще «утверждение утверждения»! Мы должны выиграть войну у мирового фашизма еще раз, мы должны выиграть ее в головах у всего человечества! И это должно произойти через разоблачение антигероев и негодяев, тем более, что эти негодяи только и созданы для того, чтобы их разоблачали.

Если бы Солженицын был настоящим героем-фронтовиком, настоящим «невинно пострадавшим от репрессий», действительно прошедшим через страшную каторгу, как Достоевский, если бы вся его дальнейшая жизнь была полна метаний, исканий, страданий, а не самопрезентаций и клеветнических выступлений, сопровождающихся овациями и гонорами, то воевать с таким святым было бы невозможно. Это бы и означало, что наше дело несправое, раз такие люди выступили против него. Но если выступали законченные мерзавцы типа Солженицына, значит дело было правое, и значит, в основе, в фундаменте лежит добрый камень, без червоточин и трещин.

Когда пиарщики пишут сценарии и сами планируют нападки на себя, они специально подбирают на роль негодяев людей с явным или скрытым пороком: судимых, скандалистов, извращенцев, именно для того, чтобы потом показать, что все разоблачения из уст такого субъекта ничего не стоят.

Тут ничего придумывать не надо: Солженицын идеальный скандалист и прохвост. И он тем больше подходит для этой роли, чем лучше маскировался и чем выше забрался на поприще общественного признания. Чем выше залез — тем больнее падать. Перипетия в отношении к нему, а следовательно, и в отношении «дела всей его жизни», должна быть максимально крутой: пик признания должен смениться пиком падения в крутую и бездонную пропасть.

Если бы руководство СССР не было помешано на науке и технике, а больше внимания уделяло гуманитарному знанию, оно бы само придумало Солженицына, вело бы его по всем дорогам судьбы и, в конце концов, привело бы к великому и окончательному разоблачению. Для чего? Во-первых, для победы в «холодной войне»: будь Солженицын разоблачен уже в начале 1980-х, никакой перестройки бы не было, и вся история пошла бы иначе. Имеется в виду весь комплекс спецопераций «холодной войны», а не только роль Солженицына. Во-вторых, это надо было для

того, чтобы показать драму в трех актах, а не в одном. Это надо для того, чтоб не повторить судьбу несчастных троянцев, которые выиграла войну с греками, потом бездарно бросили свою победу и о ней никто не узнал за 3000 лет.

Но если нечто появилось само собой и работает втемную, это получается более настоящим. Лучшего негодяя, чем тот «естественный Солженицын», который есть, не придумаешь. Будь он еще и педофилом, это был бы дурной тон и перебор. Мы должны быть благодарны ему за то, что он сделал сам всей своей судьбой, за свой счет (имеется в виду не денежный, а экзистенциальный) огромный подарок России — он сыграл большую роль во втором акте пьесы (возможно, без него и не состоялся бы этот акт). Он сделал так, что Россия находилась в «повестке дня» всю вторую половину XX века. Да, пусть с отрицательной стороны, но, как мы помним, отрицательные упоминания тоже важны. Наши остолопы, стоявшие у руля страны, проспали второй акт — Солженицын работал за них. Проблемы «мирового коммунизма» определяли всю мировую политику в течение послевоенного периода времени, весь мир также внимательно следил и за перестройкой, и за нашими бурными 1990-ми. Мы стали неинтересны только после 11 сентября, когда стала меняться мировая «повестка дня», в которой нам уже не было места.

Реально это означает, что мы всерьез утрачиваем мировое лидерство. Мы его еще имели даже в 1990-е хотя бы в качестве пугала, но сейчас на наш спектакль просто никто не смотрит, а это значительно хуже.

Победить еще раз!

Теперь нам вместе предстоит срежиссировать следующую драму: еще раз поставить себя в «повестку дня», рассказав всему миру, как все было на самом деле и как нас оклеветали. А заодно напомнить о себе и

своих великих заслугах. Это должен быть большой государственный проект, это третий акт той самой мировой войны. И мы не имеем права не участвовать в нем, как не могли отказаться наши деды. Они победили, и мы обязаны победить, если хотим быть достойными их подвига. Может, история и не знает сослагательно-го наклонения, но она знает повелительное! Вот наша историческая задача.

Это как если бы во время выборов мы помогли людям, потом подали на себя в суд от имени бомжа, а потом выиграли этот суд. Только, в отличие от такого спектакля, речь идет о всемирно-исторической драме, и мы должны выиграть исторический суд. Нелепо останавливаться на полпути, давать нашему же «историческому бомжу» выиграть против нас суд и снять нас с исторической дистанции. Прошел второй акт, но кульминация слишком затянулась. Она не может длиться долго, зрители просто перестанут смотреть.

Мы упускаем время, хотя оно не до конца упущено. Сейчас Европой, например, правят люди, которые знают, кто такой был Солженицын. Все, кто старше 40 лет, знают это. А если учесть, что Европа в принципе — это сборище стариков, то мы еще можем работать с половиной населения. В России возраст публики, которая знает Солженицына, больше 30 лет. С ней можно работать. Но через 10 лет будет поздно, особенно насчет Европы и остального мира. Может получиться так, что мы будем объяснять что-то про войну, про сталинские репрессии, про Солженицына, про «холодную войну», а нам в ответ будут говорить: «О чем вы?». Может получиться так, что мы будем иметь дело с людьми, которые не видели второго акта пьесы. Очень плохо, если люди увидели только первый акт, но еще хуже, если посмотрели только два акта. И полный аут, если они вообще не видели ни одного.

Самое страшное сейчас наша историческая дебилизация. Мы, вместо того, чтобы понять, что нам

дан уникальный исторический шанс совершить перипетию мировой истории, сидим под впечатлением собственного поражения. Мы ведем себя не как главный герой, которому надо подняться и победить, а как зритель, который видит упавшего героя и думает, что фильм уже кончился и никакого «хэппи энда» не предусмотрено. Пораженчество господствует повсюду: «Мы проиграли «холодную войну», «Нам теперь ни за что не вернуть Украину», «Нам надо представить себя как самый пострадавший от тоталитаризма народ»...

На самом деле нет ни одного поражения, которое нельзя было бы превратить в преимущество и сделать основой успеха.

И первым делом для напоминания всему миру о нашей великой победе, надо... Нет, не эксгумировать тело Солженицына и отправить его с земли Донского монастыря в Америку, которой он служил. Надо сначала провести соответствующую подготовку.

Дело в том, что шокирующие пиар-событие, информационный повод, который является выстрелом стартового пистолета для всех СМИ писать о той или иной теме, подобно зажженной спичке, которая подносится к бочке с порохом. Но прежде чем зажигать спичку, нужно подготовить бочку сухого пороха. А именно: нужно создать в мире ядро специалистов-экспертов по Солженицыну, его биографии, по истинным цифрам сталинских репрессий, по нашему вкладу в период войны. Это должны быть люди, которые на наши гранты напишут десятки солидных книг по этой теме. И только потом, когда случится стартовое событие, это ядро взорвется: то есть люди получают повод рассказать, все что знают, а также трибуну и интерес зрителей.

Далее (и это самое важное!), начинать надо не с России. А именно с заграницы. Если мы сейчас у себя начнем ставить памятники Сталину, без предварительной обработки массового сознания в мире, мы рискуем опять противопоставить себя всему миру: дескать,

Россия вернулась на путь тоталитаризма и проч. Сначала им надо разъяснить (а это огромная кампания на весь мир, сделанная руками прежде всего мировых же ученых и публицистов), что Солженицын — плод «холодной войны», что все они были 50 лет лохами, верящими в сказки и проч. А вот после этого уже можно взрывать детонатор у нас (он спровоцирует общемировую дискуссию).

Что может послужить таким знаковым событием и информационным поводом?

Первым делом надо вернуть на карту великий город — Сталинград. Это даст огромную волну публикаций по всему миру: что, зачем, кто? Им придется самим напоминать читателям и зрителям о той войне и той победе. И для нас хороший информационный повод написать правду.

Привычная, кочующая из книги в книгу, формулировка «битва под Сталинградом стала началом коренного перелома во Второй мировой войне» на удивление точно отражает подлинное историческое значение этого события: характер войны после Сталинграда действительно радикально изменился. И не только потому, что с началом контрнаступления советских войск в ходе битвы на Волге 19 ноября 1942 года и блистательным завершением этой операции, увенчавшимся капитуляцией сотен тысяч нацистов во главе с их фельдмаршалом, наша армия перехватила у немцев стратегическую инициативу. И в трагические дни начала войны и во время обороны Москвы и Ленинграда советские люди проявляли массовый героизм и беспримерное мужество. Но с наибольшей силой героизм проявился именно в Сталинграде: «За Волгой для нас земли нет!».

Когда несметные полчища фашистов и их сателлитов обрушились на город и практически захватили его, им противостояли остатки 62-й и 64-й армий, чудом зацепившиеся за кусочек земли на берегу великой реки. «Нам надо пройти до Волги еще только один километр, но мы его никак не можем пройти.

Мы ведем борьбу за этот километр дольше, чем за всю Францию, но русские стоят, как каменные глыбы». Эту дистанцию писавший эти строки в своем дневнике немецкий солдат, как и сотни тысяч других гитлеровцев, нашедших могилу в руинах Сталинграда, в 1942-м так и не одолел. Мужество советских бойцов действительно стало камнем, о который в осколки раздробилась под Сталинградом хваленая тевтонская сталь...

Незадолго до Сталинградской битвы был издан Приказ Сталина № 227, который указывал, что все те, кто отступил или сдал позиции врагу без приказа сверху, будут расстреляны без малейшего промедления. «Ни шагу назад!» — вот был призыв. Знаменитый приказ зачитывали перед строем не как угрозу, а как разъяснение стратегии. Дело в том, что среди солдат и офицеров не без влияния фашистской пропаганды распространилось губительное заблуждение, что можно вести войну «кутузовским способом»: то есть отступать до Урала, заманивая немцев вглубь и беспокоя партизанскими вылазками.

Для справки: это бы не сработало. С потерей европейской части СССР терял большую часть промышленности, почти все коммуникации, все источники горючего, нефти, другого сырья, продовольствия и проч., ведь в Сибири тогда ничего еще не разрабатывалось. Не удалось бы и эвакуировать большую часть мирного населения, которое в условиях геноцида сократилось бы за несколько лет на 50 миллионов. Увидев поражение, в войну вступила бы Япония, а нам нечем защищать Дальний Восток. Как могла бы отвоевать все территории обратно маленькая, лишенная всех ресурсов «сибирская республика», в которую бы превратился СССР? А ведь потерянные нами ресурсы достались бы врагу и сделали его сильнее... Никогда не был бы открыт Второй фронт в Европе, и все народы Европы были бы онемечены.

Этому очень вероятному будущему был положен конец приказом Сталина «Ни шагу назад!» и созна-

тельным выполнением этого приказа — героизмом советских солдат и офицеров!

Именно от немногих измотанных боями людей зависела судьба великой битвы, всей войны, всего мира и всей истории. Соотношение сил составляло: по людям 1,2:1, по орудиям и миномётам 1:1, по танкам 2:1, по самолётам 3,6:1 в пользу противника(!!!!!). Кто скажет, что мы победили «трупозаваливанием»? Только героизмом и воинским искусством! Необходимо было выстоять любой ценой — пока Сталин и Ставка Верховного Главнокомандующего подготовят силы для контрнаступления. И наступление было подготовлено: блестящая военная операция «Уран», вошедшая во все учебники военной истории: главная битва Второй мировой войны, где с обеих сторон сошлось до 2,5 миллионов человек. Всего за время Сталинградской битвы, с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года, армии фашистского блока потеряли около 25 % сил, действовавших на советско-германском фронте. До 1,5 миллионов солдат и офицеров противника (с учетом потерь ВВС) было убито, ранено и взято в плен.

Да еще 30—50 лет назад слово «Сталинград» знало все человечество. Любой американец, англичанин (про немцев уж не говорим) считал Сталинград символом силы русского духа, слово стало интернациональным, таким же, как позже станут «спутник», «Гагарин» и проч.

В период «холодной войны» за рубежом начали делать все, чтобы как-то умалить роль СССР как спасителя мира от фашизма. Главной битвой Второй мировой была объявлена битва за Эль-Аламейн (так сейчас написано во всех учебниках истории ведущих стран мира). В этой битве 230 тысяч союзников напали на 80 тысяч фашистов и сумели-таки чудом победить, уничтожив всего 55 тысяч гитлеровцев. Сравнили цифры?

Но даже злобные антисоветчики не додумались вычеркнуть Сталинград из истории, его просто упоминали через запятую рядом с другими «важными

битвами». Судьбу героического Сталинграда в 1950-е росчерком пера решил Хрущев, отнявший у волжской твердыни ее имя. Переименование города-легенды в безликий Волгоград было кощунственным по своей сути. Для миллионов россиян и, прежде всего, фронтовиков, город русской славы был и навсегда останется Сталинградом. Хрущев сделал то, что не удалось Гитлеру со всей его многомиллионной армией — он уничтожил Сталинград. Ему удалось то, о чем мечтали все идеологи «холодной войны» — стереть память о русской славе.

Если у вас есть знакомые подростки, наши (про американских мы вообще молчим), спросите их: что они знают про Сталинград. В лучшем случае услышите невразумительное мычание. Они знают Роки, Рэмбо и Брюса Уиллиса, но не героев Сталинграда — Павлова, Зайцева, полководцев Чуйкова и Еременко. А ведь прошло всего 65 лет. Не века, не тысячелетия! Это меньше, чем жизнь одного человека!

В прошлом году было 65 лет со дня великой победы под Сталинградом. Где напоянения, где торжества? Где воспитание молодого поколения? Продолжается хрущевщина...

Аргументы противников восстановления исторической справедливости, что, это, дескать, оскорбит память жертв политических репрессий, не выдерживают критики. Во-первых, лишение имени города-героя оскорбляет память павших в той битве, а их неизмеримо больше (цифры «пострадавших от репрессий», как выяснилось, завывались в 10 раз во времена Хрущева и в перестройку). Во-вторых, в городах демократической Европы, где к Сталину понятно с какими чувствами относятся, многие площади и улицы носят имя Сталинграда, и тамошним либералам даже в голову не приходит менять таблички. В-третьих, едва ли не одним из первых решений демократов после 1991 года в России было возвращение северной столице ее исторического имени. И все это приветствовали. Так отчего же такая избирательность? Что, Петр I был вопло-

щением гуманизма? И можно ли забыть, что Северная Пальмира стоит на костях десятков тысяч крепостных?

Понятно, что такое переименование — дело правительства, но массы могут высказывать свое мнение. Кроме того, это не единственная акция.

Нужно мобилизоваться и не ждать, когда государство и правительство сделает что-то за тебя. Сейчас наверняка многие из тех, кто читает эти строки, думают: «Эх, обидно, что так получилось в истории: нас оболгали, оклеветали перед всем миром. Что же наши власти сидят и ничего не делают, надо всем объяснять, рассказывать...».

Во-первых, во власти в большинстве еще находятся те, кто искренне верит в гений Солженицына, в миллионы, убитых Сталиным и проч. Они сами еще нуждаются в просвещении, они скорее объекты, а не субъекты просвещения. Есть, правда, те, кто все знает, но со всем смирился. Такие придумали себе иезуитскую логику: «Все равно весь мир не переубедить в том, что Сталин плохой, поэтому единственное, что мы можем делать, — это говорить: да, вы все пострадали от Сталина, но больше всего пострадали мы же сами, поэтому не наказывайте и не обвиняйте нас, мы жертвы». Во как!

И ведь ждут, когда их простят и пожалеют на Западе. А странный Запад вместо жалости говорит: «Так вам и надо за то, что вы нас обижали». А странный Запад, который в ножки нам должен кланяться за спасение и за то, что мы миллионы своих жизней отдали за их жизни и свободу, все продолжает выступать как прокурор...

Логика самоуничтожения не приведет к тому, что нас вдруг простят и зауважают. Наоборот, только больше будет претензий и презрения. В этих рассуждениях есть зерно истины: да, только мы имеем право судить себя и свою историю, ваше же западное дело — лишь благоговейно внимать стране героев. Гордость за героизм дедов, а не комплекс неполноценности надо вос-

питывать в нашем подрастающем поколении и в нашей будущей власти, а не ждать, когда власть что-то там сама из себя поймет.

И вообще никогда не надо кивать на власть, Толстой, когда спустя больше полвека после войны 1812 года писал «Войну и мир», великую эпопею о нашей победе, не кивал на власть и не ждал, когда его попросят написать эту книгу, а потом продвигать ее на Запад. Он писал. А ведь были пораженцы, которые твердили, мол, неактуально, неинтересно, это дело старое и забытое. А получилось так, что весь мир с интересом прочитал про забытую войну. И не просто прочитал, а восхитился еще раз мудростью русских полководцев, мужеством наших солдат, человечностью наших людей. И Толстой ответил на «загадку Наполеона»: как могла лапотная Россия победить высшее порождение Европы, которым вся Европа восхищалась и которому покорилась. Толстой показал, что Россия была выше Европы, а не ниже, как в пылу самолюбования думали европейцы.

Кто мешает вам, читающему эти строки, стать новым Толстым, который воспевает войну 1945-го и последующую историю? Кто мешает снять документальный фильм с интервью настоящих ученых о репрессиях? Кто мешает поднять кипы перестроечных газет с цифрами о миллионах убитых Сталиным и показать, как осуществлялась промывка мозгов 300 миллионам наших граждан? Кто мешает сделать сайты в интернете на русском и иностранных языках с цифрами и фактами? Кто мешает написать истинную биографию Солженицына, не такую путаную как у Бушина, а для массового читателя, и издать ее на всех языках мира?

Говорят, нужны деньги и время. А кто из наших дедов говорил в 1941 году, чтобы ему дали деньги и тогда он пойдет воевать? Люди шли в добровольцы, в партизаны, каждый жертвовал и своим временем, и своими силами, и часто своей жизнью и только поэтому стала возможна победа. Я пишу эту книгу не на работе, а в

выходной день, который мог бы потратить на выпивку с друзьями, на тусовки, турпоездки, да мало ли на что! И это мой малюсенький вклад в будущую победу.

Да, не все могут быть Толстыми, не все могут снимать документальные фильмы и не все могут делать сайты. Но всем по силам писать в блоги, где просто давать эту и подобную ей информацию, каждый может распространять эту и подобные ей книги. Причем не откладывая на завтра, а просто взять и сделать это сейчас. В эту самую секунду ты можешь совершить свой маленький подвиг в большой мировой войне: просто дать кому-то ссылку, просто посоветовать прочитать, просто подарить кому-то книгу.

Совокупностью таких маленьких действий и большими действиями отдельных личностей только и можно сделать историческое событие, никаким другим, более легким способом, этого не совершить. Потому что даже такой подонок как Солженицын, разрушая и клеветая, что зачастую легче, чем созидать и защищать, вынужден был совершать своеобразный жизненный подвиг, посвящая всю свою жизнь этому делу.

Поясню, что имеется в виду. Когда я пишу эти строки, в интернете и в мобильных сетях идут предновогодние поздравления. Чего только люди не желают друг другу! Но особенно меня потрясли пожелания, которые рассылают друг другу многие украинцы: «чтобы большой запас евро, чтоб в гараже стоял «Лексус», а во дворе «Феррари», чтобы у тебя был депутатский мандат, чтобы был мраморный бассейн, чтобы были джакузи и «Хенесси» болтался в пузе, чтобы были двухэтажные дачи и бани, погреба красного вина, поездки на Канары»... Это, конечно, предновогодний юмор, но то, что в основном именно на Украине такого рода пожелания процветают, симптоматично.

Земная прагматичная жизнь свойственна тамошнему менталитету. Даже в шутку такие вещи можно там посылать, а большинство, я думаю, совершенно серьезно именно так и видит идеал своей жизни. Лично меня такое пожелание просто обидело бы, даже шу-

точное, потому что желаемая в таком послании жизнь является «верхом падения», как говорят в Одессе.

Могут ли осуждать Солженицына люди, мечтающие о «Феррари» и «Лексусе», о депутатском мандате, джакузи и «Хенесси» в пузе? Имеют ли они право критиковать человека, который даже на войне писал пусть и бездарные, но рассказы, который всю жизнь не расставался со словарем Даля, а в зоне, вместо того, чтобы «забивать козла», как другие зэки, читал книги, который не поленился написать 30 томов сочинений, пусть даже лживых и бесталанных, который даже получив премии и особняки, большую часть времени проводил все-таки за письменным столом, а не играя в «Квест»? Он отдал свою жизнь творчеству, и это бесконечно выше, чем отдавать свою жизнь работе за деньги, чтобы потом эти деньги промотать на поездку на Канары, а потом опять год работать ради следующей поездки... Но именно так живут миллионы наших сограждан из так называемого среднего класса. А те, кто не добрался до этого класса, мечтают так жить...

Да по сравнению с этим «офисным планктоном», обсуждающим последние наряды Сальмы Хаек, тратящим часы на сериалы и болтовню в интернете, на ток-шоу, «Камеди клуб», «Дом-2» и прочее, Солженицын вообще святой. Он сбежал с войны в лагерь, но он герой в сравнении с теми, кто вообще не участвует ни в каких войнах, кроме войны за зарплату с начальством, войнах на сексуальном фронте и войнах в компьютерных играх, а на судьбу Родины им плевать. Пусть Солженицын клеветал на нашу победу, но он поднимал тем самым ставку в исторической игре и создавал предпосылки для перипетии, тогда как миллионы мелких червячков и жучков просто не интересуясь всеми этими далекими историческими вопросами, победу прожирают. Прожирают страну, ее прошлое, настоящее, а главное, будущее.

Солженицын великий человек просто потому, что он, при всей его низости, бесконечно выше жуящего и потребляющего большинства, которому глубоко по

фиг все, что здесь написано, и которое даже случайно прочитав это, не пошевелит языком, чтобы хотя бы передать прочитанное дальше, тому, кому это может пригодиться, тому, кого это может вдохновить на великое.

Величие человека определяется не его личными качествами, а делом, в котором он участвует. Если это великое историческое дело, — неважно, на какой он стороне и в какой роли, дело сделает его великим. Участвовать в великом деле просто, это может каждый — надо просто отдаваться этому делу, а не ждать когда тебя позовут, заплатят... Не задавать вопрос: «А что я с этого буду иметь?» и «Зачем мне это?». Великое — всегда жертва собой, своей жизнью, своим временем, своими силами, жертва без всякой надежды на «прибыль» и вознаграждение. Великое потому и великое, что возврат от инвестиций приходит очень нескоро, а в далеком будущем и не самому инвестору.

А будущее очень интересно: то, что говорилось про три акта исторической драмы, верно и в отношении Гомера. Был некий тезис — победа троянцев, было отрицание — Гомер, выросшая из него греческая и западная цивилизация, и должно неминуемо наступить отрицание отрицания, то есть конец Запада, конец «эпохи забвения Бытия», как называл ее Хайдеггер. Неминуемо должна восторжествовать историческая истина: Первая мировая война трехтысячелетней давности завершилась не победой Европы и Запада. Более 3000 лет Запад правит миром как самозванец и узурпатор. Мировой трон занимает «ненастоящий царь»! Кто восстановит справедливость? Есть ли еще кто-то, в ком течет троянская кровь, кровь истинных победителей? Кто наследник забытых героев?

Может не случайно, что со времен Аскольда, Олега Вещего и Святослава нас тянуло в сторону Царьграда? Может, недаром мы чуть не взяли Стамбул в XIX веке и так же должны были получить контроль над проливами по итогам Первой мировой войны меньше 100 лет назад? Может, не зря троянские сокровища хра-

нятся у нас музеях? Болеслав Прус устами одного из героев — египетского фараона, рассказывает легенду, что троянцы ушли со своей родины... Может, троянцы ушли не в Италию, как сочинили себе римляне, а на Север, в Гиперборею — страну, более подходящую победителям, чем южные широты Греции и Италии, более подходящие в рунах-поэтам? Может, они стали предками славян, которые тысячелетия побеждают во всех мировых войнах, осваивают самые страшные северные территории, летят в космос, но не умеют воспеть эти победы, как не умели воспеть свою победу современники Гектора и Приама? Как иначе объяснить давление над нами этого «троянского рока»: мы всегда побеждаем в горячих войнах, и все время проигрываем холодные?

Приключения воображения

Глядя на удачливую судьбу Солженицына, кто-то может сказать: не только «возвышающий обман» дороже, чем «тьмы низких истин», но и «унижающий обман» дороже «тьмы высоких истин»... Получается, вообще любой обман выше любой истины?

Здесь мы имеем дело с очень интересным вопросом, который не место разбирать на страницах этой книги. Вопрос: «что есть истина и в каком отношении она находится с не-истиной?» один из фундаментальных вопросов философии. Величие того или иного философа в истории определяется тем, ставил ли он этот вопрос и давал ли новую интерпретацию ответа на него. Философов, которые вопрос ставили и давали новые ответы, наберется не больше десятка.

В древнегреческом языке истина называлась словом «алетейя». Здесь явственно звучит корень «летэ», означающий «скрывать», «забывать». Недаром река забвения в царстве мертвых звалась Лета. Отрицательно-привативная частица «а» позволяет перевести «алетейю» как «несокрывать». При этом корень, сокрывать ока-

зывается как бы первичным, более изначальным, чем производная с помощью привативной и отрицательной приставки «несокрытость».

Выход из изначальной сокрытости в несокрытость есть про-из-ведение, по-гречески, — поэзис. Виды поэзиса разнообразны. Есть самостоятельный выход из сокрытого, рост, проявление, произрастание, по-гречески — «фюзис». Слово это было потом переведено на латинский как «натура», а затем калькировано на русский как «природа». Есть противоположный фюзису способ выведения из сокрытости — это искусство, по-гречески — технэ, техника. Здесь несокрытое добывает в борьбе с сокрытым сам человек.

Познание оказывается одним из видов технэ — искусства. Наверняка не единственным. В частности, греки верили в способность неких прорицателей проникать в сокрытое и являть его, при этом вряд ли то была заслуга самих прорицателей, скорее уж, сокрытое само являло себя через их посредство. Уже тут мы сталкиваемся с загадкой. Природа и искусство — это виды поэзии, то есть фюзис и технэ — виды поэзиса. Как же получилось, что позже поэзия стала всего лишь один из видов искусства (технэ) наряду с познанием, а потом и сама техника стала лишь приложением к познанию, его практикой?

Дело в том, что произошла революция в понимании истины. Несокрытость стали мыслить изначальнее, чем сокрытость. Дескать, сначала есть истина, как солнце, и только потом она может падать до лжи, обмана, заблуждения, забвения... И у человека есть прямой доступ к этой истине с помощью познания.

Сначала даже познание не являлось единственным способом, были различные практики аскезы, моральные практики, практики заботы о себе, которые приводили человека в истину. По всей видимости, эту революцию совершил человек, который первым и назвал себя философом — Пифагор. Его философия сосредоточивается на познании как привилегированном способе доступа к истине: прежние мудрецы — софо-

сы, а не философы — шли к истине не дорогой познания, а окольными путями.

По смыслу «философос» отличается от «софоса» как «ценитель вина» от пьяницы. Любитель мудрости, философ, позиционирует себя как специалист в вопросах разных мудростей и умеет отличать настоящее от ненастоящего, тогда как просто «софос», мудрец, кидается на все мудрости подряд и может ухватить настоящую мудрость только случайно. Пифагор был заморожен математикой, ее чудесной способностью быть независимой от опыта и чувственных данных. Ведь если я найду, что в моем кармане, где лежало три яблока, после того, как я одно съел, осталось одно, я сделаю вывод, что одно яблоко я потерял, а не что $3 - 1 = 1$. И даже если кто-то из мыслителей замечал, что поэзия так же не находится в рабстве у опыта, все же ясность математики делала математику привилегированной, тогда как воображение расценивалось просто как перекомбинирование данных опыта.

Поэзия, как про-из-ведение открытости из несокрытости, оказывается в новой парадигме чем-то непонятным и нуждается в новом объяснении. Вместе с расширением власти познания поэзия репрессируется. Поскольку фюзис постигается чувствами, а чувства обманывают, то фюзис тоже интерпретируется не как способ выведения из сокрытости в несокрытость, а как способ падения из истины в обман. Чувственный опыт оказывается менее значим, чем разумное познание. В скором времени дойдет до того, что познание станет не одним из видов технэ — искусства, а наоборот технэ, техника, будет своего рода приложением к познанию. А технэ, переинтерпретированное как «искусство прекрасного», вообще будет признано не имеющим к познанию отношения, искусство де существует для украшения или самовыражения, для удовольствия и чувств.

Когда несокрытость стали мыслить как нечто более изначальное, чем сокрытость, истину стали мыслить как нечто более изначальное, чем обман. Есте-

ственно, поэзия как про-из-ведение из сокрытости в несокрытость был переосмыслен в качестве подражания (мимесиса), то есть обратного процесса, все большего и большего удаления от изначальной откровенности (истины) в сторону более смутного обмана (сокрытости).

Известно, что уже Платон изгнал поэтов из своего идеального государства как подражателей чувственному, само же чувственное он считал тенью идеального, постигаемого познанием.

Аристотель тоже называл поэтов лжецами и, хотя никуда не прогонял, все же считал только одержимыми слепцами, тогда как идеал — это ясное научное познание. Поэт еще может давать истину, но случайно и путано.

Не все просто с поэтами и в религиозных традициях: пророки и мессии не врут, а глаголят истину (вдохновенные свыше, они дают откровение, священные заветы, заповеди и священные книги или сами есть истина, то есть несокрытость, откровение, как Христос). Познание и мудрость мира всего лишь безумие перед Господом. Это еще один рудимент ранней традиции (как и Аристотель был таким рудиментом по отношению к Платону), но рудимент отмерший.

Поздняя эллинистическая мудрость постепенно проникает в евангельское мышление и перемалывает его как перемололо свою предшествующую традицию. Христос, как Бог живой, явившийся не в качестве мудреца, бывший истиной в своем действии (распятии и воскресении) не натолкнул на мысль, что истина свершается многообразно. Откровение было перетолковано в терминах греческой философии (например, Христос = логос). Затем конфликты интерпретаций откровения потребовали суда логики. Далее греческая классика была заново переоткрыта после крестовых походов: от арабов европейцы узнали об Аристотеле, а от византийцев о Платоне. В средневековой схоластике, естественно, поэзия не ценилась, зато ценилась логика.

Ничего нового на этот счет не сказало и Новое время. На службу заступает идеал математического познания, явленный уже у Пифагора, последователем которого был Платон. Точность формулировок, попытки создания идеальных искусственных точных языков, продолжавшиеся аж до XX века, раннего Витгенштейна и Карнапа...

Первым философом в новейшей истории, кто невольно вернул воображению его значение, был самый скучный, но и самый честный и глубокий философ Нового времени — Иммануил Кант. Он обратил внимание на особое место воображения в познании и почти поставил «способность воображения» в центр всей философской проблематики.

Указывая, что существует лишь два источника познания — чувственное созерцание и рассудок, Кант стал искать возможность опосредования между этими источниками. Способность воображения — это способность созерцать без присутствия предмета, она характеризуется особой непривязанностью к сущему. Кроме того, трансцендентальная способность воображения порождает схемы, то есть то, без чего невозможно соединить рассудок и чувственность, ведь понятия вообразить чувственно невозможно, они всегда будут слишком единичны, будучи воображенными. Однако, глядя, например, на дом, человек видит не понятие дома, а схему дома, горизонт возможных видов домов.

Восприятие человека, в отличие от восприятия животного или компьютера, всегда «примерно», всегда неточно, всегда «в общем». Но именно эта неточность и позволяет узнавать, например, разные дома в разных восприятиях, а не называть каждый раз новое представление новым словом, она позволяет упаковывать разнообразие опыта. Эта схематичность человеческого познания порождается способностью воображения как способностью спонтанно синтезировать что-либо вообще.

Здесь не место говорить о связи способности воображения с самостью, временем, со свободой, важно

другое: сам Кант в ужасе отступил от своего открытия и во втором издании «Критики чистого разума» уже перетолковал способность воображения как одну из способностей рассудка. Кант боялся вступить в противоречие с огромной двухтысячелетней традицией, отдающей первенство логике и рассудочному познанию.

Поставить способность воображения в центр человеческого бытия... разве это не сделает человеческое бытие слишком химеричным и воображаемым? Позже, в «Критике способности суждения», Кант опять, правда, в ином ракурсе, вводит в права трансцендентальную способность воображения. Кант реабилитирует природу как своего рода предчувствие, аналогию человеческому, отказывается считать ее мертвой материей. Заслугой Канта также считается и придание большого значения «свободной воле», которая оказывается одной из отдельных способностей человека наряду со способностью суждения, а не в подчинении у нее.

Эта книга стала важнейшей для движения романтиков: Шеллинга, Новалиса, братьев Шлегелей, Тика, братьев Гримм, Шелли, По и многих других. Романтики прославляют репрессированные ранее чувственность и природу, ставят воображение, поэзию, сказки, мифы в центр своей проблематики. «Не то, что мните вы, природа не слепок, не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык», — писал шеллингианец Ф. Тютчев.

Идущий от Канта немецкий идеализм, через Фихте и Шеллинга, уже у Гегеля, несмотря на приверженность последнего логике и разуму, сделал неистину составной частью, моментом истины. Неистина есть в качестве явления, видимости, она лишь первый отсвет истины, которая постигается в понятии, снимает в себе свою противоположность. Не надо, как Платон, противопоставлять чувственность и разум, надо видеть в чувственности ступень бытия, не бояться ее, а снимать ее в себе.

Именно Гегель впервые утвердил триаду «тезис — антитезис — синтез» во всем ее драматическом размахе, который показан на историческом примере с Солженицыным. Величина духа, говорит Гегель, определяется тем, насколько глубоко он может пасть и потом подняться. Природа, чувственность, искусство и бесконечные неистины, равно как и красота (первоначальное явление истины), нужны истине для своего торжества после победы над низшими формами.

Поклонником Канта был Шопенгауэр, он повлиял на Вагнера. Вагнер, солидаризируясь с романтиками в реабилитации чувственности, природы и воображения, мифов и поэзии видит, вслед за Шопенгауэром, музыку как язык, максимально объединяющий всех, не требующий перевода, а следовательно, обладающий потенциалом соблазнить и объединить сначала немецкую нацию, а потом и все народы. Мы должны видеть триумф новой музыки от Вагнера через джаз, рок и поп вплоть до самой современной «колбасни» как единый проект.

Поклонником и продолжателем Шопенгауэра, Вагнера и романтиков был и Ницше. Он был одним из немногих философов, которые яростно отстаивали высокую ценность «возвышающего обмана» в сравнении с «тьмой низких истин». Он мыслит волю, вслед за Кантом и Шопенгауэром, теперь уже как сущность всего сущего, но эта воля только тогда является настоящей, когда самовозрастает.

Ницше делает вывод: «искусство выше истины», поскольку отрывается от фактичности и уносит ввысь. Истина всего лишь вид лжи, говорит Ницше, поскольку лжец, пророк, поэт ставят воле фиктивные цели для того, чтобы она шла к ним, стремилась, росла... Но когда она перерастет их, и цели и ценности станут уже достигнутыми фактами и истинами, воле нужны будут новые ценности, цели и идеалы. В мире есть только растущая воля, и она же порождает фикции ценностей, чтобы занять себя и способствовать своему возвышению, сама же воля не имеет ничего выше себя.

Обман, который бы не способствовал росту воли, унижающий, а не возвышающий обман, в метафизике Ницше так же находит свое оправдание.

В гегелевской метафизике, о которой мы упомянули чуть выше, такой унижающий обман вполне допустим и даже обязателен. Обман, или бесконечное падение духа, на самом деле нужен как этап духа на пути к абсолютной истине, ибо сила духа проявляется в том, из какой глубины падения он может подняться, какое свое отрицание сможет переварить. В то же время у Ницше та же самая диалектика рассматривается с позиции игры воли. Истинно великая воля может забавлять себя тем, что поддается сопернику, подобно борцу-армрестлеру, позволяющему слабому сопернику прижать свою руку почти до стола, а потом резко, одним движением, она возвращает все и побеждает противника. Слабая воля не позволяет себе проигрывать и вообще играть, она выигрывает только по очкам, поэтому она считает очки и борется за каждый миллиметр. Такая слабая воля нуждается в рассудке, а не в игре.

От Канта и Гегеля ведет происхождение Маркс, так же реабилитирующий репрессированные ранее материю и природу и видящий историю как прогресс техники (вспомним, технэ — искусство). Он так же борется с господствовавшими ранее вульгарным рационализмом и идеализмом, подчинявшим природу и чувственность рассудку. В коммунистическом обществе, где люди будут свободны, они будут творить по законам красоты, говорит Маркс, что подчеркивает его высокую оценку искусства, поэзии, которые, кстати, он любил в частной жизни.

Мы видим, что начиная с Канта, идет все более прогрессирующее движение иррационализма во всех возможных формах (романтической, ницшевской, марксовской, вагнеровской и проч.). Можно упомянуть и Кьеркегора с его эстетической стадией как предшествующей моральной и религиозной и реабилитацией веры против разума.

От иррационализма XIX века идет и особый интерес к бессознательному, к сновидениям. На этой волне позже возникнет Фрейд с его анализом сновидений (как спонтанной деятельности воображения), весь психоанализ, включая его самые экзотические версии. Мы опять видим реабилитацию воображения, правда, теперь его дом находится в сновидениях, а не в искусстве, и бессознательное управляет сознанием... Хотя Фрейд еще и считал, по-гегелевски, что «на место Оно должно стать Я». Впрочем, сюрреализм даст сновидениям простор и в искусстве.

Все эти течения постоянно пересекались между собой. Мы можем найти фрейд-марксизм, марксистский сюрреализм, а также ницшеанствующий марксизм, можем видеть слияние всего этого с вагнеровским проектом (рок) в движении хиппи. Сюда же нужно отнести эксперименты хиппи с наркотиками, как расширяющими сознание и дающими свободу репрессированному разумом (разум-расчет как порождение капитализма и бюрократии) воображению. В 1968 году на улицах Парижа поджигающие машины студенты выдвинули лозунг «Воображение — к власти!». Они сами не знали, что делать с этим лозунгом, так как не видели его корней дальше, чем до Фрейда. Бюрократическое правительство спрашивало студентов: «Чего вы хотите, каковы ваши конструктивные требования?». А они отвечали: «Конструктивные требования — это уловка капиталистического разума, поэтому мы их формулировать не будем»...

Поколение 1968 года поняло, что такое «воображение — к власти» только тогда, когда само оказалось у власти, в конце XX века и стало делать политику искусством, ставя на мировой политической и финансовой сцене настоящие шоу, спектакли по типу того, что можно увидеть в гениальном фильме Б. Левинсона «Хвост виляет собакой».

Сегодня не Лагерфельд лучший кутюрье, а Кондолиза Райс, которая кроит карты мира. Сегодня не Спилберг лучший режиссер, а ребята в госдепартамен-

те, которые пишут сценарии для войн типа югославской и иракской. Сегодня только глупые художники-неудачники думают, что со своими перформансами и инсталляциями они находятся в авангарде искусства. На самом деле те, кто делает перформансы вроде 11 сентября и те, кто инсталлирует в мозги миллиардов бренды, ценности, звезд, интернет-вирусы и проч. находятся в авангарде. Они играют на биржах, устраивают кризисы и войны, отпускают ситуацию, чтобы опять, как ницшевский армрестлер, взять ее под контроль и выправить одним рывком, показывая чудеса кризис-менеджмента. Огромное поколение креативных пиарщиков, маркетологов, брендменеджеров, биржевых спекулянтов и медиа-активистов это и есть «воображение у власти». Они знают, что воображение изначальнее истины, оно творит историю, сметает на своем пути завалы противостоящих фактов.

Когда кто-то что-то придумал, то этой придуманной вещи нет в мире, она из него невыводима, и весь мир сопротивляется ей. Но потом кто-то подхватывает это, а еще через некоторое время уже весь мир своей массой работает на эту новую вещь, которую учел и прописал в своих отношениях и связях....

Это так, но только еще не в России. Кто мешает запускать глобальные проекты, запускать семена, грибы и вирусы, чтобы они так же росли и набухали со временем? Мешает только рассудочность, серьезность, деловитость, трусость, приземленность всевозможных завхозов, «работников сцены», электромонтеров, осветителей и прочего вспомогательного персонала, который забрал власть над спектаклем у настоящих режиссеров и вообще работает без них. Так даже удобнее изображать что-то и осваивать смету. Наша экономика всегда будет в ауте, пока мы думаем, что она первична. Мы не спасемся ни от каких кризисов, пока главными у нас будут министерство финансов и вообще всякие завхозы. Наше спасение, как и спасение всего мира, лежит там, где никто не ищет — в области гуманитарной.

Гений и злодейство

И все-таки надо осознавать, что даже если Россия начнет ставить мировые спектакли по собственным сценариям, переписывать историю, кроить карты мира, устраивать «оранжевые» революции хоть в Америке, это будет хоть и полезно и интересно, но явно недостаточно. Чем мы тогда будем отличаться от США? Что великого в том, если даже у какой-то Украины хватает ума переписать свою историю аж до того, что Гомер объявлен украинцем?

Не стоит соблазняться вульгарным нищезанятием и говорить, что раз все ложь и фикция и нет никаких истин, давайте врать напрапалую. Это уже делают без нас. Настоящий новый этап истории и, следовательно, духовное лидерство, Россия не обретет только на этом пути, как и на простом догматическом отрицании и моральном осуждении всего «креатива и постмодернизма» мы дальше исторического тупика не уедем.

Где же искать?

Несмотря на триумф воображения, сначала реабилитированного философами, психоаналитиками, сюрреалистами, рок-музыкантами, наркоманами, а потом и пришедшего к власти в виде новых креативных политиков и финансистов, надо признать, что мы все это время имели дело не с теми воображением и поэзией, которые имели в виду греки и Кант времен своей первой «Критики».

Юрген Хабермас, опираясь на позднего Канта, который уже классифицировал свои открытия и создавал «систему», развил теорию, согласно которой в эпоху Просвещения три различные сферы (этика, эстетика и познание) эмансипировались друг от друга в противовес давнему платоновскому единству истины, добра и красоты. Именно поэтому стали возможными неэтичная наука, которая смотрит на ядерный взрыв как на прекрасный эксперимент, неэтичное искусство, которое воспекает и эстетизирует зло, и так далее.

Однако уже Пушкин, прекрасно знакомый с философией Канта и романтиков, задавался вопросом о внутреннем единстве этих феноменов, и даже в «Моцарте и Сальери» вынес свой вердикт: «гений и злодейство есть вещи несовместные». Означает ли это, что Пушкин лишь повторяет догмы докантовской благообразной догматической метафизики или ему, как поэту и гению, изнутри гениальности известно больше?

Гений — игра природных способностей, в том числе способности воображения, которое для Канта времен первого издания «Критики чистого разума» было корнем и чувственности, и рассудка — двух способностей познания. Сальери у Пушкина человек, противостоящий гению — Моцарту, он «музыку разъял как труп, поверил алгеброй гармонию» и бюрократически блюдет чистоту искусства. При этом он сам человек искусства, прекрасный композитор, то есть составитель. Его воображение — это воображение позднего Канта, всего лишь «действие рассудка на чувственность», как оно потом понимается и у Гегеля. Пушкин не считает это второе воображение гениальным и к тому же считает его злым, преступным, убивающим гениальность. Воображение настоящее, которое само есть исток рассудка, — не его функция. Воображение, которое является слугой рассудка, перестает быть настоящим воображением, присущим гению, преобразующим чувственность и рассудок. Такой рассудок отравляет воображение, убивает его.

Для понимания приведем аналогию. Допустим, кто-то взялся изучать некое фактически существующее государство, насквозь коррумпированное, и на этом основании сделал вывод, что «государство — это всего лишь обслуга капитала». Допустим, кто-то взялся изучать труп и на этом основании сделал вывод, что «человеческое тело лишь машина». И та и другая теория провозглашались, кстати, не раз. Злой воле присущ именно этот рассудочный взгляд, рассудок везде ищет причины и следствия, обусловленность изучаемого феномена чем-то другим. Например, действия

государства — коррупцией, действия организма — какими-то физическими стимулами. Она не может рассмотреть феномен сам по себе, как абсолютный, она везде ищет функцию, пользу, корысть, причину.

Сальери раздражен тем, что «Моцарт — гуляка праздный», бездельник, игрок, постмодернист, как сказали бы сейчас, тогда как он, Сальери, трудяга, привыкший к тому, что за большой труд и должно быть большое воздаяние. Моцарт раздаривает себя, а это не укладывается в рассудочную экономику Сальери. Поскольку воля сама коррумпирует в надежде извлечь прибыль, она повсюду ищет и видит коррупцию, то есть причинно-следственные и обменные отношения. Моцарт беспечен, поэтому обладает чистым воображением гения, сальеревское воображение напрочь испорчено подавляющей его волей и рассудком. Злодейство убивает гениальность, убивает воображение, превращает в своего слугу, и поэтому гений и злодейство несовместны.

Так с каким воображением имели дело XIX и XX века? Какое воображение эмансипировали? Является ли, например, воображение из сновидений, которое изучал Фрейд, чистым спонтанным воображением, что является истоком чувственности и рассудка? Даже сам Фрейд склонен был считать, что деятельность бессознательного обусловлена подавляющим Сверх-Я и определяет содержание сновидений.

Тогда где искать чистое воображение? В поэзии? Но где гарантия, что здесь, как в сновидении, не прорываются наружу комплексы, подавленные аффекты? Или, может быть, гениальный поэт и отличается тем, что его воображение чисто и спонтанно, а воображение поэта бездарного, если можно так выразиться, — коррумпировано, испорчено?

У двух посткантовских философов, Маркса и Ницше, есть прозрения на этот счет, фрагменты, так и не ставшие для них отправной точкой.

Ранний Маркс писал в докторской диссертации о двух партиях, возникающих после распада некоего

исторического мира и находящейся с ним в гармонии философской системе. Одна партия удерживает философию и борется с миром, критикуя его недостатки. Она не знает, что просто усвоила частично систему и поэтому ей мир видится в кривом зеркале. Другая партия удерживает мир и критикует философию, как неспособную понять богатство и сложность мира. Она не понимает, что мир, который она удерживает, есть мир этой системы. Она, удерживая мир, тем самым удерживает и систему, сама не зная об этом, критикуя сознание, с позиции чувственности ли, с позиций витальности или чего угодно, тем самым сохраняет мир этой системы. То есть весь авангард, бунт, борющийся с законами, эти законы и поддерживает.

Маркс видит выход из апории в солидаризировании с первой партией. Она хоть и делает то, чего не хочет, то есть пытается реализовать некую частично понятую философию в мире, но действуя, может реально чему-то научиться у своего объекта, как-то изменить себя, а это уже прогресс. Маркс наивно думал, что столкнувшись с миром, некое учение способно измениться. На самом же деле оно всегда будет иметь дело только со своим миром. И этот путь такой же тупиковый. «Сегодня одно лишь действие не изменит положение в мире», — говорит по поводу активизма Маркса Хайдеггер. Неадекватно описывающая мир философия, набившая себе шишек, может прийти только к адекватному описанию, то есть вернуться к исходным полноте и гармонии с этим же своим миром, как часто и бывает с активистами в старости — бунтари становятся консерваторами.

Другой фрагмент есть у позднего Ницше. В последний год творчества, перед тем, как болезнь захватила его, он написал «Сумерки божков», одна из глав там называется «Как «истинный мир» наконец стал басней», и заканчивается она словами: «Мы упразднили истинный мир — какой же нам остался? Быть может, кажущийся?.. Но нет! Вместе с истинным миром мы упраздняем так же и кажущийся!».

Всю жизнь Ницше боролся с платонизмом. Вульгарный платонизм утверждает, что есть «истинный мир» идей и ценностей, тогда как чувственный мир есть лишь его слабое подобие, мир кажущийся. Ницше разоблачил верхний «истинный мир» платонизма как мир фикций, выдумок, которые ставит воля-к-власти для своего роста, и заодно реабилитировал чувственный мир. По сути он переворачивал вульгарный платонизм, делая чувственный мир истинным, а мир идей — ложным. И вот в конце жизни его осеняет процитированная выше мысль. Эту мысль Ницше называет ни много ни мало «кульминационный пункт человечества». А дальше сходит с ума. Ницше внезапно понимает, что простого переворачивания платонизма недостаточно, чувственность, которую он реабилитирует, та самая, что была в платонизме. Чувственность — это то, что придумано самим платонизмом в качестве противоположности себе, а не его, платонизма, истинная противоположность. Он также понимает, что надо не переворачивать пирамиду чувственности и идеального мира, а вообще устранить их различие и прежнее различие между истинным и кажущимся, но не в пользу кажущегося. Легко сказать!

Весь XX век, однако, занимаясь реабилитацией репрессированных в прежней метафизике и платонизме феноменов, вместо того, чтобы переосмыслить эти феномены, действовал по принципу «баба яга против», идя за ранним Ницше, за романтиками, за вульгарным Марксом, за Фрейдом...

Репрессированные феномены, например воображение, брались без переосмысления, как они были даны прежней философией, и так же утверждались, поэтому все революции XX века были лишь торжеством прежней метафизики, а не ее отрицанием, как им это виделось. Все политические бунты и освободительные войны, весь атеизм, все авангардное искусство, все сексуальные революции, все теории относительности, все это ни в коей мере не является «прогрессом» или действительно новым историче-

ским этапом, подобно тому, как надетый на изнанку пиджак останется на мне тем же пиджаком, хотя торчащие швы и нитки можно для лохов выдать за крутой креатив и модный дизайн.

Так же как раб, которого внезапно освободили, не престаёт быть рабом, потому что имеет психологию раба в себе, так и эмансипированное воображение ещё не стало гениальным воображением, поэзисом, про-из-ведением истины из «сокрытости». Сочинение фикций и обманов с помощью коррумпированного воображения не есть открытие новых истин для истории (их даёт чистое спонтанное воображение, на которое злая рассудочная воля делается неспособной).

Именно поэтому от нас закрыто будущее: потому что воображение, как показал Хайдеггер, разбирая Канта, связано со временем, к которому мы не можем прорваться. У нас создается бесконечное количество «креативных проектов», но все они только самокопируют историю, не дают прорваться настоящему будущему. Эти проекты будущего не имеют отношения к настоящему будущему, хотя вполне и могут быть реализованы.

Настоящий прорыв в будущее может осуществить только святой пророк (правда, не надо подменять святость вульгарным понятием святости. Святость — очень сложная вещь, мы пока не можем её обсуждать). Таким, например, Хайдеггер видел Гельдерлина, поэта, творившего под влиянием Канта, но никак не тождественного романтикам и вагнерианству. Хайдеггер связывает способность человечества иметь будущее только с тем, сумеем мы или нет услышать Гельдерлина, последнего святого пророка, открывшего в своем творчестве новые истины, а не создавшего фикции, как это делают составители-композиторы со своим рассудочным воображением, или спонтанные нарушители законов, бунтари с «расширенным сознанием», со своим корявым и коррумпированным воображением.

Популярные поделки ремесленников-профессионалов, знающих «законы творчества», и спонтанные бунтарские иррациональные выплески неконтролируемой разумом чувственности — это одинаково ещё есть вопиющие чувственность и рассудок, а не их глубокий исток — собственно воображение.

С точки зрения классической метафизики (которая давно срослась с религиозной) XX век был веком реабилитации зла, причем того зла, с которым прежняя метафизика боролась, — её зла. Это как открытый ящик Пандоры. Неудивительно, что уже с эпохи Просвещения консерваторы видят историю как сплошной упадок. Но надо понимать, что «добро» классической и религиозной метафизики так же заражено злом, потому что питалось и самоутверждалось за счет репрессий зла и оправдывало себя этим.

Подобно тому, как освобождение от рабства есть освобождение не только рабов, но и рабовладельцев, то чтобы устранить присущую им психологию подавления (так же как и рабов недостаточно просто освободить: нужно, чтобы они внутреннее перестали быть рабами), необходимо устранить прежнюю противоположность добра и зла, вместе со всеми противоположностями метафизики. Это не означает нигилизма, это означает, что будут даны новые различия, новые схемы, новые эскизы, наброски нового мира.

Новые схемы и наброски могут дать философы, поэты, святые и пророки. Народ, который породит таких пророков, а также будет чуток к их голосу, станет новым историческим народом, поскольку заложит новые основы новой истории человечества, новой эпохи.

Что говорить про пророков! Достаточно в какой-нибудь Словении появиться какому-нибудь Жижеку, который просто пытается разобраться в апориях современной европейской мысли, а уже вся Европа знает, где на карте Словения! И уже эта Словения оправдала свое существование, она уже ценность. Ещё пара-тройка «комаров» типа Жижека, и её, возможно, никогда не захотят разбомбить, как Югославию, даже

если она провинится перед НАТО, а все потому, что элита пожалеет и заступится... Всего лишь модный интеллигент, а уже создал своей стране протекцию не хуже атомной бомбы, легитимировал в глазах мировой элиты, отпиарил, ничего специально про нее не говоря.

А если Россия в короткий исторический период вывалит сотню таких жижек или хотя бы десяток пророков, или даже одного по-настоящему великого?

Когда мы запускали в космос первый спутник и первого человека, этому предшествовал длительный процесс. Была отмена обязательной службы для дворянства при Екатерине, что породило кучу «бездельников», увлекающихся философией, поэзией, науками и проч. Это создало критическую массу людей и стало основанием для взрыва той русской культуры в XIX веке, которую Россия до сих пор славна.

Затем в этой культуре возникли партии позитивистов и религиозных философов, западников и славянофилов, спорящих до умопомрачения. Они думали о смысле истории, о том, как оправдать все ее жертвы и «слезинку замученного ребенка».

Далее скромный святой библиотекарь Румянцевского музея Н. Федоров, придумал, как объединить религию и науку, как решить проблему жертв истории — воскресить всех мертвых.

Потом Циолковский, его ученик, задумался, куда деть огромное население земли, когда этот проект будет исполнен, и размышлял над колонизацией космоса, делал расчеты космических кораблей.

Потом поступил от власти заказ на ракеты, и одновременно страна создавала систему образования, где десятки миллионов людей получали инженерное образование, другие — стоили заводы, плавилась сталь, добывали нефть, чтобы эти ракеты могли быть построены.

Наконец появился Королев, который построил эту ракету, Гагарин, который полетел в космос.

А потом миллиарды человек на Земле рукоплескали России. И даже чеченцы, недавно испытывавшие депортацию, выбегали из домов и салютовали из дедовских ружей всеобщей победе советского народа, а якуты приходили в паспортный стол и просили записать их «русскими». А опозоренная на весь мир Америка вынуждена была начинать лунный проект, который, кстати, скорей всего был фальсифицирован.

Затем мы первыми выходим в открытый космос, возим на орбитальные станции представителей других народов, и они нам безумно благодарны, первенствуем в космической медицине и прочих космических науках.

Мы имеем больше спутников на орбите, чем все остальные, мы полностью могли бы покрыть весь мир спутниковым телевидением и контролировать его (куда там США, которые вещали на нас только парой радиоголосов!), а еще монополизировать полеты в стратосфере, создав самый быстрый вид транспорта. Мы могли бы сами создать систему противоракетной обороны и нейтрализовать ядерные силы любых стран и ставить им ультиматумы...

Но тут уже начинаются всевозможные «бы», потому что к власти пришли люди, считающие, что мы должны стать страной лавочников, мелкого бизнеса и среднего класса. Пришли, в том числе, и солженицыны, которые требовали экономить на космосе.

Большие проекты осуществляются силами всего народа. Как не исчерпан потенциал космоса, так не исчерпан потенциал идей космистов. В том числе забыта идея Федорова об оживлении мертвых и бессмертии. А ведь тут есть огромные наработки науки, есть разные версии трансгуманизма, которые уже сейчас позволяют ставить проблему в практической плоскости.

Если кому-то не нравятся эти проекты, могут родиться другие. Главное, накачать все культурное и медийное пространство не голыми задницами поп-певиц и гламуром, а религией, философией, поэзией. Это должна быть ядерная накачка, которая создаст дав-

ление, приведет к цепной реакции и гуманитарному ядерному взрыву в России. Мы должны, способствуя этому взрыву, перестроить масс-культуру и систему образования, трудовые и земельные отношения. Мы должны создать образ жизни, который способствует появлению пророков. Мы должны расселить к чертовой матери все города! Мы должны создавать условия для творчества, для спокойной жизни у воды, в лесу, создавать условия как для отшельничества, так и для братского общинного труда людей, заряженных общим делом. Вот единственный национальный проект.

ЧТО ТАКОЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Только ленивый не говорит о модернизации России. Модернизация видится не просто лекарством от кризиса, но даже единственной возможностью выживания России. По крайней мере, так заявил президент в своем ежегодном послании Федеральному Собранию. На самом деле мало кто представляет себе, что такое модернизация и как понятие, и как практика. Давайте попытаемся ответить на этот вопрос. Кстати, предложения, которые высказываются в книге, есть именно предложения по модернизации, а не личные мечты автора. Я писал по принципу: «вы просите песен — их есть у меня!», то есть если вы хотите модернизацию, я расскажу вам, что на самом деле означает это требование. Это оставляет нерешенным вопрос: как именно сам автор относится к модернизации.

Кризис как шанс

Текущий мировой экономический кризис, как и любой кризис, есть переход из некоего «состояния А» в «состояние Б». «Состояние Б» еще не ясно мировому сообществу, поэтому переход может длиться сколько угодно долго, ведь это путь блужданий, путь проб и ошибок, рискованных экспериментов. Кризис будет долгим, с подъемами и спадами. Он будет продолжаться, пока некое «новое» не появится на горизонте и не подчинит своей власти все сферы жизни на Земле.

Мировой кризис, поразивший нас, не является кризисом финансовым и вообще экономическим. Это кризис потери видения будущего. Мир в застое, и самое обидное, что данный кризис не просто борьба старого и нового, а то, что это «новое» не видно даже на горизонте. Подобно тому, как первобытные общества сменили первые государства и империи, подобно тому, как феодальные общества сменил современный капитализм (в том числе в форме госкапитализма), современное общество будет заменено каким-то другим, новым обществом.

Осуществление на своей территории неким государством комплекса мер, которые дают искомое «состояние Б», сразу делает это государство «государством будущего», моделью для подражания. Поэтому комплекс посткризисных идей является одновременно и комплексом антикризисных идей, хотя последний имеет, безусловно, свою специфику (тушат пожар одним способом, а сгоревший дом восстанавливают другим). Комплекс посткризисных мер, будучи осуществлен на территории данной страны, создает эффект притяжения мирового капитала, эффект гуманитарного и социального лидерства государства.

Именно в этом смысле кризис может быть шансом для России. Не важно, что данная страна имеет сейчас проблемы или потенции, важно, идет она более прямым путем к посткризисному миру, либо тормозит, блуждает, пытается сохранить статус-кво, движется в противоположном направлении.

Слишком большая привязанность к настоящему скорее даже минус с точки зрения прорыва в будущее. И если нынешний мир — это скорее мир Америки, то логика подсказывает: Америка больше всех будет сопротивляться этому будущему и всеми силами будет сохранять настоящее. Первыми осуществив комплекс посткризисных идей, мы должны создать условия мирового лидерства России, повышения ее гуманитарной, социальной и экономической конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности.

Огромное количество экспертов говорит о необходимости модернизации России. Предполагается, что «мир будущего», «состояние Б», — это мир модерна. Допустим, так. Попытаемся сделать выводы из этого допущения и сгенерировать «мир будущего», исходя из принципов модерна. Но прежде чем попытаться обрисовать хотя бы вчерне этот мир будущего, посткризисный мир, мы должны понять: а чем собственно является мир настоящего? Каковы его истоки и как получилось так, что мир пришел к тем проблемам, к которым пришел? Как возможно лидерство в нынешнем мире и как оно будет возможно в будущем?

Возникновение модерна

Современность совершенно справедливо начинают отсчитывать с Нового времени. Но почему это время вдруг стало «новым» и что «нового» в этом Новом времени?

Дело в том, что в западной философии, начиная с Нового времени (прежде всего с Декарта), происходит радикальное изменение в понимании «бытия», то есть в онтологии. Теперь бытие понимается как «представление», а не как «созданность», «тварность», как в Средние века. «Представление» есть не представленность неких объектов или образов, а прежде всего представление, принадлежащее тому, перед кем представление разворачивается, представление того, кто эти образы и объекты имеет.

Человек обращает внимание впервые за историю не на содержание познания, а на то, кто это содержание имеет. Представление наличествует у некоего субъекта (в переводе с латинского — подлежащего), то есть некоего господина сущего-в-целом. Все ставится перед ним, все разворачивается перед ним. «Я могу сомневаться во всем на свете, — говорит Декарт, — я не могу сомневаться только в том, что есть я сам, сомневающийся».

«Мыслию, следовательно, существую». Это радикальная революция. Ведь ранее полагали, что Абсолютная Истина находится где-то вне человека, человек может лишь стремиться к ней через познание или духовные, телесные и прочие практики. Теперь же ясно, что Абсолютное и Истина (понимаемые как «несомненное») совсем рядом, внутри человека.

Философская традиция Нового времени дает различные варианты субъекта (индивид у просветителей, «разум» у Канта, «Абсолютное Я» у Фихте, «Абсолютная Идея» у Гегеля, общество и передовой класс у Маркса, Сверхчеловек у Ницше и проч.). Не будем углубляться в философские различия. Важно то, что это приводит к радикальному изменению всей западной культуры. Отныне ничего не должно решаться без субъекта.

В религии раньше человек был ориентирован на Церковь и должен был спрашивать благословения и совета по каждому поводу. Оценка его поступков осуществлялась вынесенной во вне совестью в лице священника. Новое время означает снижение роли Церкви и личный выбор веры или неверия в Бога, а также выбор конфессии.

В искусстве это означает творение не по заданным образцам, а «гениальную интуицию» субъекта и его «самовыражение». Только теперь становятся возможными направления из серии «я так вижу мир, давайте спорить». В крайнем случае, искусство направлено на то, чтобы вызвать удовольствие других субъектов или спровоцировать их сильные «переживания».

В политике теперь невозможно, как ранее, терпеть то, что какой-то «наместник Бога» — монарх, все за тебя решает. Невозможно терпеть привилегии дворян. Ничто без субъекта! Это означает конец вассальной зависимости и выборность всех органов власти (**демократия**). Тут исток всех революций Нового времени.

В экономике раньше человек был связан общиной, феодальной зависимостью, цеховой и корпоративной этикой и правилами. Эпоха субъекта означает конец

феодальной зависимости и конкурирующие, а также договорные отношения **на рынке** между свободными экономическими агентами. Без революции в философии и этого субъекта не было бы и современного рынка.

В философии это означает, что область метафизики (того, что находится над природой) перемещается из области божественного в область общественного, в область истории, политики. Собственно метафизика — это и есть общество. Оно сверх природы. Это все открывает область «политической онтологии». Философия, онтология теперь неизбежно становятся историчными и политичными.

Человек-субъект утверждает свою самость повсюду: он сам теперь выбирает себе не только Родину и проч., но время смерти, и даже выбирает себе пол (например, в современных концепциях эвтаназии и транссексуальности).

Но является ли каждый встречный уже сразу и субъектом? Можно ли считать субъектами представителей нецивилизованных народов и традиционных обществ, коль скоро они тоже обладают мышлением? Почему в прежние времена люди, будучи так же мыслящими, не были субъектами и не строили свою жизнь так, как предписывают законы Нового времени, то есть на основах рынка, демократии и проч.?

Философы отвечают, что субъектами все являлись потенциально, потому что не знали, что они субъекты и не волили свою субъективность как свою сущность, сознательно и радикально. Поэтому и в прежние времена были элементы рынка, демократии, культурного и технического новаторства, только случайным, а не закономерным образом. А теперь все поставлено на твердую основу: человек знает себя и сознательно хочет быть тем, что он есть. Различить же потенциального и реального субъекта очень просто. Картезианец Б. Спиноза так определяет субъекта: он есть «*causa sui*», «причина самого себя». Он не может быть ничем определен. Спиноза говорил об идеальном и совер-

шенном субъекте, Боге, но в этом определении уже звучит позднее американское «self-made man», нам более понятное.

Позвольте, но ведь каждый человек определен, то есть ограничен множеством разных феноменов: своей физиологией, местом своего рождения, временем, исторической ситуацией, родителями, религией, традицией, культурой, половой принадлежностью, классовой принадлежностью, воспитанием, национальностью... Все это определилось ДО него и БЕЗ него, поэтому он не может быть «причиной» этих определенных... Как же быть?

Всему этому объявляется решительный бой. Все это должно быть пересмотрено, переудостоверено субъектом. Если субъект считает что-то неразумным, он имеет право выбросить это на помойку истории. И даже если субъект что-то находит полезным для себя, то принятое им должно быть принято свободно, собственным выбором.

Доходит до парадоксов. Например, нельзя носить хиджаб просто потому, что так делали матери и прабабки, но можно, если это собственный выбор. Поэтому подозрительно, когда хиджабы носят арабы (и прогрессивные европейцы выступают против этого), и похвально, когда эти же хиджабы носят европейцы, принявшие ислам, или же просто европейские мусульмане (и вот тут-то прогрессивный политкорректный европеец не борется с хиджабом, а борется с тем, кто непolitкорректно заставляет мусульманина его снять).

Свою актуальную субъектность человек должен доказать. Но лучше всего показать и доказать он ее может только одним способом, который сразу же делится на два жеста: во-первых, показать свою независимость от старого, через ревизию традиции, во-вторых, показать свою способность творить новое!

Новое! Новое становится настоящей религией. Именно поэтому время становится Новым временем, модерном. Господство «новостей», нужных только для

того, чтобы сообщать о действиях субъектов (тех, кто делает «новое» и «новости», ньюсмейкеры), и господство СМИ, которые новости добывают, передают и разносят, — есть атрибут Нового времени и продукт революции, совершенной Декартом.

С Нового времени начинается различие традиционных и инновационных обществ. В отличие от традиционного общества, где всякого новатора ждало или порицание или, например, смерть (представьте: какой-то дурень решил сеять пшеницу не как деда сеяли, а по-новому... можно ли подвергать риску всю общину?), в обществе модерна инновациям не сопротивляются, их приветствуют, о них много говорят. Традиционное общество держалось на том, чтобы противостоять инновациям или адаптировать их. Если традиционное общество сталкивалось с тем, что оно не могло переварить, оно гибло, распадалось. Общества, которые научились принимать инновации и даже делать их своей стихией, — есть общества модерна и они являются лидерами мирового порядка, истории, прогресса.

Благодаря инновациям удалось решить многие проблемы традиционных обществ: мы победили множество болезней, эпидемии теперь не выкашивают до трети населения стран, инновации сократили детскую смертность, население Земли теперь растет огромными темпами. Инновации увеличили производительность труда, и это позволяет хоть как-то прокормить такое население, что прежде было бы невымыслимо. Инновации обеспечили доступ большому количеству людей к образованию, к сокровищницам культуры, науки и техники. Инновации освободили массы людей и обеспечили им политическое участие, реализацию их прав и свобод. Инновации сделали мир удобным, комфортным за счет различных, невиданных ранее вещей.

Да, есть еще голод, экологические проблемы, не все люди умеют читать, не все обеспечены медицинской помощью и удобными вещами... Но это, говорят

поклонники модерна, не от инноваций, а от их недостатка. Обновление техники решит экологические проблемы, инновации в сфере биоинженерии и экономики помогут накормить людей, инновации в СМИ и коммуникациях обеспечат образование, а в медицине обеспечат продление жизни...

Тревожные симптомы

Однако мы видим тенденцию сокращения инноваций. 30 лет назад философ О. Тоффлер написал книгу «Футурошок», где прогнозировал новую болезнь, с которой столкнутся люди в результате стремительного наступления будущего, постоянного стресса и смены образа жизни. Философ ошибся. Сознание людей может заблуждаться насчет прогресса, но отсутствие серьезных мутаций человека говорит о том, что «организм не обманешь». Да, есть много чудачков, принимающих «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую» революцию за всемирно-историческое событие, но в реальности мы должны констатировать: все эти улучшения и «новости» — лишь имитация новаторства.

И ровно так же обстоит дело во всех сферах жизни. Техника и производство стагнируют. Огромное количество патентов скуплено на корню транснациональными корпорациями и не запускается в производство, потому что еще не отбились инвестиции, вложенные в старые технические проекты. Капитализм тормозит прогресс, как это делал социализм. Крупная экономика давно уже плановая, просто индикативные ориентиры устанавливают другие институты, а не Госплан.

В начале XX века, когда люди пересели с извозчиков на автомобиль, они думали, что через 50 лет будут летать по воздуху, еще через 50 лет фантасты писали о мгновенной транспортировке (разобрали тело на молекулы, а через 10 тысяч километров собрали), но мы уже 100 лет ездим на автомобилях, хотя

давно изобретены закрывающие этот вид транспорта альтернативы. Да и если быть честным, не так уж много по-настоящему фундаментальных открытий сделано. Число ученых в мире сокращается, открытия мельчают.

Пресловутый интернет, кстати, по данным различных исследований, не так уж принципиально поменял и экономику, и жизнь в целом. Его новаторский вклад переоценен. 50 лет назад Гагарин полетел в космос, а мы думали, что уже в XXI веке будем летать на звездолетах и колонизировать Марс. Но американцы даже на Луну за 40 лет еще раз не слетали (что, кстати, ставит под вопрос достоверность первой экспедиции).

Где новые источники энергии? Где безотходное производство? Где лазерные бластеры и «пыльные тропинки далеких планет»? Где роботы, которые полностью заменили человека на производстве и дали ему свободное время для творчества? Про «антигравитаторы», «таблетку бессмертия» и «машины времени» даже не будем напоминать... А ведь наука не могла поставить себе цели, которых не состоянии достигнуть...

В политике мы уже 250 лет носимся с «демократией» и не только не можем придумать новый дискурс, но даже не сознаем такую задачу, повторяя на всех уровнях заклинания о свободах, правах, о борьбе с авторитаризмом... Настоящей идеологией всех государств является старая добрая геополитика с ее принципами «разделяй и властвуй», «у нас нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы» и проч. Все разговоры об общих интересах — прикрытие, способ запутать геополитических соперников, «надуть» их посильнее. Разговоры о демократии, в частности, выполняют эту функцию.

В мировой экономике продолжается борьба свободного рынка и изоляционизма (протекционизма) уже 200 лет. Та же эксплуатация одних стран другими. Колониализм, конечно, сменился неоколониализмом, но и самому неоколониализму уже 50 лет. Кроме того, экономический дискурс не обновлялся 100 лет.

Со времен Локка и Монтескье никто не выдумывает ничего в системе управления государством. Все то же пресловутое «разделение властей», «сдержки и противовесы». Везде одни и те же парламенты и президенты, хотя столько слов сказано о плюрализме!

Армия — сфера, для которой инновации равносильны выживанию, принципиально не менялась уже более 50 лет. Все эти истребители четвертого и пятого поколений напоминают как раз «новый улучшенный шампунь». Реально никаких прорывов со времен атомной бомбы нет. Собственно ее наличие и отсутствие до сих пор определяет расклад сил в мире.

Пенитенциарная система не менялась принципиально лет 200, с тех пор как отменили телесные наказания и ввели штрафы и заключение. Медицина вызывает сильные подозрения в шарлатанстве: ей несколько тысяч лет, а она не научилась даже лечить насморк. Как известно, и леченый, и не леченый насморк проходит ровно за неделю. Разница в продолжительности жизни в 10—15 лет в сравнении с двумя веками ранее, не впечатляет. Да, уменьшилась детская смертность и смертность от эпидемий старых, но появляются вирусы и болезни новые, и к ним медики не готовы.

Современное искусство, ранее бывшее источником социальных и гуманитарных инноваций, давно и напрочь потеряло этот статус. Люди искусства либо маргиналы, либо удачливые медиа-карьеристы, но никак не новаторы.

В сфере религии, даже признавая некое возрождение в исламе и православии, трудно отделаться от ощущения, что святые, пророки, творцы новых религий, а не мелких сект, стали подзабывать наш мир и не появлялись уже слишком давно.

Обилие философов-постмодернистов говорит о том, что мы переживаем эпоху количества, а не нового качества. Философов было много в эпоху Просвещения. Много, но ни одного настоящего. Как грибы после дождя, они плодились в эпоху Возрождения. И мы сейчас с трудом вспоминаем их имена. Количество, не

переходящее в качество, наблюдалось и в эпоху эллинизма. Нет, не Тоффлер со своим «Фукурошоком», а Фукуяма с «Концом истории» оказывается прав, хотя последнего засмеяли настолько, что он в ужасе сам отказался от своей концепции. И напрасно.

Вместо инноваций нам предлагают разговор о них и занимаются симуляцией инновационной деятельности. Можно привести много симуляций из области политики, экономики, техники. Сфера, от которой зависит будущее человечества, сфера, где это будущее производится — сфера образования — полностью подверглась симуляции.

Сегодня нередки случаи фальсификации учебных работ. Абитуриент-филолог на выборном сочинении свободную тему. Он сам придумал название, сюжет и главных героев произведения «современного советского писателя», критически разобрал конфликт этого произведения и его «мораль». И получил пятерку. Другой студент-социолог написал диплом, в котором постоянно цитировал несуществующие, но якобы переведенные им работы современных западных социологов. Он закончил с «красным дипломом». Большое количество студентов не-отличников не были столь изобретательны, они просто заказывали старшекурсникам и аспирантам написание рефератов, курсовых, дипломов, а затем и диссертаций.

Интернет придает всему этому процессу еще более гротескные формы. В сети можно скачать все. Целые порталы рефератов, курсовых и дипломов. На уличных развалах — коллекции дисков со школьными сочинениями, ответами на вопросы по всем видам экзаменов. В подземных переходах — дипломы любого вуза страны.

Сегодня существуют целые программы, типа «антиплагиат», позволяющие найти источник сданных преподавателю рефератов и курсовых. Однако против хэнд-мэйд или, точнее, брейн-мэйд работ, эти программы бессильны. И они не способны выявить сфальсифицированные ссылки и источники, так как

хороший фальсификатор может позаботиться насчет того, чтобы сначала запустить в интернет псевдоссылки и псевдоупоминания придуманных им ранее работ и авторов.

Преподавательское сословие тоже не отстает от моды. И дело не только в вульгарном взяточничестве на экзаменах. Сама пресловутая научная жизнь сводится к повторению десятилетиями читаемых лекций, к постоянным публикациям тезисов виртуальных конференций (на которых никто не выступает и уж точно не ведет научных дискуссий), к формальным защитам, где все предварительно оговорено с оппонентами и рецензентами, а главная фаза — банкет.

Профессора путешествуют по межрегиональным форумам и круглым столам, тусуются в надежде получить новые связи и информацию о грантах. Выполнение этих грантов тоже симулируется, но это, как ни странно, мало заботит грантодателей, которые просто осваивают фонды и часто получают откаты.

Чрезвычайно распространено виртуальное соавторство, взаимное договорное цитирование и даже (высший пилотаж) раскрутка псевдопроблем, под решение которых выбиваются ресурсы из правительства и иных внебюджетных источников и организуются псевдонаучные коллективы.

Получение премий, научных званий и степеней оказывается тем символическим капиталом, который превращает ученого в медийный персонаж, псевдоэксперта (пользуясь своим влиянием, он способен пролоббировать любые бюджеты по любой проблеме для дружественного научного коллектива).

С развитием и становлением бизнеса в эту сферу приходит и коммерческий интерес. Ученые подписывают псевдоэкспертные заключения о полезности или вреде тех или иных материалов, продуктов питания, промышленных проектов. Организуются псевдоассоциации и институты (вроде «Всероссийской ассо-

циации стоматологов»), которые активно участвуют в прямой рекламе и влияют на продажи. Социологи пишут липовые отчеты для политиков и публикуют заказные рейтинги и формирующие опросы (опросы, где важна информация, содержащаяся в вопросе, а не сам ответ).

Многим «открытиям» придается сенсационная форма, чтобы книги имели коммерческий успех (как вам название: «Вирус СПИДа — выдумка биологов?»), а сделанная на основе «открытия» продукция хорошо продавалась (возьмите распространенные сейчас диеты на основе группы крови).

Согласно одному из исследований, большая часть публикаций в одном из ведущих западных научных журналов была написана учеными, которые непосредственно получали деньги от фондов и организаций, заинтересованных в определенных результатах исследований. Таким образом, все это не только наша, но и западная тенденция.

Повсеместное распространение тестовой системы облегчает работу преподавателям и симуляцию студентам. Когда критерии оценки заранее известны — не надо много труда, чтобы подогнать все что угодно под критерии и требования. Единственный действенный способ борьбы с симуляцией выглядит аморально и нелегитимно — это крайний субъективизм преподавателя. Если профессор перед экзаменами заявит, что никаких билетов и заранее данных вопросов не будет, что он спросит все, что ему захочется, и оценит так, как ему вздумается, невозможно будет даже написать шпаргалки, придется учить действительно ВСЕ.

Подгонка под заданную матрицу и критерии является главным навыком современного образования, а господство матрицы и критериев тем самым только укрепляется. Это же касается и такой специфической матрицы как псевдосенсационное разрушение «основ», которое идет повсеместно и не ведет ни к каким разрушениям, так как само количество таких

«опровержений» и «разрушений» и их фантастический вид только обесценивает и дискредитирует все «разрушительные и революционные» результаты, заставляя публику искать спасение в уютной традиции (например, «творчество» лжеисториков Носовского и Фоменко только укрепляет традиционную историографию и дискредитирует все возможные действительно иные новаторские попытки посмотреть на исторический процесс, источники, факты).

Несмотря на огромное количество узких экспертов в самых различных областях, ни все вместе, ни в отдельности они не производят инновации ни вообще, ни в своей сфере ответственности. Они выступают «говорящими головами», их ареопаг есть высшая власть в сфере знания, но система не по силам (вопреки афоризму «знание — сила») ни одному из них, ни всем вместе.

Собственно мировой кризис — это кризис отсутствия инноваций, в том числе в социально-гуманитарной сфере.

Принцип Феникса

Получается, что Новое время, эпоха модерна, подошли к концу? Недаром же давно говорят о постмодернизме. Но как оно могло подойти к концу? И исчерпан ли потенциал модерна? Давайте еще раз приглядимся подробнее к феномену субъектности и истоку инноваций в Новое время.

На изломе истории, в период перехода от традиционализма к Новому времени, стали враждовать два принципиальных мировоззрения. Средневековье подчинялось закону рода и происхождения. Человек, родившийся, например, графом или князем, получал свое место в обществе благодаря прошлому, традиции, своему благородству. Он приходил «на все готовое». А человек новый, человек капиталистический, чтобы добиться чего-то, должен был пройти определенный

путь, стать селфмэйдменом. Он должен был заплатить годами упорного труда за свой статус.?

Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью, — настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился.

Кроме того, Новое время породило логику маргинализма. В чем она состоит? Человек родившийся, грубо говоря, в столице, в центре некой культуры, подобен старому аристократу — он естественным образом получает все готовое. Человек, родившийся на окраине, находится в эксцентричном положении. Он чувствует, что принадлежит к некой культуре, но в то же время ее центр находится где-то во вне, и ему надо до него дойти, его «покорить», «завоевать столицу». Этот феномен известен нам не только по личности корсиканца Наполеона, который и императорскую корону вырвал из лап папы и короновал сам себя. Мы и сейчас свидетели того, что вся новая московская элита — как правило не «коренные москвичи», и они видят в москвичах сонных мух. Как сказал кто-то из великих, подмечая эту ситуацию: «Гении рождаются в провинциях, а умирают в столицах». Именно потому, что гений сам прошел путь до центра, заплатил за него жизнью, а не получил на блюдечке с голубой каемочкой.

Маргинальное происхождение обладает и еще одним преимуществом. Тот, кто находится на краю культуры или даже одной ногой стоит в одной культуре, а другой ногой в другой, имеет возможность посмотреть на свою культуру со стороны, имеет точку опоры во вне, позволяющую переворачивать свою культуру, модернизировать ее.

Мы подошли к очень важному моменту. Принципиально важно для субъектности начинать свой путь с досубъектного и внесубъектного, эксцентричного состояния. И принципиально важна граница, отделяю-

щая потенциального субъекта (человека прошлого, варвара и проч.) от субъекта реального, человека, который свою субъектность доказал принесением чего-то нового, трудом, творчеством, господством.

Гегель парадоксально заявлял в «Феноменологии духа», что стадия рабства — необходимый этап в становлении свободы. Свобода всегда есть не данность, а процесс освобождения. Свобода подобна велосипеду: она падает, когда стоит, а не едет. С Гегелем солидарен Ницше: воля-к-власти либо растет, либо ее нет. Свободу нельзя иметь, ее можно только практиковать, скажет еще позже Фуко. А сколько других философов высказывалось в подобном духе: Фихте, Маркс, Сартр, неомарксисты... Мысль для эпохи модерна настолько принципиальна, что ее надо подчеркнуть еще и еще раз: субъектность, свобода, современность есть переход, рост, а не состояние, не институция, не набор признаков, которые можно приобрести и иметь их. Если бы речь шла о наборе признаков свободы, то субъектность была бы недостижимым идеалом, так как некую абсолютную свободу и независимость представить себе в истории и в опыте очень трудно: всегда ведь найдется что-то, что меня определяет, а значит, свободы нет в реальности...

Но эта субъектность не идеал, витающий и недостижимый! Она актуально и абсолютно присутствует в момент преодоления какой-то определенности. Я всякий раз чувствую свою свободу, свою причастность абсолютной свободе и всю ее силу в себе именно в момент, когда я от чего-то освобождаюсь. Определенность и позитивность нужна как трамплин, как почва, *grund*, от которой можно оттолкнуться и сила сопротивления которой важна для прыжка. Свобода невозможна без несвободы: внутри абсолютной свободы она сразу бы перестала существовать, так как в вакууме нельзя отталкиваться, а свобода это и есть миг, мгновение, момент толчка.

Трансцендирование (перешагивание) определяющего общества удается тому, кто находился на его

краю. С этим связан каждый раз поиск нового класса-гегемона, который находится на «задворках», не вписан в систему. Это пролетариат у Маркса и Лукача, это «Россия как слабое звено» у Ленина, это творческая интеллигенция у Адорно, это сексуальные молодые пассионарии у Маркузе и Батая, расширившие свое сознание наркотиками маргиналы у идеологов хиппи, это сумасшедшие у Фуко и Лэнга, это белые воротнички, айтишники и креативный класс у нынешних пророков модернизации.

Но в этой связи важна и еще одна мысль Гегеля на ту же тему: подобно тому, как раб становится господином через субъективацию и эмансипацию, господин деградирует до уровня раба, теряет свою субъектность, коль скоро он ее постоянно не подтверждает. Недаром мы упоминали аристократов и столичных жителей как сонных мух. Тот, кто всего добился и поживает на лаврах, кто получил все готовое на блюде, и есть де-генерат. И даже тот, кто знает о необходимости постоянной эмансипации (перманентной революции, говоря словами Троцкого), сталкивается со специфической проблемой, проблемой вакуума, отсутствия любых твердых основ, определенностей, коль скоро предшествующая эмансипация сделала их нетвердыми.

Их эмансипация становится вымороченной и вымученной. Их попытки роста сродни попыткам Мюнхгаузена вытягивать себя из болота за волосы, потому что все вокруг стало беспочвенным (оно основано не на себе и не на трансцендентных основаниях типа Бога, а на воле самого субъекта).

Прежняя традиция, от которой раньше освобождались, сегодня не поработает, она муляж, нечто воздушное, безосновное, несубстанциональное, виртуальное (возьмите для сравнения средневековую Церковь и нынешнюю, средневековый быт и традиции и нынешнюю этничность и фольклорность и проч.).

Из-за вымороченности каждого следующего шага мельчают и сами новации и новости. Люди раздувают

событие из самого никчемного скандала, делают звездами мелких в сравнении с титанами прошлого людей, борются за права и свободы в совершенно узких и комических областях (например, за права животных или растений, за политкорректную речь).

И уж если мы говорим о новаторстве как атрибуте субъектности, надо вспомнить еще одну народную мудрость: «нет ничего более старого, чем вчерашняя новость». Нет ничего более старого, чем вчерашнее изобретение. Нет ничего более старого, чем вчерашняя модная эстетическая концепция, вчерашняя техническая новинка, вчерашний политический лозунг, вчерашняя звезда...

Этот «эффект неактуальности» возникает из-за изначальной несубстанциональности всех фактов, их виртуальности, которая не тяготит и не требует эмансипации, борьбы, революции, а уничтожается простым отрицанием, отказом, забвением. В отличие от старых форм, которые сегодня превращены в чучела, потому что субъектами признана их историческая уместность, относительная разумность и право на мифифицированное существование, факты вчерашнего дня не достаиваются даже этой чести. Для актуального есть СМИ, для старины — музеи и постмодернистский псевдотрадиционализм. Для вчерашнего — только Ничто.

Итак, подтверждать субъектность и инновационность можно только в диалектическом движении от несубъектности к субъектности, коль скоро стадия несубъектности необходима, чтобы стать субъектом. Еще раз повторим этот важный вывод: **дух есть птица Феникс, которая должна все время падать и возрождаться из пепла.** Субъект не может все время пребывать в качестве субъекта, хочет он или не хочет, он либо деградирует, либо сознательно сам пойдет на падение, на риск потери всего, что имеет, чтобы доказать, что он все может получить вновь. «Величие духа, — говорит Гегель, — измеряется тем, как глубоко он может пасть и возродиться вновь». Ницше будет уподоблять волю-

к-власти борцу на руках, армрестлеру, сильному игроку, который не просто упирается в битве, а позволяет себя сначала почти положить на стол и потом мгновенным движением возвращает себе преимущество и одерживает победу.

Принципы модернизации

Итак, мы видим, что для по-настоящему модернистского, инновационного общества должны жестко соблюдаться два условия:

1. Должна быть жесткая граница между субъектами и несубъектами, жесткое неравенство, жесткая иерархия. Должно соблюдаться различие между высшим и низшим, старым и новым, лидерами и ведомыми, собственниками и несобственниками, творцами и посредственностями, центрами и провинциями и так далее. Должна быть разница потенциалов, должны быть ничем не сдерживаемые высокие точки экстремума, большие амплитуды колебаний, самые немыслимые крайности.

2. Эта граница не может быть закреплена за теми или иными индивидуумами, классами, народами, государствами и проч. раз и навсегда, все могут постоянно меняться местами, отношения должны быть оборачиваемыми, максимально динамичными. Не путать со стиранием самой границы. Грубо говоря, всегда должны быть верх и низ, и разница потенциалов между ними, но люди должны постоянно меняться местами. Речь не идет о механической игре, перевертывании. Тот, кто берет столицу боем (или борется за право быть столицей), должен воевать, доказать свое право, а значит ему должно оказываться сопротивление. Тот же, кто защищается, должен идти на принципиальный риск поражения, а не устраивать все понарошку, чтобы поражение было невозможно.

Эти два условия можно назвать «принципом различия» и «принципом открытости». Что понимает-

ся под «принципом различия»? То, что вообще есть разделение на ведомых и лидеров, есть первые и есть вторые, винеры и лузеры, цивилизация и варварство. Противоположностью «принципу различия» является «принцип равенства», когда среди бегущих первых нет и отстающих, нет господ и рабов, богатых и бедных, образованных и необразованных, нет никакой разницы потенциалов, когда торжествует «среднее» во всех смыслах этого слова, когда искусственно ограничиваются крайности, когда борются с «экстремизмом» и т. д.

Теперь посмотрим на второй принцип. Что мы понимаем под «открытостью»? Такое устройство, когда есть коммуникация между верхами и низами, когда каждый, кто был ничем, имеет возможность стать всем и, что очень важно, — наоборот. Противоположностью открытости в этом смысле слов, являются наследственность и кастовость, полностью препятствующие социальной мобильности. Противоположностью является искусственный монополизм и закрытость элементов системы друг от друга, отсутствие коммуникаций.

Мы видим, как два принципа дополняют друг друга. Это две стороны живой, энергичной общественной системы. Эта система иерархична, в ней есть верх и низ. Но в ней есть и ток, коммуникация между полюсами.

Противоположностью системе, построенной на принципах неравенства и открытости, является система, которая, во-первых, построена на полном разрушении каких-либо иерархий, на абстрактном равенстве, на отсутствии верхов и низов, эксплуатируемых и эксплуататоров, властных и бесправных, столиц и провинций, центров и периферий и проч. Во-вторых, в такой системе положение элементов совершенно безнадежно в смысле потери своего места или надежды на его изменение, а будущее всецело определяется прошлым: происходит чистое самокопирование, связи между элементами слабы или отсутствуют, так что даже если элементы сами по себе и различны, они не

узнают о различиях друг друга и не могут осуществлять выгоды и недостатки этих различий в отношении друг к другу...

Это система, не объемная, а плоская и даже не является системой, так как в ней слабы связи между элементами. Это скорее нарисованная одномерная карта. Подобно тому, как нарисованная скала весьма условно может быть названа «основанием» нарисованной башни (Витгенштейн), так и нарисованные институты виртуального одномерного общества весьма условно коммуницируют друг с другом.

Иконка на экране компьютера изображает именно то, что отменяет — реальную папку с бумажными документами. Так же и демократические процедуры и выборы в одномерном мире изображают то, что отменяют. Такова же и экономика и ее «базисная» роль, предприниматели, которые ничего не предпринимает (Медведев), признак одномерности, картинности происходящего. Скаченные рефераты, купленные дипломы, невнятные консилиумы ученых так же изображают науку, которая уже отменена именно тем, что нет никакой связи между дипломом и работой, бизнесом и научной деятельностью, а у последних с политикой... Кастовость и виртуальность так же дополняют друг друга. Может изображаться бизнес или выборы, на самом деле экономические предпочтения и власть получают друзья, одноклассники, сокурсники по Йельскому или Санкт-Петербургскому университетам, президентами становятся отец, а через одного — сын, потом бывший президент тянет жену и так далее...

Постмодернизм

Постмодернизм возводят к Ницше. Именно он был приверженцем идеи аристократизма, родовитости и выступал против гегелевской концепции, согласно которой для становления господства нужно пройти через стадию рабства, а всякое господство неизменно

заканчивается деградацией.

Ницше хотел проследить логику господства и его абсолютного развития. Если в мире есть только воля, то ее абсолютному росту может мешать только она сама, следовательно, такая абсолютная воля должна отказаться от борьбы с собой прошлой, отказаться от мести, от «эдипова комплекса», присущего модернизму. Значит, совершенная воля должна желать повторения прошлого, а не его изменения и переопределения. Так возникает концепция «вечного возвращения одного и того же». Но «вечное возвращение», таким образом, оказывается неким «кругом бытия», а значит, это так же напоминает «закон Феникса». Недаром все ницшеанцы (Шпенглер, Парето и др.) говорят о круговращении элит.

Оказывается, это не противоречит и Гегелю, который высказывался за признание того, что свобода не должна бороться с прошлым, поскольку все прошлое это продукт действий той же самой свободы, а значит мы должны не отрицать его, а снимать в себе. Столь разные мыслители как Гегель и Ницше встречаются.

Постмодернизм возникает как следующая стадия модернизма, желающая «устойчивого развития», без катастроф, революций и отрицания старых порядков, имевших место в авангардном модернизме. Постмодернизм заявил о себе в нескольких лозунгах, одним из которых был лозунг «автор умер», что отражало констатацию факта смерти субъекта, совершающего постоянные революции и борющегося с прошлым. Субъект теперь вписывается в традицию, в прошлое, в «мир-книгу» с ее отсылками и цитациями.

Постмодерн заявил о себе также лозунгом «пересекайте границы, засыпайте рвы». Именно так назывался один из первых манифестов. О каких границах и рвах шла речь? О границах между культурами, между цивилизацией и варварством, между старым и новым, традицией и современностью, между субъектами и несубъектами, в конце концов.

Постмодернизм начинается с требования, что субъект

не должен разрушать прошлое и традицию, как это делал ранний модернизм, поскольку всякая традиция состоит из того, что само когда-то было модерном. Все старое было когда-то новым, а значит, нуждается в таком же уважении как любое другое новое. Непонятно, чего больше в этом требовании: оставить за досубъектной сферой право на немодернизацию или же сохранить право закончить модернизироваться за теми субъектами, кто модернизацию прошел?

В самом деле, ненависть к старому, к традиции и самой традиционности (то есть передачи чего-либо по наследству) прекрасно задействуется, когда кто-то обделенный идет в бой за обладание и за признание. Но как только он признан, то уже хочет передать наследство своим потомкам и лишит их тяжести добывать себе все с боем. Старые порядки, по поводу которых бунтовали в молодости, вдруг начинают казаться удивительно разумными.

Постмодернизм отражает в этом случае ситуацию на планете, когда довольно большая часть населения перешла через границу досубъектного и субъектного, то есть модернизировалась, стала жить в Новом времени. При этом нет желания уравнивать постсубъектный статус с досубъектным, нет желания опять модернизироваться, признавать утрату субъектности и лидерства. Ведь передний край, фронт борьбы Нового времени с традиционным обществом, проходит всегда там и в том момент, где происходит какая-то революция и модернизация.

Мировой дух уже давно не дышит в так называемых «цивилизованных странах». Весь традиционный модернизм объявляется «троцкизмом» в СССР и «авангардизмом» на Западе. Распространяется убеждение, что модернизация субъекта может вестись эволюционным путем, БЕЗ потери «приданого», без риска утраты всего ранее завоеванного, а на его основе, как простое прибавление, как количественный рост. Совместить наследование и традиционализм (которые способствуют дегенерации) с риском все начинать

сначала (что способствует инновациям) в рамках концепции простого роста невозможно.

Возникает ситуация вымороченности эмансипации и эффект вакуума, невозможности всерьез бороться с чем-то и отталкиваться от чего-то для прыжка в будущее. Идет замедление прогресса, пока еще остановился не сам рост, а рост роста (вторая производная). Замедление «прогресса» стало очевидно прежде всего, и это необходимо следует из всего вышесказанного, в цивилизованных обществах, так же как и их демографический и экономический рост.

Выход находят в паразитарной модели, которая по сути является колониальной и феодально-традиционной, а по видимости изображает демократию: то, что давно отменено изображаемым (избрание Обамы, например, есть чистая симуляция, изображение наличия социальной мобильности в обществе, которое является скорее кастовым).

Впрочем, ресурсом инноваций и демографического роста еще становятся представители традиционных культур, чья пассионарность определяется тем, что они в данный момент проходят стадию модернизации, то есть переходят от досубъектного состояния к субъекту. Идет перекачка мигрантов, перекачка мозгов, воровство инноваций и включение разнообразного гетерономного традиционного опыта в современную культуру. Свежая кровь питает вампирские общественные образования (вампиризм — сущностная болезнь традиционных аристократов).

Постмодернизм приветствует коммуникацию и глобализацию, как это делал модернизм. Более того, он требует политкорректности, плюрализма, толерантности, экологизма, неотрадиционализма, реабилитирует профанную сферу, популизм. Его задача на всю катушку подключить досубъектный модернизирующийся ресурс к стареющему цивилизованному обществу, чтобы он омолаживал это общество, выступал социальным топливом. Однако, ускорение коммуникаций и требование оборачиваемости отношений

власти имеет и побочные эффекты, препятствующие модернизации. Это во-первых, некое уравнивание потенциалов, во-вторых, слишком рьяное признание за досубъектами субъективности без всякого доказательства с их стороны своей субъектности (получение ее без борьбы привело к еще большему обострению имеющихся проблем).

Сегодня в США гигантский средний (в худшем смысле этого слова) класс, имеющий массу всяческих гарантий, и сегодня там огромное количество тех, кто получал все на блюде только в силу своей реабилитированной досубъектности (негры, безработные и прочий разнообразный плебс, ныне попавший под пресс ипотечного кризиса).

Мы можем видеть противоречивые интенции и эффекты постмодернизма. Феномен, который способствует модернизации, — это сохраняющаяся настоящая, а не виртуальная пропасть между «первым», «вторым» и «третьим» миром, сохранение мировых столиц, рост разрыва между центрами власти и территориями полностью несuverенными, а также рост разрыва между богатыми и бедными, между очагами культуры и цивилизации и варварством.

Все это может быть настоящим основанием для отрицания и прыжка, от этого, как от феодальной системы, можно отталкиваться по-настоящему. Поэтому кроме философов-постмодернистов, всегда узнаваемых по вымороченному стилю, мы имеем и множество «левых» мыслителей-модернистов, узнаваемых по энергии разоблачения феодальных и неоколониальных порядков нынешнего мира, скрытых за симулированной демократией. Все это создает могучую разницу потенциалов для наличия социального тока.

Другой феномен, способствующий модернизации, — глобализация и развитие коммуникаций, невиданное в истории. Пусть эти коммуникации часто односторонни и необорачиваемы, главное, они есть.

Феномены, не способствующие модернизации, а

тормозящие ее и вызывающие стагнацию, это: всевозможные социальные и налоговые системы цивилизованных стран, перераспределяющие в пользу бедных богатства богатых, не опосредующие эти социальные гарантии каким бы то ни было трудом и инновационным вкладом, рост среднего класса, монополизм всякого рода, в том числе монополизм транснациональных корпораций, военная защита монопольного положения цивилизованных стран, распространение прав и гарантий на всех граждан без всяких заслуг, разрушение культурных, научных и прочих иерархий на том основании, что сегодня «все пойдет» и «ценна каждая точка зрения», фактически кастовое сохранение за цивилизованными странами их роли «цивилизаторов», при том, что данные общества сами утратили инновационный потенциал и лидерство и не хотят рисковать потерять его. Единственная впечатляющая попытка в новейшей истории некоего «самоубийства» развитой страны — это падение СССР в результате довольно троцкистских реформ Горбачева.

Дюжина мер для модернизации

Существуют ли ресурсы для модернизации в современном мире или же дело идет к всеобщему «застою», дегенерации, падению численности популяции, прекращению инновационной деятельности, возврату в средневековье, о котором все больше говорят? Да. Такие ресурсы существуют, и в провокационной манере можно предложить ряд реформ, способствующих бурному обновлению мира. Это, повторюсь, не «программа автора», а лишь те меры, которые следуют из «принципа Феникса», принципов «различия» и «открытости», которые были выше отмечены как обязательные атрибуты модерна. Если желать именно модернизации (оставим открытым вопрос, а надо ли желать именно ее), то нужны следующие меры.

1. Реформа избирательной системы. Отказ от

популизма и принципа «один человек — один голос». Отказ от заигрывания с широкими массами потребителей-непроизводителей и иждивенцев, ничем не заслуживших избирательных прав и уже давно переставших их ценить. Введение образовательного ценза на выборах любого уровня. Это требование довольно старое и незаслуженно забытое. А ведь еще Берк и Милль справедливо указывали, что позволять неимущим и необразованным голосовать — это все равно что позволять им залезать в свой карман, поскольку они будут иметь доступ к перераспределению бюджета и голосовать только за тех политиков, которые обещают им социальные гарантии, естественно, за счет элиты.

Участвовать в формировании власти есть право, которое надлежит заслужить. Эта мера заставит людей реально заниматься политикой и выборами, ведь молчаливый отказ от голосования, саботаж есть только реакция на понимание того факта, что право голоса ничего не стоит, если дается даром, и что выборы только изображают демократию в системе, которая ее реально отменяет. В то же время мы понимаем, что отказ от цензов произошел не случайно.

Недопустимо и то, чтобы имущие использовали власть в интересах сохранения своего положения, консервировали некий статус-кво. Против сентенций Берка и Милля можно было бы возразить: позволять иметь право избираться и быть избранным только имущим есть консервация их права всегда держать руку в кармане у неимущих. Это так же вредно как допущение к власти широких слоев безответственных низов. Поэтому речь должна идти минимум об образовательном цензе.

Нужно категорически разделить активное и пассивное избирательное право и наделять им разные категории людей. Современные электронные системы должны чаще использоваться при голосовании. Кроме того, в момент согласия идти в исполнительную власть человек должен осуществлять полный

отказ от собственности. Путь во власть тому, кто ее не имел, будет, таким образом, надежно заблокирован. В то же время новоиспеченному политику нечего будет защищать. Он «покупает» властные полномочия ценой отказа от какой-либо собственности и переходит в разряд властителей. У него, таким образом, больше нет личных интересов. При этом речь идет не о передаче своей собственности в траст, как сейчас, а о передаче ее государству. Чиновник становится нестяжателем, своего рода монахом или «святым», посвятившим себя служению обществу и ничему больше.

Такая жертва заслуживает многого. Это лучшее продолжение карьеры, начатой в гражданском обществе, это и есть жест «птицы Феникс»: в определенном возрасте все потерять, чтобы возродиться вновь в новом качестве и продолжать доказывать свою субъектность и лидерство, а не поживать на лаврах. Эта мера была бы заодно и одним из источников пополнения государственной казны.

2. Реформа налоговой системы, предполагающая отказ от любого налогообложения. Налоги — это пережиток средневековья. Даже в древних обществах свободные не платили налогов. В греческих полисах налоги платили только нерезиденты, во многих других государствах — только иноверцы. Это предполагалось тем здравым рассуждением, что непозволительно и неморально облагать налогом своего.

Сегодня оффшорные государства наиболее продвинуты в этом вопросе и стихийно нащупывают правильный исторический путь: недаром туда перемещаются капиталы и инвестиции. Любое крупное государство, которое создаст у себя налоговый рай, будет обречено на приток капиталов и инвестиций.

Отмена налогов увеличит социальную мобильность и разрыв между классами, снимет с государства головную боль по поиску неплательщиков, по борьбе с «черной» экономикой, государство перестанет выглядеть насилующим паразитом и узурпатором. Ис-

чезнет почва для отношения к государству как к слуге, который содержится за чужой счет и таким образом что-то должен тем, кто ему платит. Вредное мнение — что государство должно оказывать какие-то «государственные услуги», за которые мы платим налоги — так же нелепо, как мнение, будто бы мозг оказывает телу какие-то услуги за то, что живот питает его, а ноги носят...

Государство есть мозг и неравная система народного организма, и скорее уж организм служит ему, а не оно организму. В кризисные периоды, например во время войны, эта истина, заболтанная в мирное время, проявляется со всей ясностью: мы идем защищать государство, а не просим у него защиты.

3. Отказ от права наследования. Метафизически это право ни на чем не держится, воля умершего не существует, в отличие от воли живущих. Такая реформа совершенно в духе Нового времени и его пафоса борьбы со всем, что наследуется без всяких на то заслуг и причин (звания, собственность, имения, привилегии и проч.). Требования отказа от наследственного права звучали в XIX веке, но постепенно стихли. И вовсе не потому, что такая реформа была бы слишком шокирующей для общества. Шок от нее слишком преувеличен, ведь на самом деле поступления всего имущества в казну государства после смерти довольно легко избежать хотя бы просто путем постепенной передачи прав собственника молодым родственникам, потомкам, близким, партнерам по бизнесу и так далее. Государству будет поступать небольшой остаток, который существовал на момент смерти, или же большой остаток, возможный в случае внезапной кончины.

В любом случае отказ от наследственного права заставляет собственников диверсифицировать собственность и не концентрировать ее продолжительно в одних руках. Эта мера оживляет движение капиталов и не более того. Капиталы будут чаще попадать в более молодые и энергичные руки, а если они не в состоя-

нии ими распорядиться, то в руки тех, кто справится. Богатство и бедность в результате такого распыления и мобильности капиталов приобретут ситуативное значение.

В сочетании с мерой по отмене налогов отмена права наследования приведет к тому, что будет легко разбогатеть и легко все потерять. Каждый за свою жизнь несколько раз успеет побывать и супербогачом и супербедняком, деньги перестанут иметь такое важное значение, как сейчас. Стимул к супернакоплению и концентрации богатства не исчезнет, просто к богатству не будут относиться так серьезно, как сейчас и как оно того не заслуживает.

Естественно, отмена наследственного права должна касаться более-менее крупных наследств, нет смысла возиться с мелочевкой и заниматься ее перераспределением, хотя и в этом случае распределение наследства можно поручить скорому мировому суду. Куда же будут передаваться поступившие в казну состояния? На это дает ответ следующая мера.

4. Государственный бюджет, который будет иметь серьезные выпадающие доходы из-за отмены налогов, за счет этой меры станет пополняться из-за притока остатков наследств. Бюджеты, кстати, не должны тратиться на помощь бедным и неимущим. Главной задачей государства является развитие инфраструктуры и коммуникаций, траты на фундаментальную науку, культуру и образование.

Образование — единственная область, в которой человеку нельзя что-то дать. Образование можно только взять. Нельзя за человека понять теорему, он может понять ее только сам. То есть субъектность тут принципиально неустранима, и бояться разращения субъекта тем, что образование ему «дается даром», невозможно. Фактически слово «дается» употреблено неправильно. Это совершенно не то, когда человеку ни за что даются некие материальные блага, услуги или привилегии. Поэтому вредно давать государственные деньги бедным просто так. Но совершенно

не вредно «просто так» давать образование в бесконечном объеме. Это не вредит субъектности, а только провоцирует ее.

Процесс познания устроен так, что человек не может чему-то научиться раз и навсегда. Здесь также действует закон «птицы Феникс»: в процессе обучения субъект должен постоянно терять себя, расставаться с предшествующими заблуждениями и ошибками, отказываться от всего, что знал раньше во имя новой истины, обретать ее и терять вновь. Образование должно стать непрерывным и оно должно быть главным критерием доступа к общественной власти и богатству. Здесь должна действовать иерархия степеней заслуг, табелей о рангах, побуждающая совершенствоваться и стремиться выше.

Траты на образование — главная статья государственного бюджета, само образование — главная ценность человека и общества. Образованное общество продуцирует технические и гуманитарные инновации и начинает обладать культурным лидерством в мире, культурно завоевывает мир. Это лидерство обеспечивает, как ни странно, и его обороноспособность. Страну, которая несет свет миру, никто не хочет завоевывать, потому что она обладает духовной, культурной ценностью. Мы должны не бороться за место под солнцем, а сами быть солнцем. Должны влюбить в себя весь мир: только это — залог подлинного суверенитета, а не оружие, газ или экономическая мощь.

Траты на образование должны быть больше, чем траты на оборону. Образованные люди придумают такое оружие, которое позволит максимально эффективно решать вопросы обороноспособности, не говоря уже о культурном лидерстве. Утечки мозгов бояться тоже не стоит, образованным не хочется бежать туда, где живут необразованные. Скорее наоборот: сюда поедут люди из всех стран.

Экономическая мощь государства в случае осуществления подобных реформ будет вне досягаемости. Бояться, что средства в размере 15 % или 25 % бюджета,

отпущенные на образование, не освоят, нет необходимости. Надо просто изменить концепцию образования, объявить решительный бой схоластической средневековой системе уроков. Настоящее образование должно приобретаться в практике, в лабораториях, в совместном решении научных проблем вместе с коллективами ученых, в наставничестве молодых (лучше всего понимаешь что-то, когда сам объясняешь). Если же речь идет о гуманитарном образовании, — то в культурных поездках и экспедициях (например, историю Египта надо изучать в Египте, а не сидя в душном классе и так далее).

5. Еще одна важная реформа — отказ от права на интеллектуальную собственность. Копилефт вместо копирайта. Отмена всяких патентов и торговых марок, они тормозят инновации. Метафизически право интеллектуальной собственности ни на чем не основано. В отличие от собственности на вещи, которая держится на том, что человек свободный субъект, а материальная вещь — нет, духовные феномены сами владеют человеком и делают его тем, что он есть.

За каждой технической новинкой, теорией, изобретением, художественным творением стоит все человечество, начиная с первого человека. Никто не имеет права на ту или иную теорию. По какому праву кто-то наживается на том, что, по сути, создавали представители разных эпох и культур? Ведь этого правообладателя интеллектуальной собственности учили в университете, в школе и так далее. Это и есть классический случай известного марксова противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Стоит ли бояться, что люди перестанут изобретать? Нет. Ученые и изобретатели изобретают не из-за денег, а потому что иначе не могут, их влечет сама логика научного и технического поиска. Многие и сейчас изобретают, ничего за это не имея, поэтому и в системе копилефта изобретать не перестанут. Тем более, есть обоснованное предположение, что возможно, разовое

вознаграждение и честь первого изобретения или первооткрытия будет как-то медийно поощряться. Вот только доступ к открытию, технической документации, к теории будет открыт абсолютно всем. Потребность в инноваторах многократно возрастет, и плоды их труда будут воплощаться в жизнь, а не пылиться на полках, как сейчас.

Что происходит сегодня? Купила компания изобретение и извлекает сверхприбыль, сначала обеспечивая новинкой богатых, затем медленно начинает серийное производство для широких слоев. Она сама устанавливает монопольные высокие цены, темп заполнения рынка. Она отвергает другие улучшающие изобретения, не внедряет их, пока не отбились прежние инвестиции. Другие фирмы делать эту вещь и быстро заполнять рынок не имеют права. Сейчас миллионы патентов скуплены на корню и не внедряются, потому что транснациональные корпорации не отбили прежние инвестиции в прежние разработки.

А если бы не было интеллектуальной собственности? Тогда сразу все «пиратски» будут копировать то, что хорошо продается. Любая компания, если она считает, что может лучше и быстрее на данной территории заполнить рынок новинкой, будет это делать. Любой продукт сразу станет доступен в любой части света. И что вынуждена предпринимать компания в таких условиях? Не почивать на лаврах, а срочно внедрять что-то новое, что еще не скопировали. Внедрять то, что еще лучше.

Изобретатели и рационализаторы будут нужны как никогда. Их просто будут брать в штат и платить большие зарплаты, так как никто лучше них не знает как модернизировать данный продукт. Сейчас же стремятся покупать патенты и забывать про авто-ров...

Итак, регистрацию изобретений можно оставить, чтоб человек получал не собственность, а славу изобретателя. Он тогда будет дороже стоить. И это пре-

красный стимул творить дальше. Бояться, что в данной системе не будет инноваций в гуманитарной области, тоже не стоит. Да, продюсеры, например фильмов, не смогут зарабатывать на прокате, так как любой фильм будет тут же копироваться. Зато это гарантирует, что хороший фильм мгновенно станет доступным миллиардам людей на планете, что открывает другие возможности для заработка: например, продакт плейсмент определенной страны, города, исторического места, любого продукта, раскрутка того или иного товара, услуги, человека, идеологии, чего угодно. То же относится к книгам. Они, если того заслуживают, будут максимально копироваться где угодно и кем угодно, и их содержание будет спокойно распространяться, о чем мечтают многие авторы сейчас. Умрут и мировые бренды, а значит, и переплата за них. Значение будут иметь красота, качество и практичность вещи, а не ее марка.

6. Отпадает необходимость в банковской системе. Банк есть изобретение средневековое и совершенно вредное для модернизации. Недаром мировой кризис ударил по банкам — он знает куда бить, и лучше бы государствам их не поддерживать, пусть мертвецы хоронят своих мертвых! Банк, с одной стороны, существует для того, чтобы обеспечивать сохранение накоплений вкладчиков: по вкладам платятся проценты, вклады должны расти. Мало того, что это чистое мошенничество, потому что ничего (в соответствии с «законом Феникса») не может расти неограниченно долго, а значит, банк обязательно лопнет, что мы сплошь и рядом видим, важно и другое: сбережения сами по себе вредны для экономики.

Люди должны постоянно инвестировать свободные средства и быть предпринимателями. Это дает отличную динамику экономике. Это дает спрос на инновации, дает конкуренцию и совершенный рынок, ведь у нас будет не 10 % предпринимателей, а 99 %.

Банкир может возразить: он и так дает деньги предпринимателям в виде кредитов. Но он забывает упо-

мянуть про свою маржу. На чем спекулирует банкир: в обществе, где все якобы не могут быть предпринимателями, я нужен, чтобы передать деньги от сберегающего человека инвестору, и за эту услугу я получаю свои скромные проценты... Позвольте, говорим мы, в обществе, где все будут предпринимателями, ты, таким образом, не нужен. Что ж, давайте уберем тебя, и людям ничего не останется, как быть предпринимателями! Люди будут рисковать, действовать в соответствии с «законом Феникса» — то внезапно богатеть, то разоряться — но ни богатство, ни бедность с ними не будет оставаться навсегда.

7. Отмена банков не приведет ли к торжеству фондового рынка? Ведь он так же пострадал во время кризиса, а в случае с банками — это признак ненужности данного института в новой системе. Да, все верно, фондовый рынок так же вреден. Дело в том, что фондовый рынок служит большой концентрации капитала и создает транснациональных монстров-монополистов. Человек предпочитает вложить деньги в акции, сидеть и ждать, когда ему заплатят дивиденды, или курс акций вырастет без всякого его участия. То есть опять позиция рантье, противоречащая «зако-ну Феникса».

Зачем человеку вкладываться в «Кока Колу», которая уничтожает всех мелких конкурентов по производству газировки? Не лучше ли вложиться в местного производителя, работающего на его рынке? По крайней мере, он его-то знает.

Кстати, в условиях отмены права интеллектуальной собственности этот местный может производить ту же «Кока-Колу», рецепт которой будет рассекречен. В мире, где нет фондового рынка, не будет крупных компаний и проектов, а значит, не случится больших кризисов. Например, в таком мире не было бы «Автоваза», на него бы просто не нашлось денег, чтобы построить, а значит, не было бы перепроизводства устаревших машин и огромной социальной проблемы с сотнями тысяч людей.

Никто бы не затевал проекты на 10—20 лет вперед, потому что знал: через три года изобретут и внедрят что-то новое, а мое огромное производство устареет. В новом мире не будет гигантских кризисов, связанных с большими инвестициями и долгосрочными вложениями, которые морально устаревают уже на этапе пуска в строй, или же если их пустят вредить появлению нового. Зато в этом мире будет миллион мелких ежедневных микрокризисов, которые в общем раскладе ничего не меняют. Общество в целом будет стабильно, хотя миллионы мелких бизнесменов будут ежедневно разоряться и обогащаться.

Каждый за свою жизнь 10 раз все приобретет и потеряет, каждое сообщество, городок будет мыслить своими масштабами и затевать только то, что ему по силам, инвестировать в тот рынок, который они успеют заполнить, боясь перепроизвести, переинвестировать.

Разорятся жадные — те, кто будут инвестировать с размахом на огромный рынок, в то время как его уже успеют съесть местные микрокомпании до того, как гигант придет к ним. Поэтому не будет смысла в мегапроектах, зато огромные проекты (например, коммуникации) будут делаться по частям и состоять из множества подмножеств. В условиях потери доверия всех контрагентов между собой на огромных глобальных пространствах мелкий бизнес в рамках своих агломераций и территорий — самое лучшее. Каждый платит за то, что знает и участвует в том, что понимает.

8. Отсюда еще одна реформа, исходящая из ненужности больших агломераций, заводов, городов и их инфраструктуры, и нацеленная на образование микропоселений. **Деурбанизация.**

Это переход в новую экологически чистую среду обитания. Это гигантский национальный проект расселения городов, переселения десятков миллионов людей в малоэтажные загородные поселки с автономной инфраструктурой. Это освоение новых земель, которые, как ни странно, находятся совсем рядом.

Россия до сих пор самая большая страна в мире с самым большим количеством неосвоенных земель, страна, самая богатая лесом, пресной водой. Возьмите для примера Москву и Московскую область. 20 % населения страны живет здесь, задыхаясь и мешая друг другу, на клочке земли, когда на десятки тысяч километров простираются пустые земли. Речь идет о внутренней колонизации. Это ответ сразу на все вызовы, стоящие перед Россией.

В самом деле, деурбанизация — это средство решения демографической проблемы. Существует прямая зависимость рождаемости от степени урбанизации. Кроме того, переселение из экологически неблагоприятных городов приведет к снижению уровня смертности. Население городов вынуждено дышать сильно загрязненным миллионами автомобилей воздухом, испытывать серьезные стрессы в результате постоянных шумов. А в это время сельское хозяйство приходит в упадок, потому что на земле некому работать, города требуют продукты питания. Настоящую пищу заменяют полуфабрикатами, суррогатами и эрзац-продуктами. Города все больше зависят от поставок генномодифицированной пищи.

Деурбанизация — это и продовольственная безопасность. На собственной земле по традиции люди будут собственными силами вести подсобное хозяйство. При этом выращивать опять же экологически чистые продукты. При современных технологиях семья из пяти человек может полностью кормиться целый год с 10—20 соток земли, при этом не надо работать не разгибая спины.

Новый современный дом в деревне, малоэтажное строительство — это и решение жилищно-коммунальной проблемы. Инфраструктура городов не выдерживает нагрузки, цена на землю, коммуникации и строительство превышает все разумные пределы, что делает невозможной ипотеку и доступное жилье. И наоборот, сегодня существуют новые технологии малоэтажного строительства, которые позволяют в

короткий срок решать проблему жилья. Поселки могут строиться вдоль железных дорог и автомобильных трасс, чтобы пока использовать имеющуюся инфраструктуру. Вдоль поселковых линий домов можно тянуть электричество, газ, интернет, телефон. И, наконец, культурно-идеологический ответ на вызов возможен только в поле роста местного самоуправления, местной инициативы, постоянных социальных инноваций, которые производят небольшие самоуправляемые сообщества.

Хай-тек и хай-хьюм — не та сфера, где могут работать госкорпорации и индустриальные монстры, хай-тек и хай-хьюм возникают в микросообществах и ими же реализуются. Кроме того, новый образ жизни (свой дом, природа, свои продукты питания, баня, рыбалка и проч.) обладает высокой привлекательностью и для бедных, и для высокоразвитых стран, где возможности для такого образа жизни не сохранились. Новый экологичный образ жизни можно противопоставлять господствующему сейчас «потребительскому» образу жизни, возможности которого для всех стран близки к исчерпанию.

Нужна революция в развитии трудовых отношений (когда будет считаться нормой работа на расстоянии, через компьютер, сеть, а не в офисах). Нужна революция в системе коммуникаций (газ, свет, канализация нового типа и проч.). Электрогенераторы должны быть автономные и комплексные (ветрогенераторы, солнечные батареи). Есть технологии мини-АЭС, экологически чистых, для малых городов и поселков, есть технологии мини-гидроэлектростанций для малых рек.

Нужна революция в использовании речного транспорта. Ведь реки — это естественные дороги, по которым передвигалась в течение 1000 лет вся Россия. Сейчас сеть рек больше, чем сеть железнодорожного транспорта, но по ним перевозится 2 % грузов! Берега рек и надо в первую очередь заселять мини-поселками.

Нужна революция в мини-авиации. Сегодня уже есть самолеты на несколько посадочных мест, летающие без заправки на значительные расстояния, абсолютно безопасные (при отказе двигателя выбрасывается парашют), и при этом для взлета и посадки им необходимо всего лишь 100—200 метров поля. Такими мини-аэродромами, а не полями для гольфа надо покрывать всю Россию.

Возможна финансовая революция. Есть пророки, которые говорят, что в условиях мирового финансового кризиса производственного паралича удастся избежать всем, кто будет вводить свою мини-валюту, иногда даже действующую на территории одной агломерации. Бернард Лиетер, известный экономист, один из архитекторов евро, в книге «Будущее денег» не только предсказал мировой кризис, но и указывал на беспрецедентный рост бартерных операций, частных, общинных и корпоративных валют. Мы сами уже часто вовлечены в эти операции, не догадываясь об этом. Например, когда получаем баллы от авиакомпаний за налет часов и во многих других случаях.

Важнейшим следствием «зеленой революции» станет качественное повышение уровня внутреннего комфорта в стране. Это позволит впервые в истории обеспечить в нашей стране уровень жизни, превосходящий аналогичные показатели в развитых странах Запада. Это не просто экономическое и военное превосходство, это превосходство в образе жизни.

Россия сможет выступать в роли экспортера экологических ресурсов, востребованность которых в развитых странах повышается стремительными темпами. Формы такого экспорта могут быть весьма разнообразны: поставки экологически чистых, натуральных продуктов и питьевой воды, массовое развитие экологического туризма... В результате Россия станет для всего мира образцом выстраивания такой модели социально-экономических и экологических отноше-

ний, которая способна обеспечить гармонию человека и природы, его души и внешнего окружения, гармонию духовных ценностей и наиболее благоприятных, комфортных материальных условий для устойчивого развития в будущем тысячелетии. Это гуманитарное лидерство в мире, делающее невозможным агрессивные поползновения.

Концентрация поселков вокруг крупных производств, но не надо сами производства концентрировать вокруг поселков. Должны быть законы, запрещающие строить более одной фабрики (или промысла) в одном населенном пункте. Что бы вы сказали дизайнеру, если бы он в 200-метровой квартире составил всю мебель в один угол и обосновывал это тем, что «так все под рукой»? Но ведь у нас в стране вообще отсутствует социальный и экономико-географический дизайн, у нас в одних регионах люди сидят друг у друга на головах, в других — пустыня. Нельзя допускать, чтобы производства открывались там, где им кажется выгоднее: а именно в муравейнике, где все потребители под рукой — и поставщики и смежники. Бизнес всегда будет стремиться все свалить в кучу, поэтому надо искусственно давать льготы для открытия тех или иных бизнесов и производств на отдельных территориях и наоборот, штрафовать за то, что люди плодят сущности там, где они не нужны. Статус столицы должен быть кочующим, люди разных мест реально должны бороться за то, чтобы в следующую пятилетку столица переместилась к ним.

9. Реформа пенитенциарной системы. Настоящим бичом планеты является абсолютный и относительный рост преступности. Он держится на трех китах: устаревшей, не менявшейся веками, неадекватной человеку системе образования, которая не образует его и отторгается им, на кастовой замкнутой системе экономических отношений, делающих обман, кражу и грабеж более легким выходом, чем легальный заработок, на безнадежности в мире, где богатые оста-

ются богатыми, а бедные — бедными, и на кастовом воспроизводстве «преступного мира» с его законами, романтикой и «понятиями». Поэтому вышеуказанные меры, связанные с образованием и экономическими реформами, серьезно снижают необходимость преступной жизни.

Но и сама пенитенциарная система давно требует реформы. Нынешняя только воспроизводит преступный мир, что ухудшает инвестиционный климат в стране, делает жизнь граждан небезопасной, требует трат на содержание репрессивного аппарата. В то же время заключенные — это просто недообразованные люди с большим рискованным, авантюрным, субъективным потенциалом. Если их пересадить в одиночки, что сразу пресечет возможность создания преступной среды, и начать показывать научно-популярные фильмы, то со скуки они их будут смотреть. Затем перейти к более сложным программам, учить языки, предоставить возможность участвовать в научных диспутах по сети, в коллективном творчестве.

Это люди с соответствующей психологией, преступники, которые будут переступать и научные догмы, прорываться к таким открытиям, которые не снились обычным примерным ученикам. Мы можем выпускать из тюрем эйнштейнов, а не квалифицированных уголовников. Проблема наших студентов в том, что они больше думают о дискотеках и мальчиках-девочках, легально их не заставишь учиться. В случае с заключенными мы имеем право их образовывать в том режиме, который будет дидактически необходим, и добиваться успеха.

10. Еще одна гуманитарная новация (хотя нет ничего более нового, чем хорошо забытое старое) — законодательное сокращение рабочего дня до 6—4 часов в сутки. Было в суверенитете и уже здесь, по-моему

Свободное время — самое большое богатство человека. Сегодня, вопреки иллюзии, что мы стали свободнее, осуществляется невиданная в истории эксплуатация человека, то есть занятие человека не свободным,

а отчужденным трудом. В средневековье пятидневная барщина для крепостных крестьян считалась чем-то ужасным и была только в некоторых странах в некоторое время, в основном трехдневной. Ни один крепостной крестьянин, привыкший три-четыре дня в неделю работать на себя, отдыхать, молиться, заниматься ремеслом, не променял бы свое крепостное положение на наше нынешнее, якобы «свободное», когда мы работаем по пять дней в неделю от восьми до 14 часов в сутки, независимо от того, работаем мы на частного или на государство. У крестьян, к тому же, были либо барщина, либо оброк, у нас и то и другое: оброк мы платим в виде налогов.

После такого каторжного и неинтересного труда у человека нет времени заниматься творчеством или полноценно общаться, он способен только на тупые развлечения, отключения от реальности, выпивку, телевизор, пустой треп. Он не занимается детьми, утрачивает теплые чувства, душевные качества. Он находится в постоянном стрессе, который снимает антидепрессантами.

Сокращение рабочего дня приведет к снижению безработицы, работа будет у всех, но по чуть-чуть. Это повлечет сокращение заработка, а значит к нехватке средств на излишнее потребление и тупой досуг. Это смерть «общества потребления», которое уже отжило исторический век и признано невозможным по экологическим соображениям.

Сегодняшняя модель мировой экономики требует включения все больших масс народа в рынок, но обеспечение вновь включенным в развивающихся странах стандарта развитых стран невозможно. Это также одна из причин кризиса.

Работающий Китай все больше хочет потреблять как неработающая Америка. Потребительский стандарт будет снижаться, и короткий рабочий день, при сокращении заработка, — легальный способ снизить такой стандарт. Но короткий рабочий день — это ведь и появление свободного времени для творчества, сво-

бодного труда, ремесленничества, изобретательства, рационализаторства, самообразования. Учитывая, что возможности для спортивного, культурного и образовательного досуга и труда будут бесплатно предоставляться государством, то повального безделья и скуки ожидать не придется.

11. Пора признать и другой очень важный факт: здоровье не частное дело. И вопрос даже не в том, что государства ныне тратят огромные деньги на **систему здравоохранения**, Каждый алкогольный рубль в бюджете приносит стране до 3—6 рублей убытка в виде уничтожаемого здоровья нации, травматизма, аварий, снижения производительности труда, роста преступности и всего прочего. Это прямые траты в бюджете на всевозможные «социальные расходы» и профилактические мероприятия, на медицину, на правоохранительную деятельность и проч. Но главное в другом: курение и пьянство есть мощные средства десубъективации субъектов, мощнейшие антимодернизационные средства.

Пьянство погружает человека в абсолютно одномерный виртуальный мир с низкой социальной коммуникацией, с его безнадежностью преодолеть хоть какие-то границы своего положения, в абсолютно антимодернистский мир. Это то, что тормозит любую предприимчивость, лидерство, социальную мобильность и проч.

Подсчитано, что один литр выпиваемого спирта на душу населения в стране приводит к падению производительности труда на 1 %. У нас сейчас потребление спиртного составляет 18 литров чистого алкоголя на человека в год. Снижение этого потребления — огромный ресурс для роста производительности труда даже без всякой иной модернизации. Только одно введение «сухого закона» могло бы поднять в России производительность труда до уровня передовых стран. Мы бы легко могли жить как в Европе уже через несколько лет, если бы все совсем перестали пить. Введение «сухого закона» требует массивной предварительной

пропаганды и параллельного запуска других реформ, которые бы давали замену алкоголю. Что, впрочем, относится и ко всем идеям и реформам, описанным выше. Кроме того, все сказанное об алкоголе, конечно же, относится и к наркотикам, и к курению и проч.

12. Демилитаризация и разоружение. Насилие есть способ закреплять и сохранять за собой некие полуценные преимущества, а это важнейшее условие застоя на планете. Никому не должно быть позволено угрожать и применять силу, это должно быть настолько аморально, нетерпимо и неприемлемо, что всякий подобный факт должен немедленно подвергаться самому суровому и единодушному осуждению всех жителей Земли. Надо добиться такого морального климата на Земле, чтобы люди вообще ни в каком виде не поддерживали политиков-милитаристов, тех, за чьей спиной маячит ВПК и проч.

Военный бизнес должен быть таким же незаконным и скандально нечистым, как наркобизнес, торговля органами детей и проч. Максимум каждого государства во внешней политике должно стать сказанное когда-то Ницше: «И возможно, великий день наступит тогда, когда народ, известный войнами, и победами, и наивысшим развитием военного порядка и науки, и приученный приносить самые большие жертвы ради этого, сам по своей воле воскликнет: «Мы преломляем меч» и разрушит все свое военное строение до основания. Разоружение себя, когда ты лучше всего вооружен, из высшего чувства — в этом состоит средство реального мира, которое всегда должно опираться на мир в душе; а так называемый вооруженный мир, который существует теперь во всех странах, представляет собой отсутствие мира в душе. Никто не доверяет ни себе, ни соседу, и отчасти из ненависти, а отчасти из страха не складывает оружие. Лучше умереть, чем ненавидеть и бояться, и лучше дважды погибнуть, чем сделать так, чтобы тебя ненавидели и боялись — когда-нибудь это станет также высшей максимумом всякого государства».

Это и есть самоотказ цивилизованных стран от гарантированного статуса руководителей мирового порядка. Это и есть то, что требует «закон Феникса» от настоящего субъекта: на пике могущества отказаться от всего, что имеешь, чтобы начать заново. Только отказ от военной мощи и есть заявление государства идти на риск настоящей конкуренции в мире, без использования некоего монопольного положения и сохранения привилегий, без такого отказа все разговоры о модернизации, демократии и духовном лидерстве есть чистое лицемерие.

Военно-промышленный комплекс есть самое большое наследие именно средневекового традиционного мира. И то, что большое количество хай-тек новинок производится в сфере ВПК, не оправдание, ведь на самом деле куда большая часть теорий, достижений и проч. остаются секретными и просто НЕ служат людям, создавая склады ненужного, неприменяемого и морально устаревающего оружия.

Огромный научный потенциал как раз наоборот канализируется в непроизводительном направлении, оставаясь потенциалом, и не актуализируясь, не вбрасываясь в научную коммуникацию и в практику. Нет ничего такого, что может делать оружие и чего нельзя было бы сделать с помощью пропаганды. Даже человека или государство можно уничтожить с помощью пропаганды, довести до самоубийства. Но пропаганда действует за счет открытости коммуникаций, а оружие — за счет секретности и обрыва коммуникаций, выступая как антимодернизационный фактор. Пропаганда и «холодная война» дают конкуренцию идей, а оружие давит за счет мертвого груза накопленной силы.

Вот только дюжина мер, которые ведут к модернизации и активизируют модернизационный потенциал. Естественно, их можно придумать гораздо больше. Многое выглядит фантастически, и это правильно. По крайней мере, без одновременного осуществления

программы сразу во всемирном масштабе и без соответствующей всемирной пропаганды.

Еще один важный момент: можно заметить, что большинство из предлагаемых мер активно эксплуатируют человеческую возможность дарения и отказа от собственности (отказ от собственности при занятии властной должности, отказ от передачи по наследству, отказ от интеллектуального плана, отказ от накопления в любом виде, отказ от крупного капитала, отказ от оружия и монополизма и проч). На самом деле собственность как отношение включает в себя три момента.

1. Потребление (я не могу потреблять несобственное, когда я что-то потребляю, то становлюсь собственником этой вещи).

2. Производство или обозначение (когда я в любом виде оставляю на материи след своего духа, я — собственник этой вещи).

3. Отчуждение, дарение (когда я расстаюсь с вещью, дарю ее, я тем самым проявляю над ней высшую власть, показываю, что я не раб этой вещи, могу от нее не зависеть).

Так вот: то, что необходимо нашему миру, — это переход из мира потребления и мира производства в мир дарения. Это мир, где не престижно потреблять, зато морально и модно дарить и благотворительствовать, постоянно, говоря христианским языком, «носить вериги друг друга», не упускать случая помочь и совершить добрый поступок.

Как это может выглядеть? Во-первых, всестороннее развитие ресурсов, прообразами которых уже выступают торренс-сервисы, ресурсов с условным названием, например, «Подарю. ру», где люди бы давали объявление о том, что готовы отдать не нужные лично им вещи. Там же могут быть и кооперационные объявления, например: «Я еду из одного города в другой, возьму попутчика или захвачу почту, груз».

Пора отдать должное фихтевской концепции собственности, которую в свое время восприняли как

странную (ее суть: собственность бывает не собственностью на вещь, а собственностью на определенное отношение. И если одно использование не мешает другому, то у вещи может быть много собственников). В принципе на этом понимании держится большая часть бизнесменов, которые являются собственниками не вещей, а схем.

Творческое создание схем, при которых ресурсы и вещи будут использоваться с максимальной отдачей, а не простаивать, — дело будущего. Мир, в котором дарение будет одной из главных добродетелей (что соответствует «закону Феникса»), не отменяет производство: это так же невозможно как отменить потребление. Утопии типа книги А. Секацкого «Беглецы с острова сокровищ», где страта людей пользуется вещами только когда они им нужны, а потом оставляет их для пользования другим, молчаливо предполагают производственную сферу, либо эти люди вынуждены быть маргинальной диссидентствующей и паразитической группой. Тем не менее, книга способствует пропаганде будущей этики дарения.

Перечисление всех вышеназванных реформ как минимум стимулирует мышление и социально-гуманитарное творчество. К сожалению, креативность наших «либералов» и их предложения по модернизации заканчиваются на требования «выпустить Ходорковского» и вновь ввести губернаторские выборы, а модернизационной фантазии наших «левых» хватает только на такие меры как «отдать под суд Чубайса» и национализировать имущество олигархов...

Убогость и примитивность политиков — свидетельство их нынешней кастовости и замкнутости, отсутствия коммуникации с социальной наукой, которая может предлагать что угодно, но это никогда не будет прочитано, осмыслено и запущено в практику для того, чтобы практика поправила все те вещи, которые действительно непрактичны.

По большому счету социальному философу все равно как устроен мир, поэтому автор не является яростным поклонником высказанных идей. Другое дело, что без свежих идей в мире модерна не могут обойтись сами политики. Пусть все сказанное будет воспринято хотя бы как средство для «расширения сознания», некая умственная гимнастика, массаж мозга, позволяющие взглянуть на мир хоть чуть-чуть незамысленным, незашоренным взглядом.

И еще. Всякая модернизация основана на идеологии субъекта и картезианской революции. Но, естественно, это не догма. Кто сказал, что мы не можем вообще переосмыслить все так, что обойдемся без субъекта, без понимания человека как субъекта. Тогда и апории «закона Феникса», модерна и постмодерна станут нам по зубам.

«ВВЕДЕНИЕ» В ХАЙДЕГГЕРА

Я устал от вопроса: «Да чем тебя привлекает этот Хайдеггер? Что у него есть такого, чего у других нет? Все то же самое, только страшная, непонятная терминология! Читают его только те, кто думает: «Раз непонятно — значит круто».

Между тем, это мнение неверное настолько, насколько возможно. Коротко говоря, у Хайдеггера не только не «то же самое», что у других философов, даже его современников, но и вообще нет с ними ничего общего. Это абсолютно новая эпоха в мышлении, эпоха, которая только начинается и в которой человечеству еще предстоит жить не одно столетие. Естественно, что это мышление потребовало и другого языка, живого языка. От этого языка у современного сознания действительно «болит голова» или «тянет в сон», как «тянет в сон» и «болит голова» у горожанина, привыкшего дышать газами и сидеть в прокуренных комнатах, когда он попадает в горы. Слово «введение» взято в заголовке в кавычки, поскольку это не академическое введение, и тем более не пересказ «взглядов Хайдеггера». Это опыт вхождения, перехода в мышление Хайдеггера из проблематики традиционной метафизики.

Общепризнано, что влияние Мартина Хайдеггера (1889—1976) на философию XX века было самым существенным. Однако в высшей степени удивительно: как получилось, что родившийся в провинциальном Мескирхе сын бочара, отшельник, давший в

жизни всего два интервью (одно из них напечатано после смерти), отказавшийся от самой престижной в мире философской берлинской кафедры, все свободное время проводивший за изучением древних греков, поэзии Гельдерлина и истории философии, был вообще замечен в бурном потоке двух мировых войн, нескольких десятков революций, переворотов в науке и технике, которыми был наполнен XX век?

Это показывает нам, что «влияние» истинного философа не является результатом грамотной рекламы, мало зависит от тиражей книг, статей, эффект от которых может быть только кратковременным, хотя геополитически и культурно значимым. И это ставит проблему «влияния» на новую высоту.

В науке принято стремиться к оригинальности. Считается, что ученый тем более велик, чем меньше в его трудах замечено влияние предшественников, чем более радикален разрыв с предшествующей традицией, чем больше «научная новизна». Критики и интерпретаторы зачастую работают как машины, выявляющие в текстах ученых, претендующих на оригинальность и новизну, следы чужого влияния, чтобы показать «откуда на самом деле вытекает» то или иное решение, какую тенденцию продолжает тот или иной мыслитель и что он «на самом деле внес» нового. Отсюда и рождаются типичные заголовки академических работ «Платон и Аристотель», «Гегель и Маркс», «Шеллинг и Кьеркегор».

Однако, очевидно, что истинно великие философы — это не те, на кого никто не повлиял, а те, на кого повлияла так или иначе вся традиция. Понятно, что на Канта, Гегеля и Хайдеггера повлиял, например, Платон. Так в чем тут криминал? Это ведь не значит, что все они стоят ниже студента Сидорова, который тоже прочел Платона, но последний на него никак не повлиял, поскольку студент Сидоров накануне был на вечеринке и перед экзаменом «пробежал» Платона по диагонали.

Испытать влияние — не грех, а великий дар. А вот что действительно непростительно, так это неспособность испытать влияние. Оказывается, для того, чтобы влияние состоялось, еще надо постараться. Надо иметь в себе тот СОСУД, куда осуществляется влияние-вливание.

Тысячи людей по всему миру ежедневно читают и Платона, и Гегеля, и Хайдеггера, но живут и мыслят как и прежде, никакого влияния прочитанное на них не оказывает. Но вряд ли их всех на этом основании можно причислить к оригинальным мыслителям. Нет, скорее влияние, которое они способны воспринять, исчерпывается уровнем попс-психологии глянцевого журналов, демагогических ток-шоу или «интеллектуальных» творений каких-нибудь американских гуру псевдоиндийского происхождения и оккультистов. Их душа мала, чтобы вместить истинно великое, она проходит мимо него, даже не замечая, либо злобно реагируя («это бред», «это заумь» и проч.). Таким образом, сосуд для влияния, орган, которым человек будет понимать текст великого мыслителя, должен быть сформирован заранее самим читателем.

Как же тогда получилось, что трудный для чтения и понимания Хайдеггер оказал большое влияние? Благодаря нисходящему упрощению! Сначала его поняли единицы, потом те единицы как-то смогли рассказать другим на том уровне, что они смогли вместить, потом уже тысячи доводили до следующих и так далее. Главное, что и те, и другие, и третьи очень хотели это донести: хайдеггеровские тексты провоцировали коммуникацию и поток разнообразных интерпретаций.

Почему вдруг так важно стало для всех интерпретаторов поделиться с остальными тем, что они поняли? И от чего зависит способность вмещать влияние, подвергаться влиянию? От природного ума? Но тогда мы придем к расизму. От образования? Но мы только что установили, что само образование невозможно без этой способности вмещать образование...

Когда мышление попадает в такой круг, возникает искушение воспользоваться всякими диалектическими уловками. Дескать, одно влияет на другое, а то в свою очередь влияет обратно, и так далее — по спирали... Однако сам Хайдеггер советовал и сам практиковал феноменологию. Лозунг феноменологии: «К самим вещам!» означает коротко «приоритет предмета над методом».

Нельзя подходить к феномену с заранее заготовленными внешними ему методами и техниками: это то же самое, что классифицировать, например, рыб по признаку, сколько каждая из них может прожить на суше. Классификация-то получится, только существенных отношений не схватит. Хайдеггер, когда попадал в круг, всегда начинал с единичного феномена, примера, а затем, исследовав его, делал осторожные обобщения. Поэтому чтобы ответить на вопрос о влиянии, я хотел бы поделиться тем, что знаю лучше всего, то есть личным опытом прихода к Хайдеггеру. Возможно, этот единичный пример «введения» в его мышление может дать подсказку для более широких обобщений.

* * *

Я поступил на философский факультет Уральского государственного университета в 1988 году, а закончил его в 1993-м. Это были годы перестройки, путча, крушения СССР, шоковой терапии Гайдара, расстрела Верховного Совета и проч. В Свердловск я приехал из сибирского Новокузнецка, поэтому жил в общежитии. Жил в студенческом городке, где стоит та самая «общага на крови», описанная Алексеем Ивановым (автор «Сердца Пармы», «Золота бунта» и др.) в одноименном романе. И сам Иванов болтался там как раз в то же время.

Мне год довелось жить в описанной им общаге на ул. Большакова. Но моя «родная», на Чапаева, была не скучнее... Уже на абитуре я понял, куда попал: в одной из комнат после пьянки нашли труп. Кто убийца зна-

ли все, кроме милиции. Да она и не интересовалась. Этот убийца сам был убит года через два в криминальных разборках. А еще лет через пять погиб тот парень, к которому они все приходили в гости.

Вот так: скажи участникам той посиделки, что через несколько лет их всех не будет в живых, никто бы не поверил. Ну ладно один, другой, но столько раз подряд снаряд в воронку не падает! Падает. В те годы все падало. На улицах каждый день кого-то убивали или взрывали. Это «уралмашевские» бились с «центровыми» и «синими» за контроль над рынком казино и интим-услуг. Каждый месяц вся городская «элита» собиралась на похороны очередного криминального авторитета или вора в законе. Стройные ряды парней в малиновых пиджаках на БМВ. А те, кто в кожаных куртках, — на «восьмерках». Золотые цепи на шее и болты на пальцах. Неплохо «зарабатывали», видать.

И я спрашивал себя: зачем какие-то мальчишки еще учатся в ПТУ? Ведь легче и проще идти «бригадиром» или «смотрящим», «торпедой» или «пехотой»? Власти бояться не стоит, ее просто нет. Люди защищали себя сами, окна квартир покрылись страшными решетками. Это были не города, а зоны с тюремными бараками, и жили в них «по понятиям», а не по закону. А я удивлялся: почему в криминальном мире есть «понятия»? Если уж нарушать закон, то зачем придумывать себе новый? Ведь проще и легче совсем без «понятий», как жили так называемые «отморозки».

К нам в общагу приходила одна банда таких подростков с общей на всех кличкой «ослы». Днем они крутили наперстки на автовокзале, обманывая доверчивых приезжих, вечером бухали в общаге и тискали девок. Как-то раз эти 15-летние сопляки поспорили с качком по имени Стас. Стас был в общаге авторитет, человек, чувствовавший себя уверенно именно в той жестокой жизни, но... «Ослы» просто толпой выбросили его со второго этажа, он как-то неудачно сломал ногу и... на всю жизнь остался калекой. Никого не наказали.

А еще к нам приезжали чеченцы, к одному из своих в гости. Пожили несколько дней, попили-поели, сделали какие-то свои чеченские дела (может, тоже убили кого-то, а может, «кинули» какой-то банк с помощью фальшивых авизо?). А потом один из них просто зашел в одну из девчачьих комнат и изнасиловал третьекурсницу. И уехал к себе в горы. Даже заявление никто писать не стал...

Да и милиция мало чем отличалась от бандитов. Одной моей знакомой пришло письмо из дома. Писала старшая сестра из сибирского Ленинска-Кузнецкого. Она ухаживала несколько лет за одинокой бабушкой, чтобы та завещала ей квартиру. Когда бабушка померла, оказалось, что ее давно уже пас участковый. Потому наследницу быстро на милицейской машине увезли в лес, изнасиловали и заставили подписать отказ от наследства. Муж узнал об этом, взял ружье и пошел в милицию разбираться. Его скрутили и отправили в СИЗО, пообещав, что он оттуда не выйдет... Вот и спрашивала старшая сестра, оставшаяся без мужа и квартиры, что ей делать. Только что была счастливая семья, честь, муж, квартира, и вмиг — ничего. Ведь жаловаться некому, мэр в этом городке известный криминальный авторитет с несколькими судимостями. Не знаю, чем там все кончилось... Но это ощущение бессилия, эту невозможность схватиться даже за соломинку, ситуацию абсолютного Ничто вокруг я запомнил на всю жизнь.

А вот история, прогремевшая на всю страну: массовое отравление студентов. Это как раз на моем втором курсе. Ребята поехали в колхоз убирать лук и вернулись на носилках: отнимались ноги, руки, были обмороки и проч. И вот собирается ехать вторая смена, родители в истерике допрашивают председателя профкома Жору, дает ли он гарантии, что больше отравлений не повторится? «Даю, — кричит тот, — клянусь, первая смена отравилась случайно, что-то съели, не на то поле забрели, теперь все под контролем». А через месяц — десятки отравленных, многие

остались инвалидами на всю жизнь! Об этом писала вся союзная пресса.

При Сталине Жору бы расстреляли, при Брежневе посадили бы. Как минимум исключили бы из партии, сняли с работы, объявили выговор... А тут хоть бы хны: «страшные сталинские времена» теперь не повторяются, у нас теперь демократия.

Помню свое глубочайшее удивление: не сплю ли я, неужели это все на самом деле, неужели такое может быть? А если может быть такое, то где граница вседозволенности? А если нет границы, а есть «беспредел», как тогда говорили, то почему есть идиоты, в том числе я, кто держит себя в каких-то рамках, ведь легче и проще не держать...

Уже на первом курсе избранный нами секретарь нашей комсомольской организации так прямо на собрании и заявил, что его задача «развалить комсомол». Его не исключили и даже не поругали, кураторы из райкома вместе со всеми смеялись. И комсомол он развалил.

А еще я увидел выборную кампанию в Верховный Совет... Власть тогда уже боялась, что за типичного коммуниста не проголосуют, и выставила на выборы того, кто уж точно победит в студенческой среде — известного академика, мировое светило. Но один мелкий судья, который шел против, просто нанял за смешные деньги молодчиков, и те исписали весь район лозунгами «Академик — ставленник номенклатуры». Про судью же распустили слух, что он пострадал от власти «за правду». И его избрали депутатом Верховного Совета СССР (это круче, чем сегодня быть депутатом Государственной Думы РФ). В пересчете на нынешние деньги вся кампания обошлась ему, наверное, в 2000 долларов. И больше об этом депутате никто ничего не слышал... Он благополучно осел в Москве, тогда депутаты получали квартиры.

В 1988—1989 годах свирепствовал табачный кризис. Помню, как студенты-курильщики собирали бычки на улице и делали самокрутки. Водочный кризис тоже

был, но для нас, нищих, он был благом. Мы отстаивали гигантские многочасовые очереди с мордобоем, и, отоварив талоны, перепродавали водку монголам, которые у нас тоже учились «по обмену». А монголы били себя в грудь со словами «Крофь Чингисхан!», пили до беспамятства и заблевывали все этажи и лестницы... А меня удивляло, что есть какие-то бабушки, какие-то уборщицы, которые когда-то утром приходят и все это убирают. Можно же просто попрошайничать, воровать, перепродавать, делать что угодно — все это будет более приятно, чем убирать блевотину за монголами... Бесконечно удивительно, что были те, кто «выполнял свой долг». А ведь есть и молодые уборщицы, им-то уж точно легче и выгоднее пойти в проститутки...

Потом у населения «сгорели» все вклады на сберкнижках. Мой дядька проработал на БАМе и на Севере полжизни, получал в месяц больше, чем обычный человек в год. Мог купить себе и «Волгу», и квартиру, и дачу, но все откладывал на сберкнижку. Потом на эти сбережения можно было купить разве что велосипед. Полжизни и угробленное на северах здоровье...

Я задавал себе вопрос: почему страна не взорвалась? Почему люди ходят на работу, ведь легче и проще не ходить? Деньги стремительно обесценивались из-за гиперинфляции. Еще вчера ты мог купить на стипендию джинсы, уже сегодня — только кепку. Мы ходили по «комкам» (коммерческим магазинам) и покупали вещи — «вкладывали деньги», спасали от инфляции, чтобы потом, через несколько недель, перепродать покупку. Вся страна стояла на улицах и что-то перепродавала, все переходы и тротуары превратились в гигантские блошинные рынки... А я спрашивал себя: все эти люди, бывшие инженеры, врачи, рабочие, они уже никогда не станут тем, кем мечтали быть, они бросили свою работу и карьеру, они могут только выживать... но зачем им выживать? Ну ладно, кто-то еще думает, что «впишется в рынок», а старики, зачем они постоянно ходят на толкучки? Не легче ли просто взять и умереть, ведь ничего не светит...

Выживать для чего-то неведомого имело смысл только нам, молодым. Вот мы и выживали. Как мы питались? Основная еда — чай. Бесконечный чай без сахара, чайник за чайником. Еще хлеб с майонезом и макароны с майонезом же (тушенка — раз в неделю). А пачку макарон стремились разделить на три дня, и поэтому отсчитывали макаронины по 20 штук каждому — чтобы было поровну. И еще была студенческая столовая, прозванная «тошниловкой» за соответствующие ассортимент и качество. За качеством продуктов уже никто не следил. У меня стали выпадать волосы, портиться зубы, я весил 65 килограмм при росте 180 сантиметров. Раньше я болел раз в пять лет, а стал болеть каждый месяц. Что нам скармливали? Почему, спрашивал я, коммерсанты вообще затрудняют себя производством какого-то лимонада, ведь легче и проще гнать воду из под крана и подслащивать? Кто-то, кстати, так и делал...

В 1992 году умер мой отец, отравившись суррогатным спиртом «Ройаль». Он 25 лет отслужил в милиции, в опергруппе, на передовой. Сам выходил на задержания преступников, имел ранения, медали... И вот только вышел на пенсию, и был вынужден подражаться строить дома «новым русским», которые расплачивались паленым спиртом... Спустя месяц вскрыл вены мой друг-одноклассник, который приехал со мной в Екатеринбург из Новокузнецка... Вообще у нас в студгородке каждый месяц кто-то либо вскрывал вены, либо травился, либо вешался, либо прыгал с балкона.

Помню, я год читал книги по разным проблемам, а в голове все равно крутился только один вопрос: почему они это сделали? И почему другие не делают? Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить? В чем смысл жизни? Почему, действительно, взять да и умереть, ведь это легче и проще? Никто ведь знает ответ на вопрос о смысле жизни, так почему все живут?

Помню, один раз мой сокурсник, насмотревшись репортажей о забастовках, ОМОНе и очередях, в глу-

бочайшем удивлении возопил: «Почему еще трамваи по улицам ходят??». Именно этот вопрос и меня, и всех не отпускал на протяжении всего того времени. Мы даже все вскочили как ошпаренные, как будто он прочитал наши мысли. «Вот-вот!!!» — поддакнули мы.

Развалился Союз, умерла страна, в которой мы родились, мы лишились Родины. Какие-то министры, пользуясь отсутствием контроля, разворовывали целые отрасли, прятали деньги по зарубежным счетам. Никому нет дела. Когда я украл банку ветчины в магазине, меня поймали и сообщили на факультет. Раньше бы за это отчислили, а сейчас даже не отругали. Для кого-то это был сигнал: можно все. Поэтому тогда уже начали строиться финансовые пирамиды типа МММ. А еще по улицам ходили люди в белых одеждах с колокольчиками и вещали о конце света. «Белое братство». И им верили. Тысячи обезумевших продавали квартиры, уходили в секту. А действительно, — каждый день спрашивал я себя, — почему горит свет в домах, есть электричество, когда, наконец, наступит «конец света»? А ведь где-то света и не было, на Дальнем Востоке города замерзали. И я думал: «А как мы будем греться и что будем сжигать, если у нас тоже отключат тепло и свет?».

В 1993-м, когда на улицах Москвы стреляли танки, горели здания и лилась кровь, у меня в кармане был диплом с отличием философского (!!!) факультета. Смешно? Я работал грузчиком, сторожем и по ночам в своей сторожке читал Гегеля и учил древнегреческий язык... Почему??? Ведь легче и проще не учить и не читать? Какая сила меня влекла и заставляла? Я точно знаю: здесь нет моей волевой заслуги, героизма. Ничего подобного. Просто иначе для меня быть не могло. Иногда удавалось скопить какую-то сумму денег, и я тратил ее на поездку в Ленинскую библиотеку, в Москву. То, что не успевал прочитать, копировал, а копии были дорогие, и порой я тратил месячную зарплату на то, чтобы иметь у себя всего лишь одну книгу.

Помню, однажды зашел в столовую «Ленинки», чтобы не в первый раз пообедать чаем, а ко мне подошел мужчина и сунул в руку свои бутерброды. И я, первый раз побывав в роли получившего подавание нищего, бесконечно удивлялся: что толкает людей на такие поступки, ведь легче и проще жить, как будто это не твое дело? Может, эти бутерброды потом меня обязали продолжать учиться? Потому что эта жертва была бы бессмысленна, если бы я пошел в «кооператоры».

Тогда, и в 1988-м, и в 1991-м, и в 1993-м при «размышлении юноши о выборе профессии» я четко понимал, что перемены в стране всерьез и надолго. И если заняться каким-нибудь бизнесом, желательным новым, бесконкурентным, чтобы не убили, то будешь «стоять у истоков» и обязательно через 10 лет станешь миллионером. Это понятно не из сегодняшнего дня, задним числом, это было предельно ясно уже тогда.

Но зачем миллионы тому, кто научился за эти годы жить на полстипендии (потому что вторая половина тратилась на книжки)? Все, кроме философии, нам было бесконечно скучно. Лучше умереть на месте, чем стать бизнесменом, заниматься какой-то бухгалтерией, выписывать какие-то счета-фактуры... Или идти в депутаты, чтобы орать где-то на митингах перед какими-то гоблинами с перекошенным ртом? Нет, спасибо.

Мы были молоды и счастливы, мы влюблялись и ссорились, пели и пили. И часами день и ночь (особенно ночь) спорили о понятиях «энтелехии» у Аристотеля и «апокатастасиса» у Оригена, о проекте «арс магна» Раймунда Лулия и эстетике Адорно, трансцендентальной способности воображения у Канта и «Философско-экономических рукописях 44 года» Маркса, о различии между ранним и поздним Витгенштейном, а также между ранним и поздним Хайдеггером, об искажениях, коим подвергся Деррида у Поля де Манна.

Мы также вникали в дискуссию между Ильенковым и Дубровским об идеальном и между Лиотаром и Хабермасом о модерне. Мы переводили Эриугену и Фому Аквинского, Бодрийара и Лаку-Лабарта, Фуко и Слотердайку, Маклюэна и Тоффлера, Блоха и Лумана. Писали эссе о Бахтине и Розанове, «Старей Эдде» и «Дао де дзин», Гурджиеве и Пхагаване Шри Раджнише Ошо, Кьеркегоре и Федорове, Ницше и Андрее Белом, Шеллинге и Лукаче, Беньямине и Маркузе, Ролане Барте и Делезе.

Мы слушали классику Баха и Гайдна, Грига и Шопена, Стравинского и Брукнера, Прокофьева и Шнитке. Мы слушали джаз Майлза Дэвиса, Чарли Мингуса, Бена Уэбстера, Джона Колтрейна и Телониуса Монка, Субраманиама и Чика Кория. Мы слушали рок «Дорз» и «Пинк Флойд», «Джетро Талл» и «Лед Зеппелин», «Эмерсон, Лейк и Палмер» и «Махавишну Оркестра», «Квин» и «Урия Хип», Дэвида Боуи и Брайна Ино, Эндрю Ллойд Вебера и Фрэнка Заппы. Мы слушали «Аквариум» и «Кенгуру», Сергея Курехина и Михаила Щербакова, Высоцкого и Визбора, Агафонова и Вертинского...

Мы читали Достоевского и Лескова, Кафку и Гессе, Кортасара и Борхеса, Патрика Зюскинда и Джулиана Барнса, Курта Воннегута и Умберто Эко, стихи Лорки и Элиота, Рембо и Каммингса, Гумилева и Северянина, Хлебникова и Маяковского.

И эта богемная жизнь в «абсолютном духе» (то есть в духе, отрешенном от экономики и политики), была посреди безобразия, описанного выше. И это было бесконечно удивительно: почему этот «философский рай», этот «пятилетний выходной», этот бесконечный кайф размышлений, любви, общения и творчества все же есть? Ведь этого уж точно могло не быть, по всем законам жесткой экономики и шоковой терапии. Мы должны были исчезнуть, как самое ненужное и бесполезное из всего ненужного и бесполезного. Легче и проще представить мир, в котором этого нет, достаточно было выглянуть в окно...

В 1993 году в свет вышел сборник работ Мартина Хайдеггера в переводе В. Бибикина «Время и бытие». Конечно, это было не первое издание Хайдеггера в нашей стране, и с работой «Что такое метафизика?» я познакомился летом после первого курса. Но когда еще раз перечитал ее в 1993-м, застыл над последними строчками: «...философия приходит в движение только благодаря своеобразному скачку... чтобы в своих взлетах она постоянно возвращалась к основному вопросу метафизики, самим Ничто вынужденному: почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?».

«Господи! — сказал я себе, — ведь это то самое, о чем я себя спрашивал все эти годы. Тот самый крик о смысле жизни, о том, почему ходят по улицам трамваи, удивление, почему все не идут в киллеры?». Оказывается, все эти годы я учился этому удивлению, учился задавать себе этот вопрос. Именно к нему меня подвела каждая описанная выше история.

Удивительно: почему есть Сущее, а не Ничто, ведь Ничто легче и проще? Ну, не было бы меня, страны, мира, вселенной, была бы большая черная пустота, дырка от бублика? Это же проще и понятнее. А вместо пустоты, вместо дырки, огромный богатый мир. Вместо убийц честные водители трамваев, которые ходят на работу, даже когда все рушится. Вместо самоубийц мамы, которые рожают и воспитывают детей... Удивительно, что Сущее, хотя оно сложнее и богаче, чем Ничто, все же есть. Так в силу чего есть именно оно, а не Ничто? Что удерживает людей от того, чтобы они не съели друг друга? Почему все в один миг не провалилось и не проваливается в тартарары, хотя находится на грани этого? Что преодолагает Ничто? Что побуждает Сущее к восстанию на Ничто? Что держит Сущее до самого упора, когда казалось бы, Ничто совсем уже все победило и воцарилось?

Конечно, я знал еще с первого курса: Платон и Аристотель говорили, что философия начинается с

удивления. Конечно, я знал и вопрос «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?», четко сформулированный Лейбницем и повторенный Шеллингом. Но у Хайдеггера новым было другое: он указал на роль Ничто. Без явления Ничто, без УЖАСА, в котором «все Сущее уходит из под ног», без рушащегося на твоих глазах мира этот вопрос задать нельзя! Нельзя просто спросить: «Почему есть Сущее?», удивиться его существованию. Потому что вопрос не возникнет в мышлении человека, пока нет альтернативы, пока Ничто и ужас не показали себя.

Чтобы вопрос был задан, надо, чтобы на одной чаше весов было Сущее, а на другой Ничто! Только тогда задается вопрос о «почему», то есть об основании, которое обеспечивает то, что есть ИМЕННО Сущее, а не Ничто. «Без исходной открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы», — говорит Хайдеггер. Потому что человек и его свобода (в онтологическом, а не производном, политическом смысле слова) возможны только потому, что есть это промежуточное зависание, колебание маятника, маята, между Сущим с одной стороны, и Ничто с другой.

«Только благодаря тому, что в основании человеческого бытия приоткрывается Ничто, отчуждающая странность Сущего способна захватить нас в полной мере. Только когда нас теснит отчуждающая странность Сущего, она пробуждает нас и вызывает к себе удивление. Только на основе удивления — то есть открытости Ничто — возникает вопрос «почему?». Только благодаря возможности этого «почему?» как такового мы способны спрашивать целенаправленным образом об основаниях и обосновывать. Только благодаря нашей способности спрашивать и обосновывать, для нашей экзистенции становится доступна судьба исследователя... Философию никогда нельзя мерить на масштаб науки». В самом деле, вопрос об основании сущего гораздо глубже, чем любая наука, которая «вторична и производна».

Что характерно, представители так называемой «философии науки» (которой был заражен весь философский мейнстрим тогда и, в значительной мере мейнстрим Англии, США, сейчас), всегда называвшие Хайдеггера не иначе как «магом, мистиком и шарлатаном», примерно в то же время сами пришли к выводам о сущностной роли Ничто. Потрясающе, но именно в 1929 году, когда «ненавистный шарлатан» Хайдеггер во Фрайбурге читал свою лекцию о Ничто, в Вене, в знаменитом «венском кружке» у Мориса Шлика, собирались будущие великие «философы науки» (Р. Карнап, Л. Витгенштейн, К. Гёдель и проч.) для того, чтобы выработать строгий, свободный от всякой «мистики философов» язык науки. Наука должна изучать только сущее и аккуратно и точно записывать изученное в строгих «протокольных предложениях». Ни одно слово, которому не соответствует что-то, воспринятое в опыте, не должно попадать в эти «протокольные предложения»!

Одной из «химер» философии считались слова типа «все», так как в опыте мы никогда не имеем всех сущих вещей. Л. Витгенштейн начал свое рассуждение: «Я буду говорить сначала об обычном «все», например, «все люди в этой комнате сидят в брюках». Откуда я это знаю? Смысл фразы: «Господин профессор Шлик сидит в брюках, Вайсман сидит в брюках, Витгенштейн сидит в брюках, и кроме них тут никого нет. *Всякое полное перечисление должно завершаться словами «и, кроме того, ничто».* Что это означает? Здесь можно понять так, что мы говорим: «Господина Карнапа нет в комнате, господина... и так далее». Предложения, которое здесь, наверное, будут предлагать, а именно «то есть все вещи», такого предложения не существует».

В нескольких сотнях километрах от Вены Хайдеггер, не зная об этом, как будто полемизирует с Витгенштейном, иронизирует над ним: «То, с чем работает вторгающееся в мир исследование, *есть само сущее — и кроме того Ничто.* Только странное дело: как раз

когда человек науки закрепляет за собой свою самую подлинную суть, он явно или неявно заговаривает и о чем-то другом. Исследованию подлежит только сущее и более — ничто... Как обстоит дело с этим Ничто? Случайность ли, что мы невзначай вдруг о нем заговорили? Вправду ли это просто манера речи — и больше ничего?».

«Философы науки» сочтут это «Ничто» языковым феноменом и дальше десятилетиями будут исправлять и коверкать человеческий язык, значительно позже разочаруясь в своих программных идеалах...

Ничто — не языковой феномен, оно есть. Это я знал твердо, на собственном опыте. И, по всей видимости, этот так же на опыте поняли те, кто рьяно взялся распространять и популяризировать Хайдеггера после Первой мировой Войны и после Второй. Это Ж.-П. Сартр, Ж. Бофре, П. Целан, Р. Шар, Х.-Г. Гадамер, Л. Бинсвангер, М. Босс, А. Кожев, О. Пеггелер, В. Франкл. и многие другие. Все они прошли ужас войны, некоторые, например, П. Целан и В. Франкл, были даже в концлагерях.

Вот ответ на загадку о «влиянии» Хайдеггера, которая была поставлена в начале. Всем этим, а также многим другим людям, было ЧЕМ понять Хайдеггера. Его слова об УЖАСЕ и Ничто не были «туманной мистикой» и «языковой игрой», эти слова сами рвались из сердцевины человеческого существа, когда рушился мир вокруг, что и происходило в многочисленных в XX веке войны и революции! Более того, наша перестройка и то, что нам удалось по молодости пережить в 1990-х, — детский лепет в сравнении с настоящим ужасом Освенцима или Хатыни. Так что даже стыдно, кощунственно это ставить на одну доску. Мы карлики, «последние люди», как говорил Ницше, и у нас не страсти, а страстишки, не грехи, а грешки. Но мы еще можем испытать какие-то крушения, можем почувствовать близкое дыхание Ничто. А вот как быть с теми, кто будет жить в вечном «раю» вечного общества потребления с его стабильностью, плановостью,

предсказуемостью? Им уже никогда не задать этот вопрос вопросов, мир кончится не взрывом, но всхлипом.

Уже давно подмечено, что великие люди есть не гении природы, они создаются великими событиями. В. Кожин пишет:

«Настоящей загадкой для современников было резкое различие судьбы Пушкина и его брата Льва Сергеевича, родившегося шестью годами позднее. Всех поражала ранняя поэтическая одаренность Льва. Он начал сочинять детские стихи даже в более раннем возрасте, чем его брат. Он мгновенно запоминал наизусть стихотворения, даже целые поэмы, даже читал стихи своего старшего брата значительно лучше, чем он сам. Близкий друг Пушкина, прекрасный поэт и критик П. Вяземский вспоминал о Льве: «...в нем поэтическое чувство было сильно развито... вкус его в деле литературы был верен и строг. Он был остер и своеобразен в оборотах речи, живой и стремительной». Лев вырос в совершенно тех же жизненных и семейных условиях, что и старший брат. Он пошел по той дороге, о которой в юности мечтал и его старший брат (но не избрал ее) — стал блестящим гвардейским офицером. Можно, наверное, найти бесчисленное множество крупных и мелких фактов, благодаря которым Лев не стал поэтом. Я бы назвал только один, но, по-моему, исключительно важный. Александру Пушкину было тринадцать лет, когда над Россией разразилась гроза Отечественной войны, и пятнадцать, когда русские войска вошли в Париж. Отсвет этой грозы и победы лег на его ранние стихи. Без этого грозного и величественного переживания, поразившего поэта в преддверии юности, он, может быть, не стал бы Пушкиным. А Лев в ту пору был еще семилетним ребенком, и его души не коснулось это могучее и высокое переживание. На каждый исторический период приходится, вероятно, более или менее равное число людей, способных стать большими поэтами. Но далеко не каждая эпоха является плодотворной почвой поэзии».

Хайдеггер жил в великую эпоху «между временами» (кстати, именно так назывался выходивший тогда теологический журнал). Такие перипетии судьбы, перемены участи и «американские горки» истории, которые пришлось пережить Германии в то время, нарочно придумать невозможно.

В конце XVIII — начале XIX века Германия прочно завоевала философское, научное, культурное лидерство в мире. Такого количества и концентрации «интеллигенции» и при этом высокого класса не знала ни одна страна в истории. Каждый сельский учитель говорил на нескольких современных языках, сносно знал латынь и греческий, сам играл на рояле и даже «сочинял», имел на полках и читал Гете, Канта и Шиллера.

Политическое и экономическое могущество явно не соответствовали культурному статусу, и оно не должно было заставлять себя ждать. Много для этого могущества уже сделал Бисмарк, должен быть победный следующий этап.

Анализируя события той истории, удивляешься наивности тех, кто говорит, будто Первую мировую войну начал выстрел Гаврилы Принципа в Сараево... Единственная причина войны в том, что кайзер Вильгельм очень хотел ее и делал все, чтобы она началась. Великий физик Н. Бор писал в 1914 году:

«Нашим друзьям пришлось в первые августовские дни того года проезжать через Германию, и они общались о большой волне воодушевления, которая захлестнула не только весь немецкий народ, но даже посторонних наблюдателей, хотя вместе с тем и навела на них ужас... Разве не поразительно, что народ шел на войну в пылу настоящего энтузиазма, когда должно быть всем понятно, сколько ужасных жертв, своих и вражеских, потребует война?».

Другой великий физик, В. Гейзенберг, отвечает Бору:

«Мы осознали, что были до того окружены видимо-

стью прекрасного благополучия, из-за кулис теперь выдвинулось на передний план жесткое ядро реальности, некий императив, от которого наша страна и все мы не могли уклониться, и на уровне которого теперь надо оказаться... все исполнилось решимости, пусть и в глубочайшей тревоге, но всем сердцем... В таком всеобщем порыве есть что-то кружащее голову, что-то совершенно жуткое и иррациональное, это правда. Всюду вокзалы были переполнены... возбужденными людьми. До последнего момента у вагонов толпились женщины и дети, люди плакали и пели... с совершенно чужим человеком можно говорить, словно знаешь его много лет... Мелкие повседневные заботы, прежде теснившие нас, исчезли. Личные отношения, ранее стоявшие в центре нашей жизни, отношения с родителями и друзьями стали маловажными в сравнении с одним и самым непосредственным отношением ко всем людям, которых постигла одна и та же судьба. Дома, улицы, леса, — все стало выглядеть не так, как раньше, даже небо приобрело другой оттенок».

Н. Бор подытоживает:

«То, что ощущали эти молодые люди, шедшие на войну... составляет величайшее счастье, какое может пережить человек».

Мартину Хайдеггеру тогда было 25 лет. А потом была война и поражение Германии, а потом был Версальский договор, ставящий Германию в унижительное положение. А потом был рост национал-социализма и «народное возрождение», куда более кружащее голову, чем даже предвоенный энтузиазм. А потом триумфальное покорение всей Европы, месть всем бывшим обидчикам. Вот так, из воды в огонь, закалялась немецкая сталь. Закалялась, чтобы потом быть окончательно сломленной в борьбе с Россией, где в то же самое время, через те же войны, революции, индустриализации и коллективизации сталь закалялась куда крепче, куда лучшего качества!

Лекция о Ничто была прочитана Хайдеггером как раз между двумя мировыми войнами. Примерно в то же время читается большой курс «Основные понятия метафизики», посвященный вопросу «Почему есть Сущее, а не наоборот, Ничто?».

Почему есть Сущее, а не наоборот, Ничто? Это не просто один из тысяч возможных вопросов, которые там и сям задают люди. Это вопрос вопросов, просто потому что он первый вопрос, он впервые создает такую вещь как вопросительность, то есть дает слово удивлению. А удивление без явленности Ничто и без того, чтобы на весах стали колебаться Сущее и Ничто — невозможно.

Этим вопросом началась человеческая история, так как только благодаря этому вопросу человек получил доступ к сущему-как-таковому-в-целом! До этого вопроса человек, как и животные, имел доступ к тому или иному сущему в той или иной ситуации, но он всегда был укоренен в ней. Теперь все сущее целиком является на фоне Ничто, то есть на фоне чего-то, совершенно противоположного всему (!!!) Сущему, не тому или иному, а всему сразу. Ведь только тогда, когда ты вышел за границу чего-либо, ты видишь это что-то. Человек вышел в этом вопросе за грань Сущего и он его... увидел. Человек стоит одной ногой в Ничто, другой в Сущем и может различать их, говорить «да» и «нет».

Что означает это сущее-в-целом в этом вопросе всех вопросов? Охватывает ли человек свои вопросом «почему есть Сущее, а не Ничто?» самые отдаленные планеты, галактики, сверхновые звезды и черные дыры и все, что там еще могут открыть ученые? Да, охватывает. И все самые далекие объекты, которые еще откроют, пульсары и квазары и проч., человек уже охватил заранее в своем вопросе. Поэтому никакие астрономические открытия не способны повлиять на человека, который задал себе этот вопрос, так как этот

вопрос шире, он уже опередил все открытия, которые теперь возможны только внутри горизонта, открытого этим вопросом.

Охватывает ли этот вопрос все мельчайшее: все эти молекулы, атомы, протоны, нейтроны и проч.? Да, охватывает. Он охватывает и нейтрино, и мезоны и бозоны, и все, что еще там откроют с помощью коллайдеров. И эти открытия никак не повлияют на этот вопрос, потому что он уже заранее предвосхитил все.

Мы указали на самое маленькое сущее и на самое гигантское. Но это, как говорят, «внешний мир». А человек, который задает этот вопрос (или не задает его), он ведь тоже сущее. Да, значит и он, вместе со своим телом (и даже с астральными телами, если они сущее, а не ничто), сознанием, бессознательным, всеми видами души и «контурами сознания» (Т. Лири), чакрами и что там еще, тоже подпадает под этот вопрос, поскольку человек есть Сущее, а не Ничто. Поэтому и ответ на вопрос о человеке и его смысле жизни можно получить только после ответа на вопрос о смысле всего Сущего. И весь мир человека, психология общения, законы строения общества, смысл истории, вся экономика, политика, право и проч. — все это получает свой смысл только после ответа на вопрос о смысле сущего вообще.

А охватывает ли этот вопрос всевозможные паранормальные явления, полтергейстов и торсионные поля, энергию дыхания или рук, энергию астралов и эгрегоров и проч.? Да, охватывает, если все названное вообще есть Сущее, а не Ничто. Поэтому ничем таким не удивить человека, который размышляет над этим вопросом, так как все это менее удивительно, чем вопрос о существовании Сущего.

А охватывает ли этот вопрос современную науку и технику и их чудеса (компьютеры и мобильные телефоны, виртуальный мир и киберпространство)? Да, и эта техника никак не влияет на вопрос. Потому и сказано еще древними: даже если весь мир перевер-

нется, только философы будут жить так, как жили. И если завтра обнаружатся инопланетяне, то это ничего не меняет, так как все это явления внутри сущего, а вопрос: «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто» так же звучит и у инопланетян, только на их инопланетном языке. И они когда-то себе его задали, иначе без этого вопроса они тоже не получили бы выход к сущему-в-целом и у них невозможно было бы удивление, а без удивления невозможно были бы наука, исследование, основопонятие, пронизывающее потом все понятия, которыми постигается все Сущее в его различных областях. Основопонятия берутся из ответа на вопрос: «почему?» Из ответа на вопрос об основании Сущего.

Вопрос «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?» начинает историю, это главный вопрос для человека, потому что человек получает выход к сущему-в-целом и *после этого* может его исследовать и преобразовывать. Но это главный вопрос и для самого Сущего, а не только для задающего его человека. В судьбе Сущего происходит переломный момент, когда кто-то где-то задал этот вопрос. Сущее-в-целом увидело в этот момент само себя, оно прояснилось.

Казалось бы, какая разница для какой-нибудь планеты, если кто-то там, на Земле, задал такой вопрос. Она как крутилась вокруг Солнца, так и продолжает. Но событие вопроса произошло не «в голове человека», который задал вопрос. Мы можем вскрыть его череп, но не найдем там ни сущего-в-целом, ни Ничто. Событие вопроса случилось в самом Сущем! И это событие, этот вопрос начинает играть роковую роль в судьбе всего сущего.

То, что какой-то метеорит упал на Луну и сделал кратер на половине ее поверхности, ерунда. А вот то, что человек на Земле спросил о Сущем и Ничто, означает, что на основе сформулированного им ответа будет создана онтология, потом наука, потом техника, и через тысячелетия на поверхности Луны высадутся луноходы и люди, будут построены станции по до-

быче гелия. Или может, Луну вообще взорвут за ненадобностью в войне сверхдержав. Возможно, она останется только в стихах поэтов и будет в них прекрасней самой себя. Вся эта судьба Луны уже определилась и свершилась в тот момент, когда был задан вопрос об основании Сущего в противовес Ничто. Точно так же судьба Ромео и Джульетты свершилась не когда они умерли, а когда впервые встретились взглядами. Так же свершилась судьба всего Сущего, пусть даже и самого далекого или мельчайшего. Да, до покорения Луны и планет пройдут тысячелетия, но первый шаг сделан тогда, когда задан вопрос о Сущем и Ничто, а первый шаг не только начало пути, но и направление пути, самое главное в пути. Начало, задающее направление и правящее, направляющее все, древние греки называли архэ, Вся дальнейшая история человечества определена этим первым шагом, это начало, архэ, правит в ней.

Человек имеет дело с массой феноменов. Чтобы упорядочивать их или хотя бы просто замечать, как «те же самые», ему нужна точка отсчета. Р. Музиль в романе «Человек без свойств» изображает генерала Штумм фон Бордвера, которого пригласили в комиссию по подготовке юбилея императорской династии и он, привыкший к военной субординации, тут же решил выяснить, в чем «главная мысль» во всех политических прениях. Для этого он пошел в имперскую библиотеку, но, увидев три миллиона томов, понял, что ему самостоятельно понадобится 10 тысяч лет, чтобы хотя бы прочитать все. Генерал впал в отчаяние и решил, что в мире все устроено неправильно. На самом деле нужно было просто знать, где искать.

На вопрос об основе основ, об основе всего Сущего, об основании того, почему есть Сущее, а не Ничто, отвечают философы. Они дают каждый свой ответ на этот вопрос. Создают основопонятие Сущего. Затем выводят из основопонятия региональные понятия, в соответствии с которыми делят и ранжируют сущее, создавая региональные области наук.

В науках есть свои основопонятия. Например, в математике есть понятие числа. Но ни один математик толком не объяснит, что это такое, а если пустится в объяснения, сразу превратится из математика в философа. И так во всех науках. Оставив самые сложные вопросы философам, науки быстро продвигаются дальше в изучении своей области, рука об руку с наукой идет и техника. Прогресс техники меняет мир, историю...

Поскольку вопрос «почему есть Сущее, а не Ничто?» заранее предвосхищает любой опыт, и более того, сам открывает горизонт, в котором может что-то встретиться любому исследователю, то и ответы на этот вопрос, которые давали различные философы, никак не зависят от опыта и не могут «опровергаться» им.

Каждая философская система применима везде и всюду и истинна сама по себе, независимо от фактов. Да, каждая из систем задает свой горизонт и поэтому какие-то факты внутри этого горизонта видимы, а какие-то нет. Но нельзя фактами, раскрываемыми в горизонте одной системы, «опровергать» другую.

Пара простых примеров. Сколько пеняли Аристотелю за то, что утверждал, будто «рабство есть по природе». В этом видели историческую ограниченность древнего грека, снисходительно говоря, дескать, чего еще можно ждать от представителя общества, основанного на рабском труде. То ли дело мы, нынешние, современные, знающие, что каждый свободен от рождения!..

Однако, если дать себе труд вчитаться в Аристотеля, выяснится, что он понимает рабство иначе, чем современное массовое сознание. Ткацкие станки сами не могут ткать. Нужен кто-то, кто «включит и выключит» станок, кто обслужит его. Это и есть раб. Но под это определение подпадает и античный раб, и средневековый крепостной, и рабочий Нового времени, и современный системный администратор. Аристотелю наплевать, какие у всех названных политические пра-

ва и как они менялись в истории. Он говорит, что по природе, то есть так уж устроено сущее, технике всегда нужен тот, кто ее обслуживает, а значит, «рабство есть по природе». В аристотелевском смысле рабство есть и сейчас. И если бы он дожил до нашего времени, ни на йоту не изменил бы свою философию, потому что никакие факты ее не опровергают, а лишь подтверждают.

Еще пример. Над Фомой Аквинским потешались как над экономистом: не садись не в свои сани, богословствовать богословствуй, но не лезь в экономику! Надо же, дурень, заявил, что «цена товара определяется его происхождением»! А старый Фома оказался куда современнее всех поклонников рынка, себестоимости и проч. Его теория как нельзя лучше подходит для «брендовой экономики», где себестоимость газировки 10 центов, но продается она по доллару, так как на банке написано «Кока-кола».

Всегда и везде применимость учений великих философов основана на изначальном, заранее охватывающем все сущее, вопросе: «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?» и на универсальности ответов. Недаром философия носит также название «метафизики». Слово состоит из двух корней. «Физика» — это то, что мы можем встретить в опыте, все меняющееся, бурлящее и проч. А «мета» (по-гречески — сверх, после) обозначает, что философия занимается вечными принципами, основаниями, границами, внутри которых все сущее, вся физика бурлит и преподносит свое разнообразие опытных фактов.

Создать «собственную метафизику», то есть некое новое вечное и неопровержимое учение, и легко, и трудно. Легко, потому что нужно просто ответить на вопрос: «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?», то есть открыть некий первопринцип, на котором все основывается, а потом строго провести этот первопринцип в жизнь, то есть дать на его основе новую разметку сущего, зачать новые науки, новую «этику» и проч.

Трудность, однако, в том, что первопринцип должен быть чем-то очень простым, проще, чем само Ничто, поскольку, раз уж сущее предпочло быть, чем не быть, согласно этому принципу, то «естественность» выбора Сущего должна быть очевидной. Другая трудность: уже много кто в истории отвечал на этот вопрос и много «первопринципов» разобрал, нам ничего не осталось. Куда не кинь, а все уже кто-то подумал или придумал. Если присмотреться к творениям наивных графоманов-философов, то обнаружится, что они изобрели очередной велосипед, и только невежество не позволяет им узнать в собственных творениях ухудшенные копии Канта, Гегеля, а то и «копии копий» — второразрядных бергсонов, риккертов, бердяевых.

«Ну и что?» — спросят те, кто утверждает, будто «Хайдеггер говорит то же самое, что и другие, только более непонятно». Все это можно было узнать и без Хайдеггера, из других философов. А то, что автор книги впервые узнал о метафизике из чтения Хайдеггера — его проблемы. Уже Аристотель и Платон говорили об удивлении, а уж вопрос: «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?» кто только ни задавал! То, что Хайдеггер его задал и дал замысловатый ответ, построил свою систему согласно своему принципу, да еще и сделал это в своей авторской терминологии, еще не обязывает нас его чтить. Еще не доказано, что за терминологическими ухищрениями Хайдеггер не прячет плагиат: то есть взял свой первопринцип у какого-нибудь Мейстера Экхардта, обозвал по-другому, перевел на свой птичий язык его систему или чужие системы... Да даже если Хайдеггер и оригинален, то что из этого? Есть еще десятки и сотни «философий», каждый выбирает себе для чтения то, что ему более понятно, и подходит...

Спешу огорчить и тех, кто так думает, и остальных. Хотя вы прочли уже немало страниц «введения» в Хайдеггера, но собственно к Хайдеггеру я еще не приступал. Эскиз того, что представляет из себя ме-

тафизика, что вытекает из архэ, первого шага, начала нашей истории, нужен для того, чтобы рельефнее подчеркнуть радикальный разрыв между этим первым началом и «Другим Началом истории», из которого исходит мышление Хайдеггера.

Впрочем, «знатоков» не удивишь и здесь. Хайдеггер критик метафизики? Тоже мне открытие! Таких критиков была сотня, но никто из них не утверждал, что он полагает новое начало истории. Здесь тоже нет у Хайдеггера ничего оригинального, кроме беспредельных амбиций!

Действительно, с конца XVIII века мы имеем целую череду критиков метафизики. Их надо упомянуть, чтобы был ясен разрыв Хайдеггера с предшествующей традицией и, в то же время, выявить проблемы, которые дали толчок к дальнейшим размышлениям.

Иммануил Кант, противопоставляя метафизической и догматической философии свою «критическую», заявил, что вопрос об основаниях мира выходит за рамки того, что может знать конечный человек. Вместе с тем, это не значит, что человек ограничивается только опытом. Кант восстанавливает метафизику в правах, доказывая, что внутри субъекта возможно целое царство априорного (до-опытного). Кант не задает себе вопрос: «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?», но спрашивая о структуре субъекта, которая делает возможной весь опыт, то есть открывает горизонт, где могут встречаться явления, он, по сути, отвечает на этот вопрос. «Что делает возможным опыт и делает его таким, а не иным?» — это просто другая формулировка вопроса «почему есть Сущее...». Уже последователи Канта — Фихте и Шеллинг — быстро восстановили метафизику в правах, заявив, что первопринципы разума, открытые Кантом, структуры субъекта не принадлежат конечному субъекту, как маленькому «я», а принадлежат абсолютному Субъекту, который и есть основание, причина того, почему есть Сущее, а не наоборот Ничто.

Следующий критик метафизики, Гегель, противопоставлял метафизике диалектику и видел основной грех метафизики всего лишь в том, что первопринципы, которые философы выдвигали в качестве оснований почему есть Сущее, брались этими философами как изолированные и вечные, тогда как все они, по Гегелю, есть только кусочки, отдельные черты одной Абсолютной Идеи, которая и есть главное основание всех оснований. Да, первопринципы вечны в том смысле, что все они принадлежат вечной Идее, но они не вечны в том смысле, что каждый из них только тот кусочек Идеи, который она проявила на данном этапе истории. Кстати, по счастливому стечению обстоятельств, в мышлении Гегеля Абсолютная Идея явилась целиком и больше никаких метафизик быть не может, гегелевская есть последняя. Философия закончилась, теперь еще должна закончиться история. То есть над человечеством не будет довлеть необходимость рока, необходимость раскрытия той или иной черты Абсолютной Идеи, что составляет целую эпоху. Теперь, наоборот, Идея пришла в себя, человек абсолютно свободен (история, понятая как прогресс свободы, закончится полной свободой), сущее будет полностью одухотворено, подвластно и не может противостоять человеку, определять его. Наоборот, человек господствует над ним как над чем-то абсолютно одухотворенным, искусственным, приведенным из стихийности к технике.

К. Маркс тоже начал как критик метафизики своим знаменитым «бытие определяет сознание». Бытие — это экономический базис (производительные силы и производственные отношения). В экономике постоянно идет классовая борьба, а значит, сознание всех людей классовое. Значит, и сознание всех философов классовое, и все ответы на вопрос о причине и основе мира были ответами тех или иных классов, а вечность этих ответов была попыткой заморозить определенный социальный порядок.

Маркс не единственный, кто говорил, что «бытие определяет сознание», понимая под бытием то экономику, то политику, то физиологию, то психологию, то астрологию, то вспышки на Солнце, то генетику, то еще что-нибудь. При этом под сознанием понимается некое ограниченное сознание отдельного «я». Но метафизике такие возражения смешны. Вопрос, который спрашивает об основании всего Сущего в противовес Ничто покидает не только границы того маленького «я», которое его задает, но и границы всего Сущего, иначе бы вопрос не мог задаваться.

Еще раз: наличие этого вопроса есть свидетельство того, что этот выход за границы Сущего реально происходит. Существо, которое определено сущим и не выходит за его границы (типа его бытие определяет его сознание), не способно было бы и задать этот вопрос. Из основопринципа, добытого в размышлениях об этом вопросе, добываются и региональные понятия, понятия физиологии, космологии, психологии, политики, экономики.

Поэтому когда кто-либо говорит, что экономика определяет сознание, он забывает, что метафизика давно уже сама определила экономику. Всякий раз, когда кто-то говорит, что психология определяет сознание, то надо спрашивать: «А о психологии какой именно метафизики идет речь?». Как правило, ответ на это дать затрудняются, потому что считают все экономики и психологии чем-то естественным, само собой разумеющимся.

Но если кто-то не в курсе, что эти науки, их понятия и практики произошли из определенной метафизики, это еще не значит, что они не произошли. Наоборот, во все антиметафизические (физиологические, биологические, экономические, психологические и проч.) концепции неузнанная ими метафизика попадает контрабандой через основопонятия и методы этих наук и их практик. Так, например, «экономика» Маркса (та самая, что «определяет сознание») — это экономика метафизики Гегеля. Маркс и сам призна-

вался, что из Гегеля он взял и понятия, и метод для анализа экономических и общественных процессов. Но эти понятия и методы нельзя оторвать от почвы, на которой они выросли, от ответов, которые Гегель давал на вопрос о том, почему есть Сущее, а не Ничто. Поэтому Маркс в своей антиметафизике остался метафизиком-гегельянцем.

Прогресс Абсолютной Идеи Гегеля, прогресс свободы, тем больше, чем больше сущее технизируется. Именно это является центральным пунктом философии Маркса. Производительные силы и производственные отношения, которые есть базис и определяют все, сами у Маркса зависят от прогресса техники. А прогресс техники есть прогресс мышления. То есть сам «экономический базис», бытие, определяется «сознанием». А марксов «коммунизм» — это тот же гегелевский «конец истории», тот же мир, где все абсолютно свободны, где не история властвует над человеком, а человек над историей. Чистые идеализм и метафизика!

Кто еще выступал против метафизики? Конечно же Ницше! Он чувствовал дыхание Ничто. Он видел, как крушатся прежние понятия, истины, цели и основопринципы, которые давали разные метафизические системы. Процесс этого крушения он называл нигилизмом. Ничто растет.

Вопрос метафизики, как мы помним, звучит: «Почему есть сущее, а не наоборот Ничто?». Ницше же констатирует: в современном мире скорее есть Ничто, а не Сущее. Сущее держалось раньше за счет смыслов и целей, которые вкладывал человек и прежняя метафизика, которая открывала горизонт сущего своими основопринципами. Но нынешний человек утратил веру во все цели Сущего. Нигилизм означает: нет ответа на вопрос «зачем?».

Для Ницше основной вопрос метафизики: зачем есть Сущее? Все цели прежней метафизики не устраивают Ницше, потому что он понял: они полагались и придумывались человеком же. А для чего? Цели и

истины способствовали росту человека, самовозвышению. Следовательно, рост и есть конечная основа всего. Ницше называет его волей-к-власти.

Воля-к-власти есть рост ради роста, она бесцельна и бессмысленна. Но воля-к-власти есть преодоление Ничто, восстание против Ничто, она есть абсолютно положительное и изобильное. Поэтому воля-к-власти есть ответ на вопрос: «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?». В этой формулировке для Ницше он остается, Ницше лишь не признавал формулировку «зачем есть сущее?». Но «почему» и «зачем», то есть «цель» и «основание» — разные вещи. Ницше остается метафизиком, потому что отвергая цель, не отвергает основание и сохраняет основной вопрос метафизики.

Кто-то возразит: ницшевская воля-к-власти вовсе не отдельное основание сущего, она в самом сущем, она и есть само сущее. Однако и тут метафизика проскакивает контрабандой: определяя ценности (то есть цели, истины, первопринципы) как условия роста и сохранения воли-к-власти, он тем самым признает то, что говорит вся метафизика: цели и истины, то есть ценности, есть горизонт для сущего. Другое дело, что воля-к-власти сама полагает горизонты. Но высшая воля-к-власти, по Ницше, есть «впечатывание в становление черт бытия», то есть дарование новых ценностей, оснований, смыслов. Таким образом, мышление Ницше тоже метафизика, но особая, не такая как предыдущие.

Для полноты картины нельзя не упомянуть еще одну позицию, которая является и метафизической и антиметафизической одновременно. Эта позиция начинается с вопроса: не слишком ли философы все усложняют? Ответ на вопрос «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?» очевиден с самого начала, по крайней мере для верующего в Бога.

Этот ответ: Бог. Бог есть тот, кто создал Сущее, И он же есть тот, кто удерживает Сущее в бытии в противовес Ничто. Поэтому философия со своим основным

вопросом просто-напросто сливается с теологией, то есть наукой о Боге. Пока мы видим чистую метафизику, но она как бы кончается в тот момент, когда начинают говорить, что в отличие от религии философия стремится познать Бога разумом, а бесконечного Бога познать конечным разумом невозможно. Следовательно, философия всегда будет чем-то ущербным в сравнении с верой, которая относится к Богу подобающим образом.

Но здесь нет ничего, кроме путаницы. Если бы философия действительно была ущербной, конечной и зависимой только от опыта философствующего, она бы не могла не только познавать Бога, но и сформулировать его понятие. Бог в опыте не встречается (Гагарин летал, никого не видал). А если встречается (например, святые, верующие и проч. часто говорят о присутствии Бога в душе, о встречах с ним и проч.), значит, есть какая-то соразмерность между мышлением и Богом. Или они оба бесконечны, или оба конечны.

Когда мы говорим о Боге как об основании Сущего, это не жест, которым мышление пытается влезть в пространство божественного, а наоборот, это жест, где божественное используется метафизикой. В плохой метафизике слово Бог выступает палочкой-выручалочкой, своего рода затычкой мышления. Дескать, вот вам ответ на вопрос: «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?», получите и отстаньте. Но если мышление не движется дальше и не раскрывает Сущее, не дает горизонты, значит эти горизонты, понятия, регионы и проч. будут братья из другой метафизики.

Так часто и бывает. Человек верит в Бога, для сферы основания Сущего у него остается вера. В то же время для Сущего он пользуется понятиями и категориями другой метафизики, например, научными понятиями Нового времени, созданными метафизикой, отрицавшей Бога.

На месте Бога в Новое время помещается субъект, хозяйничающий над Сущим. В прежние времена его

бы назвали Сатаной, Антихристом, поскольку это человекобог, а не Богочеловек. Но сегодня, если притвориться, что здесь нет никаких противоречий, можно спокойно быть и верующим и ученым: это, дескать, две непересекающиеся сферы. Да, это две метафизики, каждая из которых намеренно заканчивается там, где начинается другая. Голова от льва, а туловище от птицы. Такие мировоззрения есть философские химеры. Они не только не противоречат метафизике, они для своего существования требуют их все больше и больше.

В эпоху так называемого постмодернизма, то есть одновременной явленности и признанности всех истин, целей, средств, причин и принципов прежних метафизик, такие химеричные мировоззрения представляют собой большинство философских продуктов.

Первым примером собирания, конструирования из разных метафизик одной показал Гегель, теперь можно собирать все что угодно. А Ницше обосновал необходимость этого: воля-к-власти требует все новых и новых смыслов, целей, мировоззрений, поделок. Вот разные сверхчеловеки (они же те, кто добился абсолютной свободы в смысле Гегеля и Маркса) эти интеллектуальные поделки и конструируют, используя, как коробку с инструментами, весь арсенал прежних метафизик.

Таким образом, различные варианты антиметафизики утопают в том, против чего борются. Все они и используют ресурс метафизики, и содержат ее в себе, и наследуют ее проблематику, пусть даже в переформированном, измененном или неявном виде.

* * *

Но доказательством того, что всякая антиметафизика утопает в метафизике, дело Хайдеггера не ограничивается и даже не начинается. Будь это так, Хайдеггер мало чем бы отличался от каких-нибудь «религиозных

философов», современников Маркса или Ницше, которые мужественно защищали Бога в борьбе с ницшеанским или марксистским нигилизмом.

Хайдеггер продолжает всматриваться в вопрос метафизики и обнаруживает, что не все так просто... В вопросе «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто» не три «действующих лица» (сущее, Ничто и основание Сущего), а четыре! Есть четвертый момент, пожалуй самый важный, определяющий остальные три. А именно слово «есть», Бытие!

Давайте прочитаем вопрос с ударением не на слове СУЩЕЕ, как мы читали до сих пор, а на слове ЕСТЬ. **Почему Сущее ЕСТЬ, а не наоборот Ничто?** Что означает это «есть»? Что означает то, что сущее «есть»? Передо мной стирательная резинка, ластик. Он состоит из резины, он белый, он служит для стирания карандаша... А где в этом ластике спрятано «есть»? Что меняется в понятии ластика, если бы он не лежал передо мной на столе, а «всего лишь» мыслился? Он бы все равно был, ведь он же есть где-то в другом месте.

Допустим теперь, что ластика нет не только на моем столе, его вообще не выпускает промышленность, и сегодня он есть в замысле только какого-то предпринимателя, который придумал средство для стирания карандаша. Есть такой ластик или нет? Вроде бы как есть, но не совсем, ведь мы привыкли за бытие считать некую материальную, чувственную составляющую. Вот если завтра он будет в каждом магазине, мы смело скажем, что он есть.

Хорошо. А если через 100 лет ластики, как устаревшие, вместе с карандашами исчезнут из нашей жизни, мы опять скажем, что их нет? Так стоит ли бытием называть короткий период материальной жизни? Может, ластик существует где-то в надвременном и надисторическом уме какого-то Бога? В мире сущностей и идей, откуда его открыл гений ученого и куда он исчезнет? В понятии ластика ведь ничего не меняется, понятие как бы вечно. У нас есть понятия о

«единороге» и «кентавре», которых нет, но если бы они существовали, это были бы те же самые единороги и кентавры.

Что же мы «добавляем» к понятию (признакам) вещи, когда вдруг твердо начинаем говорить, что она есть? Как будто — ничего. Недаром Кант говорил, что бытие — «просто полагание», предмет веры, Гегель говорил, что это «самое пустое понятие», а Ницше называл его «дымом», фикцией. Логики просто называют словечко «есть» — связкой.

Хайдеггер, пожалуй, стал первым из философов, кто, наоборот, настаивает на следующем: то, как понимается Бытие в ту или иную эпоху, определяет и все, абсолютно все остальное (то есть понимание Сущего, его основания, политики, образа жизни, религии, искусства и проч.). А это значит: нет ничего важнее Бытия.

Чтобы убедиться в правоте Хайдеггера, давайте зададимся вопросом о «почему»: как понимать это «почему»? Что мы спрашиваем, когда спрашиваем «почему»?

Это не самопонятно. «Почему» может означать «почему», то есть: по какому сущему происходит равенство всех остальных? А может означать «в силу чего», то есть чья сила противостоит силе Ничто? А может означать «зачем», то есть в чем сущее находит смысл, в чем умирает как средство в цели? Может означать: «кто создал», то есть кто вывел сущее в присутствие, сделал его сущим, в противоположность Ничто? Может значить «благодаря чему», что подразумевает отношения обмена: Сущему дается Бытие в обмен на благодарность.

Однако уже сами вопросы, сам вид основания, о котором мы спрашиваем, несет в себе интерпретацию Сущего, то есть зависит от интерпретации Бытия, то есть несет в себе некую интерпретацию того, что означает, что сущее «есть». Когда мы спрашиваем «почему Сущее есть, а не наоборот Ничто», мы понимаем что-то под этим самым «есть». И от того, как именно

понимаем это «есть», мы понимаем и вопрос об основании.

Если мы понимаем «есть» как «сделанность», бытие-в-сделанности, то об основании Сущего мы спрашиваем как о создателе. Если мы понимаем Бытие как силу, волю, то мы спрашиваем об основании Сущего как источнике этой силы. Если мы понимаем Бытие как всеобщую длячегейность, связанность и пригодность, то мы спрашиваем об основании как о конечной цели. И так далее. Поэтому нельзя торопиться с ответом «Бог» на вопрос об основании Сущего. Только если Бытие мы понимаем как созданность, а Сущее как созданное, вопрос об основании звучит как вопрос о создателе. Ну а если мы Бытие понимаем иначе?

Например, древние греки, досократики, НЕ понимали Бытие как «созданность», а Сущее как созданное. И в Новое время Лаплас сказал «я не нуждаюсь в гипотезе Бога» не потому, что не верил в то, что мир создан им, а потому что Бытие стало пониматься иначе, и мир, который вырос из этого понимания Бытия, уже оставался глух ко всей проблематике Средних веков, связанной с Создателем. Этот мир уже сам учил тех, кто родился в Новое время. Они впитывали новую культуру, новое понимание Бытия и Сущего и их оснований. Это не просто отрицание Бога, это развитие нового мировоззрения и творение мира из новых принципов. Бог как бы остался в другом мире, не имеющем отношения к этому, а человека Нового времени нельзя назвать атеистом (так только можно назвать некоего переходного человека), как нельзя назвать атеистом древнего грека.

Высказываясь в частном письме по поводу своего ученика К. Левита, Хайдеггер выносит приговор: «В его мышлении отсутствуют греки, в нынешний момент истории это катастрофа». Почему вдруг? Да потому что с греческой философии начинается Запад и, следовательно, мы должны разобраться с первыми интерпретациями Бытия, с первыми вопросами и отве-

тами, распутать гордиев узел всей философской проблематики за тысячелетия.

Как получилось, что мир, созданный и преобразуемый наукой и техникой на основе греческих основопонятий, стал хрупок и подвержен риску самоуничтожения, например в ядерной катастрофе. Хайдеггер читает греков, по собственному признанию, два часа в день в течение всей жизни. Он выясняет, что для них вопрос о Бытии — это вопрос о бытии Сущего. Они обретали его на путях поиска «сущности сущего», его «чтойности», того, что остается ПОСТОЯННЫМ (постоянное, пребывающее, по-гречески — усия) в каждой вещи, при всех возможных ее вариациях.

Когда я спрашиваю: «Что там пролито посреди комнаты», то слово «что» означает здесь некое уже известное мне Сущее, которое я хочу соотнести с видимым образом. Там пролита вода! Ответ получен. Иное дело, когда, я спрашиваю: «Что есть вода?». Здесь смысл слова «что» иной, я ищу совсем другую «чтойность». Я хочу услышать, что вода есть не просто жидкость (так как она может быть льдом и паром), я хочу найти постоянное в воде, умеющей принимать форму всех предметов, с которыми соприкасается, и при этом оставаться собой. Это постоянное стоит за явлениями видимой вещи, которые подчинены закону ее изменений, переходов, перепадов в разные состояния в соответствии с определенными мерами.

Первой интерпретацией Бытия, слова «есть», стало слово «фюзис». Фюзис по-гречески означает рост. Рост и в смысле процесса и в смысле статики, рост как рослость, как стояние во весь рост, как упрямое господство, как держание себя, как гордое возвышение над всем, как торчание из небытия. Быть значит для греков явить себя и в явлении настаивать, пребывать, задерживаться, промедлять.

Рост не касается только растений или животных, он есть возникновение, расцвет, упадок и смерть. Это круг, который проходит все феномены и стихии, все в

Сущем. Сущее было постигнуто как фюзис, как физика, требует поиска закономерностей возникновения и уничтожения, поиска мер, равновесий, симметрий, гармонии и проч.

Все движется в определенном ритме, а ритм — это состав, а состав предполагает элементы и их числовые отношения. Следовательно, сама интерпретация бытия как фюзис задает определенный смысл слова «почему?» в вопросе о Сущем и Ничто. «Почему» значит теперь прежде всего — «из чего». Если быть — значит расти, то расти из чего? То есть это вопрос об архэ, основании, вопрос о первоэлементе, который является первичным «из чего все и во что все» и, кроме того, модельным, примерным для всех остальных, элементом, задающем ритм. Это вопрос об элементе, из которого все Сущее, как из истока, произошло и из чего все состоит, вопрос о «семени». Такими элементами называют воду, воздух, апейрон, атомы и проч.

Одновременно фюзис становится именем самого сущего-в-целом, отождествляется с ним. Позже латинянами физис переводится как «натура», а мы делаем кальку с латинского и начинаем называть само сущее природой. Хотя в слове «природа» (как и в греческом, где это слышно еще больше) есть оттенок сущности (как в вопросе «покажи мне природу этого явления, то есть его суть»), в основном все-таки под природой понимают Сущее вокруг нас. Да не просто Сущее, а теперь уже Сущее в определенной интерпретации, а именно под углом возникновения, роста, расцвета, падения и исчезновения...

Но здесь, отмечает Хайдеггер, уже сокрыта судьба всего Запада. Неразличение Бытия и Сущего, невидение «онтологического различия», затемнение двух смыслов, «забвение Бытия», взгляд на Бытие только как на сущность Сущего начинает определять всю дальнейшую историю!

Для греков понимание Сущего как фюзис было так же естественно, как для средневекового человека по-

нимание Сущего как созданного. Древний грек и не знал иных пониманий Бытия, как средневековый человек не знает иных пониманий, кроме понимания Сущего как созданного. И он не различал Бытие и Сущее.

Парменид, когда говорит о своем Бытии, также говорит о неизменном и недвижимом. Для Гераклита его «логос» так же нечто вечное и единое. То же и «идея» у Платона. Даже «энергия» у Аристотеля — это просто возвращение к оттенку смысла фюзис как роста.

Но первоначальная трактовка Бытия Сущего (фюзис) слилась с самим Сущим, и последующие философы уже спрашивали не о Бытии Сущего, а о Бытии фюзиса. Следовательно, вопрос об сущности и основаниях фюзиса был вопросом, выводящим за его пределы.

И здесь интересен исторический курьез. Андроник Родосский, ученик Аристотеля, работавший с его архивом, объединил все труды последнего, не относящиеся к физике, под именем «метафизика», то есть буквально «то, что идет за физикой». Это случайное название прижилось и получило не архивную, а сущностную интерпретацию. Буквально слово «метафизика» стало обозначать науку об основаниях и сущности Сущего (понятого как фюзис). Но выше мы говорили, что само событие вопроса «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто» происходит в центре самого Сущего в целом и является поворотом в его судьбе. Этот вопрос так же и начало человеческой истории. Поэтому «метафизика» хоть и случайное слово и, пожалуй, неверное (ибо кто сказал, что Сущее есть физика и только физика — это только в свете одной из интерпретаций бытия), но все же оно отражает сущностную позицию человека, его отношение к Бытию, к Ничто, к Сущему.

Хайдеггер говорит: «Человеческое бытие может вступать в отношение к сущему только потому, что выдвинуто в Ничто. Выход за пределы сущего совершается в самой основе нашего бытия. Но такой выход

и есть метафизика в собственном смысле слова. Тем самым подразумевается: метафизика принадлежит к «природе человека». Она не раздел школьной философии, не область прихотливых интуиций. Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие. Из-за того, что истина метафизики обитает в этом бездонном основании, своим ближайшим соседом она имеет постоянно подстерегающий ее риск глубочайшего заблуждения, Поэтому до серьезности метафизики науке со всей ее строгостью далеко».

Что означает этот выпад против науки? Известно, что если в фундаменте многоэтажного дома будет миллиметровое отклонение, то накапливаясь, на высоте это вызовет отклонение метровое, а затем и невозможность расти дальше, риск обрушения. Феномены, о которых рассуждает метафизика, как раз в основании, именно на мельчайших отклонениях в интерпретации бытия. Затем возникают онтологии, понятия разных наук, целые здания культуры, экономики, политики той или иной эпохи. Именно тогда, когда ресурс этих фундаментальных интерпретаций исчерпывается, цивилизация, ими вызванная, вырастает настолько, что не может расти дальше, не обрушиваясь, что и происходит постоянно в истории. В такие эпохи возникают «кризисы основ» и закладываются новые основания. Именно такой эпохой был бурный XX век.

Для примера можно взять несколько понятий Аристотеля. Осмысляя фюзис как рост из самого себя, он противопоставляет ему технэ — технику как вид выведения Сущего в несокрытость (несокрытость по-гречески — алетейя, истина), который требует человеческого участия. Здесь Аристотель видит уже четыре архэ (начала, основания) а именно: материю, сырье, форму, цель и движение.

Осмысление движения в свою очередь приводит к основословам: дюнамис (возможность) и энергия (действие). Это действие переводится на латинский

как «акт», а действительность становится актуальностью, следствием акта. Бытие понимается как акт, Сущее как актуальность, а основание сущего как Актор. Эта проблематика наследуется христианской теологией, переинтерпретирующей в греческих и латинских терминах события Откровения. В Новое время Бытие переинтерпретируется как представление актора, которым объявляется теперь не Бог, а человек, а все Сущее мыслится как материя, сырье для этого актора-активиста.

Кризис Нового времени, зафиксированный Ницше, был возвратом к фюзис греков, чей смысл (рост и господство) Ницше переназвал волей-к-власти. Был ли отказ Ницше от идей, целей и других понятий «метафизики» преодолением этой метафизики? Нет, ведь возврат к физике и ее переинтерпретация не колеблет фундаментального положения человека в отношении к Сущему, Бытию и Ничто. Метафизику нельзя преодолеть как учение, выбросить из головы как неистинную идею, подобно тому, как нельзя перестать тонуть, «выбросив из головы вредную идею тяжести». Освобождение от «старого» возможно не через бунт, а через тихое мыслящее основание новых основ, которое даст новую эпоху и новый мир.

Это означает, однако, что Бытие, которое сбывается в эпохах (с греческого это слово переводится как задержка) — ВРЕМЕННО. Основной труд Хайдеггера так и называется: «Бытие и Время». Хайдеггер был первым, кто, осмысляя Ничто как что-то, что каким-то образом есть, осмысляя Ничто как каким-то образом принадлежащее Бытию, понял, постиг КОНЕЧНОСТЬ БЫТИЯ. Не конечность бытия отдельного человека, смертность, а конечность самого Бытия! Бытие есть Событие! Другая, менее известная, но более ценная самим Хайдеггером работа названа им «Вклад в философию. Из События».

Но из этого вытекает, что основание теперь не может мыслиться как подставка для Сущего, утра-

чивает силу основной вопрос метафизики «почему есть Сущее, а не наоборот Ничто», потому что **Ничто тоже каким-то образом есть. И более того, Ничто — это и есть само Бытие в метафизике, то есть Бытие забытое. Метафизика как судьба человека и Бытия стала возможной только потому, что само Бытие явилось человеку в облике Ничто.** Явление Ничто дало возможность увидеть сущее-в-целом и развернуть к нему свой мыслительный поиск. Но основной вопрос метафизики и вызываемое им удивление, начало философствования, теперь не интересен Хайдеггеру. Нужно задавать более изначальный вопрос — вопрос о Бытии, но без удивления он и не является вполне вопросом. Теперь мышление перестает быть вопрошанием, поиском, обосновыванием, наукой.

Бытие теперь тоже не должно мыслиться исключительно как «бытие Сущего», а должно мыслиться само по себе. Как это? Само по себе, то есть «без опоры на факты». И коль скоро Бытие конечно, временно, то не являются ли все прежние трактовки Бытия всего лишь мышлением его на основании одного из модусов времени, а именно настоящего? Действительно, у греков это одно и то же слово. Присутствие (нахождение в несокрытости-истине, рост, выход на вид) и настоящее — «пар-усия». А нельзя ли мыслить Бытие исходя из будущего?

Время, если смотреть в корень слова, — это «верчение» или «вечное возвращение одного и того же», говоря словами Ницше. Эта мысль пришла ему в голову при виде огромного камня на озере Сильваплана в Альпах. Глядя на него и понимая дискретность длящегося Сущего (в случае континуальности ничего нельзя изменить в нем), он проникся мыслью о том, что и как постоянно, вечно, ежемгновенно возвращает камень к самому себе, удерживает его неизменное постоянство. Он проникся мыслью о том, что и весь мир Сущего так же ежемгновенно возвращается к себе, самокопируется, воспроизводится. Но сбой в воспроизведении

приходит из будущего. Этот сбой, или, как скажет уже Хайдеггер, прыжок, и есть будущее, так как без сбоя есть только самокопирование, продолжение настоящего.

Событие сбывается из будущего. Мышление, отвечающее Событию, закладывает начало новой истории, так как новая история просто не может быть продолжением старой. «Другое начало» уже не будет «метафизикой» или основанным на метафизике существованием человечества, поскольку основной вопрос метафизики «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто» уже поставлен. Все попытки ставить этот вопрос, на что постоянно провоцирует гремущая революционная действительность, крушащая цели, ценности и, конечно же, Сущее, есть реакция.

Ре-акция есть настаивание на том или ином виде «метафизики» с ее «вечными ценностями», «нравственными законами» и проч., которые как бы препятствуют разрушениям. Но всякий раз мы видим, что это «бумажные тигры», не останавливающие социальные катаклизмы. Эта ре-акция диктуется страхом Ничто, а не ужасом. Эта ре-акция есть попытка отвернуться от Ничто и не признать всю его серьезность.

XX век был веком десятков миллионов смертей, ужасов Освенцима и атомного шантажа, резни революций и мировых войн. Сколько еще нужно жертв, чтобы заставить признать Ничто всерьез? Ре-акционная страусиная позиция привет к тому, что произойдет самокопирование истории и повторение ужаса явления Ничто. Будущее будет стучаться до тех пор, пока не проломит скорлупу закрытости по отношению к себе, пока не заставит раствориться для посылаемой новой истории.

Ничто не есть всего лишь «груша для битья», которая периодически появляется в истории для того, чтобы некие высшие ценности демонстрировали на нем свою силу. В облике Ничто к нам стучится, и особенно настойчиво в последнее столетие, само Бытие. Оно

сигнализирует, что заканчивается эпоха метафизики, эпоха забвения Бытия, начавшаяся еще со времен ранних греков, от которых Бытие ускользнуло в пользу Сущего.

Социальные катастрофы и кризисы, войны, революции невозможно преодолеть апеллированием к непродуманным основаниям Сущего. Ничто невозможно преодолеть с помощью этих оснований, потому что в облике Ничто является, сбывается Бытие. Напротив, нужно не преодоление Ничто, а мышление о Бытии как Бытии. Мышление должно следовать за Бытием в его ускользании, догонять его.

Прыжок в такое мышление (мышление Бытия самого по себе, а не мышление Сущего) создает Другое Начало человеческой истории. В этой истории Бытие откроется как Бытие, а значит, его откровение, открытость (истина по-гречески — открытость, алейя) будет истинным, и не будет «высших ценностей» носящих характер «необходимых фикций». Раз Бытие более не будет являться как Ничто, то и Сущее не будет более болтаться в зыбком подвешенном состоянии. НЕ будет необходимости его постоянно крепить и вообще манипулировать им, жить лицом к нему.

Эти пророчества не могли бы состояться, если бы не их истинность, то есть явленность из той сферы, которую они предрекают. Однако речь не идет о детерминистской необходимости. Ничто великое и высшее не дается с гарантией. Все, что гарантированно, ничего не стоит. Человечество брошено в риск промаха мимо события явления истины Бытия, Бытие, не будучи мыслимым, так и останется Ничто, а Ничто может все уничтожить. Бытию в его сущности требуется наше мышление, мышление о нем, а не о Сущем. Собственно вся жизнь Хайдеггера была подвигом такого спасения человечества, подвигом такого мышления и подвигом подготовки События другого начала истории.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ИСТОРИИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(Интервью Анатолия Белякова с Олегом Матвейчевым)

А.Б.: *Давно тебя хотел спросить, как философ философия: что такое философия?*

О.М.: Представь, что ты идешь по горной извилистой тропинке и не знаешь, что ждет за поворотом: пропасть, скала, обрыв, новый поворот или еще какая напасть. Философия — это такая штука, которая становится тем, что она есть, по мере движения и новых открытий. Потому она никогда не знает заранее, чем будет через миг. Остальные отрасли знания и деятельности имеют четкое представление о том, что и зачем делают. Они имеют план действия, метод действия, и этим отличаются друг от друга.

Философия бесцельна, но именно поэтому она единственный (да-да, единственный!) источник инноваций для человечества. «Новое» родственно с «основой», а философия занимается основами. Все остальные науки или практики совершают свои открытия уже после того, как путь проложен философами.

Философы — первопроходцы, они первыми прокладывают пути мышления. Показывают, что так можно мыслить, что об этом можно мыслить, они открывают горизонты, внутри которых другие уже что-то находят, а потом найденное разрабатывают, используют во благо или во зло. Поэтому исторические образы философии сами меняются. Кстати, слово «философия» только фиксирует определенный исторический образ первопроходческой деятельности.

Слово «философия» было придумано Пифагором, учителем Платона. А Платон уже ввел слово в широкий обиход. Это слово имело задачу противопоставления опыту мудрецов, которые звались в Греции «софос», а не «философос».

Обычно говорят, что философия стремится к мудрости и как бы не достигает ее: она «любовь к мудро-

сти», а не сама мудрость. Получается, что «софос», то есть мудрец, — это тот, кто мудрости достиг, а «фило-софос» еще только стремится. Пифагор же видел себя бесконечно выше всяких мудрецов, всяких «софос».

«Философос» — не просто «софос», он «ценитель мудрости», специалист по мудростям. Чтобы подняться над разными мудростями, мудрецами с их опытом, надо было войти в другое измерение. Этим измерением для Пифагора стала математика — наука, которая занимается феноменами, не зависящими от опыта, от сущего. Дважды два равно четырем, независимо от головы, которая это мыслит, тут невозможен «субъективный» взгляд. Кроме того, эта истина не зависит и от практики: если на практике у меня дважды два не будет равно четырем, значит, не истина неправильна, а я что-то напутал.

Были открыты и другие феномены, которые как математика, но совершенно по-своему, не зависят от сущего, от опыта, а даже определяют их. В этом смысле пифагоровская философия уже давно не модель философии вообще. Да, возможно, что и от слова этого стоит отказаться, поскольку оно уже предписывает то, чем надо заниматься, что противоречит исходному смыслу первопрородческого мышления.

А.Б.: *Тогда более узкий вопрос: что такое «русская философия»?*

О.М.: Всякая философия до XX века определялась вопросом «Почему есть Сущее, а не наоборот Ничто?». Русская философия — это философия, которая сужала вопрос: «Почему есть Россия, а не наоборот Ничто?». То есть зачем Россия существует в мире, ее предназначение и проч. Что бы изменилось в мире, если бы России не было, ведь ее могло и не быть, а раз есть, значит есть зачем-то. Эта философия занималась поиском «русской идеи». Русская идея, как определил ее наш один философ, — это не то, что народ о себе думает во времени, а то, что Бог думает об этом народе в вечности.

А.Б.: *Считается, что в зависимости от ответов все разделились на славянофилов и западников?*

О.М.: Да, поначалу. Западники видели Россию частью западного мира и, следовательно, считали, что мы должны реализовывать общую западную миссию, идти за лидерами мировой истории. Либо сами стать такими лидерами, возглавить Запад. Поэтому существует два вида западников, совершенно разных: одни как Петр I, который хотел Россию сделать центром Европы, и другие как какой-нибудь Саакашвили или Ющенко, готовые быть в Европе хоть чистильщиками унитазов.

Славянофилы тоже бывают двух видов: одни настаивают на том, что Запад в кризисе и ничему нас не научит, и только мы сами можем теперь создать миссию из самих себя и ей следовать да еще Запад вести за собой. И в этом смысле подобные славянофилы схожи с западниками петровского типа. Другие славянофилы ищут некие критерии «русскости», чтобы им следовать, быть ни на кого не похожими. Такие славянофилы, как ни странно, заодно с западниками ющенковского типа, ведь и Ющенко мечтает о своеобразной фольклорной Украине с варениками и вышиванками.

Таким образом, главное не в западничестве и славянофильстве, а в том, хочет ли мыслитель всемирно-исторической имперской идеи или он скромно хочет свой маленький фольклорный уголок внутри уже имеющегося целого, внутри мира или Европы или в противостоянии им.

Пушкин, Достоевский, Соловьев, Федоров, Блок были за всемирно-историческую имперскую идею, они выше западничества и славянофильства. Они осознали: искать критерии «русскости» значит сознательно противопоставлять себя миру и другим народам, а мы должны не исключать себя из человечества, а все человечество включить в себя. Наша идентичность не в том, что мы особенная нация в ряду других, а в том, что мы всечеловеки. «Нам внятно все», — как

скажет потом Блок. И действительно, лучший за всю историю Шерлок Холмс — наш, и это признано даже английской королевой, лучший за всю историю д Артаньян — тоже наш, французы меньше французы, чем русские, играющие французов. Поэтому нам надо искать не русскую идею, а всемирно-историческую, которая всех объединит. Свою версию этого дал, например, Федоров.

А еще важно, что мы отказываемся от навязывания своей особенности другим особенным. Мы не действуем силой, а как «всечеловеки» (слово из Достоевского) и объединители действуем любовью (фраза Соловьева). Вот и цель, и средство. Это великое достижение русской философии именно как русской. Другое дело, что марксизм затем оказался всемирной идеей, которая могла бы объединить человечество своим интернационализмом и действовать так, без всякой силы, только в силу некой своей очевидной истинности. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», — сказал Ленин. Поэтому получилось так, что марксизму ничего не смогли противопоставить ведущие русские философы, так как марксизм дал именно то, что они предполагали — «братство всех людей», а западники так тем более «съели» его за милую душу, поскольку он пришел с Запада.

На этом русская классическая философия кончилась. Но мне близок ее пафос: не противопоставлять себя другим народам, а искать всемирную идею, чтобы лидерствовать, вести другие народы и делать это через «влюбление в себя», а не через навязывание силой или экономическими методами.

А.Б.: *Сейчас разворачивается скандал по поводу выселения философов из Института Философии Российской Академии Наук на Волхонке.*

О.М.: Я в данном случае человек неангажированный. Я в этом Институте был всего пару раз на каких-то семинарах и мало там кого знаю, читал отдельные работы отдельных людей. Но я разочарован тем сви-

стом и улюлюканьем, которое раздается от коллег по цеху. Дескать, давно пора гнать мафию стариков-бездельников...

Корпоративная несолитарность уже принесла огромный вред философам вообще. В стране это чуть ли не ругательное слово. А страна без философии — это страна без будущего. Тот, кто сейчас веселится и радуется чужому горю, скоро сам ощутит на себе негативное отношение общества. Когда Рабинович узнает, что на соседней улице скинхеды побили Абрамовича, который ему должен был 1000 рублей, он не радуется. Он понимает, что Абрамович, может быть и поц, но если он, Рабинович, промолчит, завтра скинхеды придут за ним.

Я бы хотел жить в стране, где открываются новые институты философии, а не закрываются старые. У нас великая страна, и она может себе позволить профессиональных бездельников, из которых раз в столетие может родиться русский Кант.

Была Греция, прошли тысячелетия. И мы не помним греческих политиков, тем более, греческих олигархов, мы помним греческих философов, которые дали начало всего западному миру. Что предъявит Россия на Страшном Суде: газопроводы, демократию? Смешно... Наше существование может быть оправдано тем, что мы дали миру Достоевского. Чехова, Пушкина, Федорова, Розанова, наших великих композиторов, наших святых... Культура — цель существования народа. А мы, забыв, что именно это является целью жизни, саму жизнь и выживание делаем целью. Средство делаем целью. Так что не философы занимаются чем-то бессмысленным и ненужным, а вся наша экономика и политика функционируют как нечто бессмысленное и ненужное, коли они забыли, что целью их существования является культура.

А.Б.: *Если бы ты был президентом, что бы ты сделал?*

О.М.: Я не хочу быть президентом. Это не мое. Мое дело размышлять. И что касается глобальных

мер — это вопрос очень ответственный и сложный. Легко только снаружи думать, мол, президент может воротить что хочет. На самом деле он связан по рукам и ногам интересами многих групп, интересами целых классов населения. Нельзя делать резких движений зачастую, иначе развалится все и это дорога в ад. Я могу только предполагать, какие крупные и серьезные реформы надо проводить в первую очередь. Но если брать несерьезные меры, которые легко осуществить без серьезного ущерба для бюджета, для групп населения разных, и при этом их эффект был бы положительный и колоссальный, то такие меры я мог бы назвать.

А.Б.: Давай!

О.М.: Надо создать некий институт, который бы занимался только тем, что отслеживал во всех странах новейшую философскую, научную и художественную литературу и быстро бы переводил ее всю на русский язык. Издавать можно в 100 экземплярах или вообще в сети вывешивать, но главное, моментально, чтоб перевод был. Тысяча единиц книг в месяц. Чтобы все на Земле знали, что зная русский язык, ты имеешь доступ ко всему, что пишется и издается в мире на всех языках. Это стимул всему ближнему зарубежью учить русский. Это ставит самих нас в разряд наций, которые являются не особенными нациями, а именно универсальными.

Далее, надо создать такой же институт или фонд, но осуществляющий прямо противоположную деятельность. Вся философская, научная, художественная и прочая литература, которая издается на русском, — моментально должна переводиться на все мировые языки и не продаваться, а дариться всем мировым издательствам. И даже спонсировать мы должны издания. Мы должны завалить весь мир нашей литературой и художественной, и нон-фикшн, и классикой. Только так мы сделаем Россию частью души каждого человека в мире. Для любого человека это будет зна-

чить, что убить Россию — это значит убить себя, нанести вред ей, значит нанести вред себе.

То, что я предлагаю, недорого для такой страны как наша, но эффект будет колоссальным. Этот эффект больше, чем от ядерных ракет. Из-за ракет нас все боятся, а так — будут любить. Мы можем и должны гуманитарно покорить весь мир. При этом даже не обязательно иметь новинки, они потом появятся. Но вот сейчас в Японии кто-то издал Достоевского, и его расхватали миллионными тиражами.

А.Б.: Имидж страны зависит не только от культуры, но и от внешнего вида...

О.М.: Да. Например, такая проблема: первое, что видит всякий, кто приезжает в страну, и последнее, что он видит — аэропорты и вокзалы. А первое и последнее впечатление — это самое главное. У нас миллионы людей, которые каждый год приезжают и уезжают, десятилетиями сталкиваются с кучей-малой народу на этих вокзалах, ужасным сервисом, и главное, с жуткими очередями на проверку паспортов. Что особенно бесит: окошечек много, а работает из них всегда меньше половины, и час надо стоять в дикой очереди. Нигде в мире такого нет.

У нас появились новые аэропорты, но это лишь подражание мировым аэропортам. А надо, чтоб у людей складывалось впечатление, будто они прилетели в страну будущего. И вот сделали бы программу «аэропорт», и построили бы, не подражая Шанхаю и Копенгагену, аэропорты нового поколения, принципиально отличающиеся от всего, что есть в мире. Чтоб всем приезжим казалось, что они в рай попали или в XXV век. Мелочь, а приятно. Все это бы увеличило количество туристов. А это путь к тому, что я называю «туристической сверхдержавой».

А.Б.: Была энергетическая сверхдержава, а теперь Россия как «туристическая сверхдержава»?

О.М.: Да. В мире практически каждый знает, что есть такая страна - Россия — самая большая в мире. Немно-

го стран могут похвастать тем, что про них знают все в мире. Я уверяю: четверть китайцев или индусов даже не представляют, что есть Германия, не говоря уже про Украину. Миллиард человек, как минимум, может себе позволить поездку к нам. Каждый оставит тут по 1000 долларов минимум. Перемножьте и посчитайте. Это больше всех возможных доходов от газа и нефти. Так что надо развивать тему на государственном уровне. Не пренебрегать ею как чем-то мелким и второстепенным.

В Рим приезжает по 15 миллионов туристов в год, а в Москву по 2-3 миллиона. И как их тут встречают? Наше главное богатство — Кремль. Так ведь не попадешь в него. Постоянно очереди... Вообще надо выселить из Кремля все административные структуры. Для президента оставить кабинет и зал для торжественных приемов на высшем уровне, награждений и проч. А резиденцию президента сделать за городом. Кстати, и пробок будет меньше, перестанут движение во всем центре перекрывать из-за массы кортежей. В самом же Кремле все открыть, в башнях сделать рестораны со всеми видами национальных кухонь, какие есть в России. Перенести в освободившиеся здания кучу музеев. Так, чтобы человек попал в Кремль и целый день тут ходил. Или несколько дней.

Огромный комплекс зданий в самом центре столицы вдоль Ильинки — администрация президента, министерства какие-то. Все это надо вынести за МКАД, в лес, в современные здания. А эти особняки отдать под гостиницы, рестораны и магазины. Инвесторы побегут со всего мира за такой землей. Только свистни — и через пять лет центр Москвы будет такой туристической инфраструктурой оснащен, что мы справимся с потоком туристов и в 20 миллионов в год. И главное не то, что они деньги здесь оставят, а то, что они частичку души здесь оставят, будут пропагандистами России в мире.

А.Б.: *Да, вот недавно один наш общий знакомый посетил Лондон, приехал влюбленный, как кот, в Англию... все там правильно, а у нас все неправильно.*

О.М.: Да, такой эффект есть. И невозможно убедить человека отделять свои эстетические впечатления от идеологических. Невозможно объяснить, например, что великолепие Лондона основано на чудовищной эксплуатации колоний Британской империей. Что за все это великолепие заплачено миллионами умерших с голоду индусов, например. На совести Черчилля, например, больше крови, чем на совести Сталина, и никто про это вроде бы не знает и не говорит. Володя Новиков в наши студенческие времена шутил на этот счет. Когда в Екатеринбурге появился первый джип «Линкольн-навигатор», он посмотрел ему вслед и сказал с завистью: «Эх, классная тачка! Это ж сколько надо людей убить, чтобы такую занять!». Вова — актер великий, он издевался над всякими уралмашевскими гопниками, которые именно так и думали, только совершенно серьезно, и готовы были ради тачки убивать, только скажите — кого... Вот так же сейчас люди восхищаются Америкой, например, не задумываясь, на какой крови и эксплуатации все это стоит. И даже если им что-то пытаться объяснять, они скажут: «Ну и пусть они весь мир грабят, молодцы, а мы почему не грабим? Мы — дураки, они умные!». То есть внешний эффект отключает историческую и этическую аргументацию.

А.Б.: *Красота — страшная сила! Это еще Достоевский устами Мити Карамазова сказал...*

О.М.: Мы — первые, кто это понял и сами же не используем. Сколько у нас этой красоты? Целое Золотое Кольцо! Байкал, Алтай, Кавказ, Камчатка... Каждый из этих регионов уникален в мире, Швейцария отдыхает в сравнении с Кавказом... Мы сами не знаем, по какой земле ходим, а они там тем более не знают, потому что мы им не рассказываем.

Вот читаю я Литлл-Гарта. Книгу про великих полководцев. Кого там только нет. Нет там только России, страны, которая всю свою историю только и делала что воевала и побеждала. Причем была тех, под кем вся

Европа лежала. Всех этих Карлов, Наполеонов, Гитлеров. Но в книге ничего нет про Суворова, про Кутузова, про Жукова... Про Наполеона там 30 страниц, а про тех, кто его победил — ни строчки.

Или читаю я МакНила. Про историю вооружений. Та же тема: вообще Россия игнорируется. Хорошо, игнорируйте Россию в чем-то другом, но не в военном же деле! Если ты профессор лучший в мире по этой теме, то ты просто не имеешь права не знать про тех, кто главный в мире в этой теме. Это все равно что быть профессором по истории чая и писать книгу про него, забывая упомянуть Китай. Нас совершенно не знают, а значит, не понимают. А раз не понимают — значит, боятся, а раз боятся, — значит, лучше бы нас не было... И значит, опять, как раз в столетие, кто-то попытается нас уничтожить...

Или вот читаю Дж. Аригги, это политолог из Валерстайновского круга, про мировые экономические циклы. Он выделяет несколько циклов. Каждый цикл держится на том, что некая нация находила способ зарабатывать, а потом реинвестировала полученную прибыль разными способами в другие предприятия. Она не могла ее инвестировать в то же дело, на котором зарабатывала, потому что это подорвало бы ее основы. Это как ОПЕК держит цены на нефть, а денежки вкладывает в другое, потому что если возвращать деньги в нефть — она подешевеет. Так и разные нации вкладывали в финансы, в культуру, в военную экспансию и проч.

Аригги выделяет американский цикл, который сейчас заканчивается. До этого был английский цикл, еще раньше — голландский, а перед ним — генуэзский. И... все... на этом стоп. Подождите, хочется спросить мне, а что, у нас история со Средних веков началась? А что было до того?

Или посмотрите на карту: вы видите самую большую страну в мире. Она просто так стала такой страной? А может, стоит задать себе вопрос: как так получилось? А он вообще описал пять веков мировой

истории и ни разу не упомянул Россию, будто ее и не было.

А между тем, я думаю, предшествующий итальянскому циклу экономический цикл был русским. Новгородское государство в свои лучшие годы размерами (от Югры до Финляндии) превосходило Европу. Оно держало торговые пути из Европы на Юг. Это было великое государство. Сам Великий Новгород был в 40 раз больше Парижа или Лондона в те времена. Там была абсолютная грамотность всего населения. Там, по подсчетам историков, доход был у горожанина среднего на наши деньги 15 тысяч долларов в месяц. Археологи нашли целое кладбище обезьян... Это просто мода была такая — заводить обезьян. Корова стоила сколько-то копеек, церковь построить стоило 100 рублей, за сотню тысяч можно было в то время построить город. Так вот: в Великом Новгороде были миллионеры! Они всю Европу могли купить!

Были традиционные статьи русского экспорта. Монопольные. Например, мед. Сахар-то раньше из тростника не делали, следовательно, мед везде нужен, где сейчас сахар используется. Почему только мы его могли производить? Потому что у нас большие расстояния, не как в Европе. А пчелиной семье нужны большие угодья, чтобы меду натаскать. Поэтому в Европе они мешали друг другу, много ульев не заведешь, а на наших расстояниях их было множество. Еще одна статья дохода — воск! Две трети свечей в Европе делалось из новгородского воска. А представьте, что в те времена не было электричества и все освещалось свечами... Да Великий Новгород был «Газпромом» того времени! Светпромом!

Куда девались денежки? Я думаю, в военную экспансию. Каждый предыдущий цикл длился дольше, чем последующие: американский цикл — меньше века, английский — чуть больше века и так далее. Я считаю, наш северо-русский цикл начался еще в IX веке. Именно северные купцы профинансировали

расширение государства на Юг и поход Олега Вещего на Константинополь. Кстати, почитайте договор Олега с греками, он касается только торговых привилегий. По пути Олег захватил Киев, выкинул гота Аскольда. Да и потом, посмотрите историю: общерусским князем становился не старший сын князя киевского, а тот, кто перед этим сидел в Новгороде. Потому что именно там была экономическая и военная мощь, и основа государства, его великий тыл. Владимир Святой был не старший князь, а он был в Новгороде перед этим. Ярослав Мудрый, который был в Ярославле и Новгороде до Киева — не старший князь и так далее...

Новгородские воины были самыми сильными. Каждый знал одно: где бы он ни погиб — его похоронят на родине. Поэтому бились смело, раненых и убитых не оставляли, а тела в меду доставляли на родину. Вот где исток Руси, а не в Киеве, который был транзитной столицей. Поэтому никакая это была не Киевская Русь, не было в то время даже такого названия, а Русь северная. И ее сердце — северные и новгородские земли — не были захвачены ни татарами, ни немцами. Потом и возрождение началось не с Киева, а севера и за счет севера.

Ни в одних мировых учебниках истории не описано это могущественнейшее государство средневековой Европы, в том числе и в наших. Пишут о какой-то мелкой «новгородской республике», каком-то «демократическом исключении» из общего правила в истории России, о каком-то «кусочке Европы». Надо отнять Новгород у демократов, это клевета на него. Это был не «кусочек». Это было сильное государство, в каковом только и может быть развит большой бизнес, как нам показывает пример сегодняшней Америки. Формально, да и по сути, главным там был архиепископ, то есть это была теократия, а не республика. Учтем еще тотальную набожность средневекового человека, ведь даже слово «спасибо» значит «Спаси Бог!», и мы поймем, что там не было и не могло быть

современной политической идеологии прав и свобод. Там была только религиозная мотивация, высшей целью существования для человека ставившая спасение души...

У нас великая история величайшего в мире государства, а мы ее не знаем. Все комплексуем, говорим о какой-то «вековой отсталости»... Это интересная история, которую можно продавать.

Сейчас вопрос стоит так: или мы сумеем доказать свою ценность и влюбить в себя весь мир и, тем самым, предотвратим посягательства на нас, или будет очередная попытка нашего уничтожения, с которой мы можем не справиться.

Чем мы хотим удивить Запад? Демократией? Смешно. Мы будем только подражателями и учениками, недочеловеками, которых не жалко, к тому же учениками непослушными и плохими. Не усваивающими уроки. Копию не жалко, всегда есть оригинал, с которого можно копировать. Поэтому мы не должны быть плохой копией, мы должны быть оригиналом, который, как памятник истории, находится под охраной всего мира. А для этого надо неустанно пропагандировать себя, свою историю, свою природу, свою культуру.

Помню, еще в 1980-е задавался вопросом: почему у японцев и китайцев есть своя национальная борьба, даже несколько, у англичан есть бокс, есть греко-римская борьба, а у русских нет... А как красиво японцы на мечах дерутся, а как французы и итальянцы фехтуют и имеют свои школы... А проблема только в том, что мы ничего не знаем про себя и не популяризируем на весь мир. Вот русские сталкивались дважды в XVII веке с китайцами под Албазином. Первый раз нас было 400 человек при трех пушках, а китайцев 15 тысяч при 45 пушках, а второй раз нас было 800 человек при 12 пушках, а китайцев 10 тысяч человек при 40 пушках. Так вот первый раз мы китайцам крепость сдали после нескольких штурмов, при условии нашего сохранения, потом мы себе же крепость вернули. А вот во второй раз китайцы даже взять крепость не смог-

ли... Это при таком-то перевесе!! Ну и где их у-шу и кунфу?

Мой друг занимался очень многими восточными и русскими единоборствами. Перепробовал все: и каратэ, и айкидо, и кунфу. И он говорит, что все это менее эффективно, например, против нашей славяно-горницкой борьбы, воссозданной только в конце XX века на основе приемов рукопашного боя русских крестьян. У нас «мотор» другой и дыхание, непрерывная атака и сметение противника.

Или история из русско-японской войны всего столетней давности. После атаки казачьей бригады на японскую кавалерийскую дивизию последняя была вырезана полностью, после чего японский император издал приказ не вступать в соприкосновение с русскими менее чем при трехкратном перевесе. И вообще японцев в ту войну погибло намного больше русских. И где их мечи-катаны и самурайские традиции? Все это не больше, чем пиар голливудских фильмов. А настоящую эффективность демонстрировали наши казачки с шашками... Никому теперь не известные в мире... А их казачье искусство оттачивалось веками.

Все это надо возрождать, популяризировать и показывать на весь мир. Заманивать сюда всех правдами и неправдами, рассказывать о себе. Ничем больше не заниматься, только этим. И прекратить всякое самоуничижение. Мы не перед кем ни в чем не виноваты, хватит мифов про Иванов Грозных и про Сталина. Наша славная и честная история и забыта и оболгана.

А.Б.: *Наше же Министерство культуры эту ложь и спонсирует.*

О.М.: Ежегодно ФАК, федеральное агентство по культуре и кинематографии, выделяет десятки миллионов долларов на фильмы клеветнического анти-российского содержания. Вот примеры последних лет. Фильм «Полумгла» А. Антонова, там русские жестоко издеваются над бедными немецкими пленными. Са-

мое интересное, что в сценарии, по которому был снят фильм, все было иначе: воспевалась любовь разных народов. Сценаристы даже отозвали свою подпись под фильмом.

Другой пример. Фильм «Четыре» И. Хржановского по сценарию капрофага Сорокина. Фильм полон невозможно лживых сцен якобы из жизни русских. Например, бабушки из деревень, которых мы все прекрасно знаем как самых тихих и скромных трудяг, часто живущих одними молитвами, показаны в дикой оргии с голыми грудями, разрывающими на части жареную свинью. Видимо, сцена специально для мусульман, чтобы внушить им чувство презрения к русским. Даже на съемки такого рода режиссеру пришлось наверняка собирать бывших уголовниц с многолетним стажем. И этот фильм тоже спонсировался деньгами всех нас, налогоплательщиков.

Но самый нашумевший проект «Сволочи» А. Атанесяна. По сценарию известного антисоветчика В. Кунина. Еще накануне показа ФСБ РФ выступило с официальным опровержением фактов, положенных в основу фильма, в котором рассказывается о некоей детской диверсионной школе, созданной НКВД в Алма-Ате из беспризорников и трудных подростков с уголовным прошлым, которым якобы была уготована судьба камикадзе. Атанесян еще в период съемок в ряде интервью заявлял, что «фильм основан на реальных событиях, которые происходили в годы Великой Отечественной войны в 1943 году, а затем, по понятным причинам, выпали из официальной истории». Накануне премьеры злополучного фильма «Сволочи» Андрей Панин, сыгравший в нем роль полковника-воспитателя малолетних диверсантов, в одном интервью сказал: «Правда всякая нужна. Мне кажется, что вообще лучше говорить правду. Просто она чаще всего никому не нужна».

Беседы с сотрудниками архивов позволили сделать неожиданный вывод: сценарий фильма действительно имеет реальную историческую основу, но с точно-

стью до наоборот. Начнем с того, что, по данным Российского государственного военного архива (РГВА), который, кроме документов Красной и Белой Армии, хранит документы частей и соединений ВЧК—ОГПУ—НКВД—МВД СССР за 1918—1991 годы, детских диверсионных школ в составе НКВД никогда не существовало. Более того, представители архива подчеркнули, что в дислокационных книгах вообще «не значится какая-либо диверсионная школа — ни в Алма-Ате, ни в Казахстане».

Кстати, что касается официальной истории, то в РГВА подчеркнули, что не является тайной существование в немецкой армии специальных школ, в которых диверсионно-подрывной работе обучались завербованные или похищенные из советских детских домов подростки в возрасте 13—17 лет. В частности, по архивным данным, такие детские диверсионные школы существовали на оккупированной территории Украины, Белоруссии, в Прибалтике, Польше и, конечно, в самой Германии.

Как видно из документов, хранящихся в архивах ФСБ, на территории Германии в июле 1943 года в местечке Гемфурт близ города Каселя была организована школа для подготовки подростково-диверсантов — Абверкоманда-203. Представители школы вербовали 13—17-летних агентов обоего пола из детских домов Орши и Смоленска, объясняя, что те вступают в РОА (Русскую освободительную армию). Девочкам говорили, что из них подготовят медсестер. В этой школе одновременно обучались 25—75 человек.

Аналогичная школа по подготовке малолетних разведчиков и диверсантов существовала в полосе действия Калининградского фронта — в деревне Телешево, а также в Бобруйске, Орше, Краматорске и Славянске. Архивисты предоставили редакции документы, что немецкие спецслужбы методично занимались вербовкой русских детей-беспризорников и воспитанников детских домов на оккупированной

немцами территории. Молодец режиссер Владимир Меньшов, который отказался вручать «Сволочам» награду на фестивале: мужественный гражданский поступок! По данным, приведенным в «Комсомольской правде», «на фильм «Сволочи» ушло 2,5 миллиона долларов. Часть расходов — около 700 тысяч долларов — оплатило Федеральное агентство по культуре и кинематографии, возглавляемое Михаилом Швыдким». Так кто же сволочь?

А.Б.: И это все при том, что в России не существует до сих пор, например, хорошего биографического фильма о Пушкине, нет фильма о Достоевском, фильмов о Толстом, Чехове, Булгакове, да кого ни возьми... Могло бы государство их съемки финансировать...

О.М.: Жизнь каждого из них — сценарий. А святы? Сергей Радонежский, например. Или великие государственные деятели, Иван III, например. Или герои, Евпатий Коловрат, например. И кто сказал, что на этом материале можно снять только пропаганду. Великие режиссеры снимают на историческом материале великие картины, возьмите «Андрея Рублева» Тарковского... Но нет... Даже если взялся Хотиненко, приличный режиссер, делать фильм про Смутное время, то отнесся к этому как к халтурке: освоил смету, снял полную порнографию... Как начнешь об этом обо всем думать, какая-то безысходность...

Вот так и большинство нашей так называемой интеллигенции: вместо того чтобы служить своей стране, только и занимается тем, что льет на нее грязь... Последний пример: фильм «Царь» Лунгина. Жуткая антиисторическая грязь, претенциозная глупость. Замечу, я сам не поклонник Ивана Грозного. Царь этот был, скорее всего, не «настоящий», не сын князя Василия (похоже, бесплодного, как и его первая жена), а сын боярина Овчины-Телепнева, с которым «заблудила» новая жена царя Елена Глинская.

Считаю, что все параллели Ивана Грозного со Сталиным — абсолютный антиисторический кретинизм.

Общего там как между арбузом и свиным хрящиком. Иван Грозный был царь путаный и непоследовательный, не имевший никакой программы, в отличие от Сталина, им не двигала доктрина, он метался от одного к другому. За ним нет и ярких побед, как за Сталиным. Точнее победы есть, и территория России за время его правления увеличилась вдвое, но нет такой победы как у Сталина над Гитлером. Сталин оставил стране запас прочности еще на 50 лет вперед, а Грозный оставил смуту.

Что касается репрессий и казней, то в сравнении с другими европейскими монархами, Грозный должен быть назван скорее Добрым. Потому что раз в 10 меньше людей погибло от опричнины, чем от казней его собратьев в Европе. И кстати, то, что царь противопоставил государство обществу (опричнина) и то, что он отделил себя от духовной власти, показывает не его азиатскость, а наоборот — его «европейскость, западность, прогрессивность и просвещенность».

Иван Грозный — европейское явление. Убийство им митрополита Филиппа вообще не доказано, тем более, что оно приписывается Малюте Скуратову. А он ведь мог и по собственной инициативе действовать, если вообще убивал. И уж чего точно не было, так это сжигания заживо всех монахов, просто так, без суда и следствия, над могилой митрополита, как это показано в фильме Лунгина. В средневековом обществе, где все построено на вере, религии, такое невозможно ни для царя, ни для народа — тот бы все государство тут же на вилы бы поднял. И вот Лунгин сочиняет эту грязь против Родины и тащит.. в Канны на фестиваль. Чтобы приз получить от европейских русофобов... Вот такая у нас интеллигенция...

А.Б.: *У Пиаже это называется «физический реализм», он свойственен пятилетним детям. Иван убил 10 тысяч человек, а Иоганн — 100 тысяч, значит, Иван в 10 раз лучше Иоганна. Битцевский маньяк Пичужкин*

убил 48 человек, а Андрей Романович Чикатило — 65, значит, Пичужкин лучше Чикатило в 1,35 раза. Саша полез на полку и разбил литровую банку варенья, а Сережа — трехлитровую, значит, Сережа в три раза виноватее.

О.М: Ну, во-первых, устами младенца глаголет истина. При очевидной абсурдности таких заключений в них что-то есть. Действительно: если один маньяк убивал реже, наверное, больше боялся, мучился от самоистязаний и проч. Кто-то скажет — не важно, кто сколько убил, а я скажу — пойдите и поговорите с родителями убитых и изнасилованных девочек: будет все ли им равно, если бы этот маньяк убил на 20 девочек меньше и в число неубитых попала бы их дочь. Думаю, ответ очевиден. Именно потому, что слезинка каждого замученного ребенка священна, не надо допускать пренебрежения количеством жертв. Даже если один маньяк убил 100 человек, а другой 99 человек, этот последний — лучше, потому что на одну несчастную, убивающуюся от горя жену, мать или дочь в мире меньше. А то легко у наших интеллигентов получается: где 1000 жертв, там и миллион — все одинаково плохо. Кроме того, в твоём вопросе содержится манипуляция, мы сразу закладываем в разговор каких-то маньяков. Мы сразу решаем, что кем-то правили злые намерения. Политики и государственные деятели — не маньяки, а великие люди. Но Гегель говорил, что для камердинера нет героя, но не потому что герой — не герой, а потому что камердинер — камердинер. У нас интеллигенция только и занята тем, что приписывает собственную алчность и жестокость властям. Они не понимают, что исторический государственный деятель не имеет потребности нахапать или кого-то унижать, перед ним другой простор решений. Но мелкие люди приписывают ему свои пороки, свои представления о том, как бы они поступали на месте вождя... Эта интеллигенция не элита нации, а чернь с соответствующим сознанием.

А.Б.: *Куда ее девать? В ГУЛАГ или подкупать? Или в эмиграцию?*

О.М.: В эмиграции она будет продолжать гадить и вредить. В ГУЛАГе озлобится еще больше и при-мется с удвоенной силой потом работать против. Подкупать тоже не выйдет, гранты отработает хал-турно. Так что кнут и пряник тоже не помощники. Перевоспитывать и просвещать — вот что можно де-лать. Ведь интеллигенция берется из тех же книжек и фильмов, она просто воспроизводит сама себя. Надо разоблачать ее кумиров. В этой связи хороши книжки Бушина про Солженицына, Катаевой про Ахматову. И так далее. Надо разоблачать историче-ские мифы. В этой связи молодец Мединский с его книгами о мифах про Россию. Правда, разоблачая одни мифы, он часто вводит другие. Да и растекает-ся мыслью по древу. Но ничего страшного, для на-чала и это пойдет.

А.Б.: *А ведь в его книге про чистоту целые абзацы списаны с твоего «Суверенитета духа»...*

О.М.: А в «Суверенитете духа» есть целые абзацы из твоей статьи. И вообще, тему чистоты ты первый под-нял в своем дипломе аж в 1993 году! Автор умер! Все у всех все списывают, как учили еще Барт и Деррида. Да и пусть. Главное, чтоб правда распространялась! Я во-обще против копирайта. Пусть и новую мою книгу кто угодно копирует и хоть под своим именем издает! Главное, чтобы народ наконец-то поставил под сомне-ние мифы, которые его уничтожают.

А.Б.: *Кстати, о новой книге. Там много посвящено Солженицыну и Сталину. Но об этом уже много напи-сано с 1990-х годов. Считаешь, недостаточно?*

О.М.: У меня тоже было ощущение, что уже давно все все знают, что Солженицын — вун, что масшта-бы репрессий завышены хрущевской, горбачевской и ельцинской пропагандой в десятки раз. Но сейчас я вижу, что еще полстраны находится под влиянием

лживых мифов, и даже сам президент явно рассужда-ет на эти темы с позиций перестроечного журнала «Огонек». Поэтому надо писать, чтобы каждый знал правду.

А.Б.: *А не кажется ли спор бесперспективным? Ты будешь ссылаться на одни цифры, антисталинисты на другие. И так до бесконечности будет препирательство. И вообще, я все-таки против «физического реализма», ты меня не убедил. 700 тысяч расстрелянных — это мало? Наверняка многие невинны. Так что прославлять Сталина я бы не стал. И не хотел бы жить в то время: у меня шансов сидеть или быть убитым было бы слиш-ком много. Нет ничего однозначно черного и однозначно белого. И не нам с сытым пузом рассуждать о том вре-мени.*

О.М.: Вот именно, не нам с сытым пузом рассу-ждать. Оценку человеку дала та эпоха. Люди прослав-ляли и плакали на похоронах. Им из той страшной эпохи было виднее. Даже те, кто отсидел, плакали. А потом другие поколения из других эпох стали осуж-дать и рассуждать. Шансов умереть или отсидеть было бы у тебя больше? Да, как и у всех. Мы любим вспо-минать о тех, кто сидел. А тот, кто в это время не сидел, тот на Коста Браво и Коста-дель-Соль загорал что ли? Те, кто не сидели, вообще на войне гибли

Я привожу не только цифры, но и аргументы, по-гружаю читателя в историческую ситуацию, подклю-чаю его здравый смысл. Но и насчет цифр тоже добав-лю. Истинные цифры есть, а им противостоит только ложь. Нет состязания разных цифр. Есть цифры, а есть выдумка. Например, какой-то автор на АПН в одной из статей сослался на истинные данные о репрессиро-ванных по политическим мотивам. Их не более 4 мил-лионов, а расстрелянных за 35 лет не более 800 тысяч. Тут же на форуме, где обсуждается статья, всплывает некий либерал, который пишет примерно следующее: «Сталинисты фальсифицируют масштабы репрессий, специально уменьшают статистику. А на самом деле,

согласно переписям, только за четыре предвоенных года население России сократилось на 10 миллионов человек. Поэтому прав Рой Медведев, который считал, что Сталин расстрелял 21 миллион». И целая куча народу на форуме тут же верит этому либералу, плюется в автора статьи, обзывает его сталинистом и фальсификатором. И ни один, собака, не догадался посмотреть на переписи, посмотреть на статистику рождаемости...

А там все очень интересно. Вот нахожу я в сети тут же книжечку, изданную НИИ статистики Госкомстата России, отделение демографии. Авторы: Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. Называется «Демографическая история России: 1927—1957». М.: «Информатика», 1998 г.

Авторы — антисталинисты, но профессиональные ученые. Они задались целью выяснить, насколько лживы и неточны сталинские отчеты о переписях населения. Разработали специальную методику, чтобы скорректировать официальные данные и узнать правдивые цифры. В частности, предположили, что во время голода в 1933 и 1934 годах не 30 % умерших не отражено в книгах ЗАГСов, а 70 %. Так же они были уверены, что в ГУЛАГе умирало чуть ли не 30 % заключенных. И так далее. Они активно цитируют демографические мысли Конквеста и Максудова — самых ярых «разоблачителей» Сталина. То есть я к тому, что данных авторов нельзя обвинить в том, что они хотят помочь Сталину, авторы хотят Сталина обвинить в фальсификациях...

Но даже у этих авторов, даже по их скорректированным данным, а не по официальной статистике, получается, что население России выросло с 93 миллионов 604 тысяч человек в 1927 году до 109 миллионов 678 тысяч человек в 1940 году. То есть выросло за 13 лет на 16 миллионов. Ну, где потеря 10 миллионов человек за четыре года перед войной согласно переписям, о чем писал какой-то либеральный жулик? Нету!!!

Демографы-антисталинисты ничего не могут поделаться с тем фактом, что при Сталине, несмотря на репрессии, население росло! Где те 20 миллионов убитых в лагерях? И сколько тогда надо было рожать, если эти рождения компенсировали всех этих якобы убитых? И где их рожали? В лагерях? Ведь по данным антисталинистов полстраны в лагерях сидело?! Да ни у одной страны мира нет таких цифр рождаемости ни в одном веке, чтобы покрыть такую смертность в 20 или даже 10 миллионов и ее спрятать.

Но самое смешное, что демографы-антисталинисты умудряются обвинять при этом Сталина и в снижении рождаемости... Идиоты! Нет бы, придумать стройную теорию, что все сталинские жертвы замещались большой рождаемостью, а они снижение рождаемости инкриминируют. Как у них все это согласуется? Да никак. Главное обвинять...

Каждый новый наезд на Сталина таков, что отменяет предыдущий. Обвиняют Сталина в неготовности к войне и тут же обвиняют в том, что он устроил перед войной репрессии и зачистил «пятую колонну», провел жесткие индустриализацию и коллективизацию. Что это как не подготовка к войне?..

Еще на тему демографии. Любят поспекулировать о том, сколько могло быть население, если бы не репрессии: да, оно росло, но было бы больше. Так покажите хоть одну страну мира, где оно росло темпами, в разы большими, чем в СССР? Нет такой страны. Она есть только в фантазиях авторов. Так зачем зря говорить?! Ну, просто очень хочется обвинять, вот и все. Обвинения Сталина выполняют, в том числе, и важную функцию увода от нынешних проблем. Дескать, у нас нет никакого кризиса и горя в стране, вот при Сталине было плохо, а сейчас еще хорошо.

На самом деле настоящая катастрофа творится именно сейчас. В 1990 году население России было 147 миллионов 665 тысяч чел., а в 2007 году население составило 142 миллиона 200 тысяч человек. Потеря за 17 лет в пять с лишним миллионов. При этом часть

просто восстановилась за счет миграции из республик бывшего СССР, реальные потери больше, возможно, в два раза. Если учесть, что население России до перестройки и либеральных реформ росло на 1 миллион в год, то реально, за эти 17 лет у нас должна быть не убыль в 5—10 миллионов, а прибыль в 17 миллионов. Складываем цифры и получается, что мы недосчитываемся 20—30 миллионов человек! Масштаб, сопоставимый с нашими потерями в Великую Отечественную войну, масштаб, превышающий потери в Гражданскую войну и революцию и Первую мировую войну вместе взятые!

Тут меня обвинят, мол, сам же говорил, что нельзя считать неродившихся, надо сравнивать с другими странами, мы перешли на «европейские рельсы», а у них, в Европе, типа то же самое. Нет! Не то же самое. Население Германии выросло за эти 17 лет на 3 миллиона человек, население Англии — на 4 миллиона человек, Франции — на 5 миллионов человек, Испании — на 6 миллионов человек. Так ведь у них и исходное население меньше! Там и рождающих меньше! Для корректности надо брать страны, где население было таким же как в России. Например, Япония, где 122 миллиона, а не 147 миллионов, как у нас, исходных — она выросла на 6 миллионов. То есть мы должны были вырасти миллионов на 8—10 минимум.

А теперь давайте посмотрим на Америку. У нее население за 17 лет выросло на 50 миллионов человек!!!! С 1990 года! С 250 до 300 миллионов!!!! Да, во многом за счет миграции, но и за счет рождаемости и низкой смертности тоже. За счет благополучия, стабильности и отсутствия «перестроек». Как ни крути, а минимум 15 миллионов человек — цена наших последних реформ. Минимум. И за что отданы эти жизни? За победу над врагом типа Гитлера, за превращение страны с сохой в страну с атомной бомбой, как при Сталине? Нет. Мы потеряли территории, деградировали. То есть жертвы оказались напрасными, а не ненапрасными, как при Сталине. И вот от этого страшного геноцида нас хотят отвлечь разговорами о репрессиях.

А.Б.: Пусть тогда уничтожили меньше людей, чем заявляет антисталинская пропаганда, зато расстреляли часть элиты, часть лучших людей. Да, конечно, не всю. Ну, Лангемака в расход пустили, что ракеты для «катюш» изобрел, танкостроителя Фирсова... Но кто-то остался. В тюрьмах, правда, многие погнили слегка, здоровье подорвали — тебе фамилии назвать? Ты их лучше меня знаешь. Поликарпов, Григорович (их, кстати, чудом не расстреляли), Туполев... В том числе и тот, кто «запустил первого человека в космос». Если бы мне в Бутырке в 1938-м отбили почки и сломали челюсть, я вряд ли бы смог самозабвенно заниматься ракетостроением и впоследствии запускать Гагарина только потому, что меня бы «влекла сама логика научного и технического поиска». Если бы, конечно, это не был вопрос жизни. Хотя я человек слабый и предпочел бы умереть, но не мучиться... Возможно, люди тогда были другие. И посмотрел бы я на тебя в тех обстоятельствах...

О.М.: Аристотель говорил, что лучший бегун не тот, кто принципиально лучше бегаёт, но сидит на трибуне, а тот, кто реально выигрывает состязание. Это я к тому, что институты у Сталина были так устроены, что они должны были выдавливать из человека максимум. Выдавливает во вне, в реальность из чистой потенциальности. Простой пример. В ссылке в Михайловском Пушкин написал чуть ли не треть своих лучших произведений! Да я ноги царю готов целовать за это наказание. А не сослал бы он глупого юного Пушкина? Да, клянусь хлебом, мы все его знаем, сукина сына, он бы все эти годы по балам и бабам прошлялся, свой донжуанский список бы пополнял. Да и мог быть убит на дуэли раньше. Или такой факт. Фильмы Эльдара Рязанова, снятые в условиях цензуры КПСС, прекрасны, а без цензуры — дерьмо. Как и у десятка других советских режиссеров. И ты, и я знаем: дай нам волю, мы бы сотой части не написали и не сказали. Нас заставляют люди, обстоятельства, институты. Сталин с себя требовал много и с людей так же. Кто-то и посидел, да, потому что по-дурости анек-

доты любил травить про режим, а кто-то от анекдотов и до реального саботажа доходил. Еще раз повторю: люди там жили и им было видней. Вот представим на секунду, что завтра 1937 год и начнут расстреливать всех либералов и демократов. И неужели никто не знает, кто вокруг нас и кто в СМИ был либералом и демократом, а кто не был? Много они напутают? То есть расстреляют Проханова вместо Новодворской? Я уверяю, ничего не напутают. И тогда не путали, не дураки были. Все прекрасно знали, кто в стране троцкист и шпион, а кто нет. Надо доверять нашим великим предкам, а не думать, что мы на их месте были бы умнее. Они, наши предки, выиграли войну, создали великую державу, а мы считаем себя умнее их, хотя мы-то наоборот, все развалили и проиграли. Не надо лезть на их место и судить, что они там в чем-то были не правы. Мы на своем месте давайте себя проявим, чтобы нам перед потомками не стыдно было... «Расселяли всю элиту!» Я вас умоляю! А кто тогда создал лучшее оружие Второй мировой войны, которое даже немецкие инженеры не могли скопировать? Кто победил лучших в мире немецких генералов, перед которыми пала вся Европа? Кто сделал атомную бомбу и запустил первого человека в космос? Кто создал кинематограф, альтернативный Голливуду и лучше, чем голливудский? Кто сотворил литературу, сопоставимую с западными образцами XX века? Кто написал все эти великие песни войны, которые были на устах у наших дедов-победителей? Уничтоженная элита все это сделала?

А.Б.: По поводу кинематографа, «альтернативного Голливуду и лучшего, чем голливудский». Ты о чем конкретно? Назови десять фильмов 1930–1940-х годов, исключая «Броненосец» и «Ивана Грозного»! А я тебе в ответ 12 голливудских тех же времен, чтобы ты тоже любые два на выбор исключил. И сравним. И спросим, если на тебя мой список не произведет впечатления, а твой не вызовет у тебя самого нервного смеха, у чуваков, которые побольше

нашего в кинематографе понимают. «Кто сделал атомную бомбу?»... А ты не знаешь? Американцы под руководством Роберта Оппенгеймера!

О.М.: Про Голливуд спорить даже не буду, на вкус и цвет товарища нет. Как минимум, наше кино тогда было мирового уровня и конкурентоспособно. А вот про атомную бомбу скажу, ведь многие и про нее говорят неправильные вещи. Напекают, что мы все украли... Атомную бомбу украсть невозможно! Возьми сейчас все чертежи и формулы и принеси их даже не неграм из Конго, а например, в Румынию какую-нибудь. Что толку будет? Во-первых, на всю страну нет человека, способного это прочитать. Там нет ученых. Во-вторых, нет возможности воплотить все это в промышленности. А это целая отрасль, с кадрами, техникой высочайшего уровня. А в СССР все это было! Сталин десятилетиями готовил кадры, которые разбирались в физике, Сталин создал ресурсную базу, промышленность, которая могла в короткий срок атомный проект «потянуть». Более того, известно, что человек, который выдавал секреты «манхэттенского проекта» нам таскал не формулы, а скорее, проверял то, что делаем мы. Ему приносили результаты нашей работы, а он отсекал тупиковые направления и говорил, верно ли мы идем. Я уж не говорю про то, что гуманитарно мы их ушатали, потому что они без денег с радостью делились секретами с государством, которому симпатизировали, считали, что нельзя атомную бомбу давать упырям-капиталистам, чтоб они не установили мировую диктатуру.

А.Б.: «Кто написал все эти великие песни войны, которые были на устах у наших дедов-победителей?» Многие мелодии были написаны еще во время русско-японской и Первой мировой, а некоторые украдены у фрицев. Будто сам не в курсе! Включая, между прочим, ту же «Вставай, страна огромная!» якобы Лебедева-Кумача — видимо, большого сторонника копилейфта, а вернее, даже — копипейста.

О.М.: Вот видишь, чего делается! Даже ты повторяешь антисоветскую пропаганду.. Разве «Темную ночь» написали в русско-японскую войну? Или «Соловьи» появились в Первую мировую? И назови мне хотя бы три песни по-настоящему популярные, взятые у фрицев. Ну, а про «Священную войну» тут уж самая настоящая перестроечная «утка», давно опровергнутая в СМИ и даже в суде. Найдены и представлены все черновики Лебедева-Кумача, отражающие процесс работы над текстом... Жизни не хватит, похоже, опровергать все, что наврали наши перестроечники про каждый шаг истории, про каждую святыню, как будто по списку шли... Вот она, «неуничтоженная элита», что творит! Снимает Фильмы типа «Сволочи».

Из всех стволов стреляет с нашу же историю, в наше же государство? Таковую «элиту» и уничтожил Сталин. Накануне войны это было оправданно. Сейчас не стоило бы этого делать, при любых обстоятельствах, и так потери людские огромны. Но перевоспитать и заставить эту элиту работать на страну можно.

А.Б.: Фильм «Сволочи» действительно во многом гнусный. Хотя снят хорошо. И вот смотрю я его, простой русский зритель, а таких, как я миллионы, и вижу: он не про то, что какая сраная советская власть и какая жестокая железная машина тоталитаризма, которая своих же детей на смерть отправляла, а про взросление мальчиков, про то, как они из малолетних отморозков становятся настоящими людьми, про честь и гордость, про верность и предательство в мальчишеской среде, где это еще острее нашего переживается, про самоотверженность во имя дружбы перед лицом смерти. Именно это видят миллионы. А идеологический подтекст, который, безусловно, есть, ютится на обочине зрительского восприятия, и все его, ВСЕ! пропускают мимо ушей. Это, кстати, к твоей любимой теме про идеологический «продакт плейсмент» — он не будет работать в подобных фильмах! А вы с Меньшовым, которые антисоветский

подтекст заметили, — в абсолютном меньшинстве (такой вот незамысловатый каламбур).

О.М.: Ну и снимали бы свой фильм про подростков на правдивом историческом фоне, то есть как немцы их вербовали и обучали. Нет же, снимают про НКВД. А то, что люди у нас не замечают, я и без тебя знаю. Они вообще много чего не замечают. И мы уже всю историю испоганили и оплевали, а они не замечают.

А.Б.: В этой связи в новой книге ты развиваешь мысль о нашем историческом «роке». Мы всегда выигрываем горячие войны, но проигрываем холодные... Неужели это правда, потому что мы — потомки троянцев? Или есть настоящие серьезные основания?

О.М.: Насчет потомков троянцев ты зря иронизируешь. Вот возьми «Слово о полку Игореве». Там четыре раза поминается некий Троян. Причем, в истории существует пара десятков гипотез, кто это был такой и почему автор «Слова..» говорит о нем как о само собой разумеющемся ком-то, кто известен каждому. Я специально проанализировал все эти гипотезы и нашел: самая сильная из них, что Троян был далеким предком русских князей, а «земля Троянова», которая поминается в «Слове...», — русская земля. Хотя связь с троянцами, жившими на 2000 лет раньше тут, конечно весьма хлипкая...

Что же касается вопроса о том, почему мы выигрываем горячие войны и проигрываем холодные, то тут надо обратить внимание на следующее. Нельзя, например, этот факт интерпретировать как то, что мы в принципе люди, не склонные к идеальному и духовному, а только в драке себя проявляем... Дело в том, что победить без духа невозможно. Просто наш дух иной, он во-первых, не ориентирован во-вне, во вторых, проявляется именно в момент мобилизации. Он — потенциальная, а не кинетическая энергия, он — сжатая пружина, он — спящий до поры, он джин, сидящий в бутылке. В катастрофах и войнах у нас проявляются лучшие качества, мы перестаем конкурировать, начи-

наем друг другу помогать, забываем о накопительстве, забываем себя. Вот если бы мы без войны вели себя как при войне... цены бы нам не было. Нам нужна мобилизация.

А.Б.: *Сейчас есть повод мобилизоваться! Еще одна актуальная тема для разговора это кризис. Что про него думаешь?*

О.М.: Кризис не временный, а принципиальный, сотрясающий основы, предвестник будущих бурь и изменений. История человечества — это, упрощенно, просто освоение Земли как планеты. Можно привести аналогию с ряской на озере. Если она завелась, то в первый день ею будет покрыт один сантиметр. Через день — 10 сантиметров, еще через день — 10 метров. Еще денек — и уже пол-пруда в ее власти, а оставшуюся половину ряска захватит вообще за полдня. То есть теперь за полдня ряска распространяется на сотни метров, а раньше за это же время она увеличивалась на сантиметр. Это и создает ощущение ускорения истории. Сначала каждая страна и культура жили обособленно, затем произошли разные средневековые завоевания и переселения народов, затем случилась эпоха географических открытий, глобализация, выход в космос. Каждый раз новый рынок давал стимул для заполнения: это как дать дырку газу и новое пространство — он вырывается и заполняет. Сейчас Земля кончилась. Остались незаполненные лакуны, но истощение неминуемо. Новых горизонтов больше нет. В этом принципиальное отличие нашей эпохи — мы уперлись в стену.

А.Б.: *Какой же выход из ситуации?*

О.М.: Первый — «страусиный» — пусть все идет, как-нибудь сами выберемся, ничего менять не надо, нужно естественно развиваться, авось ученые и политики что-то придумают. Второй выход: борьба за существование. Социал-дарвинизм. Раз места на планете мало и ресурсов мало, значит пусть выживут те,

кто сильнее, кто цивилизованный. Надо жестко все у всех отнимать, надо выживать «золотому миллиарду», надо вооружаться и готовиться к войнам, надо отчаянно конкурировать, отбирать ресурсы у тех, кто ими не умеет пользоваться. Надо сокращать рождаемость нецивилизованных уродов.

А.Б.: *А что будет дальше, когда ресурсы все равно исчезнут?*

О.М.: Неизвестно. Главное, выжить сейчас. Принцип уголовный: «умри ты — сегодня, а я — завтра».

А.Б.: *Есть еще третий, «зеленый» выход...*

О.М.: Третий выход: экологи, хиппи говорят — давайте вернемся все в «золотой век», отменим промышленность и прочий вред, ограничим себя во всем. Цивилизация — тупик.

Все три пути — движение назад, а не вперед, потому что как бы пасует перед трудностями, не верит в человеческие силы и возможности. Предполагается, что каждый вновь рожденный человек — прежде всего потребитель ресурсов, как саранча. Следовательно, ресурсы только исчезают.

Но это не так. Человек — это в большей степени производитель, а не потребитель. Чем больше население Земли, тем больше горизонты и рынки, потому что рынок — это не территория, а люди. Чем больше население, тем больше мировой ВВП. Да и вообще рост населения сопровождается ростом богатства всегда в долгосрочной перспективе. Кроме того, чем больше населения, тем больше шансов, что на тысячу родится больше эйнштейнов, которые придумают новые способы интенсивного, а не экстенсивного производства, сделают открытие возобновляемых источников энергии, вытащат энергию атома и вакуума, Солнца и ветра и проч.

Каждый человек не просто потребитель или производитель, это как инвестиция. Бывают же неудачные инвестиции, когда ты инвестированное теряешь,

а бывают удачнее, когда деньги растут. Так и человек может быть таким, может быть другим, в зависимости от того, как его воспитаешь и образуешь. Поэтому есть люди, которые больше дают, чем потребляют, есть те, что больше потребляют у человечества, чем дают. Грубо говоря, 100 человек быстрее справятся с проблемой, чем один. Они быстрее изобретут что-то, быстрее произведут что-то и так далее.

Если эти 100 человек не умеют изобретать и производить, если жрут и мусорят, то, конечно, 100 хуже, чем один. Но мы смотрим на человека как на творца, а не прожорливую бесполезную гусеницу. Поэтому Земле нужны люди, которые решат и свои проблемы, и проблемы будущих поколений. И чем их больше, тем лучше. Никаких запретов на рост рождаемости, никаких войн и конкуренции. Нельзя идти по «легкому» пути, когда мы сокращаем людей.

В школе мы доказывали теоремы «от противного». Давайте и тут поступим так же. Допустим, в результате сокращения рождаемости, в результате конкуренции на Земле остался один — самый лучший, который всех победил. И что он сделает? Да просто умрет последним и все. Так что это тупик. А верный ход, как ни парадоксально, в противоположном — в росте населения и в увеличении людей особого качества. Тех, кто дает новые горизонты.

Простой пример, это сравнение придумал мой товарищ Олег Кырченков. Представим семейство хомячков в лесу. Вот они живут, и у них кончается зерно, которое откуда-то взялось еще до их рождения и лежало в куче. У них тоже будет несколько выходов. Будут «страусы», которые жрут и не думают о завтрашнем дне. Будут «зеленые», которые предложат зерно экономить, меньше потреблять и проч. Будут «ястребы», которые предложат сократить рождаемость, а сами кинутся сокращать население в войнах, конкурируя, истребляя друг друга в борьбе за драгоценный исчезающий ресурс.

Но представьте четвертый вид хомячков, самый малочисленный, который делает самое абсурдное

действие с точки зрения хомячка: он берет и драгоценное зерно закапывает!!!! Его же можно было сожрать, а он его закопал!!! Да за такое просто надо убить и растерзать! Лишил семью лишних потенциальных месяцев жизни! Но вот приходит осень, и о, чудо! На месте закопанных зерен растут огромные колосья!!!

Проблема сегодняшнего человечества именно в том, что у нас полно хомячков первых трех видов и совсем почти перевелись великие безумные гении, которые делают парадоксальные и, казалось бы, вредные вещи, но открывают новые горизонты!

На самом деле количество ресурсов на Земле бесконечно. Энергию всегда можно заменить солнечной, ее хватит на 5 миллиардов лет. Все полезные ископаемые взаимозаменяемы для производства тех или иных продуктов, к тому же есть вторичное использование, есть более интенсивное использование уже имеющегося и добытого. Проблема не в ресурсах, а в знаниях. А вот новые знания перестали производиться. У нас большинство производит не знания, а информационный мусор.

А.Б.: *То есть человечество можно разделить на потребителей-паразитов и креативных аскетов?*

О.М.: Человечество делится на два класса по факту благодаря этой ситуации. На паразитов-потребителей, которые ничего человечеству не дают, тянут на себя, эксплуатируют старые потоки, схемы, ресурсы, и на творцов, открывающих новые горизонты, которые вносят в копилку человечества что-то новое, производителей. Деление на капиталистов и пролетариат отменяется. Деление на классы вообще отменяется. Деление на национальности отменяется. Логика национальностей — это из серии «борьба за существование». Какая нация умрет первой, какая последней... Выжить можно только вместе и неизвестно какой араб, негр, американец придумает спасительную фишку..

Паразит-потребитель видит смысл жизни в потреблении и накоплении. Структура его расходов — потребление и накопление. Чем бы он ни занимался, смысл его жизни состоит в бесцельном увеличении вещей. И главное, свое «свободное время» он тратит на такое же потребление. Он вечно тянет на себя, всегда конкурирует за блага.

Творец имеет смысл жизни в производстве для человечества новых ценностей: научных, эстетических, гуманитарных, технических. Он бережно относится к окружающей природе и людям, потому что в каждом из них видит не конкурента, а ценность. Он аскетичен в быту, не гонится за упаковкой, до конца использует то, что имеет, не производит мусор.

А.Б.: *Вопрос на уточнение. Поскольку мы сталкиваемся с нехваткой ресурсов все больше и говорим о паразитах и производителях, то разделение легко может быть неправильно понято и перетолковано. Дескать, в такой тяжелой ситуации надо довольствоваться необходимым, быть против роскоши и излишков, уничтожать или репрессировать тех, кто не приносит «пользы», занимается чем-то непонятным, проедает народные деньги и так далее.*

О.М.: В истории все новое, ставшее потом самым необходимым, возникало как эксцесс. С точки зрения питекантропа жарка мяса — непроизводительная роскошь. Современный французский повар был бы убит в древнем племени как бездельник и развратитель молодежи. Даже старики, хранители легенд и преданий, часто рассматривались как дармоеды и уничтожались. Правда, потом умирало и само племя, уничтожавшее стариков — потеряв идентичность и сведя свое существование только к добыче куска мяса.

Что на самом деле необходимо, а что излишек, предположить очень трудно. Например, любой скажет, что военный или строитель приносят пользу, а вот певец или философ — как стрекоза, которая «лето

красное пропела» — неизвестно еще, полезны обществу или нет. Даже ученый, особенно занимающийся фундаментальной наукой, под подозрением.

На самом деле не все так просто. Вот пример: философ Николай Федоров, мы про него сегодня говорили.. Библиотекарь Румянцевского музея всю жизнь спал на сундуке, питался водой и хлебом. Размышляя над несправедливостью человеческой истории, которая состоит в том, что одни поколения умирают, чтобы в будущем все зажило хорошо, он придумал идею оживления всех мертвых. Казалось бы, совершенно бесполезный тип для своего времени и паразит на теле общества, хоть и питался черствым хлебом. Во всяком случае, пахарь, который производил этот хлеб, во сто крат полезнее.

На самом деле, Федоровым зачитывалась интеллигенция (в том числе Достоевский). А это уже слава России, ее пиар на весь мир, из Федорова вышла русская философия. Но дальше интереснее: Федоровым зачитывался Циолковский, который размышлял о том, что после оживления мертвых на Земле не хватит места, а значит, надо колонизировать космос. Он проектировал космические корабли. Потом шел Королев, который корабль строил. Потом Гагарин полетел в космос, принес огромный престиж СССР. Только после этого американцы, считавшие, что русские запускают в космос бесполезные болванки, поняли, что они отстали навсегда. До 1990-х годов у России было больше спутников на орбите. И если бы мы не послушались «реформаторов», которые решили сократить деньги на бесполезный космос, то вся планетарная космическая коммуникация стала бы нашей. Именно в тот момент, когда все огромные труды окупались бы сторицей и принесли бы фантастические прибыли, мы это дело бросили как бесприбыльное.

Итак, Федоров не бездельник и паразит, а креативный аскет. Именно такие люди и нужны будущему человечеству, ибо только от них может прийти выход.

А.Б.: *Кстати, настоящая фамилия Федорова — Гагарин, он был незаконнорожденный сын князя Гагарина. И Гагарин же полетел в космос. Если это не Божий промысел, то что...*

О.М.: Красиво... А теперь посмотрим на упомянутых выше военного и строителя, чья полезность вроде бесспорна. Военный ничего не производит, он ест то, что создало общество, существует только потому, что где-то есть другой военный, который противостоит ему. Это такая разводка всего мира со стороны военных: одни наезжают, другие крышуют и наоборот. И все вместе паразитируют. Существование военных возможно благодаря идеологии социал-дарвинизма, когда нации типа борются за место под Солнцем, конкурируют. Следовательно, если все люди на Земле станут придерживаться идеологии сотрудничества, военные будут не нужны. Представь, сколько высвободится сразу ресурсов на Земле.

Посчитай бюджеты развитых стран: они тратят на ВПК до трети бюджета каждая. Планета станет богаче на 30 %, если не будет этих паразитов. Мы за один день на Земле можем стать богаче на треть, если станем доверять друг другу! Но эта треть — наша плата за недоверие, наш «налог на ненависть», который мы все платим. Теперь представим, какой научный и инженерный потенциал они отвлекают. Миллионы людей, сотни заводов трудятся, чтобы изобрести орудие убийства, им платятся деньги, инженер его изобретает, все это держат в секрете, потом делают пушку, потом она 30 лет стоит и не стреляет (как большинство оружия), потом ее переплавляют, что опять требует денег. То есть огромный человеческий продукт идет коту под хвост, труд десятков миллионов людей совершенно бесполезен, это работа на мусорную свалку. К тому же еще войны и убийства случаются от этого оружия. И скажи: кто полезнее тогда — военный или философ? И сколько можно позволить себе философов и фундаментальных ученых, 90 % которых пусть даже ничего не изобретут,

если отказаться всему миру от ВПК. Не хочу быть неправильно понятым. Я не за горбачевское разоружение и отмену ВПК в одностороннем порядке. Военные — люди патриотичные и достойные, а в ВПК сосредоточен цвет инженерии. Я говорю о том, что демилитаризация должна быть общей мировой идеологией, в перспективе далекой, и разоружение должно идти на паритетных началах, все страны мира должны разоружаться, а не кто-то один. Или профессия строителя. Самая мирная профессия. И то всегда можно задать вопрос: а что он строит — очередной офисный центр, военный объект, фабрику по производству сигарет или золотых унитазов?..

Люди должны заниматься самоцензурой. Не нужно вводить запреты на профессии и каждому давать лицензию — полезен он или нет. Но должна быть четкая оценка со стороны каждого человека: делаю ли я что-то, что открывает новые горизонты человечеству. Должна быть столь же жесткая оценка самим обществом всяких подозрительных производств. Люди не могут жить в обстановке общественной непризнанности и нетерпимости, они будут менять поведение или откажутся выполнять функции, которые общество считает вредными.

А.Б.: *А есть ли вообще чисто паразитарные вещи, очевидно вредные?*

О.М.: Да, есть, именно от них можно в первую очередь избавляться без сожаления. Во-первых, познание в роскоши наводят сразу всякие удвоения. Это явно потребительский образ жизни, когда пять яхт, пять вилл, и так далее. Такие вещи должны подвергаться единодушному общечеловеческому осуждению.

Второе. Украшения функциональных вещей, сделанные из соображений престижа. Бриллиантовая трубка мобильного, золотой унитаз и проч. Недаром я говорю про соображения престижа. Надо добиться, чтобы все человечество смотрело как на изгоев на тех,

кто так делает, кто покупает пятую яхты и бюстгальтер в брюликах. Люди должны соревноваться в аскетизме, а не в потреблении. Никакого престижа быть не должно, только позор.

А.Б.: Продай «Крайслер», езд на «Газели»!

О.М.: Уел! Ты знаешь, когда все мои партнеры ездили давно на иномарках, я ездил на «Волге». «Минивэн» нужен мне из-за большой семьи, а не для престижа. И потом, он же у меня стразами не украшен. А я про украшательство говорил. Далее.

Третье. Упаковка. Когда мы покупаем что-то, чтобы придя домой достать и выбросить в мусор, мы имеем дело с чем-то совершенно вредным, а часто и опасным. Вспомним, как в детстве мы ходили в магазин с одной и той же бутылкой за разливным подсолнечным маслом. Сейчас оно в пластиковых бутылках, которые делаются из нефти и засоряют Землю, не разлагаются 100 лет. Для чего эти пластиковые бутылки? Потому что потребитель предпочитает брать их, а не разливное масло. Почему потребитель предпочитает? Потому что он вообще об этом не думает. Никакого самоконтроля у людей нет в подобных мелочах. А ведь тонны мусора, которыми мы заваливаем Землю, — это упаковка. Мы работаем для мусорной свалки, это все непроизводительный труд. Те, кто это производит, продает и так далее, — враги рода человеческого. Фигурально выражаясь.

Теперь возьми вещи, которые могут быть сделаны дешевле из других материалов. Все, что делается из бумаги — книги например. Сейчас все может быть в электронном виде. Да, читать с экрана неудобно, но об этом позаботились, теперь есть планшеты в форме книг, которые к тому же безвредны для глаз. Все как у книги, даже удобней, легче, экологичней. Зачем же миллионы деревьев продолжают изводить на книги, на бумагу, газеты, гламурные журналы? Для чего делалась электронная и цифровая революция? Все — в «цифру»!

А.Б.: Долой искусство книги, долой любое искусство, которое на материальном носителе! Долой скульптуру и живопись, даешь шабуровский видеарт! Сканируй все книги или хотя бы скачай из интернета и читай их на планшете! Хочешь, помогу? А бумажные, настоящие, отдай тем, кто любит книги как книги, воспринимает книгу в том числе и как материальный объект со своей архитектурой, внутренней логикой, весом, запахом, возможностью держать в руках, листать, снимать с полки и ставить на место!

О.М.: Ну, ты не можешь отказаться от книг, я, наверное, тоже. А молодежь спокойно отказывается и можно облегчить ей этот путь. А книги будут антикварнее, дороже. Так я продолжу.. Что еще однозначно вредное?

Торговцы наркотиками, водкой, табаком, не говоря про прямых убийц, воров, мошенников — таких субъектов много. Есть еще целая куча непроизводительных и нетворческих профессий, отраслей, занятий, образов жизни. Всех их кормит горстка истинных трудяг, творцов, производителей, которые, как правило, сами аскетичны или бедны. Мы должны выступать за экономное расходование вещей, у нас должна быть не конкуренция, а стремление кооперироваться, давать другим, а не стяжать для себя. Распространение должны получить сайты типа «Подарю.ру», торрент-сервисы, объявления «подвезу до Москвы», и проч. Надо всегда думать, насколько экономно и рационально каждый раз мы действуем. Это должно войти в этику, в плоть и кровь человека. Надо думать, насколько мы сотрудничаем, а не конкурируем, ограждая других от пользования ресурсом, который так же не используется: «сам не ам и другим не дам». Все должно работать, не простаивать, раз уже его произвели, от всего должна быть отдача, чтоб это не был мертвый труд и пустые хлопоты. Но все это не главное вообще.

А.Б.: А что главное?

О.М.: Экономия — не главное, она ничего не даст, если мы не вкладываемся в фундаментальные прорывные отрасли. Начинать надо с фундаментального. Это философия, религия, поэзия, искусство, наука, техника. Нам надо открыть новые измерения Бытия. Новые источники энергии способны будут обеспечить жизнь сотням миллиардов человек и на Земле, и в космосе, и в других измерениях. Другое дело, что само по себе это не получится, как думают обыватели.

Уже все последние великие открытия и прорывы были совершены проектно. То есть атомная бомба, которая до сих пор определяет расклад сил в мире, изменила мир, превратила все мировые войны в холодные мировые войны, которая подвела итог Второй Мировой войне, была создана не благодаря естественному ходу событий и не благодаря «невидимой руке рынка», а благодаря тому, что 50 нобелевских лауреатов, то есть творцов, собрали в одном месте и заставили решать задачу. Так же были созданы проекты в СССР: по синхрофазотрону («папы» нынешнего коллайдера), по выходу в космос.

Естественным образом идут только энтропия и уничтожение ресурсов, спасение Земли и прорыв могут быть достигнуты только концентрацией криейтеров и выбраковкой потребителей. Я не предлагаю возрождать сталинские шарашки. Я предлагаю, чтобы вся Земля стала большим «манхэттенским проектом» по спасению себя самой. Чтобы на Земле, как в огромной лаборатории, жили и творили творческие люди, увлеченные творческим поиском, а не жвачные коровы.

Приход к такому состоянию не может произойти просто благодаря «естественному» распространению идеологии и самоконтролю аскетов, воспроизводству криейтеров. Здесь нужны институциональные реформы. В «манхэттенском проекте» работали личности, но сам проект — институт, который позволил все это упаковать.

История требует от нас рискованных и абсурдных действий типа закапывания в почву драгоценных семян. В этом так же звучит повелительное наклонение истории.

Человечество уперлось в стену и работает вхолостую. Самое дурное будет — начать в этот катастрофический момент еще и драться, истерить, сеять панику, конкурировать за право порулить... Человечеству надо задуматься, помолчать, послушать своих мудрецов, почувствовать, что все вокруг братья по несчастью, догадаться, что это шанс «положить жизнь за други своя» и стать святым, а не толкаться локтями...

Вот в такой атмосфере возможно спасение во всех смыслах этого слова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Проблема № 1	7
Гомер и Солженицын	59
<i>Знакомство с Троей</i>	59
<i>Мир после войны</i>	64
<i>Гомеровский вопрос</i>	68
<i>Первое разоблачение</i>	73
<i>От Гомера... к Солженицыну</i>	81
<i>Истоки фашизма</i>	85
<i>План «Ост»</i>	90
<i>Подготовка к войне</i>	127
<i>Истинные масштабы сталинских репрессий</i>	128
<i>Цена победы и иной сценарий</i>	155
<i>Май 1945-го</i>	166
<i>Значение Солженицына</i>	177
<i>Глянцевая биография</i>	181
<i>Детство, отрочество, юность</i>	183
<i>Загадка ареста</i>	186
<i>Теория «главного крика»</i>	198
<i>Страдания молодого Ветрова</i>	203
<i>Книга всей жизни</i>	237
<i>Власовщина</i>	250
<i>Непридуманный ГУЛАГ</i>	253
<i>Великий, свободный, могучий, правдивый русский язык</i>	256
<i>Гарантированное величие</i>	267
<i>Набожный консерватор</i>	270

<i>Политическая программа</i>	277
<i>Непотопляемость</i>	283
<i>Медиа-теория феномена Солженицына и его истинная историческая роль</i>	286
<i>Победить еще раз!</i>	299
<i>Приключения воображения</i>	311
<i>Гений и злодейство</i>	321
Что такое модернизация	331
<i>Кризис как шанс</i>	331
<i>Возникновение модерна</i>	333
<i>Тревожные симптомы</i>	338
<i>Принцип Феникса</i>	344
<i>Принципы модернизации</i>	349
<i>Постмодернизм</i>	351
<i>Дюжина мер для модернизации</i>	356
«Введение» в Хайдеггера	379
Повелительное наклонение истории.	
Вместо послесловия	423

Документально-историческое издание

Олег Анатольевич Матвейчев

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ИСТОРИИ

*Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 0000 экз.*